

Этнография
русского
крестьянства
Сибири

XVII – середина XIX в.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

*Институт этнографии
им. Н. Н. Миклухо-Маклая*

Этнография
русского
крестьянства
Сибири

XVII – середина XIX в.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1981

Заселение и хозяйственное освоение огромных пространств Сибири русскими крестьянами и служилыми людьми, своеобразие жизненного уклада русского населения Сибири — такой комплекс проблем рассматривается авторами. На основе тщательного изучения редких документов, источников, записок в книге показаны семья и семейный быт сибирского крестьянства; его поселения, жилища и хозяйственные постройки, одежда и пища.

Ответственный редактор
В. А. АЛЕКСАНДРОВ

Введение

Настоящее издание представляет собой первый опыт обобщающей этнографической характеристики семейного строя русского крестьянства Сибири и важнейших элементов его материальной культуры — землепользования, жилища, поселений, одежды — на протяжении двух с половиной столетий, т. е. с XVII в., с момента образования там русского крестьянства, и вплоть до начала второй половины XIX в., когда сибирская деревня стала испытывать все возрастающее влияние развивавшихся капиталистических отношений. В указанных хронологических рамках основные проблемы этнографии сибирского крестьянства в методологическом аспекте органически связаны прежде всего с вопросом об общности русской народной культуры на всей территории, заселенной русским народом. Коль скоро русское население Сибири, прежде всего крестьянство, начало складываться с конца XVI—начала XVII в. и на протяжении всего позднефеодального периода истории России превратилось там как по численности, так и по хозяйственно-экономическому потенциалу в доминирующую этническую часть населения, то тем более история его культурного облика, в самом широком понимании этого слова, к тому же на разных этапах развития отечественной научной мысли по-разному трактовавшаяся, не может не привлекать внимания.

Направленность в исследовании истоков культуры русского населения Сибири и ее судьбы обуславливалась как в прошлом, так и в настоящем пониманием процесса заселения и освоения русскими сибирских земель. Во второй половине XIX в. идеологами областничества — прежде всего А. П. Шаповым, а затем Г. Н. Потаниным и Н. М. Ядринцевым — настойчиво высказывалась мысль о «самобытном» развитии Сибири после ее присоединения к России. Развивая свои взгляды, они исходили из представления о якобы полном отрыве русских переселенцев в Сибири от метрополии, в результате чего под воздействием местных естественно-климатических условий и в процессе активного смешения с местными народами русские старожилы утратили принесенные их предками культурные традиции и превратились в особый этнический тип с присущими именно ему специфическими чертами культуры семейного быта и психологии. Эта точка зрения еще в дореволюционное время подвергалась справедливой критике со стороны Д. Н. Анучина и А. А. Макаренко, считавших, что русская народность не только не «поте-

рялась» в Сибири, но и оказывала положительное влияние на культуру местных народов¹.

При методологически неверном общем подходе к решению проблемы присоединения Сибири к России спор о судьбе культуры русского народа за Уралом дореволюционной научной мыслью не мог быть разрешен. В ожесточенной полемике научные наблюдения, как правило, опирались на документальные и этнографические материалы только XIX в., что в свою очередь не способствовало выявлению путей развития многообразных элементов русской культуры в исторической перспективе.

В советском сибиреведении в настоящее время прочно установилась точка зрения о единстве исторических судеб России и ее огромной окраинной части — Сибири. «Присоединение части азиатского материка не сделало Россию по тенденции развития азиатской страной, а, напротив, превратило Сибирь в неотъемлемую часть России примерно с тем же уровнем производительных сил и производственных отношений»², — таким выводом завершался том II «Истории Сибири», в котором были обобщены отдельные исследования и многочисленные конкретные материалы, свидетельствовавшие о роли Сибири в социально-экономической истории России с XVII до середины XIX в., о значении русских переселенцев в заселении и освоении сибирских земель и их совместной жизни с местными народами. При такой постановке проблемы присоединения Сибири к России возникала необходимость глубокого монографического исследования истории культуры и быта русских переселенцев и культурно-этнических взаимодействий в Сибири³. Известное отставание в изучении этих вопросов тормозило раскрытие проблемы присоединения Сибири к России во всем ее многообразии. Общая направленность в изучении культуры русского населения Сибири, прежде всего культуры материальной, заключается в том, чтобы проследить бытование наиболее типических черт народной культуры в каждом из ее элементов, степень принципиальной общности этих черт в Сибири и Европейской части России, их своеобразие, порожденное местными природно-климатическими условиями и этнокультурными связями и процессами. При постепенном заселении и освоении русскими отдельных сибирских областей и при различной степени контактов с теми или иными народами традиционные и вновь приобретаемые переселенцами черты элементов культуры могли прослеживаться и сочетаться в разные исторические периоды по-разному, причем в свою очередь приобретаемые особенности со временем становились традиционными, органически свойственными сибирским старожилам. Кроме того, коль скоро на разных этапах заселения среди переселенцев доминировали выходцы из разных областей Европейской части страны, то естественно, что в Сибирь заносились и, сталкиваясь, переплетались локальные черты культуры, бытовавшие в среде русского крестьянства Поморья, Поволжья, центральных или южно-русских областей; приспособляемость таких локальных черт к си-

бирским условиям жизни не могла быть идентичной, что, конечно, еще более усложняло общий процесс развития культуры старожильческого населения⁴. Таким образом, в основе проблемы народной культуры сибиряков находятся определение судеб привнесенных культурных традиций и степень их адаптации в Сибири. Исторические исследования показали, что при всей своей многочисленности дореволюционные публикации не позволяют ни территориально, ни хронологически дать обобщающую характеристику отдельных элементов культуры⁵.

На протяжении 1950—1970 годов в результате интенсивных этнографических экспедиций произошел существенный сдвиг в исследовании народной культуры старожильческого населения Сибири, особенно Приангарья, Забайкалья, Алтая, отдельных районов Западной Сибири. В основном в выпущенных в свет историко-этнографических исследованиях наиболее подробно характеризовались элементы культуры по их состоянию на XIX—начало XX в.⁶ В 1970-х годах наряду с территориальным расширением полевых этнографических исследований значительно активнее и целенаправленнее стали привлекаться другие виды источников, прежде всего архивные; если ранее они служили в большей степени дополнением к полевым наблюдениям, то к настоящему времени в ряде случаев приобрели основное значение, что позволило хронологически глубже проследивать историю тех или иных явлений начиная с момента заселения русскими Сибири, т. е. с XVII в. Расширение источниковедческого фонда, а вместе с тем и углубление методики исследований способствовали появлению книги В. А. Александрова, в которой характеризовались семейный строй, жилище и поселения енисейских крестьян XVII в., труда М. М. Громыко, посвященного хозяйственным традициям русского крестьянства Сибири в XVIII—первой половине XIX в., книги Н. А. Миненко о семье у западносибирского крестьянства в это же время, где было продолжено изучение структуры семьи и внутрисемейных отношений, наконец, работы И. В. Власовой, проследивающей традиции и практику землепользования у северорусских и сибирских крестьян в XVII—XVIII вв.⁷

Подобные исследования не только позволяют уловить динамику развития элементов культуры в среде сибирского крестьянства на протяжении нескольких столетий, но и провести сравнительно-исторический анализ состояния этих элементов как в европейской, так и в азиатской части страны на отдельных этапах истории. Эта возможность стала реальной после издания историко-этнографического атласа «Русские», в котором были зафиксированы и картографированы показатели распространённости основных форм важнейших элементов материальной культуры русского крестьянства по их состоянию на середину—вторую половину XIX в., а также выхода в свет трех выпусков «Очерков русской культуры», содержащих характеристику русских поселений, жилища, одежды, пищи, средств передвижения,

правов и обычаев, отчасти орудий сельского хозяйства в XIII—XVI вв.⁸ Правда, исследования истории народной культуры в Сибири в XVII—первой половине XIX в. явно опережают аналогичную работу по Европейской части страны. Известным подспорьем для сравнительного анализа данных XVII—XIX вв. может служить обобщающая работа М. Г. Рабиновича, посвященная быту во всем его многообразии русского городского населения Европейской части России⁹.

При подготовке настоящего, общесибирского по привлекаемому материалу издания авторский коллектив, обращаясь к первым этапам жизни русского крестьянства Сибири, считал методически необходимым проследивать типологию явлений, во-первых, в их историческом развитии, а во-вторых, в связи с их состоянием в Европейской части страны.

В первой главе книги, посвященной сложению семьи и семейному быту сибирского крестьянства, раскрываются областные особенности формирования крестьянских семей, которые объяснялись историей заселения и освоения территории; по своей форме, составу, структуре и обычаям эти семьи мало чем отличались от семей крестьянства Европейской России, т. е. в принципе развивались повсеместно в рамках единого процесса.

В следующей главе впервые в сибирской историографии освещается типология сельских поселений в Сибири в XVII—первой половине XIX в. В ней прежде всего бросается в глаза то обстоятельство, что русские переселенцы уже на первом этапе освоения сибирской земли создавали поселения, типологически идентичные крестьянским поселениям Европейской части страны; малодворные деревни, села, слободы, займища, столь характерные для феодальной России XVI в.¹⁰, составляли основу сельского расселения и в Сибири, в результате чего там в дальнейшем проявились общие процессы укрупнения деревень и появления выселков и куторов, функциональные особенности слобод и новых местных типов селений — трактовых станков и займок, приграничных станиц.

Глава, посвященная жилищу и хозяйственным постройкам, позволяет прийти к заключению о том, что традиции деревянного жилого зодчества, принесенные в Сибирь переселенцами, не только сохранились, но и развились там быстрее, чем это происходило на их родине. Это отчетливо проявилось в эволюции жилища и усадьбы; за исключением полярных и приполярных районов, жилище становилось многокамерным, а усадьбы приобретали развитый план с многообразными хозяйственными помещениями.

Для проблемы этнических процессов, происходивших в Сибири, интереснейший материал отражен в главе, посвященной эволюции типологии одежды русского сельского населения. Представленные в ней данные свидетельствуют, что при длительном и стойком сохранении общерусских традиционных черт в одежде и материалов, из которых она изготовлялась русскими поселен-

цами, постепенно, но довольно широко воспринимались от местных народов наиболее рациональные для отдельных климатически специфических районов Сибири новые типы одежды, прежде всего меховой.

Для анализа типологии одежды в общерусском масштабе большой интерес представляет помещенный в приложении к изданию терминологический перечень разнообразных видов одежды, во многих из которых при всем их локальном сибирском своеобразии сохранились этнически традиционные черты.

Рассмотренные важнейшие элементы культуры заслуживают дальнейшего исследования в различных аспектах; в перспективе еще остается изучение утвари, транспортных средств, орудий сельскохозяйственного производства. Однако так или иначе представляется очевидным, что культура сибирского крестьянства несла в себе общерусские черты, а местное своеобразие ее элементов придавало ей характер лишь локального варианта единого целого. Именно таким образом наиболее реально можно себе представить то общее и особенное, с чем сталкивается исследователь сибирской сельской жизни.

На заложенной основе исторически преемственного анализа создается возможность, избегая далеко не всегда оправданной ретроспекции, продолжать исследования более поздних этапов истории крестьянской семьи и ее хозяйственного быта в XIX—XX вв.

Настоящее издание представляет собой исследование, написанное коллективом авторов под руководством В. А. Александрова. Введение написано В. А. Александровым; гл. I — Семья и семейный быт сибирского крестьянства — И. В. Власовой; гл. II — Русские сельские поселения Сибири — В. А. Липинской; гл. III — Жилище и хозяйственные постройки русского крестьянства Сибири — В. А. Александровым, В. А. Липинской, А. В. Сафьяновой; гл. IV — Крестьянская одежда русского населения Сибири — А. А. Лебедевой; гл. V — Пища русских сибиряков — В. А. Липинской; гл. VI — Особенности формирования и функционирования систем земледелия в условиях Зауралья — В. М. Суриновым. Приложения составлены А. А. Лебедевой (№ 1) и В. А. Липинской (№ 2).

Рисунки к главам «Русские сельские поселения Сибири», «Жилище и хозяйственные постройки русского крестьянства Сибири», «Пища русских сибиряков» выполнены художником В. И. Агафоновым, фото — по материалам архивов. К главе «Крестьянская одежда русского населения Сибири» рисунки выполняла художница В. В. Воронова, фото — Ю. А. Аргиропуло.

В. А. Александров

- ¹ *Александров В. А.* Итоги и перспективы изучения материальной культуры русского населения Сибири. — В кн.: Итоги и задачи изучения истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1971, с. 67—68; *Он же.* Проблемы сравнительного изучения материальной культуры русского населения Сибири (XVII—начало XX в.). — В кн.: Проблемы изучения материальной культуры русского населения Сибири. М.: Наука, 1974, с. 8—11; *Громыко М. М.* Трудные традиции русских крестьян Сибири (XVIII—первая половина XIX в.). Новосибирск: Наука, 1975, с. 8—10; *Миненко Н. А.* Историкогеография Сибири (период феодализма). Новосибирск: Гос. ун-т, 1978, с. 27—29; *Она же.* Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII—первой половины XIX в.). Новосибирск: Наука, 1979, с. 11—21.
- ² История Сибири. Л.: Наука, 1968, т. 2, с. 508.
- ³ Там же, с. 6.
- ⁴ Подробнее об этом см.: *Александров В. А.* Итоги и перспективы..., с. 57—62, 75; *Он же.* Проблемы сравнительного изучения материальной культуры..., с. 7, 14—21.
- ⁵ *Лебедева А. А., Липинская В. А., Сабурова Л. М., Сафьянова А. В.* Изучение материальной культуры русского населения Сибири (XVIII—XIX в.). — В кн.: Проблемы изучения материальной культуры русского населения Сибири, с. 22—109.
- ⁶ *Сабурова Л. М.* Культура и быт русского населения Приангарья. Л.: Наука, 1967; Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Новосибирск: Наука, 1971—1975. Ч. I—II; Этнография русского населения Сибири и Средней Азии. М.: Наука, 1969; Хозяйство и быт западносибирского крестьянства XVII—начала XX в. М.: Наука, 1979.
- ⁷ *Александров В. А.* Русское население Сибири XVII—начала XVIII в. (Енисейский край). М.: Наука, 1964; *Власова И. В.* Землепользование в Поморье и Сибири XVII—XVIII вв. (Традиции и практика). — В кн.: Хозяйство и быт западносибирского крестьянства...
- ⁸ Русские. Историко-этнографический атлас. М.: Наука, 1967, 1970; Очерки русской культуры XIII—XV вв. М.: Изд-во МГУ, 1970. Ч. 1; Очерки русской культуры XVI в. М.: Изд-во МГУ, 1977. Ч. 1—2; Крестьянская одежда населения Европейской России (XIX—начало XX в.): Определитель. М.: Сов. Россия, 1971.
- ⁹ *Рабинович М. Г.* Очерки этнографии русского феодального города. М.: Наука, 1978.
- ¹⁰ *Рабинович М. Г.* Поселения. — В кн.: Очерки русской культуры XVI в., ч. 1.

Глава первая

Семья и семейный быт сибирского крестьянства

Постановка вопроса и его изученность. Создание постоянного русского населения и сложение и развитие русской крестьянской семьи в Сибири неразрывно связано с историей заселения и хозяйственного освоения сибирских пространств русским населением. Известно, что заселение Сибири происходило различными путями и в отдельных районах с различной интенсивностью в тот или иной период. Сложение и развитие крестьянской семьи в областях Сибири происходило неодновременно и не могло поэтому не иметь местных особенностей. Коль скоро семья являлась основной хозяйственно-производственной единицей, степень хозяйственного освоения тех или иных районов и уровень крестьянского хозяйства находились в прямой зависимости от ее состояния.

Русские переселенцы, оседая в Сибири, создавали хозяйство, опираясь прежде всего не только на свою хозяйственную культуру, но и на бытовые традиции, которые в огромной степени обуславливались семейным строем. В современной сибиреведческой литературе прочно установилось мнение о том, что сибирское крестьянство развивалось в целом в одних и тех же социальных условиях «государственного феодализма», что и черносошное, а затем и государственное крестьянство Европейской части страны¹.

В настоящее время достаточно подробно разработана проблема хозяйственного освоения Сибири крестьянством из Европейской части России, изучены пути и характер заселения сибирских пространств в различные периоды². Достигнуты существенные результаты в исследовании происхождения переселенцев, преимущественного состава отдельных их потоков в XVII—XVIII вв. Осуществленная разработка основных проблем истории сибирского крестьянства дает возможность предпринять первую попытку обобщающей характеристики истории крестьянской семьи в Сибири, прежде всего выявить процесс ее сложения и дальнейшего типологического развития. Именно в этом аспекте история семьи и семейного быта находится в прямой связи с вопросом о заселении Сибири (семьями или одиночками; если семьями, то какого состава) и формировании в ней постоянного состава русского населения, а далее — и с вопросом об интенсивности этого процесса в различных районах и его влиянии на степень их хозяйственного освоения.

В дореволюционной историографии проблема семьи русских переселенцев в Сибири была сведена к так называемому женскому вопросу. По мнению исследователей второй половины XIX в., поскольку на первых этапах колонизации среди переселенцев было мало женщин, у них сложился особый семейный быт, в котором были широко распространены различные моральные правонарушения и даже уродливые явления³. Н. Н. Фирсов рассматривал эти моральные нарушения в качестве «естественно-исторических факторов», характеризовавших русскую колонизацию Сибири в целом⁴. Эти ученые не учитывали того, что подобные нарушения имели место в быту еще не осевшего пришлого населения (в основном промышленного и служилого) и не были распространены в среде основной массы сложившегося постоянного крестьянского населения. Такие взгляды уже в дореволюционное время были поколеблены исследованием М. Ключкова, в котором по данным переписи 1710 г. было доказано, что к началу XVIII в. количество женщин в среде русского населения Сибири почти не уступало количеству мужчин⁵.

Предвзятостью отличались выводы А. П. Шапова о массовом смешении русских и аборигенов и в результате — появлении особого этнографического типа сибиряка⁶, культурно отличного от основной массы русского народа. Эта точка зрения в дальнейшем была развита в работах С. С. Шашкова, Н. М. Ядринцева, А. Новоселова, Н. А. Кострова, Д. Н. Беликова⁷ и др.

Конкретные исследования советских ученых не подтвердили эти взгляды. В последнее время было обращено существенное внимание на проблему семьи и семейного строя русских Сибири в связи с ее освоением. Впервые эта проблема получила глубокое документальное освещение в монографии В. А. Александрова⁸, посвященной русскому населению Енисейского края XVII—начала XVIII в., где была подвергнута аргументированной критике концепция А. П. Шапова, С. С. Шашкова и их сторонников. Создание крестьянской семьи у русских Сибири рассматривается в исследовании В. А. Александрова как часть вопроса русской колонизации Сибири, и проблема сложения постоянного русского населения обосновывается необходимостью всестороннего и глубокого исследования состава переселенцев как в социальном, так и в семейно-демографическом аспектах. В исследовании прослежена история сложения семьи у русского служилого и крестьянского населения, связанного с разными формами хозяйственной деятельности, и эволюция форм семьи в течение XVII—начала XVIII в. В дальнейшем русской крестьянской семье Западной Сибири в XVII—начале XVIII в. была посвящена работа З. Я. Бояршиновой⁹, в которой были выявлены формы семьи, ее структура и численность в местах первоначального заселения, происходившего с конца XVI—начала XVII в. (Верхотурье, Тобольск, Тюмень, Томск).

В разных аспектах состояние и развитие семьи, а также обусловленность различий ее типов в связи с характером заселе-

ния и социально-экономическим развитием отдельных районов Западной Сибири в последующее время — в XVIII—первой половине XIX в. — были прослежены в работах Н. А. Мивенко¹⁰.

Отдельные черты семейного строя русских поселенцев выявлены в работах исследователей, посвященных заселению разных областей Сибири¹¹.

О русской крестьянской семье Восточной Сибири в начальную пору ее освоения специальных работ, за исключением вышеуказанного исследования В. А. Александрова, нет. Некоторые наблюдения о семейном строе русских засельщиков Восточной Сибири в XVII—XVIII вв. содержатся в труде В. Н. Шерстобоева, посвященном освоению Ленско-Илимского края¹², и в работе Ф. Г. Сафронова о русских пашенных крестьянах Якутии¹³.

Состояние крестьянской семьи Сибири и ее быт в XIX в. освещались в этнографических исследованиях. К ним прежде всего относится монография Л. М. Сабуровой о культуре и быте русского населения Приангарья¹⁴, где выявлены условия существования тех или иных типов семьи и подчеркнута роль традиций в сохранении определенных форм семейного быта. К этому исследованию примыкает описание приангарской семьи XIX в. В. А. Горелова¹⁵.

Семейный быт крестьянского населения Алтайского края¹⁶ в XIX в. затронут в работах А. В. Сафьяновой. Этнографически изучалась семья русского старожильческого и старообрядческого населения XIX в. и в Забайкалье. Описание семьи и семейного быта забайкальских старообрядцев — «семейских» — содержится в работе А. М. Поповой¹⁷. Форма и структура семьи, семейная обрядность у различных социальных групп русского населения Забайкалья в XIX—XX вв. (у казаков, крестьян-старожилов, семейских) описаны А. А. Лебедевой¹⁸.

В целом для работ, посвященных изучению крестьянской семьи русского населения Сибири XVII—XIX вв., характерно выявление конкретных ее типов и форм, структуры и состава, исследование семейного строя у разных социальных групп населения, типологических, локальных различий, сохранявшихся в нем этнических традиций и его своеобразия в сибирских условиях.

Итак, для советского сибиреведения на современном этапе науки наиболее характерна постановка исследования истории семьи и семейного строя русского населения Сибири в связи с общей проблемой сложения русского сибирского населения, и в частности, выявление причин, влиявших на создание тех или иных типов семьи в различных районах Сибири. При такой постановке исследования создается предпосылка к постановке вопроса об общности развития сибирской крестьянской семьи и крестьянской семьи в Европейской части России и их областных различиях.

Состав источников и их познавательные возможности. Изучение семьи населения любого региона в эпоху феодализма, Сибири

в частности, сопряжено с известными трудностями, которые обусловлены характером и состоянием источников. Основным видом источников для решения поставленной проблемы являются писцовые, переписные, дозорные, межевые книги XVII—начала XVIII в., так называемые крестьянские книги, которые содержат сплошное перечисление крестьянского населения деревень и уездов. Этот вид источников дает богатый материал демографического, социально-экономического и этнографического характера. Но эти же источники имеют определенные особенности, из-за которых сплошь и рядом затруднительно получить точные данные по тому или иному вопросу. Так, писцовые и переписные книги по Сибири XVII в. характеризуют лишь состав мужского населения, и в основном после 1660 г. В результате определение состава семей и их структуры может быть в ряде случаев принято с некоторыми оговорками или логическими допущениями. Все это относится к подобному типу источников и по Енисейскому краю, содержащих сведения массового характера о населении Енисейского уезда XVII в.¹⁹ Поскольку в этих источниках указывается лишь мужское население, то остается неизвестным семейное положение людей, имеющих детей женского пола. Трудно выявить среди них и одиночек, не имеющих семьи вообще. Не всегда в источниках точно определяются родственные отношения в семьях, например, кому принадлежат дети и сколько их у того или иного члена семьи и т. п.

Аналогичны источники и о населении Нерчинского уезда. «Сказки» 1719 и 1720 гг., отражая семейное положение русских поселенцев края, перечисляют также только мужской состав населения²⁰. Несмотря на эти особенности указанных источников, процессы, характерные для семейного строя русских крестьян, в целом могут быть прослежены.

Историю крестьянской семьи в XVIII в. можно проследить также по массовым материалам, представленным в таком виде источников, как «ревизские сказки». Они содержат посемейные списки жителей по деревням, волостям, уездам. Ревизии второй половины XVIII в. дают более точные сведения о составе населения, так как начиная с третьей ревизии ими фиксировались не только мужчины, но и женщины. На основании «ревизских сказок» можно с большой достоверностью определить форму и структуру семьи, ее численный состав. Но «ревизские сказки» как источник имеют свои недостатки; нередко они дают заниженные данные о составе и численности населения, в них могут быть указаны места приписки тяглых людей к определенному селению, но не места их действительного пребывания²¹. Ревизии охватывали лишь податное, а не все наличное и постоянное население.

Данные ревизий можно сопоставлять со сведениями, которые содержатся в источниках по церковному (метрические книги, исповедные росписи, клировые ведомости) и военно-административному учету лиц мужского пола податных сословий (рекрутские книги)²². В исповедных росписях перечисляются по отдель-

ным домам-хозяйствам прихожане обоего пола с указаниемсловия, возраста, отношения к главе семьи. На основе их составлялись клировые ведомости; по этим документам можно судить о составе семей, но следует иметь в виду, что они не являются исчерпывающим источником, так как в них учитывались не все семьи того или иного прихода. Рекрутские списки позволяют проверять состав семей, представленный в «ревизских сказках», ибо в них указано реальное место проживания людей; кроме того, в рекрутских списках фиксировались семейные разделы и указывались их причины. Поскольку сведения церковного и административного учета населения неполные, а иногда искаженные, не всегда составленные по форме, с пропусками (например, старобрядческого населения), то их необходимо проверять, сопоставляя с данными «ревизских сказок».

Наблюдения более частного характера о тех или иных сторонах семейного быта XVII—XVIII вв. можно извлечь из актового материала: прошений, купчих, закладных, дел о размежеваниях и т. п.

Ревизии и церковный учет населения первой половины XIX в. дают последующие сведения о составе населения и позволяют проводить сопоставления с соответствующим материалом предшествующего, XVIII века.

Описания семей и семейной жизни XIX в. содержатся также в этнографических материалах. Они имеются в публикациях периодических изданий («Живая старина», «Русское слово», «Отечественные записки», «Сибирский вестник»), в изданиях РГО, в ответах на программы РГО по изучению юридического быта населения и др.²³ Такие описания позволяют проследить, как в сибирских условиях в семье сохранялись те или иные этнические традиции, занесенные русскими переселенцами.

Этапы русского заселения Сибири и формирование крестьянских семей. Заселение сибирских территорий происходило постепенно и различными путями. Формирование семей находилось в прямой зависимости от образования постоянного оседлого населения и его основных занятий; при этом на интенсивность формирования семей, на сложение того или иного типа семьи влиял характер хозяйства районов. Известно, что на первом этапе освоения русскими Сибири основную роль играло ее вольное заселение, при котором постепенно новоприходцы оседали на постоянное жительство. Кроме того, русское население складывалось путем правительственных переводов служилых людей и крестьян, а также, правда в меньшей степени, путем поселения ссыльных.

Ранее всего сложились условия для создания семей у крестьянства в местах так называемого старого заселения в Западной Сибири, освоение которых началось еще в конце XVI—начале XVII в. К ним относятся Верхотурский, Туринский, Тобольский, Тюменский уезды. Основное их заселение происходило в XVII в. и продолжалось в XVIII в. На рубеже XVII—XVIII вв. этот

район сосредоточил уже 75% всего крестьянского населения Сибири²⁴ и стал ареалом сплошного русского заселения²⁵. Вольное заселение этих мест, особенно Верхотурья, продолжалось и в течение XVIII в. В XVIII в. началось также заселение «для хлебопашества» района Туры—Ницы—Пышмы²⁶. В конце XVIII в. земледельческое освоение старозаселенных районов в основном закончилось, что свидетельствовало о существовании там уже старожильческого постоянного населения. В дальнейшем его рост шел преимущественно за счет естественного прироста. Лишь в Тюменском крае происходило дальнейшее заселение, так как там были возможности для расширения пахотных массивов.

Позднее вышеуказанного времени — в XVIII в. — происходило вольное заселение промыслового севера Западной Сибири (Березов, Сургут, Нарым) и земледельческих юго-западных лесостепных районов (по Ишиму, Исети, Оми, районы Барабинской степи и Верхнего Приобья). Сначала здесь создались небольшие очаги русского расселения, которые росли по мере освоения земель. Вольная крестьянская колонизация в основном осуществлялась крестьянами Сибири из мест старого заселения (Верхотурско-Туринского района)²⁷. Эти внутренние миграции явились основной силой при заселении Южного Зауралья, Пришимья, Среднего Прииртышья в XVIII в.²⁸ Подавляющую массу насельников составляли крестьяне. К середине XVIII в. эти районы уже были плотно заселены и имели резервы для переселений на новые земли в лесостепи Западной Сибири, куда крестьяне выселялись вместе с семьями. Таким же путем шло развитие населения этого района и в дальнейшем — в конце XVIII—начале XIX в. В то время само правительство требовало, чтобы переселения осуществлялись семейными людьми. К началу XIX в. 80% переселенцев этого района состояло из выходцев ближайших уездов Западной Сибири, 2% — из дальних приуральских уездов и 15% составляли ссыльные²⁹.

Восточнее рассматриваемых мест — в Томско-Кузнецком районе — русские начали расселяться еще в XVII в., но основное его заселение шло в XVIII в. Вольное крестьянское продвижение в поисках земель для хлебопашества вплоть до Алтая сочеталось с правительственной деятельностью по устройству крестьян, переселявшихся из Европейской части страны, и приписке крестьян к организованным Кольвано-Воскресенским заводам, мигрировавших из районов старого заселения Сибири на южные земли. В XVIII в. увеличилось число ссыльных, в частности на Алтае создавалась целая группа ссыльных раскольников — «поляков».

В первой половине XIX в. начинается заселение междуречий Иртыша и Оби, Оби и Енисея. Сюда со второй половины XVIII в. шли переселенцы из уже обжитых сибирских районов. Расселялись в незанятых местах и ссыльные и их потомки, нередко образуя отдельные селения³⁰.

Таким образом, массовое заселение районов Западной Сибири происходило преимущественно с XVII в. в результате народной

миграции из Европейской России; со второй половины XVII в. начались внутренние урало-сибирские передвижения на восток и юг; вплоть до первой половины XIX в. осуществлялись местные переселения, шел процесс внутреннего развития первоначально осевшего населения, частично происходило перераспределение сложившегося старожильческого населения, уходившего в новые места.

Освоение восточных районов Сибири, в частности Енисейского края (Мангазейский, Енисейский, Красноярский уезды), привело к сложению там постоянного населения и складыванию у него семей с середины XVII в. До второй половины XVII в. промышленники и служилые люди, крестьяне и посадское население, заселявшие край, создали здесь еще мало постоянных селений. Особенно это касается промыслового населения северных районов — Енисея, Таймыра. Первоначальное население восточносибирских районов было представлено мужчинами-одиночками. Женщины появились не сразу, сначала их было мало³¹.

Лишь в 30—50-х годах XVII в. возникли в Мангазейском уезде небольшие постоянные селения (слободы Дубчасская, Заварохинская, Хантайское зимовье), где население обзавелось семьями³². Южнее, в районах Енисейска и Красноярска, освоение земель шло быстрее; там русское земледельческое население осело к 20-м годам XVII в. и начало быстро расти. Сначала это население образовалось за счет ссыльных и, конечно, не имело семей. Лишь после 1640-х годов отмечается наличие семей у енисейских и красноярских крестьян и служилых людей, причем к этому времени крестьянское и посадское население уже численно преобладало над служилым³³.

По данным 60—80-х годов XVII в. основная часть постоянного оседлого населения Енисейского уезда (посадские и крестьяне) состояла из семейных людей, и количество семей увеличилось из года в год, хотя в то время еще оставалось много холостых мужчин. В 1669 г. семейные крестьяне составляли в уезде 56,6% крестьянского населения, в 1680 г. — 67,6%³⁴. Среди служилых людей, промышленников и «гулящих» людей семейных было меньше, чем среди крестьян, так как в силу своих занятий они не всегда имели постоянное местожительство.

С этого же времени — с 40-х годов XVII в. — начались переселения с Енисея на восток в бассейн Лены, к Якутску. Енисейские крестьяне переселялись туда с семьями. Кроме того, осуществлялось поселение ссыльных «для устройства их на пашню». В конце XVII в. в Якутском уезде было в «Чичюйской и на Усть-Витима и Пеледуя рек и в Усть-Олекминской и Усть-Кудкой и в Криволудкой и в Верхо-Киренской волостях государевых папешных крестьян 225 человек»³⁵.

Таким образом, первоначальное русское население Енисейского края, как и районов Западной Сибири, почти не имело семей, ибо создавалось из числа вольных переселенцев, из промышленников и «гулящих» людей, в меньшей степени — пере-

денцев и ссыльных. Оно состояло в основном из мужчин, пришедших в одиночку. Перевоз родственников с «Руси» был первым этапом создания семей у русского населения Сибири; с середины XVII в. по мере роста осевшего населения возникали внутренние возможности для образования семей в среде сибирских переселенцев. Немалую роль в этом процессе сыграли вторичные внутренние заселения, сменившие первоначальное вольное и правительственное освоение Сибири.

С 30-х годов XVII в. началось проникновение русских в Забайкалье и Приамурье³⁶. В 40-е годы в Забайкалье возникла система оборонительных острогов (Баргузинск, Верхне-Ангарск, Удинск, Селенгинск, Нерчинск), а затем началось земледельческое освоение края. К 80-м годам, например, население Селенгинского острога и его окрестностей (казаки, крестьяне, осевшие «гулящие» и промышленные люди) насчитывало несколько сот человек³⁷. Крестьянское население быстро росло и по Шилке, Нерчи, Аргуни, и к 80-м годам в Нерчинском уезде насчитывалось до 500 крестьянских семей³⁸. Это были в основном вольные переселенцы из уже обжитых районов Сибири (из Енисейского края и Прибайкалья), которые переселялись со своими родственниками³⁹.

В Нерчинском уезде сложившееся к началу XVIII в. крестьянское население в основном состояло из семейных людей. Среди крестьян семейные составляли 85,3% крестьянского населения, на долю остальных семейных приходилось 14,7%⁴⁰. Затем на заводскую пашню в Нерчинской округе поселились крестьяне с семьями для обслуживания сереброплавильных заводов. В состав заводских крестьян переводили и ссыльных⁴¹. Но приписные крестьяне Восточной Сибири не составляли основной массы земледельческого населения, как это было, например, на Алтае в XVIII—первой половине XIX в. И все же Нерчинский уезд сохранял специфику в заселении. Долгое время подавляющая часть населения уезда состояла из служилых людей, правда занимавшихся земледелием (служили на «пашенном окладе»). Пахотные земли служилого населения превышали здесь крестьянскую запашку в первые десятилетия XVIII в.⁴². Не менее активно русское население (казаки и крестьяне) оседало на Амуре, в районе Албазинского острога. С 60-х годов XVII в. здесь начало развиваться русское земледелие, быстро превратившее край в хлебопроизводящий район. Ссылка играла еще меньшую роль в заселении Приамурья, чем в других районах Восточной Сибири.

Освоение забайкальских и приамурских областей осуществлялось, наряду со стихийными переселениями русских, как это было и в других районах Сибири, присланными в административном порядке служилыми людьми. В 70—80-х годах XVII в. и в Забайкалье, и в Приамурье уже происходили переселения вторичного порядка, когда основную массу пришельцев составляло русское население, уже осевшее в Сибири. Мужское население Забайкалья и Приамурья к 80-м годам XVII в. насчитывало бо-

лее 1,5 тыс. человек. Большую часть их составляли мирные переселенцы, создавшие здесь свои семьи⁴³. Часть крестьянского населения Забайкалья составляли старообрядцы, выселявшиеся сюда в XVIII в. из европейских губерний. В литературе они получили название «семейских», поскольку их поселяли здесь семьями⁴⁴.

В первой половине XIX в. в Сибири происходило перераспределение населения в пределах отдельных губерний, росла его численность и число семей, наблюдались перемещения с запада на восток и с севера на юг. Если ранее — в XVII—XVIII вв. — образование постоянного населения в Сибири, его быстрый рост обуславливались взаимодействием нескольких факторов — правительственными мероприятиями по переселению в сочетании с широкими вольными крестьянскими передвижениями, а также естественным приростом населения, то в XIX в. обстоятельства изменились. Промышленное освоение исчерпало себя уже в XVIII в., а в XIX в. оно становилось тормозом заселения, в частности Алтай и Забайкалья, из-за тяжелой эксплуатации приписных крестьян. Добровольного переселения и зачисления в приписные крестьяне в XIX в. уже не было⁴⁵. Массовые стихийные крестьянские переселения были затруднены укреплявшейся правительственной властью на местах и заменялись административными переводами и поселениями ссыльных. Предоставление льгот переселенцам в неосвоенных местах привело к переселению в Сибирь в административном порядке с 1816 по 1854 г. 119 тыс. мужчин⁴⁶. Это были в основном государственные крестьяне и частично ссыльные.

Тем же путем осуществлялись попытки земледельческого освоения Камчатки и создания там постоянного русского населения с его семьями. В конце XVIII в. на льготных условиях на Камчатке были поселены «на пашню» 104 крестьянские и казачьи семьи; в 20-х годах XIX в. там было уже 407 государственных крестьян (229 мужчин и 178 женщин), а к 40-м годам XIX в. — 736 крестьян обоего пола⁴⁷.

Таким образом, постепенное заселение сибирских районов сопровождалось формированием постоянного земледельческого населения. Первоначальные засельщики были в основном мужчины-одиночки, постепенно оседавшие и заводившие семьи. Перевоз родственников с «Руси», последовавший за первыми насельниками, был первым этапом создания семей у русского населения Сибири. Уже к 1710 г. русские в Сибири насчитывали 313 685 человек, а соотношение мужчин и женщин выражалось 1:1⁴⁸.

Внутренние сибирские миграции способствовали дальнейшему освоению сибирских пространств. Они осуществлялись преимущественно переселенцами со своими семьями, так что население на новых местах формировалось сразу же как семейное.

Типы семьи в среде земледельческого населения XVII—начала XVIII в. На первом этапе земледельческого освоения Сибири у осевшего населения преобладали семьи, которые по своей

форме относились к «малой семье», т. е. состоящей главным образом из супругов и детей, в основном малолетних, иногда из супругов без детей. Об этом можно судить по количеству мужского населения в семьях. В Западной Сибири в начале XVII в. в Верхотурском уезде на один двор в среднем приходилось по 1,5 работоспособного мужчины, в 70-х годах XVII в. — по 2,3⁴⁹, что говорит о малочисленном составе семей и их несложной структуре. В среднем на семью томских пашенных крестьян к концу XVII—началу XVIII в. приходилось 3,4 лиц мужского пола. В то время среди них было много бездетных супругов и бессемейных мужчин. Более 90% семей имели по 1—2 мужчины и менее 7% — по 6⁵⁰, все прочие составили примерно 3%. В Енисейском уезде в 80-х годах XVII в. среднее количество лиц мужского пола в семье равнялось приблизительно 3,1, причем семьи, где было от 1 до 3 мужчин, составляли 63,3%⁵¹. В Нерчинском уезде семьи, где было от 1 до 3 мужчин, к началу XVIII в. составляли более 43%⁵².

Тем не менее и на первом этапе заселения семьи русских сибиряков были разнообразны по своему составу, так как с «Руси» вывозились разные родственники. Не всегда вывозилась в Сибирь вся семья полностью. Чаще всего привозили жен и детей, иногда братьев с их семьями, родителей своих или родителей жен, племянников, дядей. Нередко эти родственники собирались из разных городов и селений.

Переселенцы вывозили родственников после того, как становились постоянными жителями в Сибири, а превращение их в таковых, особенно служилых и «гулящих» людей, затягивалось на годы, в течение которых их родственники в России могли умереть или покинуть семьи. Прежний состав семей восстанавливался в Сибири в редких случаях. Традиция восстановления неразделенных семей, т. е. более сложного состава, нежели семья малая, была обусловлена прежде всего хозяйственными соображениями — потребностью в рабочих руках для ведения сельского хозяйства, особенно при залежно-паровой системе, господствовавшей в Сибири в XVII в.

Возникновение неразделенных семей путем подселения родственников, вывезенных из России, происходило у русских земледельцев Верхотурья, Тобольска, Тюмени, Томска. В таких случаях чаще существовали неразделенные семьи в форме «отцовской» семьи. Земледелие, развившееся в этих районах в форме залежно-парового хозяйства, и в дальнейшем требовало затрат большого труда и много рабочих рук. Поэтому поколение поселенцев, выросших в Сибири, нередко сохраняло неразделенные семьи и после смерти отцов в форме «братских» семей. Увеличение числа людей в первоначальных малых семьях в районах Западной Сибири и разрастание их до семей неразделенных с большим числом родственников и сложным составом, нередко с родством не только по прямой, но и боковой линии, заметно по наличию мужчин в каждой семье, увеличившемуся к началу

XVIII в. по сравнению с 20-ми годами XVII в. в среднем с 1,5 до 2,4 мужчины на семью⁵³.

О структуре семей пашенных крестьян западносибирских районов во второй половине XVII в. можно судить на основании данных писцовых книг⁵⁴. Господствующей формой семьи везде была семья малая, состоящая из двух поколений: родители — дети, хотя неразделенные «братские» семьи и их разновидности составляли также заметное число⁵⁵. По численности семьи пашенных крестьян западносибирских районов были небольшими.

Малые двухпоколенные семьи насчитывали в среднем от 2 до 4 мужчин. Братские семьи, состоящие из братьев, не имеющих детей, в среднем насчитывали до 2 мужчин. Братские же семьи, состоящие из женатых братьев и их детей, были больше по численности — в среднем до 4 мужчин⁵⁶.

Процесс образования семей у населения Томского уезда во второй половине XVII в. можно проследить путем анализа семей томских пеших и конных казаков, занимавшихся земледелием и имевших постоянные дворы и заимочные хозяйства (1675 г.)⁵⁷, т. е. группы постоянного сельского населения, близкого по роду занятий к крестьянам.

подавляющее большинство семей и там состояло из двухпоколенных малых семей (родители — дети). Семьи неразделенные, как «отцовские», так и особенно «братские», у томских казаков были менее распространены. В численном отношении эти семьи были также небольшими. В малых семьях было немного детей: в среднем от 1 до 3 мальчиков. Семьи «братские» были крупнее: от 2 до 4 мужчин. О преобладании малых семей повсеместно в районах Западной Сибири свидетельствуют и цифры средней численности крестьянских дворов-семей во второй половине XVII в.: в Верхотурском уезде — в среднем 3,1 мужчины на семью, в остальных уездах — 2,9⁵⁸. Аналогичная структура семей прослеживается и в крестьянской среде Енисейского уезда в 1660—1690-х годах⁵⁹.

Господствующей формой семьи в Енисейском уезде в рассматриваемые годы была также малая семья, состоящая из двух поколений (родители с детьми или родители без детей). Обращает на себя внимание многочисленность семей, в которых у родителей были малолетние дети; это свидетельствует о том, что такие семьи сложились недавно. Но, кроме малых семей, у енисейского населения существовали и неразделенные семьи. Их образованию несомненно способствовал привоз родственников (родители с женатыми детьми и внуками; родители с холостыми и женатыми детьми и внуками). Кроме того, образованию семей, сложных по составу, способствовало не только подселение вывезенных из России родственников, но и развитие семей у поселенцев, родившихся и выросших уже в Сибири. Такие семьи составили 13% из общего числа семей енисейских жителей во второй половине XVII в.⁶⁰

Наличие неразделенных семей отмечалось к концу XVII—началу XVIII в. и в Восточной Сибири; у крестьян Илима средняя численность семьи была равна 11 человекам обоого пола (до четырех работников в семье)⁶¹. У русских крестьян Лены в конце XVII—начале XVIII в. были многосемейные дворы, в которых в среднем было до 10 человек⁶². Те же процессы, характерные для развития семьи у пашенных крестьян, прослеживаются и в еще более восточном районе — в Нерчинском уезде⁶³.

Большинство семей и здесь составляли малые семьи (родители — дети). На долю неразделенных приходилась четвертая часть семей — «отцовских» (родители—дети—внуки) и «братских».

Итак, наличие семей у подавляющей массы сибирского крестьянства к концу XVII—началу XVIII в. — важнейшее свидетельство создания русского старожильческого населения Сибири и предпосылка успеха ее дальнейшего хозяйственного освоения.

Дальнейшая эволюция форм семьи в среде земледельческого населения XVIII—первой половины XIX в. В течение XVIII в. в освоенных ранее районах Сибири шло дальнейшее развитие сложившегося там постоянного русского населения и развитие его семейного строя. О процессе развития крестьянских семей можно судить по массовым материалам первой четверти XVIII в. Так, по данным 1719 г. по Енисейскому уезду определенно выявляются состав и структура более девятисот семей енисейских крестьян⁶⁴.

Если во второй половине XVII в. господствующей формой семьи у енисейских крестьян была семья малая, то к 20-м годам XVIII в. половину семей составляли неразделенные семьи. У других групп сельского населения процесс образования неразделенных семей шел медленнее, нежели у крестьян, и такие семьи в уезде в рассматриваемое время составили четвертую часть семей⁶⁵. Енисейское население старалось вести хозяйство силами неразделенных семей, поэтому крестьяне не отделяли детей. В братских семьях со смертью кого-либо из братьев его дети не всегда порывали с семьями дядей. Поэтому крестьянские семьи Енисейского уезда в 1719 г. по численности были довольно многолюдными. Семьи с 4—6 мужчинами составляли в то время 43,7%, с 7—10 мужчинами — 19%⁶⁶. Средний размер крестьянской семьи по числу мужчин равнялся 4,7 лиц муж. пола на семью, тогда как в 1680 г. эта цифра не превышала 3,19. Это свидетельствует о том, что население Енисейского уезда в начале XVIII в. мало чем отличалось от европейского, в частности от поморского населения, которое в основном и заселяло Енисейский край⁶⁷. В некоторых енисейских семьях было до 30 человек обоого пола. В целом многолюдные неразделенные семьи составляли в уезде в 1719 г. пятую часть всех семей⁶⁸.

В других сибирских районах развитие крестьянской семьи в течение XVIII в. шло тем же путем, что и у енисейских крестьян. У тобольских крестьян к 1710 г. на семью приходилось

в среднем по 7,8 человека муж. пола⁶⁹. Крестьяне-старожилы к XVIII в. в Кузнецком уезде имели в своих семьях до 7 человек, большинство же семей (60%) насчитывало до 6 мужчин, хотя неразделенные составляли лишь 10% общего числа семей⁷⁰. В Томском уезде к 1720 г. семей, имевших до 5 и более человек, было 85,8%; наиболее же многолюдные семьи — до 11 человек — составляли 31,8%. В Илимском крае — соответственно 94,3% и 46,1%, причем семьи до 10 человек в 20-х годах XVIII в. были наиболее многочисленными⁷¹.

В структурном отношении среди семей неразделенных преобладали «отцовские». Так, в Томском уезде «отцовские» семьи насчитывали 23,2%, «братские» — 21,0%, в Тюменском уезде эти показатели были несколько ниже: «отцовские» семьи — 15,2%, «братские» — 3,8%⁷².

В целом в освоенных в сельскохозяйственном отношении районах Сибири к началу XVIII в. неразделенные семьи у крестьян либо преобладали, либо составляли немалое число среди других типов семей. Таким образом, в сравнении с начальным периодом заселения края размеры семей увеличивались с умножением населения, усложнялся их состав. Разделы разраставшихся семей тормозились в это время обработкой десятинной пашни, повинностью, возлагавшейся в натуральной форме на семью как тяглую единицу.

Во второй половине XVIII в. в развитии крестьянской семьи Сибири начал проявляться новый этап. К тому времени во многих местах происходили разделы старожильческих семей, чему способствовали отмена государственной пашни (с 1760-х годов) и перевод крестьян на повинность в денежной форме. Кроме того, путем разделов крестьяне стремились избавиться от рекрутской повинности, так как общины стремились выделить рекрутов в первую очередь из многолюдных семей. У крестьян Енисейского уезда даже неразделенные семьи были не очень многолюдны. Уже в конце XVII—начале XVIII в. семей с 7—10 мужчинами было немного, а семьи, в составе которых было более 10 мужчин, встречались крайне редко⁷³. В отличие от енисейских крестьян, у крестьян Илимского края во второй половине XVIII в. на двор приходилось в среднем 3,2 лица муж. пола и 3,3 лица жен. пола (всего 6,5)⁷⁴. В отдельных же районах Западной Сибири крестьяне ко второй половине XVIII в. сохранили еще много семей неразделенных. Ревизские сказки 1764 г. по некоторым волостям Верхотурского уезда⁷⁵ показывают следующий состав семей государственных крестьян (таблица 1, 2).

Как видно, неразделенных семей у верхотурских крестьян к этому времени было еще в два раза больше, чем семей малых. Семьи малые представлены преимущественно формой супруги — дети или вдовцы — дети. Среди неразделенных семей в Ирбитской слободе и в Фоминском погосте преобладала семья «братская»; в Ницынской слободе она несколько уступала «отцовской» семье. «Братские» семьи представлены главным образом формой

Таблица 1. Структура крестьянской семьи в Верготурском уезде (1764 г.)

Состав семей	Ирбитская слобода		Фоминский погост		Ницынская слобода	
	число	%	число	%	число	%
<i>Малая семья</i>						
Одночки	12	4,3	1	3,5	2	4,2
Супруги без детей	3	1,1	—	—	3	6,3
Супруги с неженатыми детьми	57	20,3	9	31,0	7	14,5
Вдовцы с неженатыми детьми	19	6,7	—	—	3	6,3
Солдатки с неженатыми детьми	3	1,1	—	—	2	4,2
<i>Неразделенная семья</i>						
<i>Отцовская:</i>						
Деды — отцы — сыновья — внуки	2	0,7	—	—	—	—
Отцы — сыновья — внуки	38	13,5	3	10,3	10	20,8
Вдовцы — дети — внуки — правнуки	4	1,4	4	13,7	—	—
Вдовцы — дети — внуки	29	10,3	1	3,5	6	12,5
Солдатки — дети — внуки	1	0,3	—	—	—	—
<i>Братская:</i>						
Братья без детей	3	1,1	1	3,5	—	—
Женатые братья с детьми и без детей	55	19,6	4	13,8	11	22,9
Женатые братья — дети — внуки	44	15,7	5	17,2	2	4,2
Вдовые братья — дети	—	—	—	—	—	—
Дядя — племянники	6	2,1	—	—	2	4,2
<i>Прочие семьи</i>						
(в т. ч. сложные, с боковым родством)	5	1,8	1	3,5	—	—
<i>Всего</i>	281	100,0	29	100,0	48	100,0

братья холостые и женатые с детьми или женатые братья — дети — внуки. Семьи «отцовские» в Ирбитской и Ницынской слободах состояли из супругов — детей — внуков (то же вдовцы — дети — внуки), в Фоминском погосте такая форма несколько уступала четырехпоколенной семье из вдовых родителей, их детей, внуков и правнуков. Вообще четырехпоколенных «отцовских» семей в это время было уже мало.

Немного и семей с боковым родством: с дядьями, тетками и племянниками (2,1% в Ирбитской слободe, 4,2% — в Ницынской). Встречались семьи более сложного состава, нежели семьи в форме дядя — племянники, представленные также единичными случаями. Так, например, одна семья в Ирбитской слободe состояла из трех женатых братьев, их детей, внуков, детей и внуков их бежавшего брата и семьи умершего их родственника, которая, в свою очередь, состояла из трех женатых братьев с детьми, жены их брата-рекрута с детьми, их незамужних сестер, вдовы умершего брата с детьми и ее снохой. Насколько многочисленны были эти семьи, можно судить по числу детей в них.

Таким образом, везде число детей у супружеских пар неболь-

Таблица 2. Число детей у супружеских пар в крестьянской среде
Верхотурского уезда (1764 г.)

Супруги с числом детей	Ирбитская сло- бода		Фоминский погост		Ницынская слобода	
	число пар	%	число пар	%	число пар	%
1	145	22,4	19	26,4	23	23,0
2	113	17,5	9	12,5	29	29,0
3	133	20,6	17	23,6	12	12,0
4	93	14,4	10	13,9	16	16,0
5	65	10,1	10	13,9	13	13,0
6	41	6,3	4	5,6	3	3,0
7	33	5,2	3	4,1	4	4,0
8	17	2,6	—	—	—	—
9	4	0,6	—	—	—	—
10	2	0,3	—	—	—	—
<i>Всего</i>	646	100,0	72	100,0	100	100,0

шое: более 60% пар с 1—3 детьми. Но в случае неразделенной семьи, когда в ней несколько брачных пар, наличие пар даже с небольшим числом детей увеличивало общую людность семьи по сравнению с семьей малой, хотя отдельные малые семьи (супруги — дети) насчитывали до 10 человек. В целом во второй половине XVIII в. в Верхотурском уезде наличествовала еще довольно многолюдная семья преимущественно в форме неразделенной «братской» семьи (10—30 человек). Причиной этого явления, возможно, был уход крестьян на различные работы. «Ревизские сказки» отмечают, что часть мужского состава семей отчислена в г. Ирбит, часть ушла на Кушевинские заводы графа П. А. Шувалова, иногда просто сослана в другие места. Оставшаяся семья, вероятно, стремилась сохранить свою работоспособность и платежеспособность и не допускала раздела. О степени семейных разделов у этих крестьян можно судить, выявив наличие однофамильцев в деревнях. Так, в пяти деревнях Фоминского погоста насчитывалось 9 фамилий и только 2 из них повторяются в трех деревнях. В семи деревнях Ницынской слободы из 13 фамилий — 2 встречаются в четырех деревнях. В 15 деревнях Ирбитской слободы из 65 фамилий 6 встречаются в 9 деревнях. Разделы и расселение однофамильцев еще редко осуществлялись в пределах волости. Чаще это происходило внутри деревни.

Размеры крестьянских семей в западносибирских земледельческих районах стали уменьшаться лишь в конце XVIII—начале XIX в. В 80—90-х годах XVIII в. в Тюменском уезде в Городовой крестьянской волости 95% семей были малыми, простыми по составу, а 5% — более сложными. В Усть-Ницынской слободе 14% семей были многолюдными. В Тобольском округе (волости Лабинская, Крачинская, 1788 г.) малые двухпоколенные семьи составляли 56% общего числа семей⁷⁶. В среднем семья к началу XIX в. имела до 3 мужчин вместо 4 в конце XVII—начале

XVIII в.⁷⁷ В течение XVIII в. средний размер крестьянской семьи везде в Сибири уменьшился, ибо крестьянам приходилось меньше осваивать новые земли, да и разделка пашни была легче (не всегда из-под леса) и не требовала больших семей. Многосемейные дворы перестали быть массовым явлением. Они стали типичны лишь для зажиточных крестьян⁷⁸.

Распады неразделенных семей и распространение семей малых во второй половине XVIII в. и на протяжении XIX в. были для Сибири явлением вторичного порядка. Малая семья в это время становилась господствующей формой семьи, как и в начальном периоде освоения сибирских земель. Правда, между малой семьей, существовавшей у первого поколения сибирского крестьянства, и такой же по форме семьей во второй половине XVIII—начале XIX в. были существенные отличия. Во-первых, отличительной особенностью вторичной малой семьи по сравнению с первоначальной могло быть сокращение числа лиц, не имевших наследников, ибо у первых насельников края не всегда был полный состав семей и не все из них имели возможность заводить детей. Во-вторых, вторичная малая семья, по всей вероятности, за счет повышения деторождения была более многолюдной.

В первой половине XIX в. в Западной Сибири почти повсеместно наблюдался внутренний рост семей: в Тюменском округе (1827 г.) до 6 человек обоего пола в семье (Покровская, Гилево-Липовская, Созоновская волости), тогда как в конце XVIII в. на семью приходилось в среднем 5,4 человека, в Тобольском округе (1838 г.) — до 6 человек, в Туринском (1850 г.) — до 8,4 человека, а в Ялуторовском и Тарском уездах тогда же — до 6,5—7,5 человека. В осваиваемых степных районах население росло еще больше: в Ишимском и Омском районах — до 9 человек на семью (1850 г.) Удельный вес семей в 1—3 человека мужского пола по сравнению с концом XVIII в. снизился. Произошел рост числа трудоспособных мужчин в семье: в конце XVIII в. в среднем на семью приходилось от 1,4 до 2, в 1850 г. — от 1,9 до 3⁷⁹.

Разделы разросшихся семей, начавшиеся еще во второй половине XVII в., привели к появлению целых гнезд однофамильных селений⁸⁰. Обилие однофамильцев в селениях, считавших себя родственниками, наблюдалось и много позднее, например, у приангарских крестьян. Родство признавалось там не далее третьего колена, так как разделы семей совершались сравнительно недавно⁸¹. В Восточной Сибири в первой половине XIX в. было много деревень с однофамильцами, особенно таких деревень, которые выросли из заимок, когда-то населенных одной семьей⁸².

Однако условия труда в земледельческих районах, где было необходимо поднимать новые земли или вводить в оборот залежи, способствовали тем не менее сохранению традиции совместного ведения хозяйства, занесенной переселенцами из поморских уездов и сохранявшейся в Сибири в течение XVII—XIX вв. Под влиянием этой традиции в местных сибирских условиях склады-

вались своеобразные формы ведения хозяйства в виде так называемых договорных семей, представлявших собой товарищества, не обязательно связанные узами родства. Ссылные поселенцы в сибирских деревнях прибегали к практике семей-товариществ, когда холостые и женатые мужчины со всевозможными родственниками кооперировали труд при становлении своего хозяйства⁸³. Коллективные хозяйства, возникшие в XIX в., имели в своем составе не обязательно родственников. Так, в 40-х годах XIX в. у западносибирских крестьян сохранялись и даже образовывались вновь большесемейные коллективы, в которые объединялись семьи совладельцев, или, как их называли чаще в XIX в., «товарищей»⁸⁴. В Тюменском округе (Яровская волость) такие семьи — «кооперации» — в 1850 г. составили 29% всех семей (в 1782 г. их было 9,5%)⁸⁵. Опыт севернорусских крестьян Европейской России — слияние семей в одну хозяйственную семью — прижился и у илимских крестьян⁸⁶. Объединения малых семей в совместные хозяйства существовали у крестьян Приангарья⁸⁷. В одно хозяйство там могло объединиться сразу несколько семей. Такие «договорные семьи» образовывались также престарелыми людьми, которые договаривались с посторонними о совместном ведении хозяйства, а после смерти их имущество переходило к другим членам таких семей-артелей⁸⁸.

Но, кроме таких артелей, в Сибири в первой половине XIX в. сохранились и семьи неразделенные, состоящие из близких родственников. Сохранению неразделенных семей так же, как и появлению «договорных» семей, способствовали особенности хозяйства в том или ином районе. Так, в Приангарье к такому явлению вела необходимость расчистки земель, требовавшей затрат многих рабочих рук. В осваиваемых округах на юге Западной Сибири (на Ишиме и Оми) в первой половине XIX в. существовало много неразделенных семей: например, в Чернолуцкой волости Омского округа — 31%. Неразделенные семьи, объединявшие несколько брачных пар различных поколений, в Ишимском и Омском округах иногда насчитывали по 20—28 человек⁸⁹. В XIX в. у забайкальских старообрядцев встречались даже семьи в 3—4 поколения, насчитывавшие до 50 душ обоего пола⁹⁰. Неразделенные семьи в то время преобладали в форме «отцовской семьи», состоящей из родителей, 2—3 сыновей с их семьями. В Приангарье, например, в таких семьях насчитывалось 12—15 человек, реже — более. В Нижне-Илимском, Кежемском и Братском районах встречались семьи до 18—30 человек⁹¹. Неразделенные семьи в форме «братской» семьи в XIX в. встречались уже реже, нежели в предшествующее время. Семьи с родственниками бокового родства (дядьями, тетками, двоюродными братьями и сестрами и т. п.) были совсем редки⁹². У алтайских старожилов такие же неразделенные семьи насчитывали до 25 человек⁹³. Их существование обуславливалось экономическими выгодами ведения хозяйства при большом числе рабочих рук. Сохранению таких неразделенных семей, особенно в среде старо-

обрядческого кержацкого населения Алтая, способствовали, кроме того, религиозные установки и обычаи.

У населения Забайкалья неразделенные семьи со множеством рабочих рук давали возможность сочетать сельскохозяйственные работы с отхожими промыслами (извозом, старательством и др.)⁹⁴.

Неразделенные семьи несложного состава на Алтае, в Приангарье и Забайкалье сохранялись долго, до первой четверти XX в.⁹⁵, но они составляли небольшое число семей. Неразделенные же семьи с более сложным составом и архаическими чертами (включением троюродного родства, дядей, теток и т. п.) занимали совсем небольшое место среди общего числа семей сибирского крестьянства.

Несмотря на сохранение в Сибири неразделенных семей, в первой половине XIX в., бесспорно, везде господствовала малая семья. Средний ее размер для западносибирских районов и Алтая к тому времени достиг 3 мужчин⁹⁶. В Восточной Сибири, по сообщениям официальных лиц, в среднем на семью приходилось 3 лица муж. пола: в Минусинском крае — 6,1 человека обоего пола, в Иркутской губ. — 5,4 человека обоего пола (1840—1850-е годы)⁹⁷. Это была обычная по размерам крестьянская семья дореформенной России. Даже многие семьи старообрядцев в XIX в. были близки семьям православного населения. Так, у раскольников Ялutorовского и Тарского округов (1834 г.) размеры семей (в среднем по 8,1 человека) приближались к средней крестьянской семье этих районов (от 6,4 до 9,2 человека)⁹⁸.

Структура малых семей, как и неразделенных, была различной. Чаще малая семья состояла из родителей и малолетних детей (двухпоколенная семья). Были семьи, состоявшие из бездетных супругов. Трехпоколенная неразделенная семья (родители и женатые дети со своими детьми) также была не редкостью, а у приангарских крестьян она встречалась даже чаще, чем двухпоколенная семья⁹⁹; у тюменских крестьян (Яровская волость, 1850 г.) таких семей насчитывалось 15,2%¹⁰⁰.

Таким образом, на различных этапах русской колонизации Сибири соотношение форм семьи у крестьянского населения в разных районах было различным. В начальную пору освоения территории — в первой половине XVII в. — переселенцы состояли в значительной степени из холостых мужчин. По мере оседания в Сибири и обзаведения хозяйством у них складывалась малая семья. С ростом населения, в результате подселения родственников и вообще новоприходцев из Европейской России развивались обе формы семьи — как малая, так и неразделенная. В начале XVIII в. их соотношение в Енисейском уезде было примерно одинаковое, в Верхотурско—Тобольско—Томском регионе малые семьи составляли до 70% семей, в Нерчинском уезде — до 43%, в Илимском крае неразделенные семьи были наиболее многочисленными. Образование неразделенных семей наблюдалось повсеместно в течение XVIII в. Во второй половине XVIII—первой

половине XIX в. в результате распада неразделенных семей вновь господствующей становится малая семья. Но неразделенные семьи сохранялись наряду с малыми и в ряде мест просуществовали долго. Так, в Тобольском и Томском уездах неразделенные семьи сохранялись до 80-х годов XIX в., а в Приангарье и Забайкалье — до первой четверти XX в. В истории неразделенной семьи позднего времени — XIX в. характерно преобладание «отцовской» семьи над «братской». Неразделенные семьи XIX—начала XX в. отличались от таковых более раннего времени, ибо их единство было чисто внешнее. Иногда члены такой семьи, как и прежде, жили в одном доме и пахали одну пашню, но стремление к разделу зрело в их среде; внутри нее у отдельных супружеских пар нередко появлялись отдельные хозяйства (скот, посевы льна и т. п.) и свои статьи дохода¹⁰¹.

«Семья» и «двор» в сибирской деревне. При изучении типов крестьянской семьи на разных этапах ее истории существен также вопрос о том, насколько были тождественны понятия «семья» и «двор» в сибирских деревнях в различные периоды времени. Этот вопрос заслуживает внимания потому, что в разных источниках, в которых приводятся данные об общей численности сибирского населения, наряду с численностью дворов может быть указано и число людей. Так, по переписным книгам 1678 г. в сибирских уездах насчитывалось 10 289 дворов посадских людей, государственных, архиерейских и монастырских крестьян¹⁰². При этом считалось, что двор соответствует семье, а число дворов отражает и число дворовладельцев. Однако в «Окладной книге 1697 г.» и «Ведомости 1701 г.»¹⁰³ численность разных групп крестьянства Сибири указана то по числу дворов, то по числу людей, и для целей настоящей работы соотношение этих понятий становится более чем существенным.

Исследовавший эти сводные документы Я. Е. Водарский, отмечая неточность регистрации и подсчета, столь свойственную для XVII—XVIII вв., писал, что численность папенных крестьян и оброчных бобылей необязательно соответствует числу дворов, которое может быть меньше числа тягловцев¹⁰⁴, но так или иначе не усматривал разницы между «двором» и «человеком», понимая под последним дворовладельца¹⁰⁵.

Численность людей не обязательно соответствует числу дворов. Последнее могло быть меньше, чем число тяглого населения, но не намного, поэтому возможно приравнивание числа тягловцев к числу дворов, в большинстве из которых жила одна семья (малая или неразделенная) во главе с одним дворохозяином. Двор, как правило, составляла работоспособная семья, в составе которой были взрослые и дети. Это подтверждается и средней населенностью дворов папенных и оброчных крестьян, высчитанной Я. Е. Водарским по данным источникам. Она равняется в среднем на семью 2,9 лица¹⁰⁶.

Однако были, конечно, и такие дворы, населенность которых не ограничивалась одной семьей. Это можно было наблюдать

в тех случаях, когда семья принимала в свой двор посторонних людей. Так, известно, что у верхотурских пашенных крестьян в 1620—1640-х годах в семьях жили неродственные им люди. Это были бездомные бобыли, принятые в дома крестьян, или половники, работавшие на крестьянскую семью. Нередко у бобылей и половников были свои семьи, которые селились вместе с ними во дворах крестьян¹⁰⁷. Посторонний элемент в дворах в Сибири, как и в Европейской части России, составляли подворники, захребетники, иногда половники, когда у них не было своего двора, крепостные дворовые работники, селившиеся в чужих дворах¹⁰⁸. Дворовые люди отмечались у служилых людей и казачьих детей, а остальные категории зависимого сельского населения встречались в дворах как служилого и посадского населения, занимавшегося сельским хозяйством, так и крестьян¹⁰⁹.

Традиция коллективного ведения хозяйства, занесенная в Сибирь из Поморья, приводила к подселению пришельцев из Европейской части России к служилым людям и крестьянам, осевшим в Сибири. Такие подселения в качестве половников, захребетников, присевщиков совершались на заимках томских служилых людей и крестьян в начале XVIII в.¹¹⁰ Среди пашенных крестьян и служилых людей Томского уезда к 1720 г. 11,2% хозяйств имели подворников и захребетников¹¹¹. Многосемейность дворов и наличие в них подворников наблюдались также в складнических хозяйствах илимских пашенных крестьян во второй половине XVII—начале XVIII в.¹¹² Совместные хозяйства — «жеребьи» (иногда и дворы) — с включением неродственного элемента, особенно, когда состав семьи был неполный, отмечались в XVIII в. у служилых людей и крестьян Верхотурско-Тобольского района¹¹³.

Расширяющиеся хозяйства увеличивали свой состав за счет приемных детей, в основном из числа незаконнорожденных. «Приемыши» — широко распространенное и давнее явление у приангарских крестьян¹¹⁴. «Прокормленники» отмечались в XVII в. у туринских пашенных и оброчных крестьян¹¹⁵.

Такое же явление наблюдалось у монастырских и государевых крестьян Верхотурского уезда. Крестьяне Николаевского Верхотурского монастыря принимали в семьи незаконнорожденных. Одна из таких семей состояла из вдовы, ее сына и принятого незаконнорожденного ребенка 16 лет. Другая семья — из супругов, их детей и бежавшего родственника их незаконнорожденного брата 10 лет¹¹⁶. У крестьянской семьи в Ницынской слободе у супругов с детьми был еще «приемыш незаконнорожденный 15 лет»¹¹⁷. В Фоминском погосте такая же крестьянская семья приняла в дом «подкидыша незаконнорожденного» — девочку 9 лет¹¹⁸.

Кроме того, в состав сельского населения поступал «ясырь» — пленники. «Купленный ясырь» — характерная черта сибирской деревни того времени¹¹⁹. Наличие «полонных людей» известно на заимках казаков в Томском уезде (1675 г.)¹²⁰.

В течение XVIII в. с расширением хозяйств потребность в рабочих руках росла. Несмотря на повсеместное умножение в первой половине XVIII в. числа неразделенных семей с большим числом работоспособных членов, нежели в малых семьях, везде росло число посторонних людей во дворах. Населенность дворов увеличивалась также за счет подселения наемных работников — батраков. Ими были люди, не имевшие ни земли, ни двора, ни семьи. Наем батраков с подселением во дворы крестьян, по-видимому, широко практиковался в XVII в., а в некоторых местах и в первой половине XVIII в.¹²¹ Например, в 1722 г. две трети хозяйств у крестьян Илима имели батраков¹²².

Наличие постороннего элемента в крестьянских дворах во второй половине XVII—первой половине XVIII в. увеличивало населенность дворов и не всегда вело к совпадению понятий «двор» и «семья»: населенность двора могла превышать число членов семьи.

Крестьянский двор как единица обложения просуществовал в Сибири до 60-х годов XVIII в., несмотря на введение подушного обложения в начале века. Это было связано с сохранением «государевой десятинной пашни» как основной формы феодальной эксплуатации. Подушное обложение повлияло лишь на учет лиц в складнических хозяйствах: постепенно стали переписывать отдельно каждую семью, составляющую такое хозяйство. Со второй половины XVIII в. проходил общий в истории государственных крестьян России процесс — перевод в единое сословие различных категорий сельского населения, не принадлежавшего помещикам. К государственным крестьянам причислялись церковные и монастырские крестьяне (так называемые экономические) после секуляризации в 60-х годах XVIII в.; в начале XIX в. они окончательно слились с государственными крестьянами¹²³. В 80-х годах XVIII в. в категорию государственных крестьян вошли сибирские разночинцы — потомки бывшего служилого населения, занимавшиеся земледелием¹²⁴. Уничтожались такие категории сельского населения, как подворники, половники, захребетники. Генеральное межевание, ограничившееся в Сибири перераспределением земель, все же способствовало наделению их землей и обзаведению хозяйством. К XIX в. состав крестьянства был менее пестрым, а его социальный статус более «уравненным». Судя по документам того времени, в различного вида учета населения понятия «двор» и «семья» совпадают, и под крестьянским двором подразумевалась крестьянская семья (малая или неразделенная), на численность которой уже не влияло постороннее население. Лишь в редких случаях в крестьянских дворах встречаются неродственные люди. В Томском округе и в 40-х годах XIX в. отмечались подворники, наличие которых отражалось на населенности двора (в среднем 3,1 лица муж. пола на двор вместе с подворниками)¹²⁵.

Локальные особенности семейного строя у отдельных групп сельского населения. По структуре семьи других групп сельского

населения в целом мало чем отличались от семей «пашенных» крестьян, хотя и имели свои особенности. Более нормальный состав семьи у крестьян объяснялся более устойчивым хозяйственным положением их по сравнению с другими категориями сельского населения¹²⁶. В XVII в. превращение служилых людей в постоянных городских или сельских жителей в силу условий их службы происходило гораздо медленнее, чем у крестьян, а поэтому задерживалось и образование у них семей. Так, в Енисейске и его уезде, по данным 1669 г., из 409 служилых людей семейных было всего 120 человек, тогда как у крестьян из 501 человека женатых было 284 человека¹²⁷. В Красноярском уезде в 1671 г. из 406 служилых людей дети имелись у 102 человек, в Туруханске в 1670 г. из 100 стрельцов женатыми были 64 человека¹²⁸.

Промышленники и «гулящие» люди, которые пополняли сельское население, по сравнению со служилым (казацким) населением, были в XVII в. еще более «бессемейной» категорией. Более позднее сложение семей у представителей этих групп населения сказывалось и на составе их семей. Крестьянство почти повсеместно образовывало семьи неразделенные. Такие семьи держались и не делились в западносибирских районах у пашенных крестьян до 60-х годов XVIII в. (до отмены государственной пашни и перевода крестьян на денежный оброк)¹²⁹. По данным 1719 г., у крестьян Енисейского уезда такие семьи составляли половину всех семей, у остального населения — четверть. У посадских и служилых людей уезда основной формой семьи оставалась малая семья¹³⁰. В среднем в Енисейском уезде в 1719 г. на семью приходилось 4,7 лица муж. пола, у посадских и служилых людей — 3,0¹³¹. По-видимому, поэтому служилые люди образовывали коллективы типа неразделенных семей — складнические хозяйства, которые не обязательно были родственными объединениями.

В Забайкалье в XIX в. отмечались также некоторые различия в семье сельского населения, имевшего разное происхождение. Казаки, многие из которых к тому времени превратились в крестьян, имели, как и местные крестьяне-старожилы, малые семьи, но по размерам более малочисленные, нежели крестьянские. Казацкие семьи, даже неразделенные, не превышали по численности 15 чел. У крестьян семьи были более многодетные, и сохранялось много семей неразделенных¹³². Малочисленностью казацкие семьи по сравнению с крестьянскими отличались и в более раннее время. По-видимому, эта черта сохранялась у населения бывших казацких районов.

В XVIII в. среди сельского населения Сибири большую группу составляли так называемые разночинцы — потомки бывшего служилого населения, которое занималось хлебопашеством, но в отличие от крестьян платило денежную ренту и не отбывало десятинную пашню. Отличаясь от «государевых» крестьян лишь происхождением, разночинцы были близки к ним и по положению и по занятиям¹³³, что, вероятно, определяло и одинаковые явле-

ния в развитии семьи тех и других. Но поскольку разночинцы по сравнению с крестьянами были несколько «бедствующей и обездоленной частью» населения, то наблюдались и некоторые отличия в семьях тех и других: в начале XVIII в. в Илимском крае у крестьян в семьях рождалось детей в три раза больше, чем у разночинцев, умирало в два раза меньше¹³⁴.

Процесс образования семей у монастырских крестьян проходил так же, как и у «государевых». Осев на землю при монастыре и приобретя постоянное жительство, монастырские работники заводили семьи. По своей структуре их семьи были аналогичны семьям «пашенных», а затем государственных крестьян. По известным данным к 80-м годам XVII в. у енисейских монастырских крестьян из выявленных форм семьи преобладала малая семья (родители — дети) — 41,4%, неразделенные семьи (как «отцовские», так и «братские») составляли примерно 15%¹³⁵.

В первой половине XVIII в. у монастырских крестьян, так же как и в более раннее время, различий в форме и численности семей по сравнению с государственными крестьянами не наблюдалось¹³⁶. Так, 77,5% государевых и монастырских крестьян Томского уезда насчитывало по 1—4 мужчины в семье, треть семей — по 1—2 и менее 7% — по 6 мужчин¹³⁷. В отличие от них монастырские крестьяне Верхотурского уезда до второй половины XVIII в. сохраняли много неразделенных семей. По «ревизским сказкам» 1764 г., крестьяне Невьянского Богоявленского монастыря и Верхотурского Николаевского монастыря (в Подгородной слободе и Пышминской заимке) имели следующий состав семей¹³⁸ (таблица 3).

Как видно, неразделенные семьи у монастырских крестьян во второй половине XVIII в. еще преобладали. Малые семьи, как и у государевых крестьян, существовали главным образом в форме супруги — дети (иногда вдовцы — дети). Среди неразделенных семей у крестьян Невьянского монастыря преобладающей оставалась «братская» семья. У крестьян Верхотурского монастыря «отцовская» и «братская» формы представлены примерно поровну. Как и у пашенных крестьян, семья, состоящая из родственников по боковой линии (дядья — племянники и др.), немногочисленна.

Примерно одинаковое с государственными крестьянами и число детей у брачных пар монастырских крестьян (см. табл. 4).

Наиболее всего число пар с 1—3 детьми. У монастырских крестьян меньше, чем у государственных, пар многодетных, но, возможно, это связано с меньшей общей численностью представленных монастырских крестьян, нежели государственных (ср. данные на с. 22—23).

Небольшими размерами как в XVII, так и в XVIII в., отличались семьи западносибирских ямщиков. По данным 1620—1645 гг. в Верхотурской Ямской слободе среди 62 семей можно насчитать лишь 9 семей, состоящих из родителей, детей и внуков мужского пола, и 6 «братских» семей¹³⁹.

Таблица 8. Структура семей монастырских крестьян
Верхотурского уезда 1764 г.

Состав семей	Крестьяне Невьянского Богоявленского монастыря		Крестьяне Николаевского Верхотурского монастыря	
	число	%	число	%
<i>Малая семья</i>				
Одинокие	3	3,8	5	2,8
Супруги без детей	2	2,5	5	2,8
Супруги — неженатые дети	22	27,9	65	35,9
Вдовцы — неженатые дети	3	3,8	11	6,0
<i>Неразделенная семья</i>				
<i>Отцовская</i>				
Деда — отцы — сыновья — внуки	—	—	6	3,3
Отцы — сыновья — внуки	5	6,3	24	13,2
Вдовцы — дети — внуки	8	10,1	12	6,7
<i>Братская</i>				
Братья без детей	—	—	2	1,1
Женатые братья с детьми (в т. ч. двоюродные, без детей, либо без одного из супругов)	29	36,7	36	19,9
Женатые братья с детьми и внуками	5	6,3	6	3,3
Вдовцы братья с детьми и внуками	1	1,3	—	—
Дядья — племянники	1	1,3	5	2,8
<i>Прочие</i> (сложные с боковым родством)				
	—	—	4	2,2
Всего	79	100,0	181	100,0

Сравнительный анализ семей верхотурских крестьян и ямщиков (1620—1645 гг.) можно провести исходя из данных табл. 5.

Следует, правда, отметить, что «Дозорная книга населения г. Верхотурья и уезда» (1620—1645 гг.), на основе которой составлена табл. 5, содержит неполные данные о населении Верхотурского уезда. Состав семей указан не всегда или очень неопределенно, особенно это характерно для описания ямщицких дворов. Такие дворы увеличивали показатель бессемейных людей, так как в их число могли попасть женатые люди, но без детей или с детьми женского пола. Тем не менее ясно, что у крестьян больше, чем у ямщиков, была распространена семья неразделенная, главным образом «братская». Указания на семьи, состоящие из родителей, детей и внуков, в источнике отсутствуют вообще. По численности членов семьи различия у крестьян и ямщиков небольшие. В семьях, состоявших из родителей и детей, у крестьян в среднем насчитывалось до 3 мужчин, у ямщиков — до 2. Небольшими размерами характеризовались семьи ямщиков и в дальнейшем, в XVIII—начале XIX в. Так, роспись семей верхо-

Таблица 4. Число детей у супружеских пар монастырских крестьян
Верхотурского уезда (1764 г.)

Пары с числом детей	Крестьяне Невьянского Богоявленского монастыря		Крестьяне Верхотурского Николаевского монастыря		Пары с числом детей	Крестьяне Невьянского Богоявленского монастыря		Крестьяне Верхотурского Николаевского монастыря	
	число	%	число	%		число	%	число	%
1	19	13,2	69	22,3	6	12	8,4	16	5,2
2	38	26,6	57	18,4	7	7	4,9	8	2,6
3	40	28,0	62	20,1	8	3	2,1	2	0,7
4	13	9,1	60	19,4	Всего	143	100,0	309	100,0
5	11	7,7	35	11,3					

Таблица 5. Состав семей верхотурских крестьян и ямщиков (1620—1645 гг.)

Состав семьи	Пашенные крестьяне						Ямщики * Ямской слободы	
	около острога		в уезде *		по Тагилу и Мугаю *		число семей	%
	число семей	%	число семей	%	число семей	%		
<i>Малая семья</i>								
Одиночке (м. п.)	10	33,4	26	63,5	25	62,5	36	58,0
Родители с детьми м. п. (с пасынками в т. ч.)	5	16,6	8	19,5	5	12,5	9	14,5
<i>Неразделенная семья</i>								
Братья	15	50,0	6	14,6	5	12,5	6	9,7
<i>Прочие семьи</i>								
—	—	—	1	2,4	5	12,5	11	17,7
Всего	30	100	41	100	40	100	62	100

* Состав семьи указан не везде, поэтому большой процент одиночек.

турских ямщиков 1767 г. показывает, что среди 155 семей было 74 семьи с одним работником, 51 семья с двумя работниками и 19 семей с тремя работниками¹⁴⁰. Таким образом, преобладали семьи с 1—2 работниками мужского пола, что свидетельствует о сохранении у ямщичьего населения преимущественно малых семей. Условия жизни ямщиков и ведение их хозяйства не требовали большого числа рабочих рук и увеличения семей. В Тюменском округе в 1817 г. семьи ямщиков отличались от семей местных крестьян, насчитывая в среднем по 2,7 лица муж. пола на двор¹⁴¹.

Своеобразием отличались семьи ссыльных людей. Уже к 40-м годам XVII в. выявилась бесперспективность создания постоян-

ного населения путем ссыльных одиночек, и тогда правительство позволило семьям ссыльных следовать за ними в Сибирь. В 1645—1647 гг. в Енисейск было сослано 40 человек, 14 из которых имели семьи. Среди этих семей две были неразделенными, состоящими из родителей, детей, снох, внуков¹⁴². У ссыльного населения начали развиваться те же формы семьи — малая и неразделенная, но этому процессу препятствовало настороженное отношение со стороны другого населения, не желавшего с ними родниться. Поэтому образовывались целые деревни и слободы только из ссыльных. Отдельные поселения ссыльных с их семьями в Енисейском крае образовались уже в 1645 г. под Красноярском (20 человек), в 1668 г. — в Мангазейской слободе (30 человек, почти все семейные), в 1680 г. у Енисейска в Новой Подгородной (Гарской) слободе и у Мангазейской слободы — Кузнецкая деревня¹⁴³.

И все же ссыльные поселенцы (крестьяне и другие сословия) были малосемейными по сравнению с государственными крестьянами и в XIX в. Среди них было много и одиноких, был мал процент ссыльных женщин. Указом правительства 1812 г. было разрешено ссыльным переселяться с семьями. Создать новую семью для них было трудно, так как старожилы-сибиряки не хотели принимать в дом зятьев из ссыльных. Не спас положение и указ 1831 г. о вознаграждении крестьян, женивших дочерей на ссыльных¹⁴⁴.

Семьи «пашенных» крестьян различных районов в XVII в. различались по структуре. Новообразующиеся селения почти целиком состояли из семей малых с небольшим числом людей в них, тогда как в старых деревнях, просуществовавших не меньше 40 лет, уже много было семей неразделенных. Если в 1669 г. неразделенные крестьянские семьи (родители, женатые дети, внуки) в Енисейском уезде составляли 12,2% общего количества семей, то в 1689—1691 гг. их было 24,2%, и вместе с другими неразделенными семьями они составляли в уезде третью часть. Среди неразделенных семей новоприходцев преобладала форма «отцовской» семьи, тогда как у старожилов братья сохраняли неразделенные семьи после смерти отцов¹⁴⁵.

По структуре и численности семьи крестьян в земледельческой полосе Западной Сибири различались в оброчных и «пашенных» деревнях, на что влияла форма феодальной эксплуатации, а отсюда и различия в ведении хозяйства. Это в свою очередь определяло разные условия, в которых формировались и существовали семьи тех и других. «Пашенные» крестьяне размещались в районах с наиболее плодородными землями. В семье «пашенных» крестьян, например, Кузнецкого уезда в XVIII в. насчитывалось иногда до 7 мужчин (преимущественно старожилы), у оброчных крестьян в среднем на семью до 2,9 лиц муж. пола (новопоселенцы); 60% семей «пашенных» крестьян имели в семьях по 6 мужчин. У оброчных крестьян таких семей было всего 2%. Среднее же число работников на семью там было равно 3 чело-

векам у «пашенных крестьян», 1,3 — у оброчных¹⁴⁶. Семейным разделам у «пашенных» крестьян препятствовала администрация, чтобы их семьи не превратились в несостоятельных плательщиков податей. В целом в 70-х годах XVIII в. о численности крестьянских семей в земледельческих уездах Западной Сибири можно судить по табл. 6.

Наиболее многочисленными были семьи крестьян Верхотурского, Тюменского, Туринского уездов, т. е. основных хлебопроизводящих районов.

Большими по численности были крестьянские семьи некоторых земледельческих районов Восточной Сибири. У енисейских крестьян с конца XVII в. по первую четверть XVIII в. численность семей выросла в среднем с 3,19 до 4,17 человека¹⁴⁸. Особенно большими размерами отличались семьи у населения таежных районов. Это наблюдалось у крестьян Лены, где существовала многосемейность крестьянских дворов¹⁴⁹. Двор крестьян на Илиме в среднем состоял из 10,9 лиц обоего пола¹⁵⁰. По сравнению с дворами западносибирских крестьян дворы-семьи восточносибирского крестьянства были более многочисленны. В среднем в Томском уезде, например, двор состоял в то время из 8,8 лиц обоего пола¹⁵¹.

Таблица 6. Средняя численность семьи крестьян-земледельцев Западной Сибири¹⁴⁷

Уезд	Среднее число мужчин на 1 двор	Уезд	Среднее число мужчин на 1 двор
Тобольский	2,1	Туринский	2,5
Верхотурский	3,2	Тюменский	2,6
Пельымский	1,3	Тарский	2,2
		В среднем	2,3

Безусловно, своеобразными чертами по сравнению с семьями «пашенных» крестьян отличались семьи промыслового населения в тундровых и приполярных районах Сибири. В начале XVIII в. у березовских и сургутских жителей господствовала малая двухпоколенная семья (в основном из 2 мужчин), уступавшая по размерам крестьянским семьям земледельческих районов (в среднем 4 мужчины)¹⁵².

Рост неразделенных семей у крестьян Сургута и Березова в течение XVIII в. происходил медленно и значительно уступал по темпам аналогичному процессу у крестьян земледельческих западносибирских районов. К 80-м годам XVIII в. у сургутских крестьян неразделенные семьи составляли 28%, у березовских — 16%, тогда как на юге Западной Сибири это была наиболее распространенная форма семьи в то время¹⁵³. Причина этого явления заключалась в том, что специфика неземледельческого хо-

зайства, ориентированного на промыслы и отчасти на торговлю, не требовала семей больших размеров.

В среднем на семью в течение XVIII в. у сургутских крестьян приходилось 2,3 лиц муж. пола в 1702 г. и 2,7 лиц муж. пола в 1782 г., у березовских крестьян соответственно 1,8 и 1,6¹⁵⁴, т. е. на протяжении XVIII в. семья сохранялась фактически на одном уровне.

Однако и там в первой половине XIX в. стала возрастать внутрисемейная многолюдность. Расширение торгово-промыслового хозяйства у неземледельческого населения северных районов в то время усилило потребность в рабочих руках. Такое явление наблюдалось у промыслового населения Сургута и Березова, где в 30—50-е годы XIX в. образовались семьи в 6—12 человек¹⁵⁵. В результате в среднем на крестьянский двор в этих местах приходилось у сургутского населения 2,8 лиц муж. пола в 1834 г. и 3,2 — в 1850 г., а у березовцев — 2,3 в 1834 г. и 2,8 — в 1850 г.¹⁵⁶. Внутрисемейная многолюдность у неземледельческого населения Западной Сибири привела к тому, что разница в средней населенности двора неземледельческого севера и земледельческого юга в первой половине XIX в. стала незначительной.

Та же ситуация прослеживалась в среде промыслового населения Мангазейско-Туруханского края, занимавшегося исключительно рыбным и пушным промыслами; структура его семей на 1720 г. отражена в табл. 7¹⁵⁷.

Таблица 7. Структура семей промыслового населения Мангазейско-Туруханского края (1720 г.)

Семья	Служилые люди, %	Крестьяне, %	Семья	Служилые люди, %	Крестьяне, %
<i>Малая семья</i>			<i>Неразделенная семья</i>		
Супруги без детей	25	—	Родители с детьми и внуками	5,5	23,4
Родители с детьми, в т. ч. и взрослыми	48,4	69,2	Женатые братья с детьми и без них	21,1	7,7
			<i>Всего</i>	100,0	100,0

Как можно заметить, большую часть составляли семьи малые, тогда как в земледельческих районах в то время росла семья неразделенная. Среди неразделенных семей у промыслового населения трехпоколенные семьи были немногочисленны.

Таким образом, в процессе образования и развития семей у сибирского сельского населения не обнаружилось резких отличий в среде разных его сословных групп. При локальных особенностях этого процесса, особо заметных у промыслового и земледельческого населения, во-первых, повсеместно наблюдалась единообразная этапность в развитии семьи; во-вторых, к XIX в. проявились тенденции к нивелировке в различных сибирских

районах. При этом сохранялись отдельные локальные различия, хотя превращение крестьян в более однородную сословную группу постепенно способствовало стиранию этих различий в среде сельского населения.

В XIX в. происходило повсеместное утверждение малой семьи, но довольно многолюдной по числу членов. Неразделенные семьи продолжали существовать в некоторых районах, что объяснялось необходимостью ведения хозяйства большими силами (поднятие целины, залогов и т. п.), а также сохранением традиций, как это было у старообрядцев Алтая, где разделы были нечасты.

Внутренний строй семейной жизни. Разумеется, процессы развития крестьянской семьи Сибири необходимо рассматривать в органической связи с ее повседневной внутренней жизнью. К сожалению, до настоящего времени известны лишь немногочисленные сведения о внутрисемейном строе в XVII—XVIII вв. Основной материал датируется XIX в., хотя очевидно, что многие явления, характерные для этого времени, своими корнями уходят в глубь времен. Внутренний строй семей, их существование и жизненный уклад, связанный с определенной хозяйственной деятельностью и регулируемый общепринятыми правовыми нормами, имели различия в семьях малых и неразделенных. Семейный строй, в частности, отражался на типологии жилища и крестьянского двора. Большой численный состав неразделенных семей и большие размеры хозяйства, нежели у семей малых, вели к различиям в размерах и типологии жилищ. Большесемейные традиции енисейских и приангарских крестьян влияли на сохранение неразделенными семьями крупных усадеб с большими размерами жилой площади¹⁵⁸.

Вся жизнь, права и обязанности членов семьи были регламентированы, и за этим следил глава семьи. Возглавлялись семьи всегда мужчинами, старшими по возрасту. В малых семьях это был отец семьи. В неразделенных им был либо дед, либо отец (в семьях «отцовских»), либо кто-нибудь из братьев (в семьях «братских»). Женщина становилась во главе семьи редко — после смерти мужа, когда у нее не было взрослых сыновей. Были случаи, когда семья возглавлялась женщиной, если ее муж был рекрутом. Так, семьи «солдаток» с детьми отмечены у крестьян Верхотурского уезда в 1764 г.¹⁵⁹: две семьи (4,2% всех семей) в Ныпчинской слободе, три семьи (1,1% всех семей) в Ирбитской слободе. «Солдатки» же в семьях неразделенных находились в зависимом положении от родственников их мужей-рекрутов. Такие семьи существовали у верхотурских монастырских крестьян Подгородной слободы, Пышминской заимки и у государевых крестьян Ирбитской слободы (1764 г.)¹⁶⁰.

Глава семьи руководил хозяйством, распределял работы в семье. Труд в семьях был разделен по полу. Мужчины выполняли тяжелые сельскохозяйственные работы, ухаживали за рабочим скотом, заготавливали дрова, занимались охотой и рыболовством. Женщины выполняли некоторые полевые работы (жатва,

сенокос), обрабатывали огород, ухаживали за домашним скотом, на них лежала работа по приготовлению пищи, шитье одежды, уход за детьми, они занимались прядением и ткачеством.

Весь женский состав семьи и женские работы находились в ведении старшей женщины (жены главы семьи). В сибирской семье, как и повсюду у русских, она имела большую самостоятельность по сравнению с другими женщинами в семье.

Хотя в целом женщины занимали подчиненное положение по отношению к мужчине¹⁶¹, сибирские женщины были менее зависимы, что объяснялось условиями хозяйства сибирского населения. Крестьяне, приписанные к заводам (Нерчинский уезд, Кузнецко-Томский район), вынужденные выполнять барщинные работы, часто отлучались из дома. В таежной полосе мужчины на многие месяцы уходили на охоту. С отлучками была связана и служба казачьего населения. В таких случаях хозяйство ложилось на женщин, что давало им преимущества в правовом отношении¹⁶². Такое положение было свойственно женщинам в малой семье или старшей женщине в семье неразделенной. Наиболее бесправными в неразделенных семьях были снохи. Права женщин в семье прежде всего обуславливались имущественным положением. Как и везде в русских семьях, женщины имели свое отдельное имущество, состоящее из приданого и личных доходов от продажи тех или иных продуктов домашнего труда. Кроме того, им принадлежал выращенный ими мелкий скот и птица, которых они могли продать¹⁶³. Последнее преимущество не распространялось на снох. Из общесемейных средств им ничего не принадлежало. В случае смерти приданое возвращалось их родителям, либо переходило дочерям. Особенно зависимым было положение женщин-снох в старообрядческих семьях, например у кержаков Алтая, где на них смотрели как на бесплатных работниц¹⁶⁴.

Менее стеснены были женщины в семье малой, нежели в неразделенной. Хотя жена в такой семье и находилась в подчинении мужа, но не испытывала давления со стороны старшего поколения родственников мужа.

Жизнью детей распоряжались старшие в семье. За малолетними детьми ухаживали обычно свекровь или одна из невесток (в неразделенных семьях). Сыновья обязаны были во всем подчиняться отцу, иначе они могли потерять право на полагавшуюся им долю семейного имущества. Лишь иногда отец советовался с сыновьями в хозяйственных делах и при заключении браков детей. Аналогичным было положение и мальчиков-приемышей¹⁶⁵. Дочери не могли выйти замуж без согласия родителей. Размеры приданого дочерей определял, как правило, отец, но приобреталось оно женщинами, иногда на женские заработки. Чтобы иметь этот заработок, женщины нанимались в работницы: шли в «мытницы», в «стрижки», в няньки, а в страду — в поденщицы¹⁶⁶.

Русское сибирское население, как и в Европейской России, знало примачество, когда за наименее сыновей в дом прини-

мался зять — муж дочери. В начале освоения сибирских территорий, когда семья у русского населения Сибири еще только формировалась, такое явление было, по-видимому, особенно развито. Нередко «гулящие» люди в Енисейском уезде, женившись на дочерях крестьян, входили в эти семьи¹⁶⁷. Примачество практиковалось при межсословных браках, особенно когда ссыльные мужчины женились на местных крестьянках¹⁶⁸. С зятя-примака бралась родителями жены запись, по которой оговаривались условия его жизни и права в доме¹⁶⁹. В таких случаях дочери не получали приданого, но зятя становились зависимыми от семей жен и часто фактически жили там на положении работников. Иногда в домах оказывалось по нескольку зятьев. Договоры с тестем заключались относительно прав зятьев при жизни и после смерти тестя, в последнем случае зятьям иногда выделялось имущество¹⁷⁰. Если же зятя брали в дом и при наличии сыновей, то его имущественные права тем более сужались. У западносибирских приписных крестьян примачество было редким явлением. Отмечавшиеся случаи приема зятьев в дом во второй половине XVIII в. свидетельствуют, что главой семьи оставался тесть, после его смерти, несмотря на наличие зятя-примака, — теща или родственники жены¹⁷¹. Редким было примачество и у промыслового населения Березово-Сургутского района. Преобладание малых семей и небольшие размеры промысловых хозяйств не способствовали распространению этого явления¹⁷². У приангарских же крестьян примачество становилось обычным явлением, когда у крестьян не было сыновей¹⁷³.

Положение членов семьи наиболее четко отражалось при семейных разделах. Семейные разделы были связаны не только с жизнью отдельно от старой семьи в другом дворе, но и с разделом хозяйства. Выделение новой семьи в отдельное хозяйство происходило путем деления «имения», в каждой части которого оставалось все необходимое для ведения хозяйства¹⁷⁴. При разделах «отцовских» семей сыновья получали равные части имущества и хозяйства. Известная доля оставалась отцу и его дочерям. При делении «братских» семей каждому брату определялась равная доля¹⁷⁵. Если в семье были незаконнорожденные и приемыши, участвовавшие в хозяйственной жизни семьи, они имели одинаковые права с «законными» наследниками¹⁷⁶. Так, при разделе семьи в д. Быстровой Тагильской слободы (1713 г.) хозяйство было поделено между братскими семьями: одна семья оставила себе 22 дес. пашни и 15 дес. сенокоса на 7 душ, другая — 20 дес. пашни и 13 дес. сенокоса на 3 души¹⁷⁷. При семейном разделе в Фоминском погосте Верхотурского уезда (1772 г.) крестьянин, отдавая пятерых племянников с детьми, разделил хозяйство на две части: себе и своему приемышу оставил 17,5 дес. пашни и 5 дес. сенокоса на 2 души, а племянникам и их детям — 19 дес. пашни и 6 дес. сенокоса на 13 душ¹⁷⁸.

Отличительная сибирская особенность заключалась в том, что

если в Европейской части России при разделе вдова могла получить пай только при наличии у нее детей, то в Сибири, и в частности у алтайских крестьян, даже бездетные вдовы имели право на семейный пай. Размер этого пая зависел от того, сколько лет женщина прожила в семье мужа ¹⁷⁹.

С семейными разделами родственные связи не утрачивались. Этому способствовало близкое соседство родственников и свойственников. Особенно тесные связи в виде взаимопомощи существовали между самостоятельно жившими братьями и сестрами ¹⁸⁰.

Брачный возраст у русских в Сибири в различные периоды был различным. Первые переселенцы из Европейской части России обзаводились семьями, когда становились постоянными жителями в Сибири, и, следовательно, нередко вступали в брак уже в молодом возрасте. Данные 1719—1720 гг. по Мангазейскому и Енисейскому уездам свидетельствуют, что первые дети во многих крестьянских семьях появились, когда отцам было за 35 лет ¹⁸¹.

Поселенцы Нерчинского уезда, по данным «ревизских сказок» 1720 г., в основном вступали в брак также в молодом возрасте ¹⁸² (таблица 8).

Более всего браков было заключено в возрасте от 31 до 40 лет, и довольно большой процент составили браки, заключенные от 41 до 50 лет.

У неземледельческого населения северо-западной Сибири в начале XVIII в. также отмечалось позднее вступление в брак и позднее появление детей. Это в свою очередь повлияло на то, что семья оставалась малой, так как при средней продолжительности жизни в то время (56 лет) не успевали появиться внуки, и семья не разрасталась до неразделенной ¹⁸³.

Во второй половине XVIII в., когда сложившаяся и развивающаяся семья у бывшего пришлого населения Сибири уже подходила к моменту разделов, младшее ее поколение стало вступать в брак в более молодом возрасте. Для березово-сургутских жителей брачный возраст в то время для мужчин был 28—29 лет, для женщин немногим меньше ¹⁸⁴. В случаях, когда ведение хозяйства требовало рабочих рук, сыновей женили рано —

Таблица 8. Брачный возраст мужчин в среде сельского населения Нерчинского уезда (1720 г.)

Время вступления в брак (число лет)	Число браков	% к общему числу браков	Время вступления в брак (число лет)	Число браков	% к общему числу браков
Менее 17	2	0,9	41—50	34	13,9
17—20	9	3,7	51 и более	20	8,2
21—25	24	9,9	Нет сведений	43	17,7
26—30	42	17,6	Не состоит в браке	3	1,2
31—40	86	27,2	<i>Всего</i>	242	100

в 15—17 лет, а девушек старались отдавать замуж как можно позже. Эта тенденция прослеживалась у горнозаводских крестьян Алтайского края¹⁸⁵. В Приангарье это же привело к тому, что невесты были нередко старше женихов¹⁸⁶⁻¹⁸⁷.

Брачный возраст верхотурских монастырских и государственных крестьян можно проследить, исходя из анализа данных табл. 9.

Таким образом, преимущественное число браков у мужчин совершалось либо в возрасте от 13 до 20 лет, либо от 21 до 30. Особенно много крестьян вступало в брак в молодом возрасте, до 20 лет, в Ирбитской слободе и Фоминском погосте. Женщины вступали в брак главным образом в 21—30 лет, особенно мало — в молодом возрасте: до 20 лет выходили замуж женщины в среде государственных крестьян Ирбитской и Ницынской слобод, Фоминского погоста, несколько выше этот показатель у монастырских крестьянок. Много браков у женщин совершалось и в возрасте 31—40 лет; чаще, чем у мужчин, женский брачный возраст и в 41—50 лет. Вообще указание на брак после 41 года и особенно после 50 лет и для мужчин и для женщин может относиться к повторным бракам. В целом мужчины вступали в брак в более раннем возрасте, чем женщины. Об этом же свидетельствует и сопоставление возраста супругов (табл. 10).

В подавляющем числе случаев жены старше мужей, особенно у государственных крестьян. Возраст женщин превышает возраст супругов в основном на 1—10 лет; и у крестьян Ирбитской и Ницынской слобод, Фоминского погоста, в отличие от монастырских, значителен процент браков, когда жены старше мужей на 11—20 лет. Значит, в крестьянской среде женщин выдавали замуж поздно. По-видимому, семьи не хотели лишаться работниц. Мужчин же женили рано, и тогда в семьях с приходом молодых жен увеличивалось число рабочих рук.

Случаи ранних браков отмечены в Ирбитской слободе: у мужчин 1 брак в 12 лет, 2 — в 13, 10 — в 14, 17 — в 15; у женщин только 5 случаев в 12 лет, 4 — в 13, 3 — в 14 (всего 1594 души населения). Нередки случаи, когда мужчины до 20 лет женили на женщинах вдвое старше их (Ирбитская слобода, Подгородная слобода, Пышминская заимка)¹⁸⁸.

В XIX в. при господстве малой семьи и сравнительно небольших размерах хозяйства брачный возраст мужчин и женщин почти сравнялся. На Ангаре он достиг 18—20 лет и для жениха и для невесты; у семейских Забайкалья — 15—16 лет для женщин, 17—18 — для мужчин¹⁸⁹.

Преобладающей формой заключения брака у сибирского населения была церковная. Невенчаные браки христианской моралью объявлялись незаконными. Как и у крестьян Европейской России, церковное венчание у сибирских крестьян сопровождалось традиционным народным обрядом. В целом этот обряд был общим для русских всей России, но в Сибири он различался в разных районах

Таблица 9. Брачный возраст крестьян Верхотурского уезда в 1764 г.*

Категория крестьян	Возраст вступления в брак (число лет)					
	13—20		21—30		31—40	
	число браков	%	число браков	%	число браков	%
Крестьяне Невьянского монастыря:						
мужчины	46	32,9	79	56,4	14	10,0
женщины	31	22,3	85	61,1	19	13,7
Крестьяне Верхотурского монастыря:						
мужчины	109	38,5	150	53,0	16	5,7
женщины	91	30,4	170	56,9	33	11,0
Крестьяне Ирбитской слободы:						
мужчины	282	48,0	272	46,3	27	4,6
женщины	102	16,0	391	61,5	114	17,9
Крестьяне Нищевской слободы:						
мужчины	36	39,6	50	54,9	5	5,5
женщины	15	15,6	66	68,8	15	15,6
Крестьяне Фоминского погоста:						
мужчины	36	52,9	29	42,6	2	3,0
женщины	13	18,6	45	64,3	8	11,4

Продолжение

Категория крестьян	Возраст вступления в брак (число лет)					
	41—50		51—60		Всего	
	число браков	%	число браков	%	число браков	%
Крестьяне Невьянского монастыря:						
мужчины	1	0,7	—	—	140	100,0
женщины	4	2,9	—	—	139	100,0
Крестьяне Верхотурского монастыря:						
мужчины	6	2,1	2	0,7	283	100,0
женщины	5	1,7	—	—	299	100,0
Крестьяне Ирбитской слободы:						
мужчины	5	0,9	1	0,2	587	100,0
женщины	28	4,4	1	0,2	636	100,0
Крестьяне Нищевской слободы:						
мужчины	—	—	—	—	91	100,0
женщины	—	—	—	—	96	100,0
Крестьяне Фоминского погоста:						
мужчины	1	1,5	—	—	68	100,0
женщины	4	5,7	—	—	70	100,0

* ГАПО, ф 111, оп. 1, д. 2609, л. 534—797 об.

Таблица 10. Возраст супругов у крестьян Верхотурского уезда (1764 г.)

Разница в возрасте (на число лет)	Браки у крестьян									
	Невьянского монастыря		Верхотурского монастыря		Ирбитской слободы		Фоминского погоста		Ницынской слободы	
	число	%	число	%	число	%	число	%	число	%
Жена старше мужа на										
1—10 л.	77	57,9	132	47,5	324	59,6	39	60,0	63	67,0
11—20 л.	7	5,3	18	6,5	85	15,6	8	12,3	6	6,4
21—30 л.	1	0,7	1	0,4	8	1,5	2	3,1	—	—
31—40 л.	—	—	—	—	1	0,3	—	—	—	—
<i>Всего</i>	85	63,9	151	54,4	418	77,0	49	75,4	69	73,4
Муж старше жены на										
1—10 л.	35	26,3	87	31,3	84	15,4	12	18,5	17	18,0
11—20 л.	2	1,5	20	7,2	11	2,0	2	3,1	4	4,3
21—30 л.	—	—	4	1,4	5	0,9	1	1,5	—	—
31—40 л.	—	—	—	—	3	0,6	—	—	—	—
<i>Всего</i>	37	27,8	111	39,9	103	18,9	15	24,6	21	22,3
Ровесники	7	5,3	16	5,7	23	4,2	1	1,5	4	4,3
Прочие	4	3,0	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>Всего</i>	133	100,0	278	100,0	544	100,0	65	100,0	34	100,0

в зависимости от того, из каких мест туда были занесены те или иные традиции.

Существовали в Сибири и браки невенчаные. В народной среде они не воспринимались как проявление безразличности, так как, во-первых, в Сибири церковные власти далеко не везде могли охватить своим штатом все население¹⁹⁰; во-вторых, при широком распространении в Сибири старообрядчества в его среде не всегда происходило венчание¹⁹¹. Так, семейские в Забайкалье делились на 11 толков, и не все из них придерживались церковных обрядов. Лишь семейские так называемого австрийского согласия, придерживавшиеся Белокриницкой иерархии, и беглопоповцы, принимавшие священников, перешедших из «никоновской ереси» (т. е. от православия), заключали браки, как и православное население, венчая жениха и невесту¹⁹². Нередко у беглопоповцев венчание происходило не в момент вступления в брак, а спустя некоторое время, когда в деревне появлялся священник. К тому времени у венчавшихся уже могли быть дети. Венчались сразу все пары, вступающие и вступающие в брак; нередко одновременно совершался и обряд крещения детей¹⁹³. Беспоповцы и темноверцы, не признававшие священника, не венчались.

Обрядовая сторона оформления брака у старообрядцев разных толков была неодинакова. У семейских-поповцев она была близка

к обрядам православных; значительно проще были обряды у остальных групп семейских¹⁹⁴. Неоформленные браки заключались в Забайкалье в XIX в., когда старообрядцы семейские выходили замуж за ссыльных декабристов¹⁹⁵. Алтайские старообрядцы-«каменщики» имели молитвенные дома в селениях, но венчаться ездили в православную церковь в Бухтарминскую крепость¹⁹⁶.

Браки без венчания наблюдались в национально-смешанных семьях, когда русские вступали в брак с «инородцами».

Известен в Сибири был и брак «убегом». Чаще он совершался или потому, что девушек насильно удерживали в семьях как работниц, долго не выдавая замуж, или в тех случаях, когда родители невесты были не согласны на брак дочери, а родители жениха готовы были принять невесту. Случалось, что девушек крали и совершались насильственные браки (браки «крадче» у крестьян и казаков Забайкалья, «убегом» у семейских)¹⁹⁷. Происходило тайное венчание¹⁹⁸.

Если невенчаные браки в крестьянской среде не считались безнравственными, то существование незаконнорожденных детей (рожденных вне брака) могло осуждаться. Несмотря на это, в некоторых семьях встречались незаконнорожденные дети: в Илимском крае по III ревизии (1760-е годы) на каждые 100 жителей числилось 2 незаконнорожденных¹⁹⁹. В переписных документах незаконнорожденные отмечались особо. Так, «ревизские сказки» 1764 г. по Верхотурскому уезду указывают таких детей в семьях государственных и монастырских крестьян: в Подгородной слободе в одной семье у снохи-«солдатки» — незаконнорожденный сын ее мужа-рекрута; в Пышминской заимке в аналогичной семье у снохи-«солдатки», кроме детей, общих с мужем, — ее незаконнорожденный сын; в другой семье, состоящей из супругов и их детей, у одной из дочерей — незаконнорожденный ребенок; в Ницынской слободе в семье супругов — незаконнорожденный сын мужа²⁰⁰.

При оформлении брака у русских Сибири, как и в Европейской России, совершались некоторые народные обычаи. Существовал институт приданого, которое готовила семья для невесты (одежда и предметы быта, иногда скот, птица)²⁰¹. Приданое готовилось заранее, до свадьбы, либо в промежутке между договоренностью о браке и венчанием. Если предполагалось, что молодая пара сразу же будет жить отдельно, ей давалось все необходимое от «имения»²⁰², т. е. часть общесемейного имущества, полагавшаяся жениху. Размер приданого определял глава семьи. Собрать приданое невесте считалось не дешевле, чем готовить казака в службу.

За невесту с жениха брали выкуп — «калым», обычно в деньгах, аналогичный русской «кладке», белорусской «подмоге», т. е. взнос жениха на свадебные расходы; таким образом, калым не был покупкой невесты, сохранялся лишь термин в значении выкупа, предназначенного на свадебные расходы. Известий о бы-

товании калыма в XVIII в. нет, возможно, он появился позднее и не был повсеместным. Этот обычай в ряде мест был известен в XX в. (Приангарье, Забайкалье). Если сумма калыма была велика, то жених в свою очередь запрашивал богатое приданое²⁰³.

В сибирской свадьбе, как и в европейской, условия и время вступления в брак определялись путем так называемого сговора («малого зачина»), происходившего до свадьбы, когда договаривались о заключении брака. Окончательное же закрепление сватовства происходило во время «рукобитья» («большого запоя», «запивания»). Эти народные обычаи имели значение правового юридического начала в оформлении брака, после свершения которых отказаться от брака было почти невозможно. Если же такое происходило, то нарушившая сговор сторона возмещала убытки, расплачиваясь за «бесчестье». После венчания развод был почти невозможен, связан с большими хлопотами и происходил у сибиряков крайне редко²⁰⁴. По-видимому, в новый брак чаще вступали не из-за развода супругов, а из-за смерти одного из них. О несчастных повторных браках можно судить по «ревизским сказкам» 1764 г. монастырских и государственных крестьян Верхотурского уезда. Так как книга прямо не указывает на новый брак супругов, то некоторые случаи их свершения устанавливаются предположительно, исходя из сопоставления возраста родителей и детей. Примерно можно отметить 14 повторных браков у крестьян Николаевского монастыря и 8 браков — у крестьянок (на 725 душ населения), у крестьян Невьянского монастыря — 5 у мужчин, 2 у женщин (на 388 душ), у крестьян Фоминского погоста — 3 у мужчин, 3 у женщин (на 158 душ), у крестьян Ирбитской слободы — 11 у мужчин, 24 у женщин (на 1529 душ)²⁰⁵.

Свершались в Сибири и так называемые браки смешанные между представителями разных сословных групп, разного вероисповедания и, наконец, разных национальностей. Уже на первом этапе русского заселения Сибири создавались условия для смешанных браков между русскими переселенцами разных сословий, так как в Сибирь попадало некоторое число незамужних женщин при перевозе переселенцами своих старых семей с «Руси». Привозили с собой женщин и посылавшиеся из Сибири на «Русь» служилые люди²⁰⁶. Иногда в Сибирь попадали в ссылку «винные жонки и девки», которых в Сибири выдавали замуж воеводы²⁰⁷. Заключались такие браки не обязательно в однородной социальной среде. Так, промышленники и «гулящие» люди часто женились на вдовах крестьян и посадских людей. В 1631 г., например, в Енисейск из Поморья доставили 39 женщин для вступления их в брак с енисейскими служилыми людьми и «пашенными» крестьянами²⁰⁸. Судя по данным переписных книг 70-х годов XVII в., в Енисейском уезде браки между различными категориями тяглецов и служилых людей были обычным явлением. В 1679 г. 52 женщины — жены монастырских крестьян и вкладчиков — происходили из разных сословий: 6 из них были

Таблица 11. Брачные связи крестьян Верхотурского уезда (1764 г.)

Места, откуда взяты жены крестьянами	Фоминский погост	Ирбитская слобода	Нищивская слобода
	число браков		
В своей деревне	—	34	1
В деревнях своей волости	2	127	39
В волостях своего уезда	35	24	20
В городе своего уезда	19	5	8
В волостях других уездов:			
Туринском	10	40	26
Тюменском	—	1	—
Краснослободском	—	103	2
Екатеринбургском	—	24	—
В городах других уездов и губерний	3	4	10
<i>Всего</i>	69	385	106

Таблица 12. Социальное происхождение женщин в крестьянских семьях Верхотурского уезда (1764 г.)

Состав жен	Фоминский погост	Нищивская слобода	Ирбитская слобода
Из крестьян своего уезда	5	55	169
Из крестьян других уездов	—	37	162
Из приписных к заводам крестьян	24	—	—
Из монастырских крестьян	6	—	1
Из церковных крестьян	3	—	1
Из ясачных (русских)	13	—	—
Из ясачных (нерусских)	4	—	—
Из разночинцев	3	—	12
Из ямщиков	17	11	10
Из солдат (в т. ч. отставных)	1	1	3
Из посадских людей своего города	1	—	2
Из посадских людей другого города или губернии	2	—	2
<i>Всего</i>	79	115	362

дочерьми посадских людей, 8 — дочерьми крестьян, 7 — дочерьми служилых людей, 1 — дочерью «гулящего» человека, 5 — дочерьми монастырских закладчиков, 6 — крестьянскими вдовами, 1 — посадской вдовой, 1 — «скормленницей» служилого человека, 1 — вдовой «гулящего» человека, 8 — монастырскими крепостными²⁰⁹.

В XVIII в. в земледельческих старозаселенных районах сословных смешений наблюдалось уже меньше, чем в начальные периоды заселения территорий, когда существовала некоторая диспропорция между числом мужчин и женщин. Это можно проследить на примере верхотурских крестьян. По данным 1764 г. определяется круг их брачных связей²¹⁰ (таблица 11).

Везде преобладали браки, заключенные в деревнях и волостях своего уезда. Из них особенно в Ирбитской слободке много браков

заключено в своей волости. Но немалое число браков совершалось и в пределах других уездов, особенно у крестьян Ирбитской слободы, где число таких браков почти равнялось числу браков в своем уезде. Поскольку браки заключались в сельской местности и в городах, где жило население, разное по социальному положению, то не исключались социально-смешанные браки (табл. 12).

Браки в крестьянской среде преобладают везде. У крестьян Фоминского погоста из таких браков наибольшее число — с женщинами заводских крестьян. Немало смешений с ямщиками, с разночинцами (Ирбитская слобода), ясачными русского происхождения (Фоминский погост), близкими по быту к крестьянству. Незначительны смешения с жителями городов.

У других категорий населения в то время в отличие от крестьян осуществлялись смешанные в социальном отношении браки. В XVIII—первой половине XIX в. среди ссыльных было больше мужчин, которые вступали в брак с местными крестьянками. Ссыльные женщины также охотно шли замуж за крестьян. Такие браки составляли до 20 и более процентов межсословных смешений в отдельных селениях²¹¹.

Сословные перегородки нарушались при образовании семей и у неземледельческого населения. Среди березово-сургутских семей в XVIII в. браки заключались между крестьянами и мещанами, служилыми людьми, лицами духовного звания²¹². Совершались смешанные браки и между людьми разной веры и национальности.

Исследования советских ученых показали, что смешение русских с коренными жителями Сибири происходило не везде и в разной степени²¹³. У русского промыслового населения Крайнего Севера, где оно численно намного уступало населению коренному, это проявлялось более заметно. Общность хозяйственных занятий приводила там к более быстрым и тесным связям с коренным населением. На севере Якутии в 70—80-е годы XVII в. среди жен русских служилых и промышленных людей были юкагирки²¹⁴. То же явление наблюдалось и в Туруханском уезде²¹⁵.

Земледельческое русское население оседало в Сибири в основном на «пустых местах». В начале XVIII в. при заселении Енисейского уезда соотношение между русскими и остяками там было равно 30 : 1, русскими и аридцами — 15 : 1²¹⁶. В таких условиях смешений между русскими земледельцами и коренным населением, не занимавшимся сельским хозяйством, было мало. В Илимском крае условия для смешений были также неблагоприятны: по данным III ревизии (1760-е годы) население края было сплошь русским²¹⁷. Некоторое этносмешение происходило в районах Нерчинского уезда. Этому способствовало поселение звенков «на пашню» в деревнях и появление в городах среди посадских людей «новокрещенов» (крещеных бурят и звенков)²¹⁸.

Другие условия для смешения с населением Сибири создавались при заселении русскими Тюменского уезда, где многочисленные татары²¹⁹, занимавшиеся охотой, рыболовством и земледелием, жили чересполосно с русскими. Этнические связи русских с аборигенным населением здесь были интенсивны. То же наблюдалось в Якутии, где русские крестьяне были малочисленнее якутов и быстро воспринимали язык и обычаи местного населения. Поэтому амгинские, ленские и вилюйские крестьяне хотя и считались русскими родом, но по языку были якутами²²⁰. Обособленными оставались русские на Индигирке и Колыме²²¹.

Слабое смешение происходило в районах со старообрядческим населением. Так, у семейских Забайкалья запрещались браки между людьми разной веры, разной национальности и даже разных старообрядческих толков. Смешанные браки не только осуждались, но и расторгались у семейских уставщиками²²². Но все же этносмешения у забайкальских старообрядцев совершались, особенно в первое пятидесятилетие их жизни за Байкалом, поскольку староверы тогда были малочисленны. К этому же побуждало наличие земельных просторов у бурят, что и привело к хозяйственным и семейным связям. Так появились в Забайкалье «карымы» — потомки смешанных браков русских и бурят²²³. В отличие от старообрядцев русское православное население Забайкалья (так называемые сибиряки) вступало в брак с людьми другой национальности. Случалось, что одинокие ссыльные люди входили в чужие семьи и записывались принадлежащими той национальности, какая была у принявшей их семьи. У казаков Забайкалья допускались браки с людьми другой национальности, принявшими православие.

В составе семей русских сибирских крестьян были приемыши из числа соседнего нерусского населения. Иногда таких приемшей усыновляли, давали им русские имена и фамилии, а впоследствии женили на русских девушках. Эти явления отмечались у западносибирских жителей²²⁴ и у крестьян Забайкалья²²⁵. Встречались и обратные явления. Бездетные бурятские семьи, например, брали из многодетных русских семей детей и воспитывали их, а затем женили на бурятках²²⁶. Русские семьи в Якутии нередко отдавали детей кормилицам-якуткам в улусы. Дети возвращались к родителям через несколько лет «объядученные»²²⁷.

Браки, совершавшиеся у русских с лицами другого вероисповедания, не переходившими в православие, оставались невенчанными. Так, среди сургутско-березовских жителей в XVIII—первой половине XIX в. было много неофициальных жен и «незаконно-рожденных» детей. В XIX в. этносмешанные браки были более частыми у населения Западной Сибири и Забайкалья, особенно в пограничных районах у казаков, испытывавших влияние соседних тюркских народов²²⁸. Со второй половины XVIII в. в состав сибирского казачества вошли башкиры, мецгеряки, донские и яицкие казаки, казахи²²⁹. Таким образом, этносмешения происходили в Сибири в разное время и с разной интенсивностью

в различных районах, хотя о массовости этого явления говорить не приходится.

Рассмотренные явления в истории развития семьи сибирского русского населения позволяют считать, что она имела много общего с семьей крестьянства Европейской части России по форме, составу, структуре, обычаям. Эта общность определялась традиционными представлениями о формах семейного строя и быта, которые в свою очередь основывались на опыте хозяйствования крестьянского двора.

Состояние семей у крестьян в разные периоды и в разных районах Сибири находилось в прямой связи с интенсивностью сельскохозяйственного освоения земель и зависело от характера их заселения; на разных этапах образования и развития сибирского крестьянства их семьи образовывались в процессе оседания на постоянное местожительство вольных переселенцев из Европейской части страны, в результате миграций населения, уже сложившегося внутри Сибири, и административного перевода населения в Сибирь или внутри ее. Одновременно происходил и процесс внутреннего развития уже сложившихся семей. На разных этапах истории крестьянства в его среде складывались разные формы семей. В рассматриваемый период — XVII в., а тем более XVIII—первая половина XIX в. — говорить о большой патриархальной семье, многопоколенной, включавшей родственников не только прямого, но и бокового родства, что было свойственно первобытнообщинному строю, конечно, не приходится. Такие семьи могли встречаться лишь изредка, как явление вторичное, выросшее из неразделенной семьи. Для крестьянской семьи в России эпохи позднего феодализма были свойственны другие типы — малые, состоявшие из двух поколений (родители — дети), или неразделенные разных видов — так называемые отцовская, состоявшая из трех, а иногда четырех поколений (дед — отцы — сыновья — внуки; отец — сыновья — внуки), братская, в которой совместно жили женатые братья со своими детьми, а также семьи, члены которых находились между собой в боковом родстве (дядья — племянники); последний мог возникнуть из братской семьи.

Особенности семьи крестьян Сибири наблюдались на отдельных этапах ее формирования, что было связано с историей заселения территорий, их хозяйственным освоением и экономическим развитием. В то время как в Европейской части России семья к началу рассматриваемого времени (к XVII в.) формировалась преимущественно как семья малая, в Сибири развитие сельской семьи шло от образования малых семей к их разрастанию в семьи неразделенные путем вывоза родственников «с Руси» и за счет естественного роста населения уже в освоенных районах, а затем путем деления разросшихся неразделенных семей до вторичного широкого распространения семей малых. Различия во внутрисемейном строе обуславливались своеобразием формирования сибирского населения.

Как и в семьях крестьян Европейской России, в сибирской сельской семье наблюдались локальные различия у населения хлебопроизводящих и промысловых районов в зависимости от особенностей хозяйственной деятельности населения (по форме, численности, составу, структуре). В XVII—XVIII вв. наблюдались подобные различия в семьях представителей разных социальных групп сельского населения, но затем они постепенно нивелировались.

Различия семейно-бытового характера прослеживались в семьях людей разного исповедания (православных и старообрядцев), а также в этнически неоднородных семьях. Особенности хозяйственной жизни обусловили своеобразие имущественно-правовых отношений в семье, в частности относительную независимость женщин, особенно вдов.

До совсем недавнего времени в отечественной литературе весьма прочно удерживался взгляд, согласно которому вплоть до реформы 1861 г. в России в крестьянской среде основной формой семьи была семья «большая» в разных ее вариантах, своего рода «семейная община». Подробный историографический анализ этого взгляда был осуществлен М. О. Косвенюком, который также считал, что малая семья как форма, «хотя и имевшая место, являлась все же эпизодической, тем более что выдел мог произойти только с согласия семьи, в особенности — ее главы...»²³⁰. История крестьянской семьи в Сибири с момента ее образования в XVII в. и до середины XIX в. свидетельствует о гораздо более сложном процессе, в котором на протяжении этих веков шло противоборство двух типов семей — малой и неразделенной. Как бы ни специфичны были сибирские условия, безусловно весьма серьезно влиявшие на этот процесс, он имел общерусское значение. Исследования М. Г. Рабиновича и Н. А. Миненко, посвященные истории семьи горожан, складывавшейся на основе семьи крестьянской и развивавшейся более быстрыми темпами, также свидетельствуют, что уже с XVII в. в широких слоях городского населения, в том числе и Сибири, господствовала семья малая, а неразделенная занимала сугубо второстепенное положение²³¹.

¹ Миненко Н. А. Историография Сибири (период феодализма). Новосибирск: Гос. ун-т. 1978, с. 53, 55, 57, 59, 60.

² Миненко Н. А. Историография Сибири..., с. 24—43.

³ Оглоблин Н. Н. «Женский вопрос» в Сибири в XVII в. — Ист. вестн., 1890, июль, с. 195—207; Буцинский П. Я. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Харьков, 1889, с. 283—295.

⁴ Фирсов Н. Н. Чтения по истории Сибири. М., 1915, вып. 1, с. 67—77.

⁵ Ключков М. Население России при Петре Великом по переписям того времени. СПб., 1911, т. 1, с. 61—70.

⁶ Шапов А. П. Историко-этнографическая организация русского народонаселения. — Русское слово, 1865, февр.; Он же. Историко-географические и этнологические заметки о сибирском населении. — Собрание сочинений. Иркутск, 1937, доп. том, с. 129.

⁷ Шашков С. С. Очерки нравов в старинной Сибири. — Отеч. зап., 1867, т. 174; Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. СПб., 1882; Костров Н. А. Юридические обычаи крестьян-старожилов Томской губ. Томск, 1876;

- Беликов Д. Н.* Первые русские крестьяне — насельники Томского края и разные особенности их жизни и быта. Томск, 1898; *Новоселов А.* Задачи сибирской этнографии. — ЗСОРГО, 1916, т. 38.
- ⁸ *Александров В. А.* Русское население Сибири в XVII—начале XVIII в. (Енисейский край). М.: Наука, 1964; *Он же.* Заселение Сибири русскими в конце XVI—XVIII в. — В кн.: Русские старожилы Сибири. М.: Наука, 1973, гл. 1.
- ⁹ *Бояршинова Э. Я.* Крестьянская семья Западной Сибири феодального периода. — В кн.: Вопросы истории Сибири. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1967. Вып. 3.
- ¹⁰ *Миненко Н. А.* Русская семья на Обском Севере в XVIII—первой половине XIX в. — СЭ, 1971, № 6; *Она же.* Численность и структура русской крестьянской семьи Юго-Западной Сибири в XVIII в. — В кн.: Бахрушинские чтения 1973 г. Новосибирск: Наука, 1973. Вып. 2; *Она же.* К изучению семейной этики сибирского крестьянства второй половины XVIII в. — В кн.: Крестьянство Сибири XVIII—начала XX в.: Классовая борьба, общественное сознание и культура. Новосибирск: Наука, 1975; *Она же.* Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII—первой половины XIX в.). Новосибирск: Наука, 1979; и др.
- ¹¹ *Будыгин Ю. С.* Колонизация русским крестьянством бассейнов рек Чарыша и Алея до 1763 г. — В кн.: Вопросы истории Сибири. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1964. Вып. 1; *Он же.* Присоединение Верхнего Приобья к России и заселение его русским крестьянством в XVIII в.: Автореф. канд. дис. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1965; *Колесников А. Д.* Заселение и освоение Среднего Прииртышья в XVII—первой половине XIX в.: Автореф. канд. дис. Новосибирск: Наука, 1967.
- ¹² *Шерстобоев В. Н.* Илимская пашня. Иркутск: Иркутское обл. гос. изд-во, 1949. Т. 1; 1957. Т. 2.
- ¹³ *Сафронов Ф. Г.* Русские крестьяне в Якутии (XVII—начало XX в.). Якутск: Якуткнигоиздат, 1961.
- ¹⁴ *Сабурова Л. М.* Культура и быт русского населения Приангарья. Л.: Наука, 1967.
- ¹⁵ *Горелов В. А.* Структура и численный состав семьи. — В кн.: Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Новосибирск: Наука, 1971. Ч. 1.
- ¹⁶ *Сафьянова А. В.* Положение русской женщины в алтайской деревне до революции и ее роль в общественной и культурной жизни в годы Советской власти. — В кн.: Этнография русского населения Сибири и Средней Азии. М.: Наука, 1968; *Она же.* Изменение положения женщины за годы Советской власти (по материалам Алтайского края). — СЭ, 1973, № 2.
- ¹⁷ *Попова А. М.* Семейские (Забайкальские старообрядцы). Верхнеудинск, 1928.
- ¹⁸ *Лебедева А. А.* Некоторые итоги изучения семьи и семейного быта у русских Забайкалья. — В кн.: Этнографический сборник. Улан-Удэ: АН СССР Сиб. отд-ние, Бурятский филиал, 1962. Вып. 3; *Она же.* Из опыта изучения хозяйства и культуры русского сельского населения Забайкалья. — СЭ, 1964, № 3; *Она же.* Анкеты как этнографический источник: По материалам сплошного подворного обследования в 1897 г. в Забайкалье. — СЭ, 1967, № 1; *Она же.* К истории формирования русского населения Забайкалья, его хозяйственный и семейный быт XIX—начала XX в. — В кн.: Этнография русского населения Сибири и Средней Азии. М.: Наука, 1969; *Она же.* Семья и семейный быт русских Забайкалья. — В кн.: Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Забайкалье. Новосибирск: Наука, 1975. Ч. II.
- ¹⁹ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 12, 88, 113 и др.; кн. 48, 317, 527 и др.
- ²⁰ Сибирские города: Материалы для их истории XVII—XVIII столетий. Нерчинск, Селенгинск, Якутск. М., 1866.
- ²¹ *Кабузан В. М.* Народонаселение России в XVIII—первой половине XIX в. М.: Изд-во АН СССР, 1963, с. 77.

- ²³ *Миненко Н. А.* Массовые источники по демографии крестьянского двора XVIII—первой половины XIX в. (по материалам Западной Сибири). В кн.: Источниковедение и археография Сибири. Новосибирск: Наука, 1977, с. 42, 48.
- ²³ *Костров Н. А.* Юридические обычаи крестьян-старожилов Томской губернии. Томск, 1876; *Загоскин М. В.* Ответы на программу ИРГО для собрания народных юридических обычаев. Иркутск, 1891; *Маргос А.* Письма о Восточной Сибири. М., 1827; *Потанин Г. Н.* Материалы по истории Сибири. — ЧОИДР, 1896, кн. 22.
- ²⁴ *Шунков В. И.* Очерки по истории земледелия Сибири (XVII в.). М.: Изд-во АН СССР, 1956, с. 36.
- ²⁵ *Колесников А. Д.* Миграции русского населения в Западной Сибири в XVIII—начале XIX в. — В кн.: Русское население Поморья и Сибири. М.: Наука, 1973, с. 230.
- ²⁶ *Громыко М. М.* Западная Сибирь в XVIII в.: Русское население и земледельческое освоение. Новосибирск: Наука, 1965, с. 20—21.
- ²⁷ *Преображенский А. А.* Урал и Западная Сибирь в конце XVI—начале XVIII в. М.: Наука, 1972, с. 76.
- ²⁸ *Колесников А. Д.* Миграции русского населения..., с. 233; *Кондрашенков А. А.* Крестьянская колонизация Среднего Приоболья во второй половине XVII—начале XVIII в. — В кн.: Русское население Поморья и Сибири. М.: Наука, 1973, с. 303.
- ²⁹ *Колесников А. Д.* Миграции русского населения..., с. 241.
- ³⁰ Там же, с. 245.
- ³¹ *Воробьев В. В.* Города южной части Восточной Сибири (историко-географические очерки). Иркутск: Иркутское кн. изд-во, 1959, с. 20.
- ³² *Александров В. А.* Русское население Сибири..., с. 121.
- ³³ Русские старожилы Сибири. М.: Наука, 1973, с. 17.
- ³⁴ *Александров В. А.* Русское население Сибири..., с. 129.
- ³⁵ Сибирские города..., с. 111.
- ³⁶ *Александров В. А.* Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). М.: Наука, 1969, с. 5.
- ³⁷ Там же, с. 20—21.
- ³⁸ Там же; первоначальное население Нерчинска было холостым, кроме воеводы и его сына (*Воробьев В. В.* Города южной части Восточной Сибири..., с. 20).
- ³⁹ *Леонтьева Г. А.* К вопросу об образовании постоянного служилого населения в Восточной Сибири во второй половине XVII—начале XVIII в. (Нерчинский уезд). — В кн.: Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1968, вып. 2, с. 41—42.
- ⁴⁰ Сибирские города..., с. 26—33. Поскольку источник не перечисляет женское население и не выделяет одиночек, то среди прочего населения (14,7%) могли быть не только одиночки, но и супруги с детьми женского пола.
- ⁴¹ *Жидков Г. П.* Особенности заселения и сельскохозяйственного освоения кабинетных земель на Алтае и в Забайкалье (до реформы 1861 г.). — В кн.: Русское население Поморья и Сибири..., с. 323.
- ⁴² *Леонтьева Г. А.* К вопросу об образовании..., с. 37.
- ⁴³ *Александров В. А.* Россия на дальневосточных рубежах..., с. 34.
- ⁴⁴ *Селищев А. М.* Забайкальские старообрядцы-семейские. Иркутск: Гос. ун-т, 1920, с. 70.
- ⁴⁵ История Сибири. Л.: Наука, 1968, т. II, с. 381; *Булыгин Ю. С.* Присоединение Верхнего Приобья..., с. 11, 13.
- ⁴⁶ *Кабузан В. М., Троицкий С. М.* Численность и состав населения Сибири в первой половине XIX в. — В кн.: Русское население Поморья и Сибири..., с. 269, 271.
- ⁴⁷ *Сафронов Ф. Г.* Попытки земледельческого освоения Камчатки в первой половине XIX в. — В кн.: Русское население Поморья и Сибири..., с. 407, 409, 416.
- ⁴⁸ Русские старожилы Сибири..., с. 23, 30.

- 49 Бояршинова З. Я. Крестьянская семья... , с. 7—8.
- 50 Миненко Н. А. Численность и структура... , с. 3—5.
- 51 Александров В. А. Русское население Сибири... , с. 137.
- 52 Сибирские города... , с. 26—33.
- 53 Бояршинова З. Я. Крестьянская семья... , с. 8.
- 54 ЦГАДА, ф. 1111, оп. 4, д. 65, л. 2 об.—107 об.; ф. 214, оп. 5, д. 264, л. 1—15 об.; д. 315, л. 1—7 об., д. 209, л. 1—7; д. 289, л. 1—72 об.; Власова И. В. Структура и численность семей русских крестьян Сибири в XVII—первой половине XIX в. — СЗ, 1980, № 3, с. 41.
- 55 Там же.
- 56 Там же.
- 57 ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, д. 204, л. 1—32; Власова И. В. Структура... , с. 42.
- 58 Водарский Я. Е. Население России в конце XVII—начале XVIII в. (Численность, сословно-классовый состав, размещение). М.: Наука, 1977, с. 232.
- 59 Александров В. А. Русское население Сибири... , с. 130.
- 60 Там же, с. 131.
- 61 Шерстобова В. Н. Илимская пашня, т. 1, с. 266, 268.
- 62 Сафронов Ф. Г. Русские крестьяне в Якутии... , с. 31.
- 63 Ревизские сказки 1719 г. — В кн.: Сибирские города... , с. 26—33; Власова И. В. Структура... , с. 43.
- 64 Александров В. А. Русское население Сибири... , с. 136.
- 65 Александров В. А. Русское население Сибири... , с. 136.
- 66 Там же, с. 137.
- 67 Русские старожилы Сибири... , с. 25.
- 68 Александров В. А. Русское население Сибири... , с. 138.
- 69 Бояршинова З. Я. Крестьянская семья... , с. 10.
- 70 Миненко Н. А. Численность и структура... , с. 7, 8, 12.
- 71 Бояршинова З. Я. Крестьянская семья... , с. 10; Шерстобова В. Н. Илимская пашня, т. 2, с. 285.
- 72 Бояршинова З. Я. Крестьянская семья... , с. 12, 14.
- 73 Александров В. А. Русское население Сибири... , с. 137.
- 74 Шерстобова В. Н. Илимская пашня, т. 2, с. 38.
- 75 ГАПО, ф. 111, оп. 1, № 2609, л. 1—894 об.
- 76 Миненко Н. А. Крестьянская семья Западной Сибири в первой половине XIX в. (численность и структура). — В кн.: Из истории семьи и быта сибирского крестьянства XVII—начала XX в. Новосибирск: Гос. ун-т, 1975, с. 5—6.
- 77 Бояршинова З. Я. Крестьянская семья... , с. 18.
- 78 Шерстобова В. Н. Илимская пашня, т. 2, с. 39—40, 163, 169.
- 79 Миненко Н. А. Крестьянская семья... , с. 9, 10, 14, 15, 20.
- 80 Александров В. А. Русское население Сибири... , с. 110—111; Громыко М. М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII—первая половина XIX в.). Новосибирск: Наука, 1975, с. 283.
- 81 Горелов В. А. Структура и численный состав семьи... , с. 96.
- 82 Кожухов Ю. В. Русские крестьяне Восточной Сибири в первой половине XIX в. (1800—1861 гг.). Л.: Изд-во ЛГУ, 1967, с. 358.
- 83 Миненко Н. А. О влиянии ссылки на семейную жизнь русских крестьян Западной Сибири в XVIII—первой половине XIX в. — В кн.: Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири XVIII—начала XX в. Новосибирск: Наука, 1978, с. 292.
- 84 Громыко М. М. Трудовые традиции... , с. 301.
- 85 Миненко Н. А. Крестьянская семья... , с. 13.
- 86 Шерстобова В. Н. Илимская пашня, т. 1, с. 269.
- 87 Сабурова Л. М. Культура и быт русского населения... , с. 170.
- 88 Горелов В. А. Структура... , с. 97.
- 89 Миненко Н. А. Крестьянская семья... , с. 20, 22.
- 90 Болонев Ф. Ф. Хозяйственные и бытовые связи семейских с местным и пришлым населением Бурятии XIX и начала XX в. — В кн.: Этнографический сборник. Улан-Удэ, 1974, вып. 6, с. 58, 61; Лебедева А. А. Семья и семейный быт... , с. 85.

- ⁹¹ Горелов В. А. Структура... , с. 97.
- ⁹² Сабурова Л. М. Культура и быт русского населения... , с. 169.
- ⁹³ Сафьянова А. В. Имененные положения женщины... , с. 123.
- ⁹⁴ Лебедева А. А. Семья и семейный быт... , с. 85.
- ⁹⁵ Сабурова Л. М. Культура и быт русского населения... , с. 165; Лебедева А. А. Семья и семейный быт... , с. 85.
- ⁹⁶ Бояршинова З. Я. Крестьянская семья... , с. 49, 63, 359.
- ⁹⁷ Кожухов Ю. В. Русские крестьяне... , с. 49, 63, 359.
- ⁹⁸ Миненко Н. А. Крестьянская семья... , с. 17—18.
- ⁹⁹ Горелов В. А. Структура... , с. 97.
- ¹⁰⁰ Миненко Н. А. Крестьянская семья... , с. 13.
- ¹⁰¹ Потанин Г. Полгода на Алтае. — Русское слово, 1859, № 12, с. 251.
- ¹⁰² Милоков П. Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1892, с. 265.
- ¹⁰³ Водарский Я. Е. Численность русского населения Сибири в XVII—XVIII вв. — В кн.: Русское население Поморья и Сибири... , с. 197.
- ¹⁰⁴ Там же, с. 196.
- ¹⁰⁵ Там же, с. 197.
- ¹⁰⁶ Водарский Я. Е. Численность... , с. 208.
- ¹⁰⁷ ЦГАДА, ф. 1111, оп. 4, д. 1, л. 7—99.
- ¹⁰⁸ Шунков В. И. О феодальном строе сибирской деревни в XVII в. — ВИ, 1952, № 6, с. 83.
- ¹⁰⁹ Бояршинова З. Я. Крестьянская семья... , с. 12.
- ¹¹⁰ Бояршинова З. Я. К вопросу о развитии русского земледелия в Томском уезде в XVII в. — В кн.: Материалы по истории земледелия в СССР. М.: Наука, 1952, вып. 1, с. 259.
- ¹¹¹ Бояршинова З. Я. Крестьянская семья... , с. 10.
- ¹¹² Шерстобоев В. Н. Илимская пашня, т. 1, с. 272; т. 2, с. 27.
- ¹¹³ Громыко М. М. Трудовые традиции... , с. 299—300.
- ¹¹⁴ Горелов В. А. Структура... , с. 98.
- ¹¹⁵ ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, д. 264, л. 15.
- ¹¹⁶ ГАПО, ф. 111, оп. 1, д. 2609, л. 728—797.
- ¹¹⁷ Там же, л. 534—563.
- ¹¹⁸ Там же, л. 514—532.
- ¹¹⁹ Шунков В. И. О феодальном строе... , с. 83.
- ¹²⁰ ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, д. 204, л. 15, 15 об.
- ¹²¹ Шунков В. И. О феодальном строе... , с. 83.
- ¹²² Шерстобоев В. Н. Илимская пашня, т. 1, с. 283.
- ¹²³ Кабузан В. М., Троицкий С. М. Численность... , с. 271.
- ¹²⁴ Громыко М. М. Западная Сибирь... , с. 186—189.
- ¹²⁵ Миненко Н. А. Крестьянская семья... , с. 22.
- ¹²⁶ Шерстобоев В. Н. Илимская пашня, т. 2, с. 26.
- ¹²⁷ Александров В. А. Русское население Сибири... , с. 129—130.
- ¹²⁸ Там же.
- ¹²⁹ Бояршинова З. Я. Крестьянская семья... , с. 14.
- ¹³⁰ Александров В. А. Русское население Сибири... , с. 137.
- ¹³¹ Александров В. А. Русское население Сибири... , с. 139.
- ¹³² Лебедева А. А. Анкеты... , с. 101.
- ¹³³ Громыко М. М. Трудовые традиции... , с. 299; Громыко М. М. Западная Сибирь в XVIII в. ... , с. 186—187.
- ¹³⁴ Шерстобоев В. Н. Илимская пашня, т. 2, с. 24.
- ¹³⁵ Александров В. А. Русское население Сибири... , с. 127.
- ¹³⁶ Шерстобоев В. Н. Илимская пашня, т. 2, с. 543.
- ¹³⁷ Миненко Н. А. Численность и структура... , с. 5, 7.
- ¹³⁸ ГАПО, ф. 111, оп. 1, д. 2609, л. 728—894 об. Сведения по Невьянскому монастырю неполные, так как конец книги не сохранился.
- ¹³⁹ ЦГАДА, ф. 1111, оп. 4, д. 1, л. 7—99.
- ¹⁴⁰ ЦГАДА, ф. 1398, д. 22, л. 2—39 об.
- ¹⁴¹ Миненко Н. А. Русская крестьянская семья... , с. 8.
- ¹⁴² Александров В. А. Русское население Сибири... , с. 127.
- ¹⁴³ Там же, с. 128.

- 244 *Кожузов Ю. В.* Русские крестьяне... , с. 35, 38.
- 248 *Александров В. А.* Русское население Сибири... , с. 132—134.
- 248 *Миненко Н. А.* Численность и структура... , с. 8.
- 247 *Бояршинова З. Я.* Крестьянская семья... , с. 7—8.
- 248 *Александров В. А.* Русское население Сибири... , с. 137.
- 249 *Сафронов Ф. Г.* Русские крестьяне в Якутии... , с. 31.
- 250 *Шерстобоев В. Н.* Илимская пашня, т. 1, с. 266.
- 251 *Бояршинова З. Я.* Крестьянская семья... , с. 10.
- 252 *Миненко Н. А.* Северо-Западная Сибирь... , с. 107—110.
- 253 Там же, с. 112.
- 254 *Миненко Н. А.* Русская семья... , с. 121.
- 255 Там же.
- 256 Там же.
- 257 *Александров В. А.* Русское население Сибири... , с. 139.
- 258 *Александров В. А.* Русское население Сибири... , с. 158—160; *Горелов В. А.* Структура... , с. 96.
- 259 ГАПО, ф. 111, оп. 1, д. 2609, л. 534—563, 564—726 об.
- 260 ГАПО, ф. 111, оп. 1, д. 2609, л. 564—726 об., 728—787 об.
- 261 *Костров Н. А.* Юридические обычаи... , с. 26.
- 262 *Сафьянова А. В.* Изменение положения женщины... , с. 123—124; *Лебедева А. А.* Семья и семейный быт... , с. 88.
- 263 *Костров Н. А.* Юридические обычаи... , с. 24.
- 264 *Сафьянова А. В.* Изменение положения женщины... , с. 124.
- 265 *Горелов В. А.* Структура... , с. 98.
- 266 *Сабурова Л. М.* Культура и быт русского населения... , с. 175.
- 267 *Александров В. А.* Русское население Сибири... , с. 132.
- 268 *Миненко Н. А.* О влиянии ссылки... , с. 286.
- 269 *Александров В. А.* Русское население Сибири... , с. 132.
- 270 Там же.
- 271 *Миненко Н. А.* К изучению семейной этики... , с. 79.
- 272 *Миненко Н. А.* Северо-Западная Сибирь... , с. 113.
- 273 *Сабурова Л. М.* Культура и быт русского населения... , с. 182; *Горелов В. А.* Структура... , с. 97, 98.
- 274 *Миненко Н. А.* Северо-Западная Сибирь... , с. 113.
- 275 *Попова А. М.* Семейские... , с. 22—23.
- 276 *Шерстобоев В. Н.* Илимская пашня, т. 2, с. 34.
- 277 ЦГАДА, ф. 1398, д. 213, л. 1—8.
- 278 ЦГАДА, ф. 1398, д. 158, л. 1—6 об.
- 279 *Сафьянова А. В.* Положение русской женщины... , с. 79.
- 280 *Миненко Н. А.* К изучению семейной этики... , с. 82.
- 281 *Александров В. А.* Русское население Сибири... , с. 131.
- 282 Сибирские города... , с. 26—37.
- 283 *Миненко Н. А.* Северо-Западная Сибирь... , с. 107—108.
- 284 Там же, с. 113.
- 285 *Сафьянова А. В.* Положение русской женщины... , с. 78.
- 286—287 *Сабурова Л. М.* Культура и быт русского населения... , с. 180.
- 288 Такие наблюдения не расходятся с данными Н. А. Миненко о брачном возрасте крестьян Западной Сибири в XVIII в. См.: *Миненко Н. А.* Русская крестьянская семья... , с. 182—187.
- 289 *Сабурова Л. М.* Культура и быт русского населения... , с. 180; *Попова А. М.* Семейские... , с. 18.
- 290 *Миненко Н. А.* К изучению семейной этики... , с. 77.
- 291 *Покровский Н. Н.* Антифеодальный протест уральско-сибирских крестьян-старобрядцев в XVIII в. Новосибирск: Наука, 1974, с. 203.
- 292 *Попова А. М.* Семейские... , с. 21; *Покровский Н. Н.* Антифеодальный протест... , с. 319, 354.
- 293 *Лебедева А. А.* Семья и семейный быт... , с. 95.
- 294 Там же, с. 95.
- 295 *Болонев Ф. Ф.* Хозяйственные и бытовые связи... , с. 62.

- 196 Мамсик Т. С. Община и быт алтайских беглецов-«каменщиков». — В кн.: Из истории семьи и быта сибирского крестьянства XVII—начала XX в. Новосибирск: Гос. ун-т, 1975, с. 32.
- 197 Миненко Н. А. К изучению семейной этики..., с. 78; Беликов Д. Н. Первые русские крестьяне-населенники..., с. 93—94; Лебедева А. А. Семья и семейный быт..., с. 95, 96.
- 198 Лебедева А. А. Семья и семейный быт..., с. 93.
- 199 Шерстобоев В. Н. Илимская пашня, т. 2, с. 33.
- 200 ГАПО, ф. 111, оп. 1, д. 2609, л. 534—563, 728—797 об.
- 201 Лебедева А. А. Семья и семейный быт..., с. 93.
- 202 Миненко Н. А. Русская семья..., с. 125.
- 203 Миненко Н. А. Русская семья..., с. 21; Она же. Свадебные обряды у русских крестьян Западной Сибири в XVIII—первой половине XIX в. — СЭ, 1977, № 3, с. 95; Горелов В. А. Структура..., с. 98; Попова А. М. Семейство..., с. 20.
- 204 Костров Н. А. Юридические обычаи..., с. 24.
- 205 ГАПО, ф. 111, оп. 1, д. 2609, л. 534—797 об. По другим же данным, разводы у западносибирских крестьян — не редкое явление, особенно, когда нарушались этические нормы в семейном быту. См.: Миненко Н. А. Русская крестьянская семья..., с. 137. Правда, с начала XVIII в. власти ограничивают разводы в крестьянской среде. См.: Там же, с. 180.
- 206 Оглоблин Н. Н. «Женский вопрос» в Сибири..., с. 199—202.
- 207 Александров В. А. Русское население Сибири..., с. 131.
- 208 Там же.
- 209 Там же, с. 132.
- 210 ГАПО, ф. 111, оп. 1, д. 2609, л. 534—727.
- 211 Миненко Н. А. О влиянии ссылки..., с. 282, 288.
- 212 Миненко Н. А. Русская семья..., с. 122.
- 213 По мнению Н. А. Миненко, этносмешения были исключением (Русская крестьянская семья..., с. 192), но в разных местах и в разных условиях такие смешения совершались по-разному, к тому же смешанные браки не всегда узаконивались, поэтому не всегда явно обнаруживались в документах.
- 214 Долгих В. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М.: Наука, 1960, с. 440; Сафронов Ф. Г. Русские крестьяне в Якутии..., с. 73.
- 215 Русские старожилы Сибири, с. 31.
- 216 Александров В. А. Русское население Сибири..., с. 118.
- 217 Шерстобоев В. Н. Илимская пашня, т. 2, с. 35.
- 218 Кашик О. И. Из истории социально-экономического развития Иркутского и Нерчинского уездов в конце XVII—начале XVIII в. Иркутск: Гос. ун-т, 1952, с. 24.
- 219 Громыко М. М. Западная Сибирь..., с. 33—43.
- 220 Сафронов Ф. Г. Русские крестьяне в Якутии..., с. 65, 73, 143.
- 221 Там же, с. 105.
- 222 Лебедева А. А. Семья и семейный быт..., с. 91.
- 223 Болонев Ф. Ф. Хозяйственные и бытовые связи..., с. 57, 61.
- 224 Миненко Н. А. Русская семья..., с. 122.
- 225 Лебедева А. А. Семья и семейный быт..., с. 92.
- 226 Там же.
- 227 Сафронов Ф. Г. Русские крестьяне в Якутии..., с. 141.
- 228 Алексеевко Н. В. Русская крестьянская колонизация рудного Алтая в XVIII—XIX вв. — В кн.: Материалы по истории Сибири периода феодализма. Новосибирск: Наука, 1965, вып. 2, с. 152.
- 229 Петров В. И. К вопросу о социальном происхождении сибирского казачества. — В кн.: Материалы по истории Сибири периода феодализма, с. 208—209.
- 230 Косвен М. О. Семейная община и патронимия. М.: Наука, 1963, с. 80.
- 231 Рабинович М. Г. Очерки этнографии русского феодального города. М.: Наука, 1978, с. 178—191.

Глава вторая

Русские сельские поселения Сибири

Постановка проблемы и источники. Возникновение, развитие, типология русских сельских поселений за Уралом органично связаны с заселением, хозяйственным освоением территории и формированием в Сибири постоянного русского населения. Народное заселение и правительственная деятельность по основанию населенных пунктов шли параллельно или опережали одна другую в ходе включения сибирской земли в состав Русского государства и хозяйственного освоения природных богатств края. На территории, чрезвычайно слабо заселенной кочевыми и полукочевыми народами, уже к XVIII в. была создана обширная сеть сельских поселений, в которых проживали русские переселенцы.

Дореволюционная историография оставила сравнительно немного работ о русских поселениях, положив начало накоплению и разработке материалов преимущественно о ранних этапах заселения¹. В советском сибиреведении первостепенное внимание уделялось изучению городских поселений², а история сельских поселений до настоящего времени почти не рассматривалась. Между тем многочисленные исследования, посвященные русскому расселению в Сибири, позволяют уже поставить вопрос о становлении русских сельских поселений и проследить их развитие в общем процессе освоения природных богатств края.

Промыслово-торговая деятельность русских в разных районах Сибири впервые была освещена в фундаментальных трудах С. В. Бахрушина³. Много работ посвящалось и посвящается истории аграрного освоения Сибири в целом и отдельных ее областей. В монографиях В. И. Шункова⁴ показана неразрывная связь между разработкой земельных угодий и возникновением сельских поселений в XVII—начале XVIII в. Многообразная хозяйственная жизнь русского населения Западной Сибири отражена в работах З. Я. Бояршиновой⁵. Вопрос о создании поселений в XVII—начале XVIII в. в различных климатических зонах Енисейского края проанализирована в книге В. А. Александрова, где проблема русской оседлости и создания постоянного контингента крестьянского населения рассматривается как основной аспект заселения Енисейского края⁶. Те же вопросы были прослежены В. Н. Шерстобоевым применительно к одному из земледельческих районов Восточной Сибири, сложившемуся на р. Илим⁷.

В этих трудах были поставлены основные проблемы русского крестьянского расселения, которые положили начало серии по-

следующих исследований, посвященных отдельным регионам Сибири. Колонизация Западной Сибири в XVII—начале XVIII в. рассмотрена в работах А. А. Кондрашенкова, А. А. Преображенского, Ю. С. Булыгина и других⁸, показавших истоки первоначального заселения Западной Сибири, освоение переселенцами новых земель, последующее увеличение русского населения, в том числе за счет внутреннего прироста, который в свою очередь определял интенсивность позднейшего расселения.

История заселения пахотных земель Восточной Сибири прослежена в работах Ф. Г. Сафронова, Г. Ф. Быкони, А. Н. Копылова и др.⁹

Работы историков основаны на огромном фактическом материале, новой разработке документов центральных и местных архивов. Это дало возможность исследователям весьма полно характеризовать процесс земледельческого освоения того или иного района, его хозяйственно-экономическую жизнь.

Также на разработках архивных источников строятся работы географов, в которых рассматриваются общее направление движения русского расселения в естественной среде, пути миграции населения и сложившиеся ареалы заселенности¹⁰.

Работы, относящиеся к XVIII—началу XIX в., содержат меньше конкретных данных и сведений о поселениях, что связано с состоянием источников. В середине XVIII в. единицей учета становится не хозяйственный двор, как раньше, а ревизская душа. Это вызвало фиксацию в документах соответственно не застроенности селений дворами, а их заселенности людьми. Поэтому в научных разработках в наибольшей степени отражены динамика роста и движение русского населения Сибири¹¹.

Несравненно более полные и разнообразные сведения о поселениях включены в публикации, освещающие середину XIX в. В частности, конкретные материалы содержатся в «Списках населенных мест», составленных в 1850—1870-х годах. В них указывалось расположение населенного пункта, его заселенность, число дворов, состав населения¹².

Очень важные сведения для изучения поселений представляют также работы историков архитектуры, в которых непосредственные наблюдения сочетаются с ретроспективным воспроизведением облика поселений XIX в.¹³

Наряду с другими явлениями, характеризующими быт русского населения¹⁴, разнообразнее изучение поселений преимущественно путем полевых наблюдений за последние десятилетия было осуществлено этнографами в основных земледельческих районах Восточной и Западной Сибири (Приангарье, Забайкалье, Алтайский край, Тюменская область). Эти исследования дали интересный материал о состоянии сельских поселений XIX—начала XX в.

На основе уже имеющейся литературы в настоящем исследовании предпринимается первая попытка проследить основные этапы развития русских поселений с начала их возникновения

в XVII в. и до середины XIX в. Основные архивные материалы извлечены из фондов ЦГАДА (ф. 214, ф. 1111), ААН (ф. 21, ф. 3), ЦГИА (ф. 264) и ряда местных архивов.

Начало создания сельских поселений (XVII—начало XVIII в.).

Расселение русских в Сибири в XVI—XVII вв. проходило в основном в лесотаяжной полосе. Стремление освоить новые промысловые области обусловило активное движение русских промышленников от Урала на восток в пределах одного природно-географического пояса¹⁵. В течение XVI в. ими были преодолены пространства Западной Сибири, к началу XVII в. северным морским и южным речным путями русские вышли в систему Енисея, а к середине XVII в. достигли пролива, позднее названного Беринговым, и Охотского моря.

К концу XVII в. определилась территория Сибири, вошедшая в состав Русского государства, которая простиралась от побережья Северного Ледовитого океана до подножия гор, ограничивающих с юга Западно-Сибирскую и Восточно-Сибирскую низменности, и доходила до верховьев Амура¹⁶. В 1710 г. в составе Русского государства была учреждена Сибирская губерния, включавшая Поморье (Вятскую и Соликамскую провинции) и три сибирские провинции: Тобольскую, Енисейскую и Иркутскую¹⁷. Русское население, основную часть которого составляли земледельцы, размещалось на этой огромной площади крайне неравномерно, сосредоточиваясь в XVI—XVII вв. главным образом в таяжной полосе.

В ходе расселения русских с конца XVI по начало XVIII в. в Сибири сложилось несколько центров более плотного расселения русских, которые соответствовали основным районам хлебопашества: Верхотурско-Тобольскому, Томско-Кузнецкому, Енисейскому, Илимско-Забайкальскому¹⁸. Они соединялись между собой транспортными магистралями с редко расположенными на них острогами и зимовьями. Заселение этих районов проходило с различной интенсивностью, в соответствии с местной исторической обстановкой, географическими и почвенно-климатическими условиями. Сельскому расселению наиболее благоприятствовало наличие плодородных земель, поэтому более густая сеть поселений сложилась в наиболее южных уездах Западной Сибири и в Илимском уезде Восточной Сибири.

Перепись, проведенная в 1710 г., зафиксировала сложившееся к началу XVIII в. расселение русских. При всей неполноте и несовершенстве этой переписи она тем не менее весьма наглядно представляет соотносительную картину размещения дворохозяйств (см. табл. 1).

Наиболее населенным и наиболее развитым в сельскохозяйственном отношении в начале XVIII в. был в Западной Сибири Тобольский уезд, опередивший в развитии первый русский земледельческий район Сибири с центром в Верхотурье; в Восточной Сибири наиболее населены были Енисейский и Иркутский уезды,

значительно был заселен Красноярский уезд в его северной части, южнее Красноярска русских селений не было совсем.

В ходе первоначального расселения русских в северных уездах население оседало в небольших поселениях, размер которых:

Таблица 1. Число дворов по уездам Сибирской губернии в 1710 г.*

Западная Сибирь		Восточная Сибирь	
уезд	число дворов	уезд	число дворов
Нарымский	212	Мавгазейский	276
Березовский	264	Енисейский	2128
Сургутский	179	Красноярский	1179
Туринский	1271	Илимский	1439
Тарский	1861	Иркутский	2176
Верхотурский	4440	Нерчинский	871
Тобольский	19707	Кецинский	85
Тюменский	3053	Якутский	481
Томский	3203		
Кузнецкий	674		
Пельымский	323		

* Таблица составлена по книге: Ключко М. Население России при Петре Великом: по переписям того времени. СПб., 1911, т. 1, с. 61—69.

определялся промысловым бытом. Распространению русских к югу препятствовали кочевые племена, эта территория контролировалась на немногих административно-сторожевых пунктах, созданных русскими, — городов и острогов.

В течение XVIII в. старожильское население из этих районов расселялось к югу, основывая поселения вплоть до предгорий Алтая в Западной Сибири и Ала-тау — в Восточной. Центрами земледелия в Западной Сибири стали степи у подножия Алтайских гор; в Восточной — южная часть Красноярского края, Минусинская котловина, Забайкалье. Развитие горнозаводской промышленности привело к заселению горной местности: в Западной Сибири возник Алтайский горный округ, в Восточной — Нерчинский.

Необходимость обеспечения русского населения продовольствием обуславливала создание крестьянских поселений с целью развития вокруг городов и острогов земледелия. Так, Тюмень уже на второй год после основания имела свою запашку, в Верхотурье сразу же при его основании (1598 г.) были поселены крестьяне. В местностях, более или менее пригодных в сельскохозяйственном отношении, стремились поставить города и остроги вблизи мест, удовлетворявших запросам земледельцев. Об этом красноречиво свидетельствует запись в «Сметной росписи пашенных мест Якутского уезда» относительно Братского острога: «Верхотурский Братской острожек поставлен не у места, потому что то место неусторожливо и не караулисто, и пашенных мест и

сенных покосов вблизи нет»¹⁹. Необходимость отыскания земель, пригодных для развития сельского хозяйства, специально оговаривалась в наказах, даваемых направлявшимся в сибирские города воеводам. Так, указывалось, чтобы Тару «город ставить чверх Иртыша на Тару реку, где бы государю было впредь прибыльнее, чтоб пашню завести», а строитель Томска (1606 г.) казначий голова Гаврило Писемский и тобольский голова Василий Тырков сообщали: «А место, де в Томи угоднее и папешных людей устроить можно»²⁰. Те же условия соблюдались и при строительстве острогов в Восточной Сибири. Пятидесятник И. Похабов сообщал в 1661 г. енисейскому воеводе о строительстве Иркутского острога: «Тут место самое лучшее, угоднее для пашен, и скотинный выпуск и сенные покосы и рыбные ловли все близко»²¹.

Каждому воеводе вменялось также в обязанность «высмотреть» пригодные для заселения места и примерно определить число возможных поселенцев-крестьян. Якутские воеводы В. Пушкин и К. Супонев в 1645 г., например, нашли по берегам р. Илама «против Тушамы речки по обе стороны 3 елани... а меж ними пашенные земли...», где можно было разместить, по их мнению, более 50 человек²². Подобной деятельностью постоянно занимались сибирские воеводы.

Жители городов и острогов в свою очередь на наиболее пригодных участках заводили пашни; обрабатывали их наездом, или ставили там дома и дворы, где жили сами или поселяли «половников». Так создавалось характерное для Сибири окружение постоянного населенного пункта сетью сезонных поселений. В отличие от европейской части страны города Сибири росли не за счет скрестного сельского населения, а, напротив, сначала основывались города, а их жители вместе с оседавшими крестьянами создавали вокруг сельские поселения.

Город XVI—начала XVIII в., особенно крупный, был хорошо укрепленным поселением, имел рубленые двойные стены с земляной засыпкой (городни) и башнями. Городом, собственно, называлась сама крепость. Часть городского поселения могла находиться за пределами основного укрепления, составляя «посад». Он в свою очередь также обносился укреплением, но более легким — острогом, составлявшим сплошную стену с воротами и башнями по углам. Еще через некоторое расстояние шел третий ряд укрепления — «надолбы» — столбы из толстых бревен, поставленные друг возле друга в несколько рядов. Эти сооружения дополнялись рвом и валом.

Острог, являвшийся часто самостоятельным населенным пунктом, был меньше по площади, чем город, и не имел столь основательные укрепления. Собственно острогом называлась ограда, сооруженная из столбов, врытых в землю вплотную друг к другу и заостренных наверху. Как и городские, острожные укрепления дополнялись башнями. На некотором расстоянии от острожной стены ставили надолбы, рыли ров.

Внутри укрепления располагались административные и культурные здания, а также жилища для гарнизона и административных лиц. В случае военной опасности крестьянское население, расселившееся вокруг на пашенных участках, укрывалось за стенами городов и острогов. Эти укрепленные пункты, таким образом, служили не только базой, но и опорой сельского расселения, что в свою очередь также обуславливало концентрацию вокруг них сельских поселений. Первоначально основное назначение городов и острогов было административно-стратегическим. В дальнейшем сибирские города превращались в центры ремесла и торговли. Крестьяне составляли небольшую часть их населения и вместе с другими жителями зачастую поселялись за пределами основных укреплений, образуя посады и слободы. В 1603 г. верхотурский воевода писал, что «посадские люди и пашенные крестьяне, поставившие свои дворы за острогом, опасаясь нападений инородцев, постоянно бьют челом о том, чтобы их жилецной слободе быть в остроге»²³. Таким образом, слободой в начале XVII в. называлось неукрепленное поселение с неслужилым населением, возникшее вблизи городов и острогов. При расширении укрепленного поселения и возведении новой линии оборонительных укреплений внутри них оказывались и строения слобод. Так, в 1659 г. Красноярский посад и слободы были обнесены острогом с башнями²⁴. Хотя в таких слободах наряду с другими проживало и крестьянское население, они являлись не столько сельскими, сколько подгородными селениями, которые по мере роста городов входили в их состав, как это было и в Европейской части страны.

Основание сельских поселений, связанное с сельскохозяйственным и промысловым освоением земель, в XVII—XVIII вв. проходило в лесо-таежной и на границе лесостепной зоны. Первые сельскохозяйственные поселения были учтены «дозорными книгами» в 1623—1625 гг. в Западной Сибири. В них указывались деревни, села, слободы, погосты, займки, займища, починки и пустоши.

Численное соотношение различных типов населенных пунктов, имевшихся в первой четверти XVII в. в тех уездах Западной Сибири, где было сельское население, представлено в табл. 2.

Все эти типы населенных пунктов издавна существовали в Европейской части страны. Их соотношение, наблюдавшееся в Сибири XVII века, свидетельствует об активном освоении земель уже на первом этапе русской колонизации. Большая часть сельских населенных пунктов была сооружена в Верхотурском, Тобольском и Тюменском уездах, которые оказались в наиболее благоприятных условиях, в местности, где было возможно успешное развитие земледелия и имелась удобная связь с Россией, что способствовало концентрации здесь русских первопоселенцев.

Как и повсюду у русских, в лесной части государства основным типом сельских поселений являлись деревни. Они основывались как крестьянами, так и жителями городов и острогов, которые, занимая места для возделывания пашен, заводили там

усадеб, ставили жилые и хозяйственные постройки. Однако в отличие от Европейской части страны сибирские деревни не всегда являлись местом постоянного жительства их основателей — служилых и посадских людей. Они жили в городах, а в деревнях появлялись наездом или поселяли своих родственников или половников. Например, в первой четверти XVII в. только десять посадских людей Верхотурья жили по своим деревням²⁵.

Таблица 2. Типология сельскохозяйственных селений Западной Сибири (1624—1625 гг.), %*

Уезд	Типы населенных пунктов					Всего пунктов
	Постоянные					
	слободы	погосты	села	деревни	починки	
Верхотурский	1,2	0,6	—	97,0	1,2	154
Тобольский	2,0	1,4	0,7	95,9	—	146
Тюменский	0,1	—	0,1	99,8	—	92
Тарский	—	—	—	100,0	—	34
Туринский	23,1	—	—	76,9	—	10
<i>Итого</i>	1,3	0,7	0,4	97,2	0,4	436

* Подсчитано по материалам переписи 1624—1625 гг.; см.: Буцинский П. И. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Харьков, 1889, с. 30—152.

С ведома и разрешения местной администрации в деревнях поселялись на постоянное жительство «прибираемые» для развития хлебопашества из «охочих и гулящих» людей крестьяне. Одновременно с основанием деревень, проходившим с ведома администрации, шло вольное расселение переселенцев. По мере освоения русскими сибирских просторов неуклонно возрастало количество деревень, основанных по инициативе крестьянства.

Чтобы основать деревню, надо было отыскать подходящую лесную полянку (елань), расширить ее, вырубив лес, выкорчевать пни и кустарники, подготовить пашню, поставить жилье. Эти работы требовали большой затраты сил. Поэтому хозяйство в деревнях сибирских первооселенцев зачастую имело складнический характер. Так, например, в Томском уезде даже в 1703 г. 53,7% всех хозяйств являлись различного рода сообществами²⁶.

Многие из первых русских деревень в Сибири были недолговечны. Они прекращали свое существование вследствие того, что крестьяне, подыскав более хорошие угодья, забрасывали свои старые пашни. Особой неустойчивостью отличались первые деревни в Восточной Сибири, когда крестьянское хозяйство налаживалось в еще недостаточно освоенных местностях. Так, развитие хозяйства и основание русских селений в Мангазейском уезде стимулировалось потребностями промыслового дела. После уничтожения города Мангазеи селения, возникшие на р. Таз, в верховьях Нижней Тунгуски и на Енисее, выше Туруханска, в конце XVII в.

пришли в запустение²⁷. Показательны в этом отношении также первые попытки создания деревень хлебопашцев возле Якутска. В 1643 г. воевода П. Головин наметил под сельское поселение обширный «Эюков луг», «ехать его днище, а поперег верста», где и поселил тобольского служилого человека Стефана Самсонова. В 1645 г. к нему подселили пять «охочих промышленных и служилых людей». Однако место оказалось малоудобным для земледелия, и, несмотря на попытки жителей найти вблизи новые пашенные участки, Эюков луг пришлось забросить. В 1652 г. там вновь устроили на пашню шесть человек ссыльных, но они прожили недолго. В 1661 г. эту запустевшую пашню вновь «открыл» воевода И. Голенищев-Кутузов и «посадил» на нее четырех крестьян²⁸.

Трудные условия освоения пахотных участков в таежных лесах, малочисленность населения, небольшие размеры семей обуславливали и малые размеры деревень. В Западной Сибири по переписи 1624—1625 гг. более 60% составляли однодворные деревни и 27% — имевшие по 2—3 двора²⁹. Такие селения были обычны для ранних переселенцев, так как на севере Европейской части страны малодворные деревни сохранялись до XVII—XVIII вв.³⁰ В течение XVII в. в Сибири проходило развитие русских поселений. Увеличивалось не только число деревень, но и их размеры. Так, например, в начале XVII в. малодворные населенные пункты в 1—3 двора составляли абсолютное большинство (91,8%), во второй половине XVII в. — уже меньше половины (42,1%), а к началу XVIII в. — только третью часть всех селений. Преобладающими стали населенные пункты, имевшие около 10 дворов (подсчитано по материалам ЦГАДА, ф. 1214, кн. 697, 1710).

Заселение окрестностей г. Верхотурья началось примерно с 1612 г.³¹ по рекам Туре, Салде, Пие, Тагилу и его притоку Мулгаю, но уже к началу 1620-х годов были найдены прекрасные пашенные земли южнее по р. Невье, Реже, а затем Пышме, Ирбиту, Абаку и др. Здесь на более открытых и плодородных угодьях уже при основании возникали не только однодворные, но сравнительно большие деревни в 3—5 и даже 10 дворов. В южной полосе уезда населенные пункты разрастались быстрее. Если в 1676 г. число однодворных деревень здесь составляло около 30%, то в начале XVIII в. — только 12,8%. В 1767 г. в северной части число селений, имевших более 10 дворов, составляло более 20%.

В Восточной Сибири, где трудоспособного русского населения было меньше, острее ощущалась зависимость от природных условий. Сведения о числе дворов в селениях имеются только на вторую половину XVII в. Сельские поселения этого времени в Енисейском уезде были довольно крупными (однодворные составляли лишь 20,4%, до 10 дворов — 85,2%), а ближайшая к городу деревня Верхняя Подгорная состояла из 33 дворов³². Отсюда, из Енисейского и Красноярского острогов, шло продвижение на

Лену, Илим, Аягару. Но поселения, возникавшие там в середине XVII в., были несравненно меньше. Так, в Якутском уезде в середине столетия заселение Лены шло путем создания заимок, на которых расселялось по 1—3 человека³³. Образно описал состояние поселений за Енисеем Афанасий Ушаков, обследовавший Илимский острог: «А они пашенные крестьяне живут подле Илим и Лену и Илгу реку однодворками, а инде по два и по три двора, а не слободами и не селами»³⁴.

Заимки, в отличие от деревень, возникали всегда по инициативе самого населения в ходе вольного расселения из других населенных пунктов. Жители городов, острогов, слобод, деревень занимали приискавнный ими удобный для земледелия участок свободной земли, заводили на нем пашню, а со временем возводили и некоторые постройки. Заимки — очень древний вид поселений, известный в Европейской части страны уже на рубеже I—II тысячелетий. Они окружали укрепленные городки и селения и являлись жилищем отдельных семей, выжигавших участки леса для пашни³⁵.

В сибирских документах XVII в. термины «деревня» и «заимка» иногда употреблялись по отношению к одному и тому же месту. Так, например, при описании передававшейся в казну заимки казачьего головы Василия Денисова около Нарыма в документе приводился перечень имущества, находившегося в его «деревне». Это объяснялось тем, что термин «заимка» означал занятый под хозяйство участок, а после возведения на нем жилых и хозяйственных построек он мог уже считаться деревней, но мог также по-прежнему называться и заимкой. Поэтому заимки с постройками статистически могли учитываться как деревни. И наоборот, приисканные сибирской администрацией участки для расселения крестьян на постоянное жительство вначале назывались заимками³⁶.

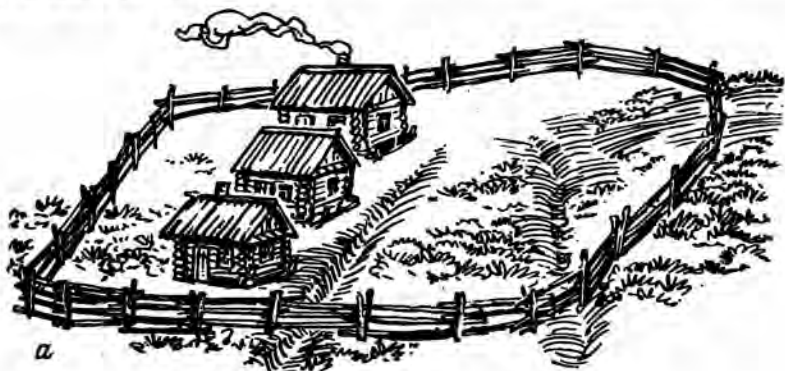
В начальный период освоения, в XVII в., предоставлялся большой простор для самостоятельного приискания земель. Ограничивать размеры участков местная администрация начала во второй четверти XVII в. в соответствии с размерами возлагавшегося на крестьян тягла или величиной оклада служилых людей, которым разрешалось обрабатывать землю взамен хлебного жалованья³⁷. Однако на деле владельцы нередко разрабатывали больше положенного, что обнаруживалось администрацией во время проводившихся проверок — «досмотров». Так был выявлен участок больше положенных размеров у одного из служилых людей Енисейска, о чем была сделана соответствующая запись: «Заимка Енисейского сына боярского Евсея Ортемьева, а в даче у него в той заимке дано земли под пашню за государево хлебное жалованье за его оклад за 20 чети ржи за 16 чети овса — 20 десяти в поле, а в дву потомуж. И по досмотру объявилось у него Евсея сверх дачи земли в пахоте влишке 10 десятин»³⁸. Служилые люди и пашенные крестьяне могли иметь по несколько участков, разбросанных в округе. Так, верхотурский пашенный

крестьянин Герентий Желобов, кроме городской усадьбы, с 1604 г. имел в 12 верстах от города двор и пашню на лугу по р. Туре («3 чети в поле и в дву по томуж») и сеной покос на том же лугу на 85 копен. У него же было займище «на Мугае реке» («пашни 5 четей в поле, а в дву потому ж, заложные непаханные земли 7 частей») и сеновые покосы на 150 копен³⁹.

При господствовавшей заложно-переложной системе землепользования вокруг населенных пунктов создавалась широкая сеть займок, разбросанных на значительном расстоянии. В 1620—1640 годах они раскинулись вокруг Верхотурья на пространстве

Рис. 1. Видь селений:

а — деревня на берегу Чарыша, XVIII в. (ГЛАК); б — займка Утяцкой вол. Тобольской губ., XIX в. (ТФГАТО)

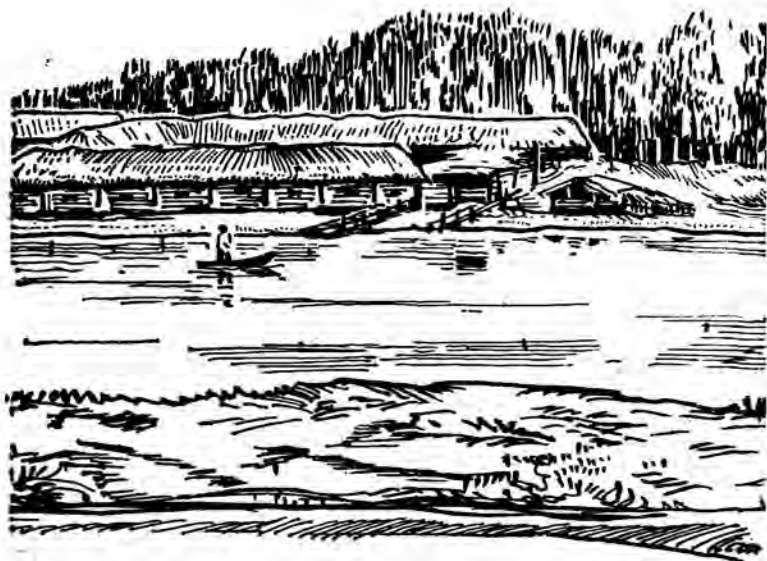

от 5 до 120 верст, но, естественно, основная их часть располагалась ближе к городу, в радиусе до 50 верст.

Рядом с городом находилась Ямская слобода, жители которой разрабатывали 70 заимочных участков. Многие из них были расположены в непосредственной близости от основного поселения, другие — на расстоянии до 70 верст. Кроме того, заимки имели и «подгородные» пашенные крестьяне, в уезде на таких пашнях у них имелось 42 двора.

Заимки, так же как и деревни, часто были недолговечны. Они существовали до тех пор, пока на облюбованном участке обрабатывалась земля, а затем забрасывались. Зброшенные участки, оставшиеся «впусте» какое-то время, затем снова могли войти в хозяйственный оборот. Такие участки назывались пустошами. При благоприятных условиях заимки могли развиться в деревню или в другое постоянное поселение. В таежной полосе многие деревни обязаны своим возникновением промысловым заимкам. Так, в частности, осуществлялось заселение берегов Енисея севернее Енисейска. Промышленники, найдя удобные места, обзаводились заимками, с тем чтобы обеспечить себя хлебом при подготовке к очередному промысловому сезону. Из таких заимок позднее развились деревни ⁴⁰.

Если место, выбранное под заимку, оказывалось удачным, его могли использовать для создания крупного населенного пункта. Так, Шадринская слобода была основана на месте, которое выбрал себе под заимку некто Шадрин в 1686 г. Нарымский острог также был поставлен на горе, облюбованной крестьянами

под усадьбы: «Государевых крестьян на горе над рекою стоит усад, а той речке имя Скунди, и на том месте быть новому острогу, а тех пашенных крестьян усад с того места снести по их крестьянским пашням, где у кого пашня занята, для того что окроме того места, где государевых крестьян усад — поставить острогу негде»⁴¹.

Близок по значению к заимкам термин «займище». Это участок, эксплуатировавшийся наездом, в течение полевого сезона. На займище могли быть разные угодья — пашни, залежь, сенные покосы, составлявшие комплекс уже довольно налаженного хозяйства. Однако в отличие от заимок в описаниях займищ не встречается указаний на жилые и хозяйственные постройки. По-видимому, займище, заимка, малодворная деревня являются различными стадиями обоснования первых поселенцев на новых землях Сибири.

По сути своей близки к заимкам были починки. Этим термином, распространенным на Европейском севере России, обозначали вновь создаваемые поселения, которые при благоприятных условиях также могли развиваться в крупные селения. В отличие от заимки термин «починок» означал не только участок, занятый под хозяйство, но вновь создаваемый постоянный населенный пункт.

Хозяйственно-экономическая сущность займищ, починков, заимок, малодворных деревень заключалась в сельскохозяйственной эксплуатации земельных угодий.

Другие сельские поселения — села, погосты и слободы, кроме того, имели иные функции.

Села в XVII в. были явлением довольно редким в Сибири. Они развивались из деревень, в которых строили церковь. В селах со временем создавались торговые пункты и налаживалось ремесленное производство. Они могли стать административными центрами, к которым тяготели окружавшие их деревни.

Погосты, в которых при церквях могли находиться также и крестьянские дворы, были религиозными центрами более или менее обширного округа. Они были весьма распространены в Европейской части страны, но в Сибири этот тип поселений не получил существенного развития. Однако, как и на основной территории расселения русских, в некоторых случаях погосты становились административными центрами для окрестных деревень.

В наибольшей степени административные функции были свойственны слободам, которые во второй половине XVII—начале XVIII в. сыграли заметную роль в развитии русского расселения, когда переселенцы и уже осевшие в Сибири русские старожилы начали осваивать лесостепную полосу, более благоприятную, чем таежная, для развития сельского хозяйства. Уже в 30-х годах XVII в. южные русские поселения располагались в бассейне р. Туры и по ее южным притокам (Тагилу, Нице, Ирбиту), а затем — по Тоболу и его притокам — Исети и Миасу. Однако беспокойное положение на южной границе требовало

создания укрепленных поселений. Эту роль выполняли слободы.

В течение второй половины XVII в. в Западной Сибири было основано более 50 укрепленных слобод.

Укрепления были аналогичны возводимым вокруг городов и острогов. Хорошо защищена была, например, Татмыцкая слобода (она же Шипицына), стоявшая на горе над Иртышом (1681 г.): «В слободе острог, забран в столбы... около острогу дворы беломестных казаков и крестьян, а около дворов вал земляной, да ров с надолбы. Да от слободы в 4 верстах отъезжей степи караул на речке Быцовке»⁴². В Шадринской слободе был «рубленный город с башнями», в которых снаружи сделаны торговые лавки и по воскресным дням устраивали торг. На некотором расстоянии от стен ограды были поставлены рогатки. Сходно было устройство и других слобод. Эти поселения, по характеру укреплений близкие острогам и крепостям, сыграли чрезвычайно важную роль в распространении сельских поселений.

Слободы основывали двумя путями: 1) в процессе правительственной колонизации; 2) по инициативе частных предпринимателей. В первом случае местная сибирская администрация определяла место поселения и «призывала» поселенцев; устройство слободы и ее дальнейшее управление, а также выращавших вокруг нее деревень поручалось назначенному приказчику. Более распространен был второй путь, при котором и выбор места и организацию поселения брало на себя частное лицо — слободчик, действовавший с разрешения местной администрации, которая поручала ему и дальнейшее управление слободой. С. В. Бахрушин считал этот путь не специфическим сибирским, а находил в нем сходство с заселением Европейского Поморья⁴³. В Сибири в качестве инициаторов основания слобод чаще выступали не представители феодальной верхушки, как на основной территории, а энергичные и предприимчивые крестьяне, действовавшие в одиночку или объединявшиеся с товарищами и родственниками. Создание слобод требовало больших материальных затрат; слободчики были из числа весьма обеспеченных хозяев, способных провести всю работу на свои средства, но были среди них и малоимущие, действовавшие при помощи ссуд, получаемых от государства⁴⁴. В Западной Сибири опытным разведчиком мест, удобных для устройства слобод, был Юрий Малечкин, по прозвищу «Соловей»⁴⁵. В Восточной Сибири известный Е. Хабаров нашел удобные места близ устья р. Кеты в Якутском округе. В своей челобитной он писал: «Проведал я, холоп твой, на великой реке на Лене соляные промыслы и пашни. А проведав, государь, пашни и варницы устроил»⁴⁶. Хабаров являлся основателем нескольких поселений в Восточной Сибири, хотя в восточной части региона их деятельность была несравненно слабее. Правительство требовало от слободчиков, чтобы угождая они выбирали «порожные» (не занятые другими) и не используемые ясапным населением.

Оборонное значение слобод требовало наличия в них «слу-

жилых людей». Однако они несли службу не за хлеб или денежное жалованье, как в городах, а «с пашни», получая определенный надел земли. Слободчики основывали вокруг более мелкие постоянные и сезонные поселения. Таким образом, вокруг слобод концентрировались деревни и села. Слободы являлись административным и культовым центром для окрестных селений. В них интенсивно развивалась промысловая и торговая деятельность. Некоторые из них, как, например, Ирбитская во второй половине XVII в. в Западной Сибири, Кяхтинская в XVIII в. в Восточной Сибири, стали крупнейшими не только внутренними, но и международными торговыми центрами⁴⁷. Таким образом, слободы по целям основания и своим функциям занимали промежуточное положение между крупными центрами русского расселения — городами и острогами — и массой мелких сельских поселений. Основание слобод продолжалось до начала XVIII в., когда роль оборонительных укреплений перешла к специальным пограничным линиям, появившимся в Сибири с 1740-х годов и постепенно смещавшимся к югу по мере русского расселения.

Продвижение русских в зоне сибирских таежных лесов шло вдоль рек. Поэтому поселения XVII—начала XVIII в. основывались преимущественно на берегах рек, служивших транспортными магистралями; затем расселение шло по их притокам, и лишь немногие деревни располагались у озер, в дубравах при ключах. В Западной Сибири в начале XVII в., по спискам селений, приводимым П. Н. Буцинским, 91% населенных пунктов стояли у рек, только 7% — у озер и лишь 2% были отмечены в дубравах. В Восточной Сибири, заселенность которой была меньше, все поселения были основаны на берегах рек.

Реки являлись также естественными рубежами в процессе расселения русских. Этапы освоения Сибири хорошо прослеживаются по перечню осваиваемых рек. Так, например, в XVII в. в 20—40-е годы русские расселялись по Нице и ее притокам, в конце 40-х—начале 60-х годов — по Пышме и Исети. Нередко вначале осваивался один берег реки, укрепленный поставленными там городом, острогом или слободой, и лишь спустя значительное время поселения появлялись на другом берегу. Так, в Красноярском уезде в 1670-х годах было 32 селения. Большая часть их располагалась на правом, относительно более безопасном берегу Енисея. На левом берегу находились лишь поселения служилых людей⁴⁸.

Восточная Сибирь в XVII в. была заселена значительно слабее. Как и в Западной Сибири, расселение там шло с севера на юг. С середины XVII в. весьма активно заселялся Енисейский край, но до начала XVIII в. южнее Красноярска сельских поселений не было. В бассейне Лены земледельческие поселения стали возникать с 1630-х годов, и к концу XVII в. здесь концентрировалось значительное число русских деревень. К началу XVIII в. число дворохозяйств, созданных русскими в Западной

Сибири, было в три с лишним раза больше, чем в Восточной Сибири (соответственно 18 882 двора и 3465 дворов)⁴⁹. Крупных населенных сельских пунктов в Восточной Сибири также было меньше. О росте числа русских поселений в течение XVII в. можно судить, сравнивая данные по Верхотурскому уезду за 1624—1625 гг. (см. табл. 2) и 1680 г. По переписи 1680 г., в Верхотурском уезде было 362 населенных пункта, в том числе 12 слобод, 1 слободка, 6 погостов, 338 деревень⁵⁰. Таким образом, число постоянных населенных пунктов за 55 лет возросло более чем в два раза.

Территория, отводимая сельскому поселению, официально определялась реками, озерами, приметными урочищами. Например, в грамоте об основании Утяцкой слободы в 1680 г. указывалось: «Места те Ново-Утяцкой слободы пашенным землям и санным покосам и рыбным ловлям и всяким угодыям вверх Тоболу реки по истоку на запад до Лебежьего озера, а с того озера прямо в гору на запад же на Каямицкое озеро, а с того озера на север на Юргамышское озеро, с того озера по реке Юргамышу вниз на восток по обе стороны Тобола реки, а за Тоболом рекою прямо в гору через бор по речке Утяку»⁵¹.

Поскольку расселение русских в Сибири проходило в XVII в. в таежной полосе, для поселений стремились выбирать луговые места (елани). Однако естественных луговин зачастую не хватало, и приходилось расчищать лес. Красочно повествует об этом наказ, данный в 1698 г. воеводой Ф. Р. Качановым при основании Ново-Убинской слободы казачьему пятидесятнику Ивану Роспутину и конному казаку Аверкию Шипицину. Им предписывалось отвести крестьянам земли при устройстве деревень «мерую, по их прошению и смотря по людям и по семьям. И те пашенные поля и санные покосы велеть им чистить, а лес подкруживать, пенье и колоды жечь комуждо свое поле... заставить их, крестьян, на дворовое свое пространное и лутчее строение и на пашенные труды прилежати со всяким усердием... А ленивых отнюдь не падити и к трудам принуждати с великим прещением. А наказание им чинить — бить батоги почасту, чтоб они были в том во всем вам опасны»⁵².

Расположение деревень определялось в каждом случае конкретными условиями. В Якутии, например, пашенные крестьяне были поселены «по Илиму и по Лене и по сторонним рекам, у рек по берегам и по лущкам. А на горах пашенных мест нет, потому что горы каменные и места худые и леса неугожие»⁵³.

Выработалась определенная процедура документального оформления нового селения. Крестьяне, заранее приискав подходящее место, обращались к местной администрации с просьбой закрепить участок за ними. По поручению воеводы приказчики в присутствии понятых крестьян обследовали («дозирали») земли, определяя их ценность, и составляли документ — «доезд», передававшийся воеводе. В случае его благоприятного решения приказчику предписывалось «отвести земли под двор и под ого-

род и под пашню и на скотный выпуск и сennie покосы», а по окончании этой процедуры повелеть крестьянину «двор строить и всяким крестьянским дворовым строением обзаводиться». Приказчик, получив воеводскую запись, выезжал для измерения и межевания участка, что проводилось в присутствии понятых из крестьян. Межевые знаки делались прочными и приметными: на углах обмежеванного участка ставили столбы, причем иногда для лучшей сохранности яма у столба засыпалась не землей, а углем. На столбах делали затесы, указывающие направление грани, или ставили кресты. Иногда межевыми знаками служили естественные рубежи: реки, речки, озера, горы, пни, камни, деревья, кустарники и т. д. После этого приказчик оформлял «Крестьянскую книгу», вносил фамилию и имя посаженного на землю человека, отмечал отведенные ему участки. «Книга» отсылалась в воеводскую канцелярию, и на ее основании владельцу давался документ на пользование участком, «отводная», или «данная», грамота, или «владенный указ»⁵⁴, на который ссылались в случае надобности⁵⁵. Таким путем феодальное государство в своих фискальных целях вело контроль за возникновением деревень, размером и качеством прилежащих к ним земель.

Как свидетельствуют приведенные выше материалы, расселение русских земледельцев в таежной полосе шло путем создания преимущественно деревень.

Заселение лесостепной и степной полосы. В конце XVII—начале XVIII в. русские стали переселяться в более южные местности Западной Сибири (по среднему течению Иртыша, Тобола и их притокам). В Сибирском приказе отмечали, что «иные прожиточные крестьяне... льготы себя, из старых своих больших жеребьев и из дворов селятся в новые слободы на малые жеребья на льготу лет на пять и на шесть. А в свои старые дворы и на большие жеребья сажают прихожих бедных людей, дав им что небольшое из животов своих»⁵⁶. Образование новых поселений шло значительно интенсивнее, чем на севере. По южной линии русского расселения основывалось сравнительно больше слобод, чем в северных уездах. Так, Белослущкая слобода была основана в 1687 г., а в 1710 г. в ее округе имелось уже 18 деревень и одно село⁵⁷. При слободе Усть-Миасской, основанной в 1670 г., к 1710 г. было 10 деревень, при слободе Окуновой (1676 год основания) — 15 деревень⁵⁸.

В XVIII в. территория Сибири, вошедшая в состав России, оставалась почти неизменной; развитие экономики осваиваемых районов и укрепление границ сильно влияло на состояние русских южносибирских поселений, формирование их типов, размещение. Русское расселение в XVIII в. определялось дальнейшим, значительно более активным развитием земледелия и началом становления сибирской промышленности. При этом главную роль играло сельскохозяйственное производство. Оно стимулировало неуклонное продвижение русского крестьянства на плодородные черноземные земли южных степей.

На протяжении всего XVII в. русские поселения, особенно находившиеся на границе русского расселения, нередко подвергались военным набегам кочевников. Возникла необходимость создания оборонительных сооружений не только при крупных поселениях, являвшихся административно-стратегическими центрами, но также и около небольших селений. В 1699 г. верхотурский воевода сообщил в слободы, что, согласно присланному из Москвы указу, во всех слободах, на заимках и в деревнях уезда, «которые на опасных местах стоят», предписано создать оборонные сооружения, а крестьянам купить себе ружья и сделать длинные копья с железными наконечниками⁵⁹.

При создании пограничных укреплений в Сибири использовался опыт по строительству Большой засечной черты в Европейской части страны в XVI—XVII вв.⁶⁰ Она состояла из основных опорно-стратегических пунктов (острогов и городов-крепостей), более мелких укрепленных поселений и системы полевых оборонительных сооружений (надолб, полисадов, рогаток, ровов, валов и засек). В этой системе укреплений использовались также местные естественные препятствия: реки, озера, болота, овраги.

В Сибири в XVII в. сравнительно немногочисленное русское население не могло установить на ее огромных просторах сплошного оборонительного рубежа, подобного Большой засечной черте Европейской части страны, возводившейся в течение десятилетий. Такие рубежи в Сибири создавались лишь на небольших участках. Так, в «Строительной книге Енисейска» приводится описание новых укреплений, построенных в 1660-х годах в уезде: остроги были поставлены на Казачьем лугу, в дер. Большая Ялань и в других селениях, надолбы и засеки с воротами — около дер. Усть-Тунгусской; от надолб «сечены засеки, а мерою засечено засек 500 сажен до крепкого места до болот и до озера, а поперек та засека 5 сажен» и т. д. Всего было сделано в уезде «острогов и надолб и засек засечено 7102 сажени»⁶¹.

В случае военной опасности сельское население стремилось укрыться в ближайших городах, острогах и слободах, имевших крепостное строение и способных выдержать осаду. Из деревень и сел оборонное значение имели наиболее удаленные к югу, которым приходилось принимать на себя первые удары. В общем ряду обороны XVII—начала XVIII в. сельским поселениям принадлежало весьма значительное место.

Расселение на открытых пространствах лесостепной и степной местностей потребовало во второй половине XVIII в. создания более современной пограничной системы обороны. Началось строительство укрепленных линий с крепостями, редутами, форпостами. Так сложилась Ишимская линия, продолжавшаяся приуральскую Оренбургскую линию. Ишимская линия состояла из ряда острогов, слобод и укрепленных деревень, уже имевшейся оборонительной полосы и заново созданных крепостей и форпостов. Она тянулась мерной линией, местами отступая на север и выдвигаясь на юг у Тобола и Иртыша. В 1752—1755 гг.

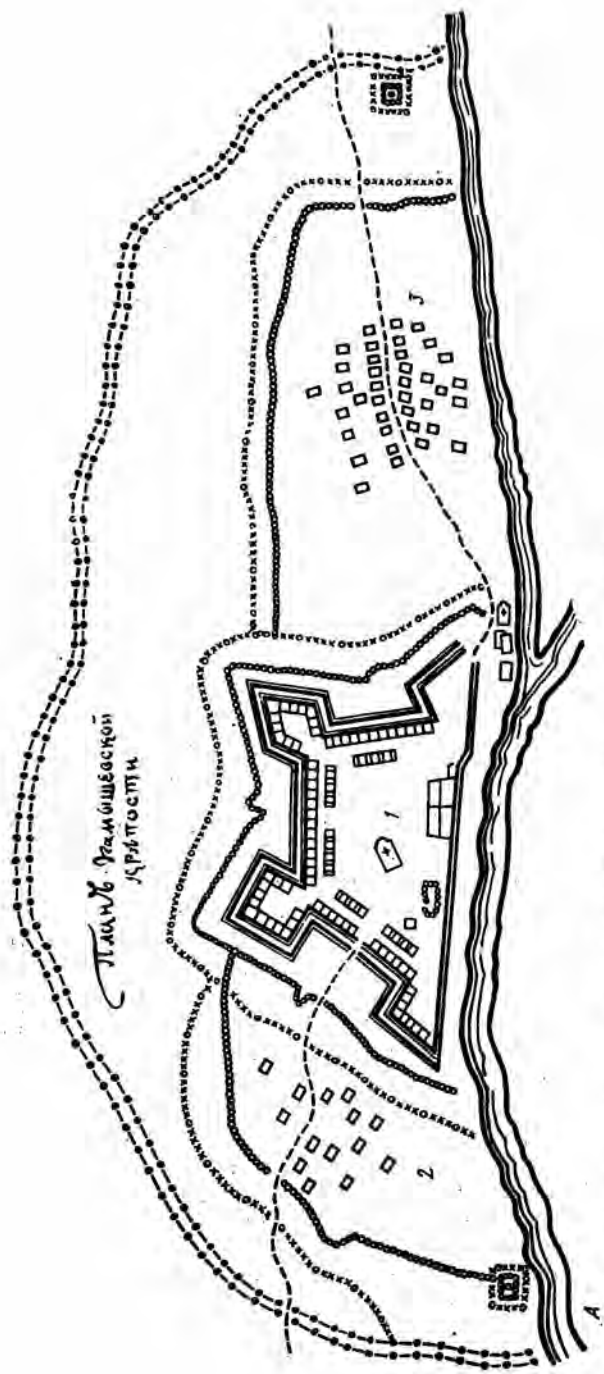
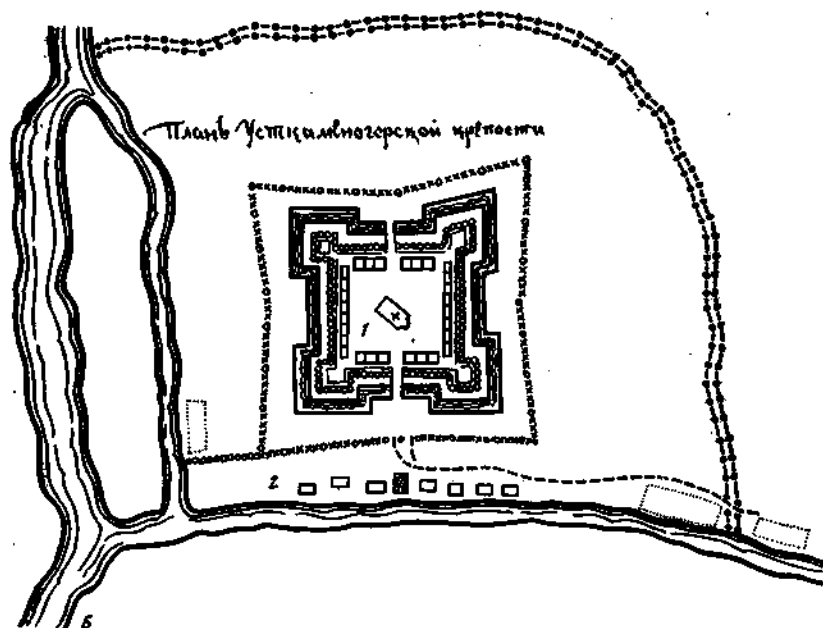

Рис. 2. План Камышевской (А) и Усть-Камеиогорской (В) крепостей XVIII в. (ААН):

А: 1 — крепость; 2 — селение с разбросанной застройкой; 3 — селение с формирующейся линейной застройкой;

В: 1 — крепость; 2 — селение с рядовой застройкой

было проведено строительство первой линии укреплений (Ново-Ишимской, или Новой), спрямлявшей Ишимскую. Линия составляла непрерывную цепь обороны с поставленными через известное расстояние сторожевыми пунктами (в среднем через 9,5 версты). В Западной Сибири в середине XVIII в. линия оборонительных укреплений включала 58 населенных пунктов, в том числе два острога, тринадцать слобод, три села, тридцать пять деревень. Развитие на юге Западной Сибири горнозаводской промышленности способствовало появлению самой южной защитной линии — Колывано-Кузнецкой (позднее — Бийской). В 60-х годах XVIII в. эта линия была передвинута еще южнее, на р. Убу (Бухтарминская линия). Она шла по гористой местности, изобиловавшей реками, вследствие чего была не такой прямой, как Ново-Ишимская, и укрепления на ней стояли реже (на Бийской — через 19,5 версты, на Бухтарминской — через 22 версты).

Линии застраивались в соответствии с фортификационными достижениями XVIII в., и в процессе их создания появились новые типы населенных пунктов. Опорными пунктами линий служили крепости. Форма крепостей не приспособлялась к местности, как это имело место при строительстве в XVII в. городов и острогов. Они имели геометрически правильные очертания с выдвинутыми по углам бастионами. Внутри стояли рядами казармы, имелся арсенал, плац для учений и т. д. На не-

которое расстояние от крепости выносились полевые укрепления: форпосты (с казармами, конюшнями, амбарами) и редуты (или зашты), огражденные палисадами. Между укреплениями стояли караулы у «маяков», обложенных хворостом, который поджигали в случае опасности. Вдоль линии укреплений ездили сторожевые казачьи разъезды⁶².

В 1771 г. по Ишимской линии проезжал академик И. П. Фальк, оставивший довольно подробное ее описание в своих дневниках. В виде примера можно привести его сведения о Петропавловской крепости: «Стоит на высоком берегу Ишима, через который есть здесь плывучий мост... Она есть сборное место Ишимской линии и имела земляной вал и ров в виде прямоугольника. Она была в поперечнике в 150 сажень. В ней находились: 1 церковь, канцелярия, казармы, магазины и цейгауз. Вал вышиною в 12 футов, с 5 воротами и башнями. На валу стояло 12 пушек... Гарнизон состоял в 1771 г. из одной пехотной и двух рот драгун. В крепости находятся только дома гарнизонных служителей, магазинов и пр.

Форштат, или самый город, стоит внизу на правом берегу Ишима. Кроме казаков и инвалидов живет здесь по торговым делам много иногородних купцов. В нем было 172 двора, а жителей 453 души мужского пола и 461 душа женского пола.

Здесь производится изрядный меновой торг со средней Киргизской ордою. Близ крепости на месте, окруженном рогатками, стоят в два ряда деревянные лавки, в которые летом купцы ежедневно привозят свои товары и вечером опять увозят их в город»⁶³.

Как видно из описания, крепости, поставленные в целях обороны, со временем начинали играть существенную роль в экономической жизни края. По мере продвижения русского расселения к югу укрепленные линии, потерявшие свое оборонное значение, ликвидировались, гарнизоны их переводились во вновь построенные крепости, а прежние становились рядовыми населенными пунктами. Так, в тылу оказалась Курганская слобода. В 1770 г. П. С. Паллас, проезжавший через нее, нашел «много обвалившихся пустых домов. От крепости почти ничего, кроме ворот и башен, не осталось»⁶⁴.

При строительстве крепостей учитывалось в первую очередь их стратегическое положение, поэтому некоторые из них оказывались в местностях, мало удобных для жизни населения. В этом, в частности, было одно из отличий укрепленных поселений XVIII в. от ранее возводившихся городов, острогов и слобод, которые стремились ставить «на угрожих местах». Линии XVIII в. прокладывали в степной местности, где рек было мало, но имелось значительное число озер; многие из них были с соленой водой. Фальк писал, что в крепости Полуденной Ишимской линии, которая стояла у Камышлова озера, зимою собирали на озере лед, запасали его на весь год и хранили в погребах, используя летом талую воду для питья и жарки пищи⁶⁵. Особенно

страдали от недостатка пресной воды поселения на Ново-Ишимской, или Горьковской, линии, протянувшейся вдоль цепочки соленых озер. После того как бывшие крепостные селения теряли свое оборонное значение, поселения, расположенные в неудобных местах, или переносились на другое место, или исчезали вовсе.

При оборонительных линиях строили станицы и поселки. В станицах — более крупных поселениях — был сосредоточен административно-управленческий аппарат, имелись церковь, цейхгауз, в некоторых из них был плац для учения, а возле него — казармы для казаков. Каждой станице было подчинено несколько поселков — более мелких населенных пунктов, где обычно размещались лишь дома, в которых жили семьи служащих на линии.

Укрепление южных рубежей сыграло чрезвычайно важную роль в распространении поселений к югу, а также имело существенное влияние на развитие селений в ранее освоенных местах. Создание Ново-Ишимской линии вызвало приток населения в долины Миаса, Исети, Ишима, в степи Барабы. К 1771 г. в Барабе возникло 25 деревень.

Для заселения южной части Западной Сибири характерны частые внутренние миграции населения. Крестьяне из более северных, освоенных к началу XVIII в. местностей с устройством оборонительной линии переселялись к югу, а отсюда — еще южнее. Однако правительство в свою очередь стремилось освоить земли вблизи вновь устроенных линий. Как и раньше, администрация через своих чиновников подыскивала удобные места. В 1758 г. капитан Шустов представил рапорт с перечнем 16 предлагаемых им к поселению мест вблизи Ново-Ишимской линии на 320 дворов; инженер-поручик Плутлов подыскивал места между Омской и Железненской крепостями у озер Чаны и Карасук. Офицеры линии обследовали местности на расстоянии до 80—100 верст от линии, где намечали участки под поселения⁶⁶. Однако места для деревень не всегда оказывались выбранными удачно в отношении качества почв, обеспеченности земельными угодьями и водоемами, вследствие чего через некоторое время крестьянам приходилось вновь переселяться.

Обычно о намеченных к переселению местах объявляли в крупных слободах, «вызывая» желающих («вызывали» добровольцев из Тюмени, Туринска, Верхотурья, Ялуторовска). В 1760—1761 гг. в Абацкую степь переселилось 122 семьи из Ялуторовского уезда. Правительство требовало на новых местах селить только крестьян сибирских уездов⁶⁷. Они расселялись на берегах рек Ик (дер. Иковская), Крутиха (дер. Крутинская), р. Яман, Тюкалка, оз. Атрачье. Всего в Прииртышском участке Тарского уезда за 1760—1782 гг. выходцами из Ишимского уезда было основано 11 деревень, из Ялуторовского — 6, из Камышловского — 1, из северных деревень Тарского уезда — 58. Некоторые деревни заселялись выходцами из одного селения, большинство же — крестьянами из разных деревень⁶⁸.

Так же осуществлялось и заселение мест вблизи Колывано-Кузнецкой линии. Переселялись из Верхотурского, Тобольского уездов, Енисейской провинции⁶⁹. Особенно интенсивное расселение проходило в середине XVIII в. К 1763 г. в бассейнах рек Чарыша и Алей было основано более 60 деревень, из них 39 — переселенцами из более северных уездов Западной Сибири; остальные возникли в результате расселения уже поселившихся крестьян в пределах Горного округа⁷⁰.

«Вызовы» сочетались с интенсивным переселением по инициативе самих крестьян. В стремлении овладеть плодородными землями крестьяне переходили за линию пограничных укреплений. Так были заселены долины горных рек Бии и Катунь, находившиеся вне линии укреплений. Администрация случайно обнаруживала некоторые деревни. Академик И. П. Фальк сообщил об одном из подобных случаев, когда экспедиция, посланная для отыскания рудных месторождений, нашла в горах, по течению Тигирека, деревушку беглых русских крестьян⁷¹. В образовании тайных вольных поселений за линией укреплений известную роль сыграла и распространяемая среди старообрядцев легенда о Беловодье — счастливой, свободной крестьянской земле. Так возникли в Алтайских горах в 60—70-х годах XVIII в. поселения бухтарминцев и каменщиков из бежавших за пределы укреплений старообрядцев, рабочих горных заводов и крестьян ближайших селений⁷², а позже селение Уймож и др.

Правительство, заинтересованное в заселении новых территорий, кроме «вызова» добровольных переселенцев, использовало также ссылку. Компактные группы селений образовали старообрядцы, переселенные в XVIII в. в Минусинский и Ачинский округа Енисейской губернии, в Забайкалье («семейские»), на Алтай («поляки»). Ссылными была заселена западная часть Барабы. В 1771 г. И. П. Фальк насчитал там 25 населенных пунктов ссылнопоселенцев. Вольное переселение крестьян в южную полосу степей совпало со стремлением правительства обеспечить рабочими руками и сельскохозяйственными продуктами горные заводы. Поэтому с конца 1750-х годов правительство поощряло и организовывало переселения добровольцев, переводило на поселения «в зачет» рекрутов, создавало компактные группы селений ссылных (заводские поселки, старообрядческие группы «поляков» в Западной и «семейских» в Восточной Сибири). Однако развивающемуся горнодобывающему и металлургическому производству требовалось все больше рабочих рук, и для обеспечения горнозаводских работ правительство приписывало к заводам окрестные селения, крестьяне которых обязаны были регулярно обрабатывать заводские повинности. В Западной Сибири к 1761 г. к заводам были приписаны все деревни Бийского, Томского и Кузнецкого уездов⁷³. Приписка к заводам и тяжелые работы на них несколько сдерживали вольную крестьянскую колонизацию, но не остановили ее. На основной территории рудников и заводов в Западной Сибири в течение только 1760—

1770-х годов возникли 242 новые деревни. Несмотря на тяжесть заводских работ, переселенцев привлекали удобные для земледелия и хорошо защищенные с юга земли⁷⁴.

В Восточной Сибири строительство в начале XVIII в. Абаканского и Саянского острогов способствовало заселению местности южнее Красноярска. Здесь только в два первых десятилетия XVIII в. возникло 15 деревень⁷⁵. Заселение шло из более северных мест Восточной Сибири. В течение 20—40-х годов XVIII в. почти половина старожилов Красноярского уезда переселилась к югу. Правительственная колонизация Восточной Сибири была также направлена на обеспечение эксплуатации рудных богатств Нерчинского заводского района. Однако в Восточной Сибири деятельность правительства не имела такого успеха, как в Западной: было основано всего семь заводских деревень. Несравненно бóльшие результаты имела вольная колонизация заводских земель. К середине XVIII в. здесь возникло 32 деревни, активизировалось заселение восточного и западного Забайкалья. Всего к середине XVIII в. в Нерчинском районе насчитывалось уже 200 деревень. Таким образом, деятельность правительства по созданию горного производства на юге Сибири способствовала более активному заселению местности, её обороне и налаживанию транспортного сообщения. В результате в южной части Сибири создавалась сеть сельских поселений, в которых служебные функции специального назначения (обслуживание заводов, казачьих укреплений, трактов) в большей или меньшей степени сочетались с занятиями сельским хозяйством.

В отличие от тундровой и таежной полос Сибири, заселение которых проходило исключительно по рекам, в заселении лесостепной и степной полос огромное значение сыграли сухопутные дороги — тракты. Их создание было чрезвычайно важным явлением в истории освоения Сибири и расселении русских в XVIII—XIX вв. Еще в XVII в., при начале создания Верхотурского тракта, соединявшего Сибирь с Европейской частью России, сибирская администрация отмечала появление возле него самовольно основанных деревень. Дальнейшее строительство дорог сопровождалось их быстрым заселением; основывались новые деревни для обеспечения регулярных перевозок государственных грузов, административных лиц и воинских частей, с XVII в. основывались ямские поселения. К XVIII в. установилась сухопутная связь от Томска к Красноярску, и правительство стало налаживать регулярное почтовое сообщение через Верхотурье, Тобольск, Томск и далее на восток. Так сложился Большой Сибирский, или Московский, тракт⁷⁶. Он пересекал Тобольскую, Томскую, Енисейскую и Иркутскую губернии. Маршрут его несколько раз изменялся в поисках более короткого и удобного, но повсюду, где бы ни проходил тракт, он неизменно вызывал создание новых населенных пунктов, способствовал заселению местности. Приведем несколько примеров. В середине XVIII в. была закрыта Верхотурская дорога, этот участок пути сместился

к югу. На новом участке (Камышлов—Тюмень—Тобольск—Тара) к 1745 г. было учреждено 20 станций от Тобольска до Тары и далее — 5.

Когда Омск стал главным городом Сибири, тракт был проложен к нему и тем еще более сместился к югу, оставив в стороне Тобольск и Тару. На новом участке с 1750 по 1770 г. было основано 11 деревень, 6 зимовий, кроме того, 6 селений появились вблизи тракта и 25 селений ссыльнопоселенцев были созданы в Барабинской степи.

От Томска на восток в XVIII в. шли летние дороги, и здесь, в малозаселенной местности, роль трактов в расселении русских была особенно велика. Даже в земледельческой зоне большинство населения сосредоточивалось или вдоль самого пути или вблизи него. В течение XVII в. вдоль дороги от Томска до Красноярска возникло 23 населенных пункта и далее, до Иркутска, — 39.

К Московскому тракту примыкали другие. Продолжением его являлся Якутский тракт (Иркутск—Якутск), при проведении которого было учреждено 28 населенных пунктов, а к середине XIX в. их уже насчитывалось 60⁷⁷. Далее, на северо-восток, его продолжал Охотский тракт, проложенный к Охотскому морю после экспедиции Беринга. С 30-х годов XVIII в. здесь возникли 24 станций. В 1840 г. Охотский тракт был заменен Аянским в связи с перенесением главного северного порта из Охотска в Аянск. На нем было размещено 38 станций⁷⁸.

От основного пути через Сибирь отходили дороги к другим крупным населенным пунктам. В XVIII в. в Западной Сибири был заложен торговый путь в Китай, названный позднее Чуйским трактом; в Восточной Сибири налажены Амурский тракт и торговый путь на Кяхту; установлены местные дороги между городами, связавшие их с промышленными и торговыми центрами. Крупные города становились узлами транспортных магистралей. Так, от Иркутска тракт шел до Енисейска (в середине XIX в. на нем было 27 станций), Ангарска (4 станции); от Якутска — на Кяхту и Верхнеудинск (включая очень трудный участок вокруг Байкала с 11 станциями); от Томска — на Семипалатинск (34 селения) и Кузнецк (21 селение); от Тобольска — на Тюмень (17 селений), Березов (154 селения), Сургут (15 селений), Тару (25 селений), Омск (10 селений), Туринск (22 селения)⁷⁹. В 1772 г. академик П. С. Паллас, проезжавший через Западно-Сибирскую степь, отметил централизующее влияние тракта: «Третья часть жителей Каинской слободы переселилась на новую дорогу, пролагавшуюся через необитаемую степь к Барнаулу от Тобольска»⁸⁰.

Деятельность правительства по созданию оборонных рубежей и проведению дорог вызвала появление линейной формы расселения вдоль защитных линий и трактов.

Появление порубежных поселений способствовало укреплению повседневных контактов между русским и местными народами. При большой разреженности расселения сибирских на-

родов и различной направленности хозяйства (русские были земледельцы; местные — преимущественно охотники, скотоводы, рыбаки) соседское расселение создавалось весьма постепенно. Например, в Минусинском округе Енисейской губ., разделенном пополам Енисеем, русские крестьяне были сосредоточены в восточной стороне, на землях, удобных для земледелия. На западной стороне их селения были только в некоторых местах, там преобладало нерусское население⁸¹. Тем не менее местные жители понемногу расселялись и в русских деревнях. Так, в том же Минусинском округе, по сообщению современников, имелись «подле каждого селения... непременно одна или две татарские юрты»⁸². В XVIII—начале XIX в. более постоянное соседское расселение русского и нерусского населения складывалось на трактах и линиях.

Каждая из линий по мере их создания оказывалась в наибольшей близости к местам расселения местных народов. Вдоль линий в скором времени налаживался меновой торг. При организации казачьего линейного войска в него входили и представители местных народов⁸³.

Переменяющиеся русские и нерусские селения возникали вдоль крупных дорог. Проезжавший в 1730—1731 гг. по Московскому тракту академик И. Г. Гмелин отметил в своих путевых записках чередование русских и татарских деревень⁸⁴. Аналогичное чередующееся размещение русских и нерусских селений (татарских и бухарских) наблюдалось и по различным трактам Тюменского уезда. Всего в этом уезде в 1770—1780 гг. было 150 населенных пунктов, из них в 38 жили татары и бухарцы⁸⁵. То же явление отмечалось в Восточной Сибири, где в некоторых местностях, наиболее пригодных для хозяйственного освоения, русское и нерусское население жили чересполосно, так как власти защищали земельные интересы ясачных⁸⁶. При создании трактов наряду с русскими вдоль них расселяли и представителей местных народов. В 1770-х годах, когда было налажено почтовое сообщение вдоль Лены, там были основаны 23 станции, заселенные якутами и русскими⁸⁷. Несколько раньше, в 30—40-х годах XVIII в., когда сложился тракт на Кяхту, там возникли 24 русских поселения, в некоторых из них вместе с русскими жили и эвенки (тунгусы)⁸⁸. При основании Охотского и Аянского трактов они были заселены якутами, с 1845 г. здесь стали расселять русских ссыльных, а с 1851 г. — вызывать «охотников» из других губерний. На пути от устья Маи до Якутска возникло десять постоянных становищ⁸⁹.

Типы поселений в XVIII—первой половине XIX в. Создание в течение XVIII в. оборонительных линий и трактовых магистралей вызвало к жизни новые типы населенных пунктов, жители которых только частично были связаны с сельским хозяйством, а в основном занимались службой на линии или на трактах. Позже, в XIX в., многие из этих селений стали крестьянскими.

Наиболее типичными поселениями на трактах были станки и зимовья. Они были небольшие и служили станциями на прогонах больших дорог.

Зимовья как один из типов временно обитаемых поселений известны в Сибири с XVI—XVII вв. Они устраивались в местах промыслов звероловами или сборщиками ясака. Иногда это была простая изба, но чаще ясачное зимовье было укреплено и походило на небольшой острожек. Со временем некоторые из таких зимовий развились в города (например, Илимское, Иркутское).

В XVIII—XIX вв. промысловые зимовья сохранялись преимущественно в Восточной Сибири. Наряду с ними появился новый тип зимовий — станции на проезжих дорогах, расположенные обычно в глухих местах. Они служили для отдыха проезжающих, приготовления пищи, кормления лошадей. На таких зимовьях стояла одна, иногда две-три избы, в которых жили «зимовщики», запасавшие хлеб и фураж. На участках с интенсивным движением имелись и постоянные дворы.

Станками назывались станции на более крупных дорогах и почтовых трактах. Здесь были дома ямщиков, постоянные дворы для отдыха проезжающих и смены лошадей.

Станки и зимовья сначала располагались редко, а в XIX в. — на расстоянии 30—40 км. На очень трудных участках дорог устраивали между станциями по одной-две «половинки» для отдыха проезжавших и лошадей.

При оборонительных линиях, как указывалось выше, возникали станицы и поселки. По мере перенесения оборонных рубежей к югу и вывода гарнизонов со старых линий, станицы и поселки утрачивали свои специфические функции и становились рядовыми сельскими поселениями. Как показал учет населенных пунктов, проведенный в середине XVIII в. в средней и южной полосе Западной Сибири, основную массу сельских поселений по-прежнему составляли деревни, но по сравнению с XVII—началом XVIII в. значительно увеличилось число сел (см. табл. 3).

При освоении лесостепных и степных местностей все большее значение стали приобретать заимки; заимочное расселение стало характерным для Сибири. Достаточно было опахать участок в степи или хотя бы проложить полосы пахоты, чтобы земля считалась занятой. В лесной зоне для заимки выбирали место по возможности без крупного леса. Ограничивая участок, деревья зачерчивали, снимая кору кольцом; если лес был мелкий, его сразу вырубали и расчищали пашню; крупные деревья оставляли сохнуть, потом срубали, а пни выкорчевывали.

С течением времени засельщик строил на заимке дом, хозяйственные постройки и огораживал поскотину. Возникающее новое поселение длительное время сохраняло прочную хозяйственную связь с основным населенным пунктом. Сначала на заимках жили в период напряженных полевых работ и держали отгонный скот. При разделах семьи хозяина на заимку отселяли

Таблица 3. Типы населенных пунктов Западной Сибири в середине XVIII в.*

Округ	Типы населенных пунктов				всего
	слободы	села	деревни	прочие	
Тарское воеводство	4	—	43	4	51
Пельимское воеводство	2	1	54	—	57
Томское воеводство	—	7	71	—	78
Ялуторовский дистрикт	9	3	150	—	162
Ишимский дистрикт	4	3	125	—	132
Томское воеводство	—	13	189	8	240
Кузнецкое воеводство	—	1	51	1	53
Красноярское воеводство	—	12	48	—	60
<i>Всего.</i>	19	40	731	13	803

* Таблица составлена по материалам, опубликованным в статье: Потанин Г. И. Сведения о числе жителей в Западной Сибири в первой половине XVIII в. — Вестник РГО, 1860, № 8, с. 201—236 (данные неполные).

молодую пару. Иногда и сам хозяин мог жить там по несколько лет. Наконец, после того, как пригодность вновь выбранного места была окончательно оценена и оно хозяйственно освоено, на займку переселялись окончательно, и она становилась новым постоянным населенным пунктом. В XVIII в. плотность расселения возрастала, средний радиус удаления займок от основного селения уменьшался: в Восточной Сибири он составлял 20—30 верст⁹⁰.

Превращение займки в многодворное поселение проходило путем роста и расселения семьи основателя. Нередко также к первопоселенцу подселялись другие семьи. В результате создавались деревни «однопородные», населенные родственниками, или «разнопородные»⁹¹.

Вследствие разделов, происходивших по мере роста численности крестьянских семей и укрепления их экономики, в селениях появлялось значительное число однофамильцев. В деревнях «однопородных» все носили одну фамилию, по которой нередко называлась и деревня. Например, по небольшой реке Манзурке в Восточной Сибири имелось шесть такого рода селений, жители каждого из которых происходили из одного крестьянского рода (с. Литвиновых было заселено крестьянами по фамилии Литвиновы, с. Копыленское — Копыловыми, дер. Подпругины — Подпругиновыми, с. Карлуцкое — крестьянами Черкашинными и т. д.)⁹². Таких селений в Сибири можно назвать множество, некоторые крестьянские «роды» вели свою генеалогию от первых засельщиков.

В деревнях «разнопородных» складывалось несколько фамильных гнезд. Во многих сибирских селениях живут до сего времени предания о том, кем и когда они были основаны, откуда приходили подселенцы. Например, в дер. Комарица Тобольской

губ. (по современному административному делению — Яровский р-н) со времени ее основания жили Колчановы и Налобины. Жители помнят и сейчас, что в начале XX в. подселелись носители третьей фамилии — Картополовы⁹³. Сравнение материалов переписей позволяет выявить наличие более или менее значительных фамильных гнезд в большинстве селений и проследить их рост. Иногда одна родовая ветвь в процессе развития селения начинала доминировать. Так, в дер. Губиной Томской губ. в середине XIX в. было 16 семей, из них 11 — Губиных⁹⁴. Это явление могло служить основанием для соответствующего названия поселения. В качестве примера можно привести историю с. Хохлово Тобольской губ. Оно было основано как деревня в XVIII в. двумя семьями: Гилевыми и Хохловыми и называлось дер. Гилева. С течением времени семей Хохловых становилось все больше. Во второй половине XIX в. употреблялись как равнозначные два названия — Гилево и Хохлово, а затем официально закрепилось наименование Хохлово⁹⁵.

Отселение на заимки и выселки создавало целые группы сел, заселенных преимущественно однофамильцами. Так, еще при Борисе Годунове поселился на Енисее Матвей Юшков, основавший дер. Овсянкину. К середине XIX в. в ней жило 25 семей — его потомков, и столько же — во многих других селениях вдоль Енисея⁹⁶. Также и для старожилов Приангарья был характерен небольшой и относительно стабильный состав фамилий. Одни и те же фамилии, хотя и в разной мере, были распространены в бассейне Ангары⁹⁷. То же можно проследить на Лене на почтовых станах, основанных в 1770—1780 гг. Вследствие естественного прироста через сто лет в них было 483 семьи крестьян, в том числе 26 семей — Яныгиных, 22 — Ипатовых, по 20 — Пшениковых и Копыловых, по 18 — Ершовых и Борисовых⁹⁸.

Со времени появления в Сибири русских сельских поселений их характерной чертой был смешанный по социальным группам состав; их жителями были не только крестьяне, но также служилое и посадское население. Нередко численность служилой или посадской группы была весьма значительна. В начале XVIII в. в Енисейском уезде служилые люди составляли 26% земледельцев, а в Красноярском уезде — 70%; посадские соответственно 25 и 11,7%; крестьяне — 49 и 18,3%⁹⁹.

В некоторых селениях состав жителей в сословном отношении был однороден, в других — смешанный. Например, в 1760 г. в Тюменском уезде 47 деревень были населены посадскими людьми, 23 — разночинцами, 6 — государственными крестьянами, 7 — монастырскими крестьянами, а 63 имели смешанное население, состоявшее из крестьян и разночинцев¹⁰⁰. Тем не менее подсчет общего количества населенных пунктов Западной и Восточной Сибири, в которых проживали посадские люди, разночинцы и крестьяне, показывает несомненное преобладание крестьянства в сельских поселениях второй половины XVIII в. (см. табл. 4). Как известно, в состав разночинцев в XVIII в.

попали потомки служилых людей XVII в., поэтому их основная масса проживала там, где ранее концентрировались служилые люди (округа Тобольский, Тюменский, Томский, Красноярский). Роль посадского и разночинного элемента в Западной Сибири была несколько активнее, чем в Восточной, однако повсеместно выделялись округа с преобладанием крестьянских селений: в Западной Сибири — Верхотурский, Тобольский, Ишимский, в Восточной Сибири — Илимский. Заселение русскими в XVIII в. плодородных степей Западной Сибири способствовало концентрации там крестьянского населения (Ялуторовский, Ишимский, Курганский уезды, Алтайский округ) ¹⁰¹. Здесь возникло наибольшее количество сельских поселений.

Заселенность русских селений в XVIII в. была очень разнообразна: от 1—2 до нескольких сотен дворов. В местах раннего заселения шло укрупнение населенных пунктов отчасти за счет притока новых переселенцев из Европейской части страны, но главным образом за счет внутреннего прироста. Так, например, в Тюменском уезде в 1620-х годах малодворные поселения (до 5 дворов) составляли 96,7%, а в 1792 г. — всего 9,9% ¹⁰². В новых селениях юго-западной Сибири в среднем было по 12 дворов. Населенные пункты в Тюменско-Тобольской части стали в два раза крупнее ¹⁰³. На юге Сибири, в лесостепной полосе географические условия для расселения были более благоприятны, поэтому основывались более крупные населенные пункты, чем при заселении таежной зоны. Особенно большими были деревни ссыльнопоселенцев в Барабинской степи, «поляков» Алтая и «семейских» Забайкалья ¹⁰⁴.

Томская губерния заселялась менее активно, и в XVIII в. там преобладали деревни, состоявшие из 2, 3, 5, редко — до 10 дворов ¹⁰⁵. Также и в Восточной Сибири, еще мало освоенной, даже в XVIII в. деревни были сравнительно небольшими.

Поселения, имевшие административно-сторожевое назначение, были крупнее. Так, П. С. Паллас и И. П. Фальк, собиравшие во время своих путешествий сведения о заселенности Сибири, указывали число дворов в селах в пределах от 40 до 100, в слободах — от 60 до 700, в погостах — от 45 до 184 ¹⁰⁶.

Наличие значительного количества сравнительно крупных деревень в Енисейском уезде, в котором сельское население стало образовываться раньше, чем в других уездах Восточной Сибири (с 1620-х годов), и в Красноярском уезде, особенно в его южной части, заселение которой началось много позднее, объяснялось разными причинами. Если в Енисейском уезде к началу XVIII в. развивались малодворные деревни, основанные в XVII в., то в Красноярском уезде, так же как и в Западной Сибири, с выходом в степную зону стали сразу создаваться более крупные населенные пункты. При этом заселение южной полосы Восточной Сибири и развитие там сельских поселений шло, как и в Западной Сибири, значительно активнее. Так, южнее Красноярска за период с 1713 по 1722 г. число дворов увеличилось с 20 до 120,

т. е. в шесть раз. К концу века, в 1795 г., там уже не отмечались однодворки, число поселений, насчитывавших два-три двора, уменьшилось вполтину (до 12,7%), а свыше 20 дворов — возросло почти вдвое (до 57,4%); некоторые из таких селений имели более 100 дворов. В Хакаско-Минусинском крае за четверть века — с 1770 по 1795 г. — число дворов увеличилось с 1064 до 2776¹⁰⁷.

Рост селений Восточной Сибири в зоне старого заселения шел медленно. Об этом можно судить по Илимскому уезду, где были благоприятные условия для развития земледелия; за двадцать лет наменения в дворности почти не произошли.

В Восточной Сибири села стали возникать позднее, чем в Западной. В Красноярском уезде в 1700 г. было три села: самое крупное — Ясаулово — имело 73 двора, другие — более 30. В остальных уездах сел в это время не было. К 1722 г. Ясаулово имело уже 122 двора, а в 1795 г. — 194¹⁰⁸.

Слободы, как и села, были менее крупными, чем в Западной Сибири, их развитие шло медленнее. В Нерчинском, Селенгинском, Якутском округах в этих поселениях средняя численность дворов достигала 25¹⁰⁹. Даже в благоприятном для земледелия Илимском уезде в слободах было от 2 (Тутарская слобода) до 25 дворов (Ново-Убинская слобода)¹¹⁰.

В последней трети XVIII в. в Сибири стало больше крупных населенных пунктов. По свидетельству И. П. Фалька, проезжав-

Таблица 4. Распределение социальных групп жителей в населенных пунктах различных типов в Сибири в 1760—1761 гг. (по числу населенных пунктов)*

Округ	Типы населенных пунктов								
	Слободы			Села			Деревни		
	посад-ские	разно-чинцы	крестья-не	посад-ские	разно-чинцы	крестья-не	посад-ские	разно-чинцы	крестья-не
Верхотурский	5	—	3	—	—	—	—	34	130
Пельимский	—	2	2	—	1	1	—	—	—
Тобольский	—	2	3	1	2	3	59	153	220
Омская крепость	—	—	—	—	—	—	—	7	7
Илимский	—	—	4	—	—	3	—	—	155
Тюменский	—	—	1	7	5	5	47	84	74
Кузнецкий	—	—	—	—	1	—	—	71	38
Томский	—	—	—	—	6	1	14	228	74
Енисейский	2	3	3	—	—	—	59	42	86
Красноярский	—	—	—	—	8	7	19	58	55
Иркутский	—	—	6	—	—	—	—	1	14
Якутский	—	—	2	—	—	—	—	—	—
Илимский	2	5	4	—	—	—	—	168	268
<i>Итого</i>	9	12	28	8	23	20	198	846	1424

* ААН, ф. 3, оп. 1С-а, д. 208—127.

шего через Западную Сибирь, между Тоболом и Иртышом в Краснослободском, Ялуторовском, Ишимском и Демьянском заказах насчитывалось 79 слобод, сел и приходов; в Пелымском заказе — 77 слобод и сел; по Иртышу, в Тарском и Омском заказах, — 24 слободы и крепости; между Обью и Томью, в Кузнецком и Томском заказах, — 33 слободы и села. Фальк приводит также сведения об округах, не упомянутых в описи, данные которой отражены выше в табл. № 3; в Барнаульском заказе — 13 слобод и сел; в Верхотурском, Тарском, Ирбитском, Тюмен-

Таблица 5. Величина деревень Восточной Сибири в начале XVIII в.
(по числу дворов, в %)

Уезд	Год	Число дворов					Всего селений
		1	до 5	до 10	до 20	более 20	
Енисейский	1720 *	6,7	27,5	23,3	20,0	22,5	120
Илимский	1720 **	39,8	47,9	8,1	4,2	—	209
Ишимский	1723 **	32,0	54,6	7,8	4,1	1,5	269
Красноярский (севернее Красноярска)	1700 *	7,2	38,1	14,3	21,4	19,0	42
(южнее Красноярска)	1722 ***	3,7	24,1	16,6	22,2	33,4	45

* Александров В. А. Русское население Сибири XVII—начала XVIII в. М.: Наука, 1964, с. 170.

** Шерстобоев П. И. Илимская пашня. Иркутск: Иркутское обл. изд.-во, 1949, т. 1, с. 80—81.

*** Быхона Г. Ф. Заселение русскими юга Приенисейского края: Дис. . . канд. ист. наук. Новосибирск, 1973.

ском заказе — 39 слобод и сел; в Кодминском — 6 погостов и сел; в Березовском, Нарымском и Сургутском — кроме сел, не было других крупных сельских поселений. В Красноярском уезде Восточной Сибири было 28 волостей с погостами, слободами и селами; в Енисейском заказе — 30 волостей, погостов и сел; в Туруханском заказе с Мангазей — 6 приходов¹¹¹.

И. П. Фальк приводит данные по Тобольской епархии, простиравшейся от Урала до Енисея, следовательно, заселенность Восточной Сибири представлена не полностью. Тем не менее сравнение приведенной им сводки с материалами начала XVIII в. показывает значительный рост заселенности Сибири при опережающем развитии этого процесса в южной полосе. Русское население Западной Сибири, по данным IV ревизии (1782 г.), возросло на 91,8%, Восточной — на 165%. В Восточной Сибири в конце XVIII в. по-прежнему наиболее населенными были Енисейский край и Прибайкалье. Однако географическое распределение населения изменилось: большая часть заселяла, как и в Западной Сибири, южные районы¹¹². Таким образом, для XVIII в. было характерно смещение русского расселения к югу, в районы, более благоприятные по природным данным.

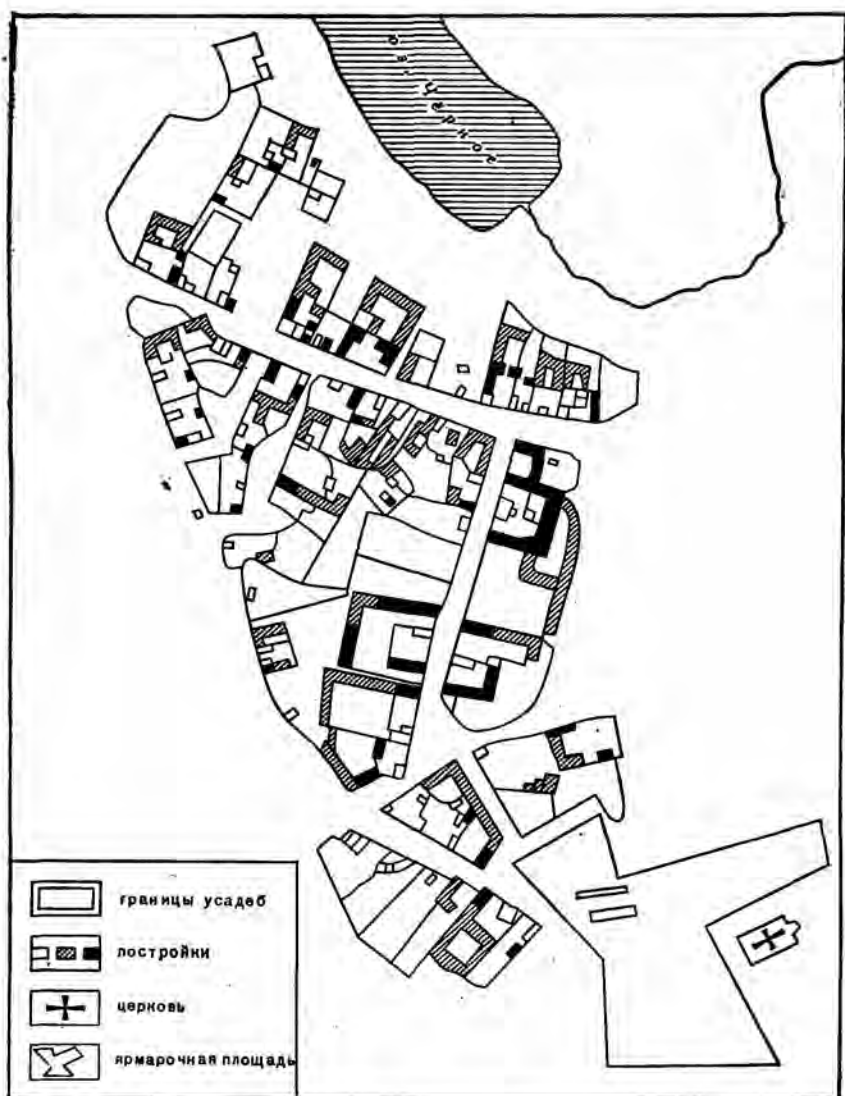
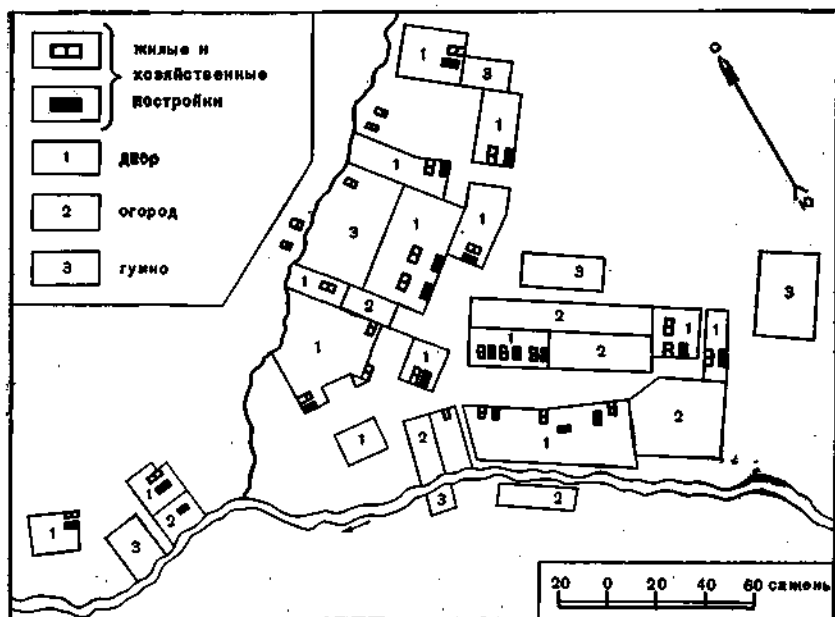

Рис. 3. Планы селений XIX в.:

а — фрагмент плана с. Камышлова Тобольской губ., середина XIX в. (ТФГАТО);

В XIX в. миграционные процессы внутри Сибири и приток населения с основной территории значительно спадают. Если в XVIII в. переселение из Европейской части страны обеспечивало 25—40% общего прироста численности русского населения, то в первой половине XIX в. — только 22—35%¹¹³. Заселялись главным образом окраины Восточной Сибири, на остальной же территории шло дальнейшее развитие сложившегося расселения.

6 — план дер. Бол, Башелак Алтайского округа, начало XIX в. (ГААК)

Развитие в XIX в. населенных пунктов вело к увеличению числа сел и деревень, являвшихся основными типами сельских поселений. Крупные населенные пункты, слободы и станицы, совмещавшие черты сельских и административно-стратегических поселений, к середине XIX в. в одних уездах еще сохранили свой статус, в других — перешли в разряд сел (в Пелымском уезде, например, сохранилось 4 слободы, имевшихся и в середине XVIII в., а в Ялуторовском уезде не осталось ни одной). По своим функциям слобода в середине XIX в. уже не соответствовала ее прежнему значению. Военских гарнизонов не было, оборонительные сооружения, если и сохранялись, то как памятники старины. Эти поселения в большинстве своем не отличались от сел, являясь административными, культовыми и торговыми центрами. То же относится и ко многим станицам Западной Сибири, казачье население которых было переведено в разряд крестьян. Дольше всего казачество сохранялось в Восточной Сибири, где это сословие было упразднено после установления Советской власти. В XIX в. казачьи поселения Забайкалья быстро развивались. Например, Акпинский караул, основанный на берегу р. Онон в 1756 г., в начале XIX в. стал большим торговым селом, а с 1872 г. уже считался городом¹¹⁴.

С ростом сел и деревень в местностях старого расселения жители их начали ощущать затруднения в землепользовании. Часть семей стала выселяться из старых поселений, в результате чего в конце XVIII—начале XIX в. было положено начало новому

типу поселений — выселкам. Эти поселения, в отличие от заимок, отражали не столько освоение новых земельных участков, сколько уплотнение расселения на уже освоенной местности. Они обычно располагались недалеко от основного поселения, в границах его землепользования. Такое отселение происходило не постепенно, как на заимки, а сразу, когда крестьянские семьи со всем своим хозяйством переезжали и основывали дворы на наиболее отдаленных угодьях.

В первой половине XIX в. как единичное явление в Сибири стали появляться хутора — малодворные поселения, характерные для степной полосы Европейской части страны. Хутора представляли собой поселения одной семьи с двором и прилегающими хозяйственными угодьями. Они были расположены в стороне от других селений.

Выселки, починки, заимки, хутора составляли группу населенных пунктов, непостоянных в своей значимости. Эти молодые поселения, возникая и развиваясь, пополняли собою многодворные типы поселений — села и деревни, а их место заступали вновь основанные. Число выселков, починков, заимок служило показателем процесса внутреннего расселения, так как вновь прибывшие из Европейской части страны переселенцы нередко сразу же основывали деревни.

С другой стороны, неуклонное увеличение числа дворов в селениях являлось свидетельством развития населенности края. Уже в 60-х годах XVIII в. правительство в фискальных целях проводило укрупнение деревень Зауралья, селяя в среднем «по 100 дворов»¹¹⁵. Вместе с тем происходило естественное развитие селений. Разрастались малодворные поселения. Станки и зимовья, основанные вдоль дорог для расселения ямщиков, мало-помалу превращались в деревни. В середине XIX в. станки и зимовья в тундре еще имели по 1—6 дворов, южнее они насчитывали до двух десятков. Ленские почтовые станы также разрослись до 10—20 дворов¹¹⁶.

Естественное развитие сельских поселений проходило путем разделения больших семей и подселения новых жителей. В виде примера можно сослаться на две деревни Алтайского округа. Дер. Коробейниково, основанная семьей Нечунаевых в 1785 г., развилась из заимки этой семьи. По V ревизии (1795 г.), деревню населяла только одна эта семья, в составе которой было 13 мужчин. VI ревизия (1810 г.) отметила уже две семьи Нечунаевых (10 мужчин), а также семьи Кузнецовых, Григорьевых, Мангатовых и Хомяковых, подселившиеся в течение 1805—1811 гг. из других деревень¹¹⁷. В дер. Болвашкино за время между V и VI ревизиями количество жителей мужского пола возросло на 19 человек. Из них 15 подселились в 1802—1807 гг. (5 семей), в результате чего к VII ревизии мужчин в деревне стало больше на 24 человека, к VIII — на 38 человек¹¹⁸.

К середине XIX в., как видно из табл. 8, в Сибири преобладали крупные поселения. Декабрист Н. Бестужев писал: «Теперь

едущий по Сибири увидит огромные деревни: я говорю огромные потому, что они действительно таковы; например: в Красноярской губ. между прочими большими есть д. Бояроновка, которая тянулась на 6 верст еще в 1827 г., что же она теперь. И здесь так называемые семейские деревни изумили бы любого русского и огромностью и довольством»¹¹⁹.

Малодворные населенные пункты составляли в середине XIX в. уже незначительную часть. В основном это были начинающие свое развитие поселения — починки, заимки, а также хутора, имевшие, как правило, 1—3 дома. Селения, которые значились как заимки, в некоторых случаях насчитывали уже по несколько десятков дворов. По существу это были деревни, еще сохранившие свое прежнее наименование. Основные сельские поселения — деревни и села — показывали наибольшие колебания числа дворов: от двух-трех — до нескольких сотен. Большая часть

Таблица 6. Типы населенных пунктов Сибири в середине XIX в.

Губернии, уезды	Типы населенных пунктов					
	слободы	села	станции	деревни	выселки	починки
<i>Тобольская губ.*</i>						
Березовский	—	11	—	2	—	—
Сургутский	—	5	—	4	—	—
Тарский	4	25	—	226	62	29
Туринский	2	17	—	257	—	—
Тобольский	2	36	—	406	42	2
Тюменский	3	20	—	184	13	—
Ялуторовский	—	48	—	318	7	1
Ишимский	2	60	—	365	36	—
Курганский	2	60	—	—	14	1
<i>Томская губ.**</i>						
Томский	—	47	1	420	2	6
Канский	—	32	—	180	1	5
Кузнецкий	—	25	4	262	—	3
Марининский	—	20	—	64	1	4
Барнаульский	—	39	—	534	—	1
Бийский	—	33	18	215	9	3
<i>Енисейская губ.***</i>						
Туруханский	—	5	—	—	—	95
Канский	—	19	—	—	—	2
Енисейский	—	23	—	179	—	2
Красноярский	—	19	4	104	2	—
Ачинский	—	14	1	103	—	3
Минусинский	—	18	4	132	1	—

* Подсчитано по книге: Тобольская губ. Список населенных мест по сведениям 1868—1869 гг. СПб., 1871.

** Подсчитано по книге: Томская губ. Список населенных мест по сведениям 1859 г. СПб., 1868.

*** Подсчитано по книге: Енисейская губ. Список населенных мест по сведениям 1859 г. СПб., 1864. Данных по другим районам Восточной Сибири не обнаружено.

Таблица 7. Распределение селений по числу дворов в середине XIX в.

Уезд	Число дворов в селениях									
	1	2-9	до 10	до 20	до 50	до 100	до 150	до 200	до 250	свыше 250
<i>Тобольская губ.*</i>										
Березовский	—	—	4	3	6	2	—	—	—	—
Сургутский	1	1	4	2	1	—	—	—	—	—
Тарский	6	15	22	64	121	73	22	6	1	1
Туринский	3	15	70	72	74	32	6	4	—	1
Тобольский	8	—	15	137	161	25	3	1	—	—
Тюменский	3	1	21	29	78	66	17	3	3	4
Ялуторовский	1	4	23	33	101	108	57	22	12	14
Ишимский	—	1	25	27	158	160	64	21	8	9
Курганский	3	2	8	19	139	137	74	39	7	3
<i>Томская губ.*</i>										
Томский	4	8	75	94	200	75	11	11	—	2
Канский	4	3	19	24	81	55	21	9	3	1
Кузнецкий	—	2	32	62	148	48	4	4	—	—
Маринский	—	2	3	—	18	21	14	18	2	4
Барнаульский	—	2	49	100	262	175	22	4	3	2
Бийский	1	1	18	42	119	79	20	7	3	3
<i>Енисейская губ.*</i>										
Туруханский	30	53	29	3	1	—	—	—	—	—
Кавский	4	3	19	24	81	55	21	9	3	1
Енисейский	1	9	33	68	66	34	6	1	2	—
Красноярский	—	—	11	13	22	51	18	10	3	3
Ачинский	—	—	4	14	41	25	14	3	2	1
Минусинский	—	—	15	16	60	57	13	8	—	—
<i>Якутская обл.**</i>										
Иркутский	1	—	9	11	8	2	1	1	—	—
Киренский	—	4	50	38	30	2	—	—	—	—
Якутский	5	6	18	—	—	—	—	—	—	—
Амурский край***	1	6	21	50	24	2	—	—	—	—

* При составлении использованы те же материалы, что и в таблице 6.

** Шуркин Н. Поездка в Якутск. СПб., 1844, с. 307 и сл.

*** АГО, разр. 56, оп. 1, д. 12. Материалы для статистики населения Амурского края (по данным 1860 г.).

малодворных деревень отмечена в Енисейском округе Восточной Сибири; а самые крупные — свыше 400 дворов — в Ялуторовском и Барнаульском округах Западной Сибири. То же наблюдалось и в отношении сел: самые маленькие находились в Восточной Сибири (с. Толстоносовское в Туруханском крае имело всего три двора), самые крупные — в Западной Сибири (с. Боготольское на р. Чулыме в Маринском округе — 606 дворов).

Селения обычно огораживали решетчатой изгородью, выделяя выгон для скота — покотину. Поскольку «скотские выпуски» занимали большую площадь вследствие экстенсивной системы животноводства, то в некоторых местах, где соприкасались

участки соседних деревень, жители, договорившись между собой, объединяли покотины и обносили их общей изгородью. Ограда состояла обычно из трех-четырех горизонтальных рядов жердей, укрепленных на врытых в землю опорных столбах; чтобы столбы дольше не поддавались гниению, концы их иногда обжигали или смолили, а яму вокруг столба засыпали камнем или углем. Жерди на столбах крепились при помощи гибких прутьев — «вицей». Такой вид легкой ограды был весьма распространен и широко практиковался в севернорусских губерниях Европейской части страны. На проезжих дорогах, ведущих к селению, жерди покотины не привязывались к столбам, а свободно лежали на вицах, поэтому их легко можно было вынуть, чтобы открыть проезд. В некоторых селениях на проезжей части дорог делали легкие ворота из скрепленных между собою жердей — «решетчатые ворота». Ограду ежегодно подновляли, каждому дворохозяину в соответствии с числом имевшихся у него голов скота выделялся определенный участок.

Наиболее правильную форму покотина имела в степях, где огораживали обширные пространства, кольцом окружавшие селения. В степных местностях (Тобольская и Томская губернии), где ощущался недостаток в лесе, постепенно отказывались от покотин, переходя к пастушескому выпасу скота.

В лесной зоне покотины размещались между удобными для земледелия участками и часто имели неправильную форму. В северной полосе расселения русских, где плодородные земли окружены болотами и труднопроходимыми чащами, выгон огораживали лишь со стороны, примыкавшей к пашням и сенокосам, с других сторон выход скоту преграждали естественные препятствия.

В XVIII в. застройка русских селений была свободной, разбросанной, широко раскинувшейся. Каждая усадьба ставилась обособленно, на значительном расстоянии одна от другой. Выразительно характеризовал это очевидец, академик П. С. Паллас. Он обратил внимание на то, что в с. Омутинском на р. Вагае крайние дворы были «один от другого более нежели на пять верст отдалены», а в слободе Абацкой четырнадцать дворов стояли на берегу Ишима «двумя кучами»¹²⁰. Хотя дома стояли разрозненно, они зачастую были ориентированы одинаково. Постройки обращались фасадом преимущественно в южную сторону (или на юго-запад, юго-восток) для наилучшего освещения жилища солнцем.

Наличие линейных ориентиров — трактов, дорог, крепостных стен — способствовало в XVIII в. появлению и развитию линейных форм с рядовой или уличной застройкой. Таких поселений было значительно меньше, и обычно в них сочетались упорядоченное и разбросанное расположение домов.

С конца XVIII — начала XIX в. наметились изменения в планировке населенных пунктов. Переселенцы из внутренних губерний Европейской части страны, а также ссыльнопоселенцы за-

страивали селения улицами. П. С. Паллас отмечал, что «деревни „поляков“ строятся большие, имеют много домов, застраиваются улицами». Так, в деревне при редуте Сентовском было две улицы, каждая около 60 сажень в длину¹²¹. В забайкальских селениях также улицы были широкими, правильными. Усадьбы старообрядцев примыкали друг к другу боковыми сторонами, так что к проезжей части был обращен сплошной, ровный ряд заборов. Дома или выходили фасадом к передней грани усадьбы, или прятались в глубине двора. Уличная застройка (два порядка домов, обращенных один к другому) и рядовая (несколько порядков домов, стоящих последовательно, один за другим, обращенных фасадами в одну сторону) были характерны для селений, расположенных возле трактов.

Развитие трактов оказало влияние и на планировку селений старожилов. Близость транспортных магистралей способствовала организации усадеб по уличному или рядовому плану. Однако в старой части таких селений нередко сохранялась разбросанная застройка, как и в удаленных от трактов селениях старожилов. Так, по описанию современника, с. Тункинское на берегу р. Иркут в Бурятии «в отношении размещения домов не представляет никакой правильности. Тут пять, шесть домов сдвинулись в одно место и расположились на возвышенной площадке, вдали от прочих. Там уединенное жилье обнесено забором и окружено со всех сторон хозяйственными принадлежностями, как то: лужком, огородом и небольшим клочком вспаханной земли для какого-нибудь ярового посева. Там опять расположена группа домов с отдельными дворами и землями. Можно подумать, что здесь не одно село, а несколько деревушек, растянувшихся на пространстве нескольких верст без всякой симметрии... размещение домов вдали один от другого дало им возможность иметь под руками все более нужное в хозяйстве. У каждого почти жителя есть вблизи постройки, обнесенные забором; телятник, где растет густая сочная трава, назначенная в пищу молодому скоту; огород для овощей и картофеля, пашня для посева какого-нибудь зернового хлеба и нередко небольшой лужок для свежего сена. Вот почему первые тункинские поселенцы пожертвовали симметрией и правильностью размещения домов положительной выгоде и удобству в хозяйстве»¹²².

Увеличение количества дворов приводило к уплотненному расположению усадеб. В центральной части создавался лабиринт узких проходов и проездов. Многие села разделялись на участки, заселенные более или менее обособленными коллективами, которые возникали по принципу родства, времени поселения, сословных или этнографических градаций населения. Такие участки назывались «края», «концы», «гнезда», «кулиги»; если в русском селении поселялись представители других национальностей, то они заселяли какой-либо один «край». При подселении к старообрядцам православных русских также возникали отдельные «концы»¹²³. Часто «гнезда» населяли представители различных

крестьянских родов. Гнездовые поселения были распространены в селениях по берегам Енисея¹²⁴.

Развитие трактов способствовало концентрации вблизи них населенных пунктов. Например, в Енисейской губ. наиболее плодородные земли были в Минусинском округе, однако количество поселений было больше в Ачинском и Красноярском округах, через которые проходила важнейшая в Сибири транспортная магистраль — Сибирский тракт. В середине XIX в. в Енисейской губ. на трех главных дорогах было сосредоточено 46,6% дворов¹²⁵. В Тобольской губ. вдоль Московского тракта насчитывалось 55 селений, а всего на 11 дорогах, проходивших в губернии, — 406 населенных пунктов¹²⁶.

В середине XIX в., как и раньше, селения располагались у естественных водоемов, но в Западной Сибири, судя по данным «Списков населенных мест», по сравнению с XVII—XVIII вв. значительно возросло число поселений при озерах. В степных уездах, территория которых стала заселяться с XVIII в., возле озер находилась почти половина населенных пунктов, а в Омском уезде — даже 65,3%. Несколько увеличилось число поселений у болот, что, по всей вероятности, свидетельствовало о распространении расселения и в местности, не очень удобные для жизни. Все такие населенные пункты были сосредоточены в Западной Сибири, заселенной более плотно. В Восточной Сибири только единичные поселения отступали от русла рек.

Селения сибиряков производили благоприятное впечатление благодаря чистоте, отсутствию скученности, живописности сибирского пейзажа. Они располагались на еланях, на фоне суровых таежных лесов; в степях — у небольших роц («колков»), в горных местностях — в широких лощинах и на плоских возвышенностях.

* * *

Итак, на протяжении XVII—первой половины XIX в. сложились характерные особенности русского расселения в различных климатических и ландшафтных зонах Сибири. С конца XVI в. — до начала XVIII в. определились основные контуры распространения русского населения — преимущественно в таежной зоне; в тундре селения основывались лишь там, где имелись возможности для постоянного промыслового хозяйства, прежде всего рыболовства. Сельские поселения того времени были малодворны, располагались по лесным еланям вдоль рек, служивших главными путями передвижения, концентрировались в массе своей вокруг укрепленных городов, острогов, слобод.

На протяжении XVIII в. в связи с расселением в лесостепной и степной полосе, началом создания сибирской промышленности и освоением южных предгорий значительная часть уже осевшего в Сибири русского сельского населения спустилась к югу; с развитием сети трактов возникли новые типы населенных пунктов, их размеры и внешний облик стали значительно более разно-

образными. В зоне старого расселения проходило укрупнение поселений главным образом за счет естественного прироста населения и раздела семей. В зоне нового расселения — в полосе лесостепи и степи — поселения или сразу основывались более крупные, или быстро разрастались в многодворные. Это явление отражало изменение старых, свойственных севернорусскому крестьянству традиций, обусловленное новыми условиями расселения и ведения хозяйства; эти же условия определяли и разнообразие типов населенных пунктов, некоторые из них приобрели в Сибири специфические черты (станции, заимки, зимовья).

Таблица 10. Расположение поселений на местности в XIX в. (в %)*

Губернии, уезды	У естественных водоемов		Вдали от естественных водоемов
	реки	озера, болота, прочие	
<i>Тобольская губ.</i>			
Березовский	100	—	—
Сургутский	100	—	—
Тарский	77,0	18,7	4,3
Тобольский	84,5	9,7	5,8
Турявский	73,4	11,2	15,4
Тюменский	80,8	11,3	8,1
Ялуторовский	87,0	11,7	1,3
Ишимский	57,9	41,9	0,2
Курганский	49,2	47,5	3,3
Омский	34,5	65,3	0,2
<i>Томская губ.</i>			
Томский	97,3	2,7	—
Канский	61,8	38,2	—
Кузнецкий	99,4	0,6	—
Маринский	96,8	2,2	1,0
Барнаульский	83,8	15,4	0,8
Вийский	94,4	4,9	0,7
<i>Енисейская губ.</i>			
Туруханский	100,0	—	—
Канский	92,5	6,0	1,5
Енисейский	98,7	0,9	0,4
Красноярский	92,2	7,8	—
Ачинский	99,2	—	0,8
Минусинский	98,1	1,9	—

* По сведениям «Списков населенных мест».

В процессе дальнейшего развития сельских поселений первой половины XIX в. два их основных типа — села и деревни — включали в свой состав некоторые поселения административного и сторожевого назначения (слободы, станции, станки, зимовья); в то же время складывались новые типы — выселки и хутора, характерные для расселения на водоразделах в степной полосе.

В результате с конца XVI—к середине XIX в. сложилась зона

плотного и компактного расположения русских сельских населенных пунктов, протянувшаяся широкой полосой от Урала до побережья Тихого океана. В типологии поселений отражались два взаимосвязанных явления общего процесса: расселение русских и хозяйственное освоение крестьянством сибирской земли.

- ¹ Об этом см.: Проблемы изучения материальной культуры русского населения Сибири. М.: Наука, 1974, с. 46—59.
- ² Кабо Р. М. Города Западной Сибири: Очерки историко-экономической географии (XVII—первая половина XIX в.). М.: Географгиз, 1949; Города Сибири. Новосибирск: Наука, 1974; История городов Сибири досоветского периода (XVII—начало XX в.). Новосибирск: Наука, 1974; Города Сибири: (Эпоха феодализма и капитализма). Новосибирск: Наука, 1978; Кочеданов В. И. Первые русские города Сибири. М.: Стройиздат, 1978; Воробьев В. В. Города южной части Восточной Сибири (историко-географический очерк). Иркутск: Иркутское кн. изд-во, 1959; и др.
- ³ Вазрушин С. В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI—XVII в. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. III, ч. 1; История Сибири. Л.: Наука, 1968. Т. 2; История Якутской АССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. 2; История Бурят-Монгольской АССР. Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1954. Т. 1.
- ⁴ Шунков В. И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII—начале XVIII в. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946; Он же. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII в.). М.: Изд-во АН СССР, 1956; Он же. Вопросы аграрной истории России. М.: Наука, 1974.
- ⁵ Бояршинова З. Я. Население Томского края в первой половине XVII в. — Труды ТГУ, 1950, т. 112, с. 114—204; Она же. К вопросу о развитии русского земледелия в Томском уезде в XVIII в. — В кн.: Материалы по истории земледелия СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1952, кн. 1, с. 246—271.
- ⁶ Александров В. А. Русское население Сибири XVII—начала XVIII в. (Енисейский край). М.: Наука, 1964.
- ⁷ Шерстобов В. Н. Илимская пашня. Иркутск: Иркутское обл. гос. изд-во, 1949. Т. 1.
- ⁸ Устюгов Н. В. Из истории русской крестьянской колонизации Южного Зауралья в XVIII в. — В кн.: Ежегодник аграрной истории Восточной Европы, 1959. Таллин, 1959; Кондрашенков А. А. Крестьяне Зауралья в XVII—XVIII вв. Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 1966. Ч. I; 1969. Ч. II; Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI—начале XVII в. М.: Наука, 1972; Булыгин Ю. С. Первые крестьяне на Алтае. Барнаул: Алтайское кн. изд-во, 1974.
- ⁹ Сафронов Ф. Г. Русские крестьяне в Якутии (XVII—начало XX в.). Якутск: Якутиягиздат, 1961; Гурвич И. С. Русские на северо-востоке Сибири в XVII в. — В кн.: Сибирский этнографический сборник. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. Вып. 5; Копылов А. Н. Русские на Енисее в XVII в.: Земледелие, промышленность и торговые связи Енисейского уезда. Новосибирск: Наука, 1965; Выкова Г. Ф. Формирование русского населения в бассейнах Среднего Кана, Верхней Бирюсы и Уды в XVIII в. — В кн.: Из истории Сибири. Красноярск: Изд-во Красноярского гос. нед. ин-та, 1971. Вып. 4.
- ¹⁰ Пожишеский В. В. Заселение Сибири. Иркутск: Иркутское обл. гос. изд-во, 1951; Помус М. И. Западная Сибирь. М.: Знание, 1955; Восточная Сибирь. М.: Географгиз, 1963; Дальний Восток. М.: Мысль, 1966; Воробьев В. В. Формирование населения Восточной Сибири. Новосибирск: Наука, 1975.
- ¹¹ Водарский Я. Я. Население России в конце XVII—начале XVIII в.: (Численность, сословно-классовый состав, размещение). М.: Наука, 1977; Колесников А. Д. Заселенность русскими лесостепи Прииртышья в XVIII в. — Изв. ООГО, 1958, вып. 2; Громыко М. М. Западная Сибирь в XVIII в.: Русское население и сельскохозяйственное освоение. Новоси-

- бирск: Наука, 1965; *Кожузов Ю. В.* Русские крестьяне Восточной Сибири в первой половине XIX в. (1800—1861 гг.). Л.: Изд-во ЛГУ, 1967; *Кабузан В. М.* Народонаселение России в XVIII—первой половине XIX в. М.: Изд-во АН СССР, 1963; *Он же.* Как заселялся Дальний Восток (вторая половина XVII—начало XX в.). Хабаровск: Хабаровское кн. изд-во, 1976; *Колесников А. Д.* Миграции русского населения в Западной Сибири в XVIII—начале XX в. — В кн.: Русское население Поморья и Сибири. М.: Наука, 1973.
- ¹² Тобольская губ. Список населенных мест по сведениям 1868—1869 гг. СПб., 1817; Томская губ. Список населенных мест по сведениям 1859 г. СПб., 1868; Енисейская губ. Список населенных мест по сведениям 1859 г. СПб., 1864.
- ¹³ *Ащепков Е. А.* Русское народное зодчество в Западной Сибири. М.: Изд-во акад. архитектуры СССР, 1950; *Он же.* Русское народное зодчество в Восточной Сибири. М.: Гос. изд-во лит. по строительству и архитектуре, 1953; *Он же.* Особенности развития архитектуры народного жилища в Сибири. — В кн.: Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М., 1964; *Маковецкий И. В.* Архитектура русского народного жилища в Забайкалье. — В кн.: Этнографический сборник. Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1962. Вып. 3; *Он же.* Архитектура русского народного жилища Забайкалья. — В кн.: Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Забайкалье. Новосибирск: Наука, 1975. Ч. II. *Он же.* Деревянное зодчество Среднего Приангарья (XVII—XX вв.). — В кн.: Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Новосибирск: Наука, 1971.
- ¹⁴ *Липинская В. А.* Поселения, жилище и одежда русского населения Алтайского края. — В кн.: Этнография русского населения Сибири и Средней Азии. М.: Наука, 1969; *Сабурова Л. М.* Культура и быт русского населения Приангарья. Л.: Наука, 1967; *Власова И. В.* Поселения Забайкалья. — В кн.: Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Забайкалье, ч. II; *Липинская В. А.* Русские поселения южной части Тюменской области (конец XIX—начало XX в.). — В кн.: Проблемы изучения материальной культуры русского населения Сибири.
- ¹⁵ *Вахрушин С. В.* Очерки... с. 137—160.
- ¹⁶ История Сибири, т. 2, с. 34—55.
- ¹⁷ Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск: Сиб. краев. изд-во, 1932, т. 2, с. 394.
- ¹⁸ *Шунков В. И.* Очерки по истории земледелия... с. 254.
- ¹⁹ *Оглоблин Н. Н.* Описание столбцов и книг Сибирского приказа (1592—1768). М., 1895. Ч. 1, с. 350—351.
- ²⁰ *Миллер Г. Ф.* История Сибири, т. 1, с. 354, 411.
- ²¹ *Кудрявцев Ф. А., Силин Е. П.* Иркутск: Очерки по истории города. Иркутск: Обл. изд-во, 1947, с. 12.
- ²² *Шерстобоев П. Н.* Илимская пашня, т. 1, с. 239; ЦГАДА, ф. 214, отб. 274, л. 284.
- ²³ *Буцинский П. И.* Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Харьков, 1889, с. 29.
- ²⁴ *Александров В. А.* Русское население Сибири... с. 53.
- ²⁵ *Буцинский П. И.* Заселение Сибири... с. 29.
- ²⁶ *Бояршинова З. Я., Лозинский В. В.* О совместном владении землей в Томском уезде (по данным переписных книг 1703 и 1720 гг.). — В кн.: Из истории Сибири. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1972, вып. 4, с. 320—336.
- ²⁷ *Александров В. А.* Русское население Сибири... с. 67.
- ²⁸ *Сафронов Ф. Г.* Русские крестьяне в Якутии... с. 28—29.
- ²⁹ *Беликов Д. Н.* Первые русские крестьяне — насельники Томского края и разные особенности в условиях их жизни и быта (общий очерк за XVII и XVIII столетия). С приложением списка населенных мест Кольванской области за 1782. Томск, 1898, с. 30—152.
- ³⁰ *Бломквист Е. Э.* Постройки... с. 34.
- ³¹ *Беликов Д. Н.* Первые русские крестьяне... с. 29—39.

- ³² ЦГАДА, ф. 214, кн. 572, л. 225—434.
- ³³ ЦГАДА, ф. 214, кн. 319, л. 148 об.—154.
- ³⁴ ЦГАДА, ф. 214, кн. 580, л. 465—466; *Сафронов Ф. Г.* Землепользование ленских и илимских крестьян в XVII—XVIII вв. — В кн.: Сибирь в XVII—XVIII вв. Новосибирск: Наука, 1962, с. 66—69.
- ³⁵ *Бломквист Е. Э.* Постройки..., с. 38.
- ³⁶ ЦГАДА, ф. 214, кн. 319, л. 148 об.—154.
- ³⁷ *Шушков В. И.* Очерки по истории колонизации..., с. 79.
- ³⁸ ЦГАДА, ф. 214, кн. 618, л. 362; *Оглоблин Н. Н.* Описание столбцов..., ч. 1, с. 61.
- ³⁹ ЦГАДА, Сиб. приказ, ф. 1111, оп. 4, д. 1, л. 7—98.
- ⁴⁰ *Александров В. А.* Русское население Сибири..., с. 112.
- ⁴¹ ЦГАДА, ф. 214, стб. 136, л. 83; *Оглоблин Н. Н.* Описание столбцов..., ч. 1, с. 40.
- ⁴² ЦГАДА, ф. 214, кн. 1182, л. 245.
- ⁴³ *Вахрушин С. В.* Сибирские слободчики. М.: Изд-во АН СССР, 1955, т. III, с. 213—225.
- ⁴⁴ *Кондрашенков А. А.* Зауральские слободчики в XVII в. — В кн.: Экономика, управление и культура Сибири XVI—XIX вв. Новосибирск: Наука, 1965, с. 6—16.
- ⁴⁵ ААН, ф. 21, оп. 4, д. 10, л. 152.
- ⁴⁶ *Шерстобоев В. Н.* Илимская пашня, т. 1, с. 235.
- ⁴⁷ *Александров В. А.* Начало Ирбитской ярмарки. — История СССР, 1974, № 6, с. 36—57; *Осовин Г. М.* На границах Монголии. СПб., 1906; *Боголепов М. И., Соболев М. И.* Очерки русско-монгольской торговли. Томск, 1911.
- ⁴⁸ *Александров В. А.* Русское население Сибири..., с. 116.
- ⁴⁹ *Ключков М.* Население России при Петре Великом по переписям того времени. СПб., 1911, т. 1, с. 61—69.
- ⁵⁰ *Трапезников В.* Очерки истории Приуралья и Прикамья в эпоху закрепощения (XV—XVIII вв.). Архангельск, 1911, с. 60.
- ⁵¹ *Кондрашенков А. А.* Крестьяне Зауралья по наказам в Комиссию 1767 г. — Учен. зап. Курганского пед. ин-та, 1963, вып. 5, с. 87.
- ⁵² *Шерстобоев В. Н.* Илимская пашня, т. 1, с. 253.
- ⁵³ ЦГАДА, ф. 214, л. 192—197; *Шерстобоев В. Н.* Илимская пашня, т. 1, с. 238.
- ⁵⁴ *Сафронов Ф. Ф.* Землепользование..., с. 67—74.
- ⁵⁵ В виде примера можно сослаться на отрывок из «Описной книги деревень Илимских служилых людей и пашенных крестьян, поселившихся на Енисейской стороне»: «Деревня под Шаманским порогом, а в ней пашенный крестьянин Давыдко Петров, поселился в 182 г. при Илимском воеводе Силе Анкове, а пахотной земли и покосов и под скотный выпуск — 20 десятин. Поселился на порозжей земле, отведена ему по челобитью его илимскому воеводе, и отводная на эту землю хранится в Илимской приказной казбе» (*Оглоблин Н. Н.* Описание столбцов..., ч. 1, с. 138—139).
- ⁵⁶ *Шушков В. И.* Очерки по истории колонизации..., с. 41.
- ⁵⁷ *Сажин В. Ф.* Из истории крестьянства Среднего Урала в конце XVII—начале XIX в. (по материалам Белослущей слободы). — В кн.: Из истории крестьянства и аграрных отношений на Урале (материалы научной конференции). Свердловск: Уральский ун-т, 1963, с. 12—13.
- ⁵⁸ *Кондрашенков А. А.* Крестьяне Зауралья..., с. 40.
- ⁵⁹ ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, стб. 92, л. 55—60.
- ⁶⁰ *Беллев И. О* сторожевой, станичной и полевой службе на Польской Украине. М., 1846; *Яковлев А. И.* Засечная черта Московского государства в XVII в. М., 1916; *Новосельский А. А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948 (гл. 1, § 5; гл. 2, § 3; гл. 3, § 6; гл. 8, § 2).
- ⁶¹ ЦГАДА, ф. 214, кн. 528, л. 218—236; *Оглоблин Н.* Описание столбцов..., т. 2, с. 39.

- ⁶² Усов Ф. Очерки по истории Сибирского казачьего войска. Омск, 1884, с. 15—22.
- ⁶³ Записки путешествия академика И. П. Фалька. — В кн.: Полное собрание ученых путешествий по России. СПб., 1824, т. 6, с. 363.
- ⁶⁴ Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1786, ч. II, кн. 2, с. 60.
- ⁶⁵ Записки путешествия академика Фалька, т. 6, с. 365.
- ⁶⁶ Материалы для истории Сибири. — ЧОИДР, 1867, кн. 2, с. 256—257.
- ⁶⁷ Колесников А. Д. Заселение русскими лесостепи Прииртышья в XVIII в. — Изв. ООГО, 1964, вып. 6, с. 70.
- ⁶⁸ Колесников А. Д. Заселение русскими... с. 79—80.
- ⁶⁹ Материалы для истории Сибири. — ЧОИДР, 1867, кн. 2, с. 259—261.
- ⁷⁰ Булыгин Ю. С. Колонизация русскими крестьянами бассейнов рек Иртыша и Алтая до 1763 г. — В кн.: Вопросы истории Сибири. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1964, вып. 1, с. 28—30.
- ⁷¹ Записки путешествия академика Фалька, т. 6, с. 441—442.
- ⁷² Бухтарминские старообрядцы. Л.: Изд-во АН СССР, 1930; Мамик Т. С. Община и быт алтайских беглецов-«каменщиков». — В кн.: Из истории семьи и быта сибирского крестьянства XVII—начала XX в. Новосибирск: Новосибирский ун-т, 1975, с. 30—70.
- ⁷³ Алексеевко Н. В. Русская крестьянская колонизация Рудного Алтая в XVIII—XIX в. — В кн.: Сибирь в период феодализма. Новосибирск: Наука, 1965. Вып. 2.
- ⁷⁴ Громыко М. М. Западная Сибирь в XVIII в., с. 127.
- ⁷⁵ Быкова Г. Ф. Заселение русскими южной части Красноярского уезда в первой четверти XVIII в. — В кн.: Из истории Сибири. Красноярск, 1970, вып. 3, с. 52.
- ⁷⁶ Григорьев А. Д. Устройство и заселение Московского тракта в Сибири с точки зрения научения русских говоров. — Изв. Ин-та исследования Сибири, 1921, № 6, с. 8—49.
- ⁷⁷ Памятная книга Иркутской губернии до 1863 г. Иркутск, 1863, с. 163—166.
- ⁷⁸ Сафронов Г. Ф. Русские на северо-востоке Азии в XVII—середине XIX в. М.: Наука, 1973, с. 102—105, 128—130.
- ⁷⁹ Булычев И. Путешествие по Восточной Сибири. СПб., 1856. Ч. 1. Сидлин Е. П. Кяхта в XVIII в. Иркутск: Иркутское обл. изд-во, 1947; Тобольская губ. Список населенных мест по сведениям 1868—1869 г., с. СХI.
- ⁸⁰ Паллас П. С. Путешествие..., ч. II, кн. 2, с. 6—14.
- ⁸¹ Лейзен Г. Минусинский округ Енисейской губернии в сельскохозяйственном отношении. — ЗСОРГО, 1858, кн. V, с. 120—121.
- ⁸² Шукин Н. Минусинский округ. — ЖМВД, 1856, № XVIII, отд. III, с. 13.
- ⁸³ Петров В. П. К вопросу о социальном происхождении сибирского казачества. — В кн.: Экономика, управление и культура Сибири XIV—XIX вв. Новосибирск: Наука, 1965.
- ⁸⁴ Gmelin I. G. Reise durch Sibirien von dem Jahre 1733. Gettingen, 1755, t. 1, s. 126—128.
- ⁸⁵ Громыко М. М. Западная Сибирь в XVIII в., с. 28—42.
- ⁸⁶ Быкова Г. Ф. О книге В. К. Карцева «Хакассия в период разложения феодализма XVIII—первой половины XIX в.». Абакан, 1970. — В кн.: Из истории Сибири. Красноярск: Изд-во Красноярского гос. пед. ин-та, 1973, с. 81—89.
- ⁸⁷ Майнов И. И. Русские крестьяне и оседлые инородцы Якутской области. СПб., 1912, с. 5—17.
- ⁸⁸ Миллер И. Е. Путешествие из Иркутска в Нерчинск в августе 1811 г. — Дух журналов, 1816, № 13, с. 317.
- ⁸⁹ Сафронов Ф. Г. Охотско-Камчатский край..., с. 26—27.
- ⁹⁰ Быкова Г. Ф. Заселение русскими юга Приенисейского края. Дис. ..., канд. ист. наук. Новосибирск, 1973, с. 73.
- ⁹¹ Кауфман А. А. Русская община в процессе ее зарождения и роста. М., 1908, с. 239—241.

- ⁹² Шапов А. П. Сельская оседло-инородческая и русская крестьянская община в Кудинско-Ленском крае. — Собрание сочинений. Иркутск, 1939, доп. том, с. 263.
- ⁹³ АИЭ, 1969, Западносибирский отряд.
- ⁹⁴ Вояршинова З. Я. Крестьянская семья Западной Сибири феодального периода. — В кн.: Вопросы истории Сибири. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1967, вып. 3, с. 16.
- ⁹⁵ Липинская В. А. Русские поселения. . . , с. 155.
- ⁹⁶ Пестов И. Записки об Енисейской губ. Восточной Сибири. М., 1833, с. 49.
- ⁹⁷ Сабурова Л. М. Культура и быт русского населения Приангарья. Л.: Наука, 1967, с. 165.
- ⁹⁸ Дьяконов Ф. В. Население и его размещение на юго-западе Якутской АССР. — В кн.: Материалы по экономике сельского хозяйства Якутии. М.: Изд-во АН СССР, 1959, с. 9—11.
- ⁹⁹ Шунков В. И. Очерки по истории земледелия. . . , с. 131.
- ¹⁰⁰ ААН, ф. 3, оп. 10-а, д. 210.
- ¹⁰¹ Громыко М. М. Западная Сибирь в XVIII в., с. 88—107.
- ¹⁰² Буцинский П. Н. Заселение Сибири. . . , с. 30—152.
- ¹⁰³ Громыко М. М. Западная Сибирь в XVIII в., с. 91.
- ¹⁰⁴ Записки путешествия академика Фалька, с. 427.
- ¹⁰⁵ Великов Д. Н. Первые русские крестьяне. . . , с. 86.
- ¹⁰⁶ Записки путешествия академика Фалька; Паллас П. С. Путешествие. . . , ч. II, III.
- ¹⁰⁷ Быкоя Г. Ф. Заселение русскими юга Приенисейского края, с. 252—255; Он же. Заселение русскими южной части Красноярского уезда, с. 33; Он же. О книге В. К. Карцева. . . , с. 89.
- ¹⁰⁸ Быкоя Г. Ф. Заселение русскими юга Приенисейского края, с. 252—255.
- ¹⁰⁹ Сибирские города: Материалы для их истории XVII—XVIII ст. М., 1866.
- ¹¹⁰ Шерстобоев В. Н. Илимская пашня, т. 1, с. 80—97.
- ¹¹¹ Записки путешествия академика Фалька, с. 409—413.
- ¹¹² Александров В. А. Заселение Сибири русскими в конце XVI—XVIII вв. — В кн.: Русские старожилы Сибири. М.: Наука, 1973, с. 48—49.
- ¹¹³ Воробьев В. В. Города южной части. . . , с. 70.
- ¹¹⁴ Русские старожилы Сибири, с. 57.
- ¹¹⁵ Кондрашенков А. А. Крестьяне Эзуралья по наказам. . . , с. 90.
- ¹¹⁶ Третьяков П. И. Туруханский край. СПб., 1871, с. 147; Костров Н. Н. Очерки Туруханского края. — ЗСОРГО, 1857, кн. 4, с. 132—139.
- ¹¹⁷ ГААК, ф. 169, оп. 1, св. 411, д. 837, л. 112—114; ф. 1, оп. 2, св. 690, д. 1216, л. 42—43; ф. 2, оп. 1, д. 122, л. 194—201.
- ¹¹⁸ ГААК, ф. 1, оп. 2, св. 411, д. 837, л. 107—111; св. 690, д. 1216, л. 39—40.
- ¹¹⁹ Письма из Сибири декабристов Бестужевых. Иркутск: Иркутское обл. изд-во, 1929, ч. 1, с. 14—15.
- ¹²⁰ Паллас П. С. Путешествие. . . , с. 81.
- ¹²¹ Паллас П. С. Путешествие. . . , с. 225, 272.
- ¹²² Башкевич Н. Описание реки Иркуты от Тунки до впадения в Ангару. — ЗСОРГО, 1856, кн. 1, с. 21.
- ¹²³ Власова И. В. Поселения Забайкалья. — В кн.: Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Новосибирск: Наука, 1975, с. 29.
- ¹²⁴ Степанов А. П. Енисейская губерния. СПб., 1835.
- ¹²⁵ Енисейская губ. Список населенных мест по сведениям 1859 г., с. 24.
- ¹²⁶ Тобольская губ. Список населенных мест по сведениям 1868—1869 гг., с. СХL.

Глава третья

Жилище и хозяйственные постройки русского крестьянства Сибири

Крестьянское жилище в Сибири с момента ее заселения русскими и до середины XIX в. прошло сложный путь развития. В процессе заселения сибирских просторов и их сельскохозяйственного и промыслового освоения русскими переселенцами типология крестьянского двора и жилища определялась формами их семейного строя, прежде всего численным составом семей, степенью приспособляемости к природным условиям в силу имевшегося традиционного и вновь обретаемого опыта. Специфика хозяйственной жизни в разных природно-географических условиях и контакты с аборигенами в свою очередь обуславливали разнообразие приемов и форм строительства. Устройство крестьянского двора в целом, степень его сложности — важнейший показатель уровня сельскохозяйственного производства. Поэтому без характеристики жилых и хозяйственных построек, их состава во всем их разнообразии нельзя понять уровня развития крестьянского производства, его целенаправленности и реальных возможностей.

Общая проблема сложения комплексов русского жилища на протяжении веков еще находится в стадии изучения исследователями разных специальностей (этнографами, археологами, архитекторами). О крестьянском жилище в эпоху феодализма накоплено немного материала, а интерпретация данных по основным вопросам его истории — о времени сложения многокамерного жилища, о высотном развитии дома и его внутренней планировке, о застройке усадьбы — противоречива¹.

Характеризуя горизонтальную планировку дома, исследователи исходным типом считают однокамерное жилище, но их взгляды существенно расходятся относительно времени появления сеней (с VIII по XVII в.), двухкамерной (изба — сени) и трехкамерной связей (изба — сени — клеть) с IX до XVII в., а также появления избы-двойни (XVIII—XIX вв.) и пятистенка (XVIII—конец XIX в.).

При всех этих очень разных мнениях о путях развития древнерусского жилища и его типологии признание большинством исследователей наличия двух- или трехкамерного плана сельских жилых построек в XVII в. позволяет считать, что эта традиция безусловно переносилась первыми переселенцами в Сибирь. С этим согласуются наблюдения ученых, исследовавших историю севернорусской деревни. Большой знаток русского Севера XVII в.

М. М. Богословский на основании актового материала, свидетельствовавшего о существовании двух- и трехкамерных жилищ и разнообразных хозяйственных построек, описывал крестьянские дворы в виде групп построек, «в центре которых находится жилое зимнее помещение — «изба» с примыкающими к ней одной или несколькими «клетями» в качестве летнего жилья, расположенными на подклете», служившем кладовой. Хозяйственные постройки вблизи от избы состояли из хлева, сарая, сеника, житницы. Иногда в особой постройке помещалась поварня. Поодаль от группы дворовых строений стояли задворные, вне двора расположенные постройки: баня, овин с гумном, мякинница². В новейшем исследовании, посвященном истории севернорусского крестьянства в XVI в., А. И. Копанев также считает, что «по актам XVI в. крестьянский двор представляет собой совокупность отдельно стоящих жилых и хозяйственных построек, не забранных под одну крышу, как практиковалось позднее»³. Однако другой исследователь — М. В. Витов — сложение развитого типа севернорусского крестьянского жилища относит к более раннему времени — XVI в.⁴

С этим выводом совпадают материалы других ученых прошлого и настоящего времени. Еще в середине XIX в. П. Словцов, анализируя документы XVI в. из архива Соликамского монастыря, отмечал в составе крестьянского двора избы «на взмостьи» высотой «до трех сажен печатных», холодные рубленые клетки, которые устраивались в одной связи с избами или стояли отдельно, а также множество хозяйственных построек во дворе («сенник» на «теплом хлеву» или «подклети», погреб, житница, баня, «навес»), обнесенном забором («заплотом»), и за двором — «гуменники» с «овином» и «мякинницей»⁵. Еще более определенно о тесной связи жилых построек с крытым двухэтажным двором в Северном Прикамье в XVII в. пишет Г. Н. Чагин⁶. Эти данные о бытовании в XVI—XVII вв. в Северном Прикамье крытых двухэтажных дворов, составлявших с избой одно конструктивное целое, позволяют считать, что подобные комплексы, занесенные в процессе освоения русскими Восточного Поморья, широко бытовали и в его центральной части.

О вертикальном развитии дома, прежде всего о положении жилой части относительно уровня земли, т. е. о наличии или отсутствии нижнего помещения — подклета, мнения ученых в основном сходятся; развитие подклета в севернорусском жилище относится примерно к XVI—XVII вв.

Внутренняя планировка древнерусского жилища менее поддается изучению. М. Г. Рабинович даже по материалам XVII в. не считает возможным характеризовать тип внутренней планировки русского жилища. П. А. Раппопорт доказывал, что различия между северной и южнорусской планировками сложились уже в XII—XIII вв. на основе ранее существовавшего единого типа⁷, причем утверждение в быту этих планировок происходило повсеместно и одновременно, что являлось отражением общего

процесса развития жилища. Г. Г. Громов, напротив, считал сложение различных типов внутренней планировки явлением поздним, которое могло происходить лишь с XVI в.

Относительно характеристики застройки крестьянской усадьбы мнения исследователей также расходятся. Признается, что наиболее древней формой был открытый двор, на котором постройки стояли разобщенно, причем на севере участки имели лишь легкую ограду или были вовсе не огорожены, а на юге в связи с опасностью набегов кочевников их ограждали крепким тыном из заостренных кольев. В северной и средней полосе России начало концентрации построек большинство ученых относит к XVII в., но относительно сроков завершения этого процесса мнения сильно расходятся. М. В. Витов, считая, что формирование застройки шло по мере продвижения славян на север, под влиянием географических факторов, относил сложение замкнутого двора к XVI в., а сомкнутого — к XVII в.⁸ А. А. Шенников, выдвигая на первое место эволюцию сельскохозяйственного производства, полагал, что сложение северного типа двора шло в конце XVII — начале XVIII в. Таким образом, вопрос о сложении и развитии жилища в феодальную эпоху на основной территории расселения русских, в Европейской части страны, пока еще не решен.

История жилища русских переселенцев в Сибири с момента ее заселения до недавнего времени почти не исследовалась. Специально этот вопрос рассматривался только в работе В. А. Александрова⁹ на массовом архивном материале XVII—начала XVIII в. по Енисейскому краю. Это дало возможность автору сделать вывод, что в Сибири получил распространение севернорусский комплекс жилища. Автор показывает, что в Енисейском крае наряду с однокамерными и двухкамерными постройками бытовали трехкамерные связи, состоящие из избы, сеней и холодной клетки¹⁰.

При археологическом обследовании древних городов Сибири в отдельных случаях были выявлены срубные однокамерные постройки, конструктивно связанные с острогом¹¹. О сельских постройках XIX в. отдельные замечания, а иногда и общие описания встречаются в историко-краеведческой литературе¹².

В настоящей главе предпринята первая попытка проследить в историческом аспекте общие тенденции развития русского сельского жилища в Сибири и областные его особенности.

Типология жилища и хозяйственных построек XVII—начала XVIII в. в земледельческой полосе Сибири. В современном сибиреведении определенно установлено, что с конца XVI в. и на протяжении XVII в. основу русского населения составляли севернорусские переселенцы, в основном из Поморья, приносившие с собой традиции жилого и хозяйственного строительства. Известно, в частности, что в середине XVII в. в Енисейском крае выходцы из Заонежских погостов и Обонежской пятины «плотничали хоромы и всякое дело», а во второй половине века туда же

приходили на промысел артели плотников из Поморья¹³. В Западной Сибири первые строители были из северо-восточных и центральных областей¹⁴. Данные о жилых помещениях конца XVI в. были получены археологами при раскопках Ляпинской крепости. Это были срубы с неровно выступающими концами бревен (толщина бревен — 17—20 см). Размеры жилых помещений составляли 4,7×7 м¹⁵.

Наиболее ранние, сколько-нибудь систематические данные о крестьянских дворах в Западной Сибири и их строениях относятся к 1625 г., т. е. к началу интенсивного сложения там сельского земледельческого населения. В сохранившемся отрывке списка с переписных книг сел и деревень, принадлежавших Сибирскому архиепископскому дому, перечислено 8 крестьянских дворов, расположенных в четырех деревнях Тобольского уезда, а также один вотчинный двор при мельнице, один двор священника и 19 крестьянских дворов в Усть-Ницынской слободе и на близлежащей займке Тюменского уезда¹⁶. Описание всех этих 29 дворов весьма показательное не только для истории сибирского строительства, но и истории местного пашенного земледелия. Вполне очевидно, что в 1625 г. значительная часть русского крестьянства только еще обстраивалась и довольствовалась даже временными жилыми и хозяйственными сооружениями. На двух дворах постоянных жилых помещений еще не было, а их владельцы ютились в клетях; на четырех дворах жилище было в стадии постройки («рублено десять рядов», или «венцов», «зачаты рубить», «изба срублена, но не поднята» и т. д.). Об ограниченных строительных возможностях крестьян, вынужденных первоначально довольствоваться незначительными постройками, свидетельствуют также их уменьшительные наименования — три «дворенка», три «клетешка», два «хлевенка», «избенка», «банишка». О временном характере некоторых построек свидетельствует также материал, из которого они были сооружены. Как правило, даже незначительные по размерам строения крестьяне выводили из сосны, но случалось, что в дело шла быстро гниущая, но легкая для обработки осина. Особо это заметно на займке, где крестьяне только что поселились. Всего было описано 4 избы, 3 клетки и 4 хлева, построенных из осины. Лишь при описании 7 дворов переписчики отметили наличие ограды, причем только в двух случаях она была основательной — замет и городьба, а в прочих — легкая, по-видимому временная, — жерди и даже солома.

Тем не менее определенная типическая комплексность дворовой застройки и различных жилых помещений явно прослеживается. На указанных 29 дворах находилось 109 строений, из них безусловно относились к жилым — 31 изба, одни сени, одна горница; для жилья и для хранения «хлеба» использовались 38 клеток; для содержания скота у крестьян было 11 хлевов. Имелась мельница и при ней — конюшня и коровня. Отмечено 10 бань, некоторыми из них соседи пользовались совместно. Для обработки

и хранения урожая крестьяне построили 6 овинов, гумно, 3 житницы, 2 сеника. Три двора имели погреба.

К моменту переписи некоторые семьи уже построили жилища с развитым планом. Так, в Киселевской деревне на Иртыше семья Еремеевых, состоявшая из двух женатых братьев, у одного из которых было два сына и дочь, проживала в трехкамерном доме — «связи» (изба—сени—клеть); позади нее стояла еще одна изба, вероятно частично использовавшаяся в хозяйственных целях, так как в ней находились жернова, а рядом с избой — клеть с погребом. В клетях хранился «хлеб». Перед двором были построены поварня, баня и гумно с овином. Хлев Еремеевы, по-видимому, еще не построили, хотя имели двух лошадей, двух коров и двух телят.

В Усть-Ницынской слободе также, по-видимому, трехкамерная постройка была у Семена Самойлова; она состояла из избы, клетки с подклетом и клетки наземной. Во дворе же, где жили Савва Киприянов и Лука Борисов, «хоромы» составляли изба, две клетки и два пристена. В этой же слободе Тихон Феофанов проживал в избе с горницей, стоявшей на подклете, а у Василия Калинина с 5 сыновьями «хоромы» состояли из двух изб и рубленого сеника «с перерубом» на подклетах и т. д.¹⁷

Таким образом, уже первое поколение переселенцев в первой четверти XVII в. знало трехкамерную связь, жилище, состоявшее из двух капитальных жилых помещений (изба—горница), и двухкамерную, типа пятистенка («изба с пристенком», «изба с перерубом»), а также — подклет, столь характерный для севернорусского жилища. Правда, такие «хоромы» были единичные, а основная часть крестьян ограничивалась избой и клетью. С полной определенностью нельзя утверждать, что во всех этих случаях изба и клеть были связаны воедино и представляли собой двухкамерное жилище, но так или иначе этот тип безусловно был известен. При этом обращает на себя внимание почти полное отсутствие сеней. Быть может, даже в трехкамерной связи в XVII в. они не были распространены, так как, по данным М. М. Богословского, и в Поморье такие связи состояли из избы и клеток. Судя, правда, только по отдельным указаниям, при капитальной постройке избы сооружались весьма значительных размеров; в Усть-Ницынской слободе в 1625 г. Игнат Кузьмич Ворона рубил избу размером 8,5×8,5 м¹⁸. В Невьянской волости в 1644 г. крестьянин Иван Глухой предполагал построить новую избу размером 5,25×5,25 м¹⁹. Все без исключения избы ставились без подклета, наземные. Лишь горница и в единичных случаях клеть ставились на подклетах.

О планировке дворов и расположении хозяйственных построек перепись 1625 г. дает очень скудные данные. По отдельным упоминаниям можно судить, что за оградой «перед двором» ставились поварни и бани, «позади» — погреба. Отдельные архивные материалы, относящиеся к последующим десятилетиям XVII в., подтверждают наблюдения, сделанные на основании переписных

книг 1625 г. По свидетельству поручной записи 1644 г. крестьянский двор в Невьянской западносибирской волости состоял из «избы с клетью», сараев, бани и погреба; двор был обнесен заплотом²⁰. Подобные описания содержатся и в других поручных записях; в 1660-х годах в одном верхотурском крестьянском дворе стояли изба «поземная», клеть и житница, в другом — изба с клетью, баня и овин; в Тагильской слободе в одном дворе была изба с клетью, сенник, баня и «изба скотская», под клетью был устроен погреб²¹. В 1690-х годах крестьянская семья Архиповых

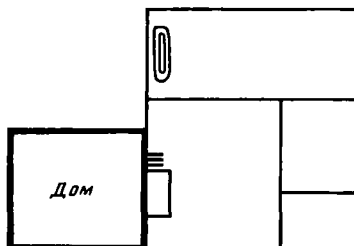
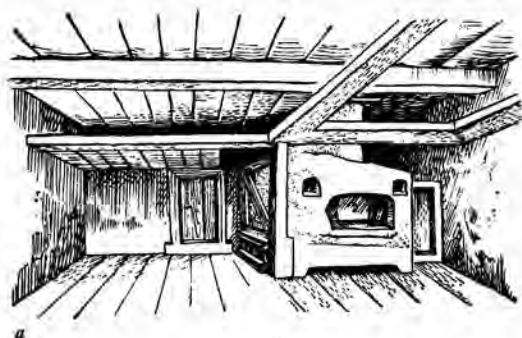

Рис. 1. Схема крестьянского двора с прислугами для скота, XIX в., Тобольская губ. (ТФГАТО)

в Ницынской слободе обитала во дворе, где было 2 избы, клеть, 2 сенника, 3 хлева и амбар; в Краснопольской слободе в трех дворах стояли избы с клетями²².

Жилище со сложным планом при типически более определенной застройке двора прослеживается у последующего поколения сибирского крестьянина по компактным данным переписных книг 1679 и 1685 гг. Енисейского уезда. Помимо приносимых переселенцами традиций, усложнение плана сибирского жилища обусловливалось развитием крестьянской семьи, которая укрупнялась в процессе хозяйственного освоения новой территории и укрепления экономики хозяйства сибирского крестьянства²³.

О типологии жилища и двора в 1670—1680-х годах можно судить по описанию 25 крестьянских дворов, принадлежавших Спасскому, Рождественскому и Троицкому монастырям Енисейского уезда²⁴. Прежде всего, бросается в глаза преобладание трехкамерного жилища в его классическом варианте: изба — сени — клеть. При общем количестве в этих дворах 37 жилых «хором» в их составе насчитывалось 37 изб, 21 сени, 24 клети и одна «келья». Трехкамерные связи составляли почти половину всех «хором» — их было 17, двухкамерных — 13; только в 7 случаях изолированные избы представляли собой однокамерное жилище. Развитой план отражен даже в явно небольших по размерам «хоромах». Так, при одном дворе Троицкого монастыря, стоявшем около с. Казачинского, находилась «келья с перерубом двойня» с сенями и клетью. В одном случае трехкамерная связь состояла из двух изб, соединенных сенями. Однажды при описании двухкамерного жилища, состоявшего из избы и прирубленных к ней сеней, было указано, что сени сооружены «вместо клети». В данном случае выражение «вместо клети»

а

б

в

Рис. 2. Жилые и хозяйственные постройки:

а — внутренний вид избы (дер. Головино Тобольской губ., вторая половина XIX в.); б — дом и двор двухрядной вастройки (Тобольская губ.); в — внутренний вид крытого двора (Тобольская губ.); г — постройки для скота в пригоне богатой усадьбы (с. Иевлево Тобольской губ.)

остается неясным; можно лишь предположить, что или сени выполняли хозяйственную функцию вместо отдельно стоявшей от избы клетки, или же в это время клетки уже составляли единую с избой постройку. Во всяком случае, учитывая широкое бытование трехкамерных жилищ с сенями, а также появление сеней в двухкамерном жилище, можно говорить, что они как элемент жилища стали распространяться в Сибири во второй половине XVII в. В трехкамерном жилище они являлись элементом, объединяющим избу и клетку; в двухкамерном, как можно предположить, они начали вытеснять клетку, если она соединялась с избой. При этом наблюдалось единство строительной техники в возведении разных элементов «хором». В одном дворе в деревне около с. Казачинского в трехкамерном жилище рядом с избой находились сени, рубленные с клетью, которая к тому же была разделена «на два житья». Таким образом, строительям крестьянского жилища прием переруба избы капитальной стеной, когда образовывался пятистенник, был известен уже в первой четверти XVII в.; использовался он и в дальнейшем, причем иногда и при возведении рубленых сеней и клетей.

По другим данным конца XVII—начала XVIII в., сени далеко не всегда делались рублеными. Вход в избу, который вел непосредственно из двора, по-видимому, постепенно усложнялся, что отражалось и в технике возведения сеней, и в материалах, из которых они сооружались. В одном монастырском дворе при соляной варнице на р. Тасеева (приток Ангары) рядом с трехкамерной связью стояла изба, в которой перед входом был сооружен «мост» с перилами. Такое крыльцо могло в иных случаях иметь навес на столбах, пространство между которыми затем закрывалось различным строительным материалом. Так, по описи постоянных дворов самого начала XVIII в., даже в городе Енисейске сени по своему устройству были самых различных вариантов: «сенник дранью огорожено», «сени забраны тесом», «сени перед избой наметные огорожены драньем», «сени рубленые»²⁵.

О широком бытовании жилища развитого типа можно также судить по постройкам так называемых осадных дворов, которые ставились крестьянами в острогах и в которых они жили во время набегов кочевников. В 1665 г. при отводе мест под такие дворы в Невьянском остроге местная администрация считала необходимым, чтобы крестьяне построили и избы, и клетки²⁶; при крайне ограниченном пространстве в острогах эти помещения могли быть поставлены только слитно.

Площадь возводимых крестьянами изб по отдельным данным, имеющимся в переписях 1670—1680 годов, была весьма значительна (10,6×10,6 м; 6,4×6,4 м; 8,5×8,5 м) и не отличалась от жилой площади в городских дворах Енисейска. При этом избы по площади отличались от сеней и клеток. По-прежнему, как и в первой четверти XVII в., у крестьян жилые строения были «наземные», т. е., как правило, не имели подклета, что отличало их от городских построек, многие из которых, в частности в Енисейске, в начале XVIII в. уже стояли на подклетах²⁷. Правда, в 1670-х годах встречались иногда и крестьянские избы с голбцом, т. е. безусловно с подклетом, например в Тышминской слободе²⁸. В Ирбитской слободе в 1690-х годах жилище местного священника, окруженное заплотом, состояло из трехкамерной связи (изба — сени — клеть), под каждым элементом которой находились подвалы. Такие же подвалы в слободе были под двухкамерным жилищем (изба—сени) местного сына боярского²⁹.

В XVII—начале XVIII в. отдельные части постройки могли не совпадать по высоте. Например, изба была наземная, а клеть или горница — с нижним хозяйственным помещением (подклетом). Если же все постройки были одинаковой высоты, их обычно ставили «под одной кровлей»³⁰. В документах XVII—первой половины XVIII в. одинаковые по высоте строения всегда оговаривались. Например, изба «черная», против нее клеть, между избой и клетью сени «под одной кровлей»³¹.

По переписям второй половины XVII в. по сравнению с 1625 г. значительные изменения наблюдались в подворных хозяйственных постройках крестьян. В рассматриваемых 25 дворах мона-

стырских крестьян насчитывалось более 50 помещений, так или иначе по своим функциям связанных с содержанием скота (3 «избы скотские», 26 хлебов, более 11 стай «конских», да 20 помещений для хранения сена — повети, сенники, сарай). Таким образом, почти в каждом дворе имелась специальная постройка для скота, порой их было несколько; почти в каждом втором дворе были и помещения для хранения сена. Среди этих различных по своим функциям построек обращают на себя внимание «избы скотские», по площади близкие к жилым. Так, в монастырском дворе на р. Тасеева указаны размеры одной скотской избы «в 6 сажений», т. е. со стороны в 12,7 м. Вполне ясно, что они использовались и как хозяйственные помещения (в частности, для содержания молодняка скота), и как жилье, так как случилось, что к ним пристраивали сени. В дер. Потаповской на монастырском дворе наряду с трехкамерной связью существовала такая изба с сенями, к которым примыкали хлева и «стая конская»³². Судя по наличию хлевов и «стай конских», скот содержался в разных помещениях. Среди этих хозяйственных построек встречались с двухъярусной конструкцией, принесенной севернорусскими переселенцами. Над хлевами и «стаями» устраивались повети, что было весьма характерно и для Европейского Севера и сибирской деревни³³. Поветями в Сибири служили кровли построек для скота. Однажды при описании двора в деревне на р. Кемь были отмечены над хлевами и стаей повети, над которыми возведены крытые дранкой сарай³⁴. К сожалению, за неимением данных нельзя судить о технике постройки хлевов и «стай». На Русском Севере в XIX в. «стаям» называли сруб, обычно ставившийся в конце двора. Но в Сибири, по этнографическим наблюдениям, нередко для скота не делали особого помещения, и он всю зиму или находился на заднем дворе под открытым небом, или для него устраивали забор и навес со стороны преобладающих ветров³⁵. Поэтому можно предполагать, что в XVII в. под «стаям» подразумевался крытый загон для содержания скота, над которым устраивалась поветь. В отдельных случаях по описям прослеживалась севернорусская традиция смыкать такие хозяйственные сооружения с жилыми строениями по принципу однорядной связи. Поэтому есть основание полагать, что во второй половине XVII в. в Сибири был распространен комплекс, известный в этнографической литературе как севернорусский. За оградой усадеб также ставились хозяйственные строения: на улице перед домом — хлебные амбары, погреба, сзади за двором — бани, на гумне — овины. По описям 1670—1680 годов, на 25 монастырских дворах из таких строений насчитывалось 10 бань, 7 погребов, 25 амбаров, 9 овинов и 1 рига. Бани иногда рубились с «передсеньем» (предбанником), над погребами ставили амбары или надпогребницы. Большие амбары строились с перерубом — «в два житья».

Подобная типология дворов и строений в таежной полосе Сибири, где русские переселенцы начинали вести пашенное земле-

дельческое хозяйство, прослеживается и по другим источникам. В 1670-х годах закладчик Троицкого монастыря Ф. Конев, поселяясь на заимке в верховьях Нижней Тунгуски, обязывался как само собой разумеющееся поставить там крытый двор типично севернорусского типа: «против избы сени и амбар в три сажени и хлев и стаю конскую и весь двор покрыть и овин и гумно огородить и поскотину тоже»³⁶.

Итак, имеющиеся материалы свидетельствуют, что в XVII—XVIII вв. в русской деревне земледельческой полосы Сибири жилище представляло собой двухкамерную, реже — трехкамерную постройку с развивающимся комплексом дворовых хозяйственных строений. Встречались трехкамерные постройки, состоявшие из двух теплых жилых помещений, соединенных холодными сенями (изба—сени—изба или изба—сени—горница). В сенях иногда отгораживали чулан («казенка»), который служил для хранения домашних припасов. Клеть, будучи холодным неотапливаемым помещением, использовалась для хранения имущества, а также в качестве летнего жилья. Если клеть была поднята на подклет, то в нем устраивали погреб или хлев для мелкого скота. Нижнее помещение такого же назначения делали и под сенями («подсенье»).

Техника строительства жилища, его убранство, хозяйственные помещения. Издревле на Руси наилучшими породами деревьев для строительства считались хвойные, имеющие ровный ствол и крепкую древесину. Расселяясь в Сибири, где хвойные породы были представлены многими видами и имелись в достаточном количестве, русские стали использовать для возведения построек, кроме хорошо им знакомых сосны и ели, также лиственницу, пихту и кедр. В зависимости от местных условий та или иная порода употреблялась в большей или меньшей степени.

Судя по сохранившимся описаниям второй половины XVIII в., в северной таежной полосе нередко строили дома из кедра, в Восточной Сибири и на Алтае — из лиственницы и пихты. Однако основным и наиболее распространенным строительным материалом, идущим «для домашнего строения и на прочие надобности», была сосна³⁷. «Дом соснового леса» обычно отмечается в многочисленных актовых документах, относящихся к различным таежным округам и уездам Сибирского края. Нередко при его строительстве использовали различные породы деревьев, учитывая их свойства. Так, жилую часть сруба ставили из сосны, а нижние венцы — из лиственницы или пихты, менее поддающихся гниению; кедр, имеющий гладкую древесину, шел для отделки.

О строительной технике крестьянства архивные документы дают меньшее представление, чем о строительных материалах. По этому вопросу встречаются только отдельные замечания. Так, хранящаяся в Тобольском архиве рукопись Х. Лопарева содержит интересные сведения о способах измерения размеров деревьев. «Крестьяне-рубщики имеют с собой веревку с узелками через четверть, — пишет автор. — Если нужно измерить диаметр верх-

него отруба на 9 аршинах в высоту, делают так: внизу, в месте отруба, шнуром измеряют окружность: сколько будет четвертей внизу, столько вершков в диаметре вверху»³⁸. Для измерения высоты рубщик ложился ногами к дереву, поднимал локоть перпендикулярно к туловищу, «отыскивая место, скося луч зрения, и одной прямой соединяет глаз, концы пальцев и вершину дерева. Расстояние от головы до комля дерева дает высоту дерева»³⁹.

Бревна в венцы (по-сибирски — «ряды») соединяли с выпуклом концом «в угол», иначе — «в обло», или «чашу». Это один из наиболее древних способов рубки, известных русским плотникам⁴⁰. В Сибири он получил широкое распространение, так как выступающие при подобном соединении концы бревен предохраняли углы сруба от промерзания, что было весьма существенно в суровых климатических условиях. Известны были и другие приемы рубки, например «в замок»⁴¹, но они применялись редко, особенно в крестьянском строительстве.

Нижний венец сруба клали прямо на землю, иногда под углы подкладывали большие камни или ставили его на вертикально врытые в землю невысокие столбы («стойки», «колодки», «пеньки»). Такие избы строили на возвышенности, на сухом месте. Они назывались «поземные» или «поземые», так же как в Приуралье и в средне- и в севернорусской полосе Европейской части страны⁴².

Срубные жилища русских переселенцев Сибири возводились в традициях лесной полосы страны. Они имели деревянный пол, который настилали из колотых бревен, имевших широкое употребление в строительстве того времени. Потолок делали из толстых цельных бревен — «кругляков». Избы с такими потолками сохранялись в Сибири вплоть до конца XIX и даже до начала XX в. Сени и клетки, по-видимому, не всегда имели потолки, так как наличие в них «подволоки» всегда специально оговаривалось⁴³. Бревенчатый же накат изб в ряде случаев мог служить одновременно и потолком, и кровлей. Сверху на них насыпали толстый слой земли. Отдельные постройки с такой кровлей также сохранялись до XX в. Обычно же дома имели крышу. Вероятно, наиболее распространена была двухскатная кровля «на самцах» — одна из древних форм, бытовавшая в лесистых местностях Европейской части страны (у русских, белорусов и отчасти у украинцев)⁴⁴. Судя по описаниям XIX в., у русских Сибири такая конструкция крыши тоже являлась самой древней. «Самцами» повсеместно называли бревна фронтонов, которые, постепенно укорачиваясь кверху, являлись продолжением передней и задней стен дома. «Самцы» плотно пригонялись друг к другу и скреплялись между собой деревянными шипами. Бревенчатые фронтоны и связывающие их слегги составляли остов «самцовой» кровли, заканчивающийся верхней «князевой» слегой, составлявшей ребро крыши.

Самым распространенным кровельным материалом было дерево. В XVII—XVIII вв. дома чаще всего крыли драньем, реже —

тесом. Так, например, в г. Енисейске в начале XVIII в. все строения были крыты драньем⁴⁵. Драницы (дранье) — широко распространенный кровельный материал лесной полосы России — представляли собой нетесанные, тонкие и длинные пластины (длиной более 2 м, шириной до 20 см, толщиной в 2-3 см). Для их изготовления выбирали ровные бревна (сосновые, еловые, лиственничные); их раскалывали пополам, очищали от сердцевины и расщепляли с помощью клиньев. Из каждой половины бревна получали несколько драниц. Тесины («тесницы») — толстые доски — вытесывали топором. Из одной половинки бревна получали только одну тесницу, поэтому кровли из драниц обходились дешевле тесовых и были шире распространены.

По материалам конца XIX—начала XX в. известен прием возведения кровли с охлупнем. Ее, как и весь сруб, собирали без единого гвоздя. Тесины или дрань укладывали в один-два слоя, под которые нередко подстилали еще и березовую кору («скалу»), не пропускающую влагу и предохранявшую сруб от гниения. Тесины и драницы, уложенные на слегы, упирались нижним концом в желоб, выдолбленный из бревна. Его поддерживали деревянные крюки из естественно загнутых корневищ сосны или лиственницы, обработанных в виде птицы, напоминающей курицу («курица», «кокор»). Верхние концы кровельных пластин прижимали охлупнем («шелом»), конец которого, несколько выступавший над фронтоном избы, обтесывали, придавая ему иногда форму головы птицы или коня. Иногда строения, крытые дранью, покрывали еще и соломой. Некоторые дома крыли дерном, а в Якутии (по р. Лене) наряду с ним широко использовали лиственную кору. Помимо двухскатных крыш, были распространены плоские кровли — в виде наката из бревен, засыпанного сверху землей.

Почти все эти строительные приемы были хорошо известны сибирским плотникам XVII в., о чем можно судить по сохранившимся описаниям. Так, в г. Верхотурье в 1691—1692 гг. подьячий приказной избы Иван Пермяков решил расширить свое двухкамерное жилье (изба—сени) и подрядил за 20 руб. пятерых местных жителей — посадских людей и стрельцов — пристроить к нему горницу; решено было «рубить» горницу «в два жира», т. е. с перерубом, размером 8,4×6,3 м, на подклете («тое горницу под клеть по избному в угол, а горницу сверх подклета рубить в замок»). Стены внутри подклета вытесывались, а внутри горницы и скоблились. Печи ставили и в горнице, и в подклете, причем «дымник» из подклета выводился через горницу. Для пола и потолка было вытесано 50 плах из расколотых пополам бревен, а для потолка — два бруса. Бревна, плахи, лавки отделялись скобелем. В подклете и в горнице «клялись» лавки с причелинами. В горнице от печи выделялась казенка. Горница прирубалась к сеням «в косяк»; тем же приемом, «в косяк», ставилась стенка, отделявшая казенку. Любопытно, что плотники применяли разные приемы соединения бревен — «в угол», «в за-

мок», «в косяк». Двери и окна в горнице и подклете делали колодные. В горнице прорубали восемь окон. Кровлю выводили с охлупнем, массивным бревном, пригнетавшим тесины, а торцы слег зашивали досками (причелинами). Строители, помимо этого, обязывались в сених наместить новый «мост» и поставить «лежащий» заплот⁴⁶.

Проемы для окон и дверей, чтобы сохранить тепло, делали небольшими. Преобладали волоковые окна, вырубленные в одном или в двух смежных бревнах. В небольшой раме они закрывались задвижной доской. Кроме нескольких волоковых, в доме могло быть одно-два колодных окна. Например, четыре волоковых, одно колодное или три волоковых и одно колодное и т. д.⁴⁷ Колодные окна имели массивную раму («колоду»). В нее вставляли «оконницы» («окончины») с различными пропускающими свет материалами. Наиболее распространены были окна, затянутые брюшиной, которую укрепляли на раме с помощью лучинок. В «оконницы» вставляли также холст, пропитанный маслом или смолой. У более состоятельных хозяев они были слюдяные, пропускавшие больше света. Слюда хорошего качества, так называемая белая или чистая, по прозрачности приближалась к стеклу, но она быстро изнашивалась, через три-четыре года начинала выветриваться и мутнеть. Небольшие кусочки слюды подбирали по величине оконницы и скрепляли различным образом. Обычно их сшивали нитками, отчего такие окна назывались «шитухами». Они не были практичны, часто требовали ремонта, летом сквозь них проникали пыль и дождь, а зимой ветром забивало снег. Особую ценность имели более прочные и надежные слюдяные оконницы, когда слюда вставлялась в специально сделанные железные переплеты. Их покупали готовыми на ярмарках, куда привозили из Европейской части страны. Иметь такие окна могли позволить себе только очень богатые крестьяне.

Двери сбивали из толстых плах (в вершок и более толщиной). Дверные проемы делали ниже человеческого роста, с высоким порогом для сохранения тепла в помещении. Внутреннее устройство избы, судя по отдельным замечаниям, встречающимся в документах того периода, было севернорусского типа. Так, отмечают голбцы⁴⁸, иногда указываются при них дверцы. Судя по описаниям начала XIX в., голбец представлял собой пристройку в виде шкафа, с дверцей на передней стороне, за которой была лестница, ведущая в подполье. Голбец помещался между стеной и печью, которую ставили, несколько отступая от стены. Сохранившиеся гнезда в бревнах жилых покоев башен Братского острога XVII в. свидетельствуют о наличии в помещении полатей и воронцов⁴⁹. Печи были глинобитные. Следы таких печей на деревянном, врубленном в стены опечье четко прослеживаются в первом жилом этаже Братской башни, сохранившем, как считал И. В. Маковецкий, основные конструктивные и бытовые особенности русского народного жилища. Над печью в боковой левой стене северо-западной башни было прорезано отверстие для вы-

пуска дыма. Печь не имела трубы и топилась по-черному. Исходя из описаний начала XIX в., можно также считать, что в крестьянских избах XVII—первой половины XVIII в. печи были без дымоходов, топились по-черному и сбивались из глины. Глинобитные печи были широко распространены в Сибири в XIX в. и местами сохранились до XX в. По всей вероятности, постепенный переход к кирпичным печам, топившимся «по-белому», начался в Сибири в конце XVII—начале XVIII в. Известно, что именно в это время в г. Енисейске встречались такие печи⁵⁰. По другим данным на протяжении всего XVIII в. в Западной Сибири среди городского, а тем более сельского населения преобладало отопление «по-черному». Так, на рисунке г. Тары, выполненном в 1734 г. участником экспедиции Г. Ф. Миллера Берканом, лишь на воеводском дворе показаны три дымоходные трубы, на остальных строениях трубы не показаны, но на всех обозначено по одному-два волоковых окна под крышей. Из этого можно заключить, что в этом небольшом городе преобладали курные избы⁵¹. По данным 1764 г., в окрестностях Кузнецка у крестьян и разночинцев из 91 избы лишь 8 были «с белыми покаями», но в районах нового заселения по Верхней Оби изб с дымоходами было гораздо больше⁵².

В состоятельных крестьянских домах с начала XVIII в. появились зеркала, подголовники, сундуки. Эти предметы среди прочих товаров перечислялись в таможенных книгах Ирбитской ярмарки конца XVII—начала XVIII в.⁵³

Как и в более позднее время, в XVII в. для освещения избы пользовались мелко нарубленными смолистыми лучинами («смольем»). Их изготавливали из нижней, наиболее смолистой части ствола («комля») сосны, лиственницы или кедра. Комлевые чурки раскалывали на мелкие лучины и подсушивали на русской печи⁵⁴. Лучины жгли в небольшой нише печи (камельке) или в чугунном светце. Камелек был весьма распространен в Сибири, особенно в Восточной. Его устраивали в углу печи, обращенном в середину избы. Светец представлял собой подставку с тремя или несколькими зубцами, между которыми вставляли лучины. Светец устанавливали на полу или закрепляли в стене. Горящий конец лучины был наклонен вниз, а под ним ставили деревянное корытце с водой, куда падали обгоревшие угольки. Кто-нибудь из членов семьи или одна из собравшихся для работы женщин наблюдали за освещением: сменяли обгоревшие лучины и следили, чтобы угольки падали в воду.

Кроме основного жилища, на крестьянской усадьбе нередко стояла еще небольшая изба, которую называли «избушка», «малушка», «зимовье». Ее возводили прямо от земли, иногда укладывали в основание один—два венца или, напротив, углубляли в землю. Стены избушки могли быть срубные или сложенные из пластов дерна, крыша — плоская или двускатная, крыта дранкой или дерном. Избушки, построенные при начале основания усадьбы как временное жилье, после возведения основного дома использо-

вались в хозяйственных целях: как рабочее помещение, для хранения продуктов, содержания молодняка, скота или птицы (в связи с этим их называли также «скотской избой»).

В местностях, где интенсивно шло расселение и освоение новых угодий, примитивные постройки использовались под временное жилье. К ним обращались также жители, потерпевшие бедствие, например при набегах кочевников. Так, например, в 1709 г. крестьяне западносибирской Багаряцкой слободы, собравшись в ближайшем остроге, поставили шалаши, «а в шалашах поделали печки для печения хлебов»⁵⁵. Шалаши эти представляли собой навесы, укрепленные на столбах, нередко огороженные драньем или корьем. Кроме шалашей, ставили балаганы, которые делали из холщового полога. Этот полог, называвшийся также «палатка», натягивали на невысокие колышки (обычно шесть штук), так что получалось закрытое со всех сторон помещение. Подобного рода временные жилища сохранялись в Сибири на лесных промыслах и отъезжих пашнях вплоть до XX в.

На усадьбах или перед ними возводили для хранения хлеба, как и повсюду у русских, амбары (или житницы), для съестных припасов — погреба, которые иногда делали с надпоребницею — срубным помещением, также использовавшимся под продовольственные запасы. Для различного инвентаря имелись навесы и сараи. Помещения для скота были или срубные (хлева, конюшни), или загоны, огороженные заплотом. Скотный двор мог примыкать вплотную к дому, но чаще располагался на открытой огороженной усадьбе.

Усадьба обносила крепкой оградой из вертикально вкопанных бревен, заостренных на верхнем конце (острог), или из горизонтально уложенных бревен, забранных концами в столбы (заплот). Для проезда на усадьбу служили ворота, собранные из досок, над которыми делали двускатный навес; сзади обычно устраивали огород, который обносили более легким ограждением из жердей или плетнем. Иногда на усадьбе или огороде сооружали погреб, колодец, здесь же могла стоять баня (мыльня).

Бани были небольшие, чаще всего срубные, но встречались и «землянки». Земляная баня считалась более «паркой». Ее делали на берегу реки, используя естественный прибрежный склон. Вырыв помещение нужного размера, обшивали стены досками, оставляя небольшое окно, накатывали потолок из нетолстых бревен и засыпали сверху землей. Срубные бани также часто имели земляную крышу. Бани топились по-черному: при входе в углу складывали печку-каменку из дикого камня. На печи в котле нагревали воду. Кроме того, воду грели в бочках, опуская в них раскаленные камни. В бане вдоль стен, как и в избе, пристраивали лавки, на которых стояла банная утварь. Ближайшая к печи лавка («полок»), более высокая и широкая, служила для парения; мылись, используя деревянные ушаты и корыта, воду черпали деревянным ковшиком. Банная утварь в иных целях никогда не употреблялась, так как считалась нечистой. Такое внут-

реннее убранство бани сохранялось вплоть до XX в. без изменений. Предбанники («предсенья») были редки. Сибиряки, как и русские северных губерний, любили, распарившись, остужаться на холодном воздухе, окунаться в воду, растираться снегом. Бани были далеко не в каждом хозяйстве, возможно, потому, что подвергались налоговому обложению. Известно, что в начале XVIII в. был введен такой налог на бани. Поэтому баней нередко пользовались сообща по несколько семей.

На дальнем конце усадьбы или около нее некоторыми хозяевами ставились другие постройки производственного назначения: овины для сушки хлеба, гумна, гуменники (пуни), мельницы.

Гумно представляло собой расчищенную и утрамбованную площадку для обмолота хлеба, иногда крытую. На гумне или за ним ставили для сушки снопов овины. При довольно влажном и прохладном лете таежной полосы Сибири сушка снопов была необходима, как и в северной части Восточно-Европейской равнины. Овины были срубным двухъярусным сооружением; в нижнем помещении находилась топка, в верхнем раскладывали снопы для просушки. Нижнее помещение могло быть углублено в землю в виде большой ямы (до 2,5 м глубиной), со стенами, укрепленными срубом («ямный овин»).

При обмолоте хлеба накапливалось большое количество отходов. В зажиточных хозяйствах для их хранения ставили специальные постройки, обычно из самого дешевого материала, — гуменники. Они представляли собой сарай, часто с плетеными стенами, внутри которого делали сусеки для мякны.

Особенности русского жилища в тундровой полосе Сибири. Своеобразные черты приобрело русское жилище в северных регионах Сибири, где русское население оседало на постоянное жительство преимущественно со второй половины XVII в. В безлесной тундре в качестве строительного материала использовали плавник — стволы деревьев, приносимые при весеннем половодье⁵⁶. Кроме того, русское население в низовьях великих сибирских рек — Оби, Енисея, Лены — использовало для постройки корпуса старых речных судов. При скудности хорошего строительного материала жилище на севере Сибири не было столь обширно, как в таежной полосе, но его типология сохранялась. Отдельные описания XVII в. свидетельствуют, что в г. Мангазее на воеводском дворе стояло трехкамерное жилище на подклетах; такие же жилища имели местные дьяки. Рядовые жители города обладали более скромными постройками, но также нередко двухкамерными, иногда на подклетах. По всей вероятности, в это время жилища русских промышленников, осевших по зимовьям, не отличались от жилищ горожан Мангазеи. Этот тип стойко сохранялся на протяжении столетий. Известно, что в условиях тундры в XVII в. применялся оригинальный прием возведения жилища на «мостах», когда оно ставилось на сплошные бревенчатые настилы, служившие фундаментом⁵⁷. Видимо, уже в дальнейшем техника строительства совершенствовалась.

На берегах крупных сибирских рек, отличавшихся высокими паводками, необходимо было возводить постройки на сваях, которые иногда достигали в высоту 1,5—1,8 м. Такие жилища в низовьях Оби и Иртыша были известны в XIX в.; они описаны Ф. Белявским во время его поездки «к Ледовитому морю». «Здесь, — писал он, — Иртыш разливается с лишком на 20 верст, и вода подходит к самому селению, так что жители из домов своих выезжают на лодках, почему дома здесь выстроены не на фундаментах, а на так называемых стульях (род свай), вышиной от 5 до 6 футов»⁵⁸. Вполне вероятно, что русское население использовало здесь известный им ранее опыт строительства на низменных берегах рек Восточно-Европейской равнины и Поморья. Подобные свайные постройки возводились, например, вдоль р. Костромы⁵⁹.

Зимовья на промыслах строили с плоскими крышами из горбылей, их промазывали глиной и засыпали землей. Дома из таких материалов при суровом климате требовали особого утепления, поэтому наружную завалинку поднимали до самых окон⁶⁰. Чем дальше на Север, тем меньше делались проемы окон и дверей. Для удержания тепла наружные двери, ведущие в жилье, обивали войлоком или шкурой белого медведя. Прорубали лишь одно-два небольших квадратных окна со стороны не более 30 см. Летом у состоятельных хозяев были слюдяные окончины. В большинстве же случаев для окончин использовали рыбий пузырь. На Крайнем Севере ни слюда, ни пузыри не выдерживали сильных морозов, поэтому зимой в окна вставляли ледяные пластины⁶¹. Их вырубали из речного льда и примораживали к оконному проему с наружной стороны.

На Камчатке русские, осевшие там в XVIII в., возводили срубные жилища, но из-за недостатка хорошего строевого материала из неровных, кривых и суковатых бревен березового леса. Щели между бревнами закладывали мхом и обмазывали глиной. Избы у русских Камчатки были небольших размеров и низкие, без подклета. Пол был земляной. Его обычно закрывали сухой травой, а иногда закладывали плахами. Кровли делали также плоскими; материалом для покрытия служило корье или трава — «вейник», которые закреплялись на крыше жердями. Окончины затягивали чаще не рыбьим пузырем, а полотнищами, выделанными из кишок различных зверей, например медведей⁶².

Таким образом, эти особенности касались главным образом техники строительства. Даже самое скромное жилище, вплоть до зимовий, как уже указывалось, обычно было двухкамерным. Внутреннее устройство помещения также по возможности сохранялось традиционным. Русскую печь ставили обычно не у входной двери, как это было принято на большей части территории расселения русских, а посреди жилого помещения. Центральное положение печи встречалось местами и в северных губерниях Европейской части страны. На севере Сибири в устройстве очага

прослеживается влияние соседнего нерусского населения. Так, для жилища якутов был характерен центральный открытый очаг с подвесным котлом над ним. Приспосабливаясь к суровому климату, русские в бассейне р. Лены, кроме глинобитной русской печи, ставили еще и камелек, устроенный так же, как и в юртах якутов. Камелек обычно устанавливали справа от входа, ближе к углу дома. Он представлял собой невысокую (около 25 см) прямоугольную глинобитную площадку в бревенчатой раме; над ней возводилась цилиндрическая, слегка наклоненная назад труба из жердей, обмазанная внутри толстым слоем глины, которая проходила сквозь крышу. Русские, как и якуты, почти беспрепятственно поддерживали огонь в камельке, так как он давал тепло только тогда, когда топился. На Крайнем Севере, где по природным условиям трудно было найти глину для русской печи, в домах ставили только чувалы, сходные по устройству с камельком. Там же в связи с недостатком дерева для освещения использовали «жирники» — глиняные плошки, на дне которых укрепляли в песке фитиль и заливали жиром. «Жирники» получили затем распространение и в степных местностях.

Типы временных жилищ. Расселение русских по обширной территории Сибири и расширение сферы их хозяйственной деятельности вызвало широкое распространение и развитие различных вариантов временного жилища, многие из которых были заимствованы от местного населения. В земледельческой полосе это по-прежнему были папешные избушки. На дальние папши на время полевых работ крестьяне переезжали всей семьей. Около избушек возводили, как и в селе, хозяйственные постройки: чаще всего амбары, иногда хлева, конюшни, загоны для скота, огороженные жердями и с бревенчатым заслоном от ветра — «заплотом», иногда с навесом.

В Восточной Сибири своеобразие конструкций различных временных жилищ в наибольшей степени объяснялось заимствованиями от коренного населения. В тайге на промыслах ставились временные жилища — «станки» — срубные постройки с плоскими крышами; их крыли накатом из бревен, засыпали землей, а сверху укладывали древесную кору; печи складывали без труб. Дымовое отверстие прорубали над дверью и закрывали специальной деревянной заслонкой. На Енисее иногда ставили более легкие временные жилища — шалаши, представлявшие собой постройку со стенками, забранными досками, под двускатной поставленной на столбах крышей из драниц. Огонь разводили в открытом очаге посредине, дым выходил через щель, оставленную в крыше.

В Якутии временным жилищем стали постройки, называвшиеся юртами. Это были срубы из тонких бревен, проконопаченные сухой травой или мхом, с накатником на потолке, с чувалом вместо русской печи⁶³.

Подобного рода избушки с крышей из накатника, засыпанного землей и укрытого дерном, с чувалом вместо русской печи были

распространены также на рыбных промыслах по Оби, Енисею, у озер.

На Камчатке временным жилищем служили балаганы. Их сооружали на платформе, поднятой над землей на столбах более чем на 6 м. На ней ставили коническую постройку без окон из нетолстых бревен и досок, крытую корой или дерном. Посредине жилища складывали очаг из камней. Поднимались на платформу по приставленному бревну с выбитыми на нем ступеньками. Под платформой с жилищем располагалась нижняя платформа с жердями для просушивания рыбы⁶⁴. Возле промысловых временных жилищ устраивали так называемый лабаз для хранения продуктов. Это был настил на столбах или в развилке деревьев с невысокими стенками из бревен или дранья, в виде обширного ящика. В него складывали продукты, закрывали их корой в два или несколько слоев и наваливали сверху камни, чтобы запасы не растащили звери.

Сельское жилище XVIII—первой половины XIX в. в земледельческой полосе. Освоение русским населением в течение XVIII в. новых районов и контакты с местным населением способствовали появлению большего разнообразия в приемах строительства и в устройстве жилища. На территории, ранее освоенной русскими, жилище сибиряков во второй половине XVIII—первой половине XIX в. претерпевало дальнейшее усложнение и развитие.

В зоне таежных лесов по-прежнему основным строительным материалом оставались хвойные породы деревьев. Так, корреспондент Русского Географического общества И. Русинов сообщал о Березовском округе: «Преобладающие деревья — хвойные: сосна, ель, лиственница, разные породы пихты и сибирский кедр»⁶⁵. «Лесу такое множество, что почитают нужным вырубать его», — отмечала Е. А. Авдеева при описании Иркутской губ.⁶⁶ Традиционно ценился так называемый кондовый лес, смолистый, с плотной древесиной, отличавшийся особой прочностью. Менее состоятельные хозяева строили дома из мендачного леса — более мелкого, редкослойного и несмолистого. Из мендача, как правило, возводились хозяйственные постройки.

В полосе лиственных лесов для строительства жилищ стали использовать березу и осину. В описании уездов Тобольского наместничества в 1784 г.⁶⁷ отмечались Березовский, Сургутский, Тюменский и Ялуторовский уезды, где жители были обеспечены лучшими породами деревьев «в довольном количестве». Несколько хуже были обеспечены качественным лесом жители Тарского уезда. В Курганском же уезде для строительства использовали не только сосну, но и березу. В южной части наместничества (Ишимский и Каинский уезды) к этому времени были вырублены уже почти все сосновые боры и дома возводили главным образом из березы. Хороший строевой лес, так называемое краснодеревье, доставлялся туда сплавом по реке. Из привозного леса могли себе позволить строить дома только зажиточные хозяева. К середине XIX в. кровли из дерева, теса или драни со-

хранялись в богатых лесом северных и восточных районах Сибири⁶⁸. В лесостепной и степной полосе деревянные крыши встречались редко. Преимущественно использовали более дешевые, чем дерево, материалы (дерн, солому, бересту и корье).

Иногда в источниках встречаются сведения об устройстве кровли и ее формах. Уже упоминавшийся Х. Лопарев писал, что в ряде глухих мест лесной полосы Западной Сибири вплоть до 60-х годов прошлого столетия жители не знали употребления пилы и для покрытия жилищ пользовались «топорным тесом», который изготовлялся следующим образом: дерево рубили пополам и из каждой половины вытесывали по одной доске. Тесом крыли двумя способами: «притыком» и под «гвоздь». Первый из них (более древний) был распространен в прошлом как в Сибири, так и в Европейской части страны. Такие кровли держались «на желобках» и «курицах». В словаре местных говоров, составленном краеведом А. Худяковым в середине XIX в., автор так объяснял слово «курица»: «Это жердь с крепким крюковатым концом, вдальбываемая верхними частями в решетины стропил так, чтоб на крюк ее удобно было положить боковой желоб, которым поддерживаются на крыше доски, не прибитые гвоздями»⁶⁹. Верхние концы тесин закреплялись в охлупне. Автор словаря отмечает также, что население в то время предпочитало безвоздевое устройство кровли⁷⁰, и лишь со второй половины XIX в., как и в Европейской части страны, обычными становятся крыши, «крытые тесом на гвоздях»⁷¹. Тес укладывали в один или два ряда («в одну тесницу»⁷² и в «две тесницы»⁷³). Если крыли «в одну тесницу», укладывая тес, как «исстари, притыком», то либо под него подкладывали бересту («в одну тесницу на бересте») ⁷⁴, либо на него набивали узкие доски («в одну тесницу с колпаком») ⁷⁵.

Описаний способов покрытия берестой, соломой и дерном не встречалось. Имеется лишь указание, что под бересту укладывали тонкие жерди, называемые «подскальником»⁷⁶.

Единичны также сообщения о форме крыши. А. Зырянов, характеризуя постройки казаков Челябинского и Троицкого уездов, ранее входивших в Тобольскую губ., сообщил, что дома казаков были «сверху со всех четырех сторон, кругообразно, крыты под бересту»⁷⁷, т. е. имели крышу четырехскатной формы. Преобладала по-прежнему «самцовая» конструкция крыши. Однако при больших плоскостях кровли требовались дополнительные опоры. Для этого ставили между фронтонами повторявшие их еще две-три дополнительные бревенчатые стенки. В отличие от построек Европейского Севера эти стенки были не глухими, а состоящими из коротких бревен, скрепленных с помощью особого устройства — шипов-вставок, врубленных обычно на одну треть ширины в смежные бревна стен дома, что требовало более совершенных строительных навыков.

Улучшалась защита жилого помещения от воздействия сурового климата. Жилище для утепления стали возводить на под-

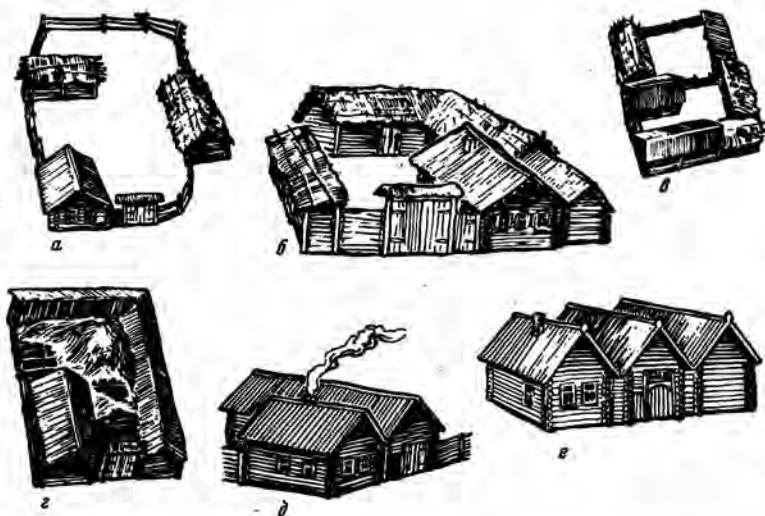

Рис. 3. Застройка усадьбы:

а — свободная; **б** — замкнутая; **в** — замкнутая с пригоном; **г** — замкнутая с полузакрытым двором; **д** — двухрядная застройка; **е** — трехрядная застройка

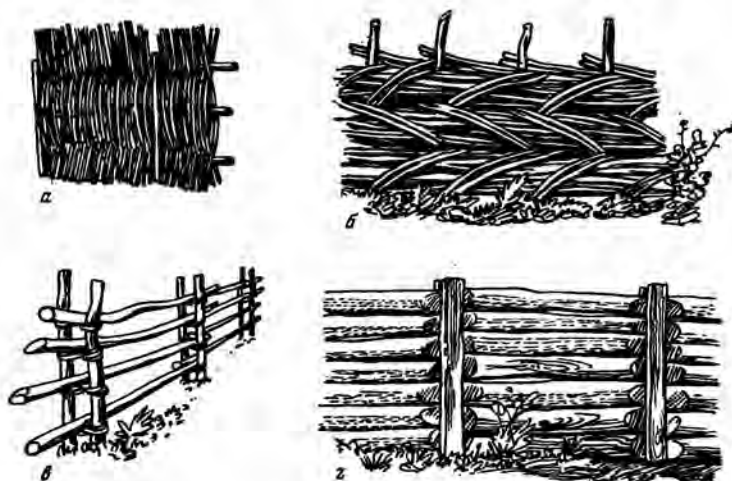

Рис. 4. Виды оград:

а — плетень вертикальный; **б** — плетень горизонтальный; **в** — прясло; **г** — заплот

клете. К концу XVIII в. наличие подклета в документах перестает оговариваться, что обычно делалось в более раннее время. Исследователи крестьянского быта первой половины XIX в. отмечали наличие высокого подклета, или подполья, как обыкновенное явление. Так, А. П. Степанов, описывая крестьянские дома Енисейской губ., отмечал: «Обыкновенные крестьянские дома строятся долевым фасадом по улице, на подпольях, с высокими крыльцами...»⁷⁸. Высота подклета в лесных районах составляла 6—8 венцов («рядов»), в лесостепных — 3—5. Как и ранее, подполье использовалось в хозяйственных целях. Оно представляло собой углубленную в землю яму со стенами, обшитыми досками и с укрепленными на них полками. В подполье обычно держали продукты, необходимые для повседневного питания семьи (овощи, молочные и другие продукты). Свет проникал туда через узкие вырезы в одном из бревен сруба, почти над самой землей. В отдельных случаях нижнее помещение приспособляли под постоянное жилье; обычно там устраивали кухню⁷⁹. Кроме того, в подклете могла помещаться мастерская или лавка.

Чтобы лучше изолировать жилое помещение от воздействия сурового климата Сибири, стены цокольного помещения обычно изнутри и снаружи засыпали землей. Толстый слой земли насыпали сверху на потолочные бревна. Потолок избы, как и прежде, настилали из массивных толстых бревен — «кругляков», полы — из толстых плах толщиной в шесть четвертей (8—10 см). Половицы плотно пригоняли друг к другу и скрепляли деревянными шипами.

Конструкция срубных строений по-прежнему была с выступающими концами бревен. Обработка же их производилась более тщательно: бревна ровнее обтесывали, тщательно подгоняли, больше входили в употребление тесаные плахи. Восхищаясь постройками лесной полосы Ялуторовского округа, И. Завалишин писал: «Таких прекрасных, светлых, обширных изб, с такой, можно сказать, изящной внутренней выделкой, нигде в целой России нет, кроме разве Пермской и Вятской губерний. Бревна вытесаны и выструганы так гладко, пригнаны так хорошо, лес подобран так искусно, что в избе стены как бы сплошные, блестят и радуются от перелива древесных струй. Полы и лавки — загляденье!»⁸⁰.

Увеличились размеры и число окон. Так, А. П. Степанов отмечал высоту окна в $3/4$ аршина (около 50 см)⁸¹. В конце XVIII в.—первой половине XIX в. в избе обычно делали четыре окна, в домах другого типа — 8—12⁸². Преобладающими стали «колодные» окна. Эти данные подтверждаются полевыми наблюдениями⁸³ (не один раз можно было слышать от жителей, что сибиряки вообще любили, чтобы в домах было много света). Как и в более раннее время, окна затягивали брюшиной или вставляли слюду. Так, в описи имущества крестьянина А. Парфенова Тюменского уезда (1799 г.) отмечается в одной части дома «окошко слюдяное»⁸⁴. В конце XVIII—начале XIX в. появляются

«стекольчатые оконницы», а к середине века — «стекольчатые», или «стеклянные, рамы»⁸⁵. Их, однако, делали не во всех окнах дома, а только в горнице. Такие рамы всегда оговариваются в делах. В описаниях корреспондентов Русского Географического общества конца XVIII—начала XIX в. сообщалось о стеклянных рамах в горнице; в избе такие рамы вставлялись лишь в летнее время. Зимой же в избе были «пузырные окна», т. е. из брюшины рогатого скота. Н. Черняковский считал, что это делалось «во избежание мокроты от намерзания»⁸⁶. По всей вероятности, основной причиной длительного бытования брюшины была дороговизна стекла. С конца XIX в. стеклянные окна становятся обычными. К середине XIX в. стекло стало дешевле слюды, и она постепенно ушла из быта.

Улучшались также конструкция и оформление световых проемов. Окна были «ординарные» — одинарные и с двойными рамами. Так, в описи имущества крестьянина-середняка А. Шомова отмечается дом «с четырьмя ординарными окнами»⁸⁷, в другом деле, отражающем зажиточное хозяйство, отмечается дом, в котором все окна были с двойными рамами⁸⁸. Обычно окна имели ставни. Ставни первоначально были массивными одностворчатыми, наряду с ними стали делать двустворчатые. Их, как и двери, крепили «на железных крючьях»⁸⁹. На такие же железные крючья навешивали двери, входные (с улицы) и внутренние. Наружные двери были однопольные, внутренние — двухпольные («распашонные») ⁹⁰.

В большинстве случаев крестьянское жилище не имело срубных сеней. Так, из учтенных 69 домов, встречающихся в актовых документах⁹¹, только семь имели срубные сени. Их наличие всегда оговаривалось в актах (например, «изба с сенями» или «изба, горница и при них сени» и т. п.). Иногда отмечаются «сенки», т. е. небольшие сени, занимающие часть стены дома. В дом без сеней входили через глухое крыльцо, которое имело, как отмечается в описи имущества крестьянина Ялutorовского округа С. Т. Устьянцева, «две лавочки, два окна и двое дверей», а также «две колонки»⁹² (дверные столбы). Полевые наблюдения подтверждают отсутствие во многих районах Сибири срубных сеней, которые заменялись либо сенками, либо глухим крыльцом⁹³.

Постепенно установились единые, по-видимому, наиболее оптимальные размеры отдельных элементов дома: избы, сеней, клетки и горницы. Но, по всей вероятности, в разных местностях эти размеры варьировались. Так, длина одной стороны жилой камеры (избы) могла быть 4—6 м, длина сеней — 2—3 м, длина дома, состоящего из двух камер, через сени — 10—16 м⁹⁴. Один из корреспондентов Русского Географического общества, описывая в XIX в. трехкамерные жилища Канского уезда Енисейского края, отмечал, что они были «длиною от 5 до 7 и 8 сажен»⁹⁵. Средняя высота жилища составляла 10—15 рядов, причем изба, сени, клеть, горница строились по высоте равными. Одноре-

Таблица 1. Крестьянское жилище Западной Сибири конца XVIII в.

Название волостей	Однокамерные (избы)	Двухкамерные	Трехкамерные	Название волостей	Однокамерные (избы)	Двухкамерные	Трехкамерные
Липчинская	262	76	—	Гилевская	150	242	—
Покровская	181	73	17	Тавдинская	138	188	—
Усть-Ницынская	179	172	—				
				<i>Всего</i>	910	751	17

менно происходило увеличение жилой площади дома. Камерность жилища в различных областях Сибири также, по-видимому, была различна. Широко распространено было в Западной Сибири жилище, состоящее из двух камер. Об этом можно судить по рапортам волостных судов, относящимся к концу XVIII в. В них отмечалось число домов, «в них покоев» (камер) и количество печей, благодаря чему можно судить об отапливаемых и холодных помещениях. Такие сведения имеются по Липчинской, Покровской, Тавдинской, Пилевской и Усть-Ницынской волостям Тобольской губ.⁹⁶ (табл. 1).

Из таблицы видно, что, хотя в некоторых волостях Тобольской губ. однокамерные избы преобладали, дома, состоящие из двух жилых помещений, были не только широко распространены, но и составляли большинство в других волостях. Домов из трех жилых камер в указанных волостях было мало. Как свидетельствуют другие документы конца XVIII—начала XIX в., дома с двумя жилыми отапливаемыми помещениями были достаточно распространены и могли быть двойкой планировки. В одном из них горница непосредственно примыкала к избе, в другом — была отделена сенями. Так, в деле о разделе имущества между братьями Тонковыми (Тюменский уезд Тобольской губ.) указано, что их дом «есть изба и горница с крытым крыльцом...»⁹⁷. Такой же дом («изба з горницей») указан в деле о передаче наследства крестьянина Тавдинской слободы⁹⁸. Другая планировка дома, состоявшего из двух жилых отапливаемых помещений, выясняется из описи имущества крестьянина Середцова, составленной тюменским земским судом. «Домового строения, — говорится в ней, — изба, через сени горница с печью...»⁹⁹ Подобная планировка в начале XIX в. получила широкое распространение по всей Сибири, о чем свидетельствуют многочисленные описания того времени. Так, например, И. Абрамов о домах крестьян Ялutorовского округа сообщал: «Дом посередине разделяется большими сенями на две половины...»¹⁰⁰ То же самое писал А. Худяков о жилище крестьян Ишимского округа: «Крестьянские дома состоят по большей части из двух просторных комнат, разделенных сенями»¹⁰¹. В Суерской вол. Ялutorовского округа крестьянкой Апросиньей Поповой был по-

лучен в наследство дом «соснового кондового леса в две стопы через сени. Крыт тесом на два ската на гвоздях, 4 двери, 8 окон со ставнями на железные крючьях». При нем среди других хозяйственных построек был амбар «с прирубною завозною, крыт драньем, две двери на крючьях»¹⁰². П. Кириллов в первой половине XIX в. писал: «У русских поселян в Сибири почти везде дома разделены на две половины посредством сеней...»¹⁰³.

В начале XIX в. появляются двухэтажные дома. Просторные дома состоятельных сибирских крестьян поражали многих исследователей. Например, П. П. Семенов-Тянь-Шанский в 1856 г. писал: «Избы крестьян южных уездов Тобольской губернии поражали меня своим простором по сравнению с тесными курными избами крестьян черноземных великорусских губерний: обыкновенно они имели шесть окон на улицу, а иногда и до двенадцати, крыты были тесом, а иногда бывали построены в два этажа»¹⁰⁴.

Чрезвычайно ценными материалами являются сохранившиеся планы селений Алтайского горного округа, относящиеся к первой половине XIX в., на которых представлено горизонтальное членение сельского жилища¹⁰⁵ (табл. 2).

Таблица 2. Типы домов в Алтайском горном округе (первая половина XIX в.)

Планировка	Группа населения			
	Крестьяне		Казаки	
	количество домов	%	количество домов	%
Изаба	19	10,3	3	1,6
Дом на две стопы	146	79,4	24	12,4
Связь	19	10,3	157	81,5
Крестовик	—	—	1	0,5
Крестовая связь	—	—	1	0,5
Многокомнатные дома	—	—	7	3,5
<i>Всего</i>	184	100	193	100

Анализ этих планов показывает, что в крестьянских селениях преобладали дома, состоящие из двух жилых камер (79,4%). В казачьих поселениях наблюдалось большее разнообразие планировочных вариантов, однако самым распространенным типом жилища был дом, состоящий из двух жилых камер, разделенных сенями (81,5%). Там же развиты были многокамерные дома сложной планировки, имевшие до шести комнат; малокамерных построек было очень мало (14%).

Широкое распространение в поселениях казаков домов из двух жилых камер, расположенных через сени, подтверждается также описаниями, оставленными корреспондентами Русского Географического общества, Так, А. Зырянов, характеризуя постройки казаков Челябинского и Троицкого уездов Тоболь-

ской губ., отмечал именно этот тип дома: «Утвержденное на четырех столбах и также крытое крыльцо вело в сени, откуда по правую руку расположена кухня или изба, а по левую — чистая отдельная комната — «горница»¹⁰⁶.

Эти изменения в развитии дома подчеркивали начало социального расслоения сибирского крестьянства. И. Серебренников, описывая жилище сельского населения Томской губ., указывал, что «богатые имеют в доме три комнаты, среднего состояния — две, а бедные — одну»¹⁰⁷. Также и о жителях Ишимского округа Тобольской губ. Н. Черняковский сообщал следующее: «Большая часть домов у крестьян порядочных строится на две половины. В одной, и чаще в той, которая окнами на двор, если дом не вдоль улицы, находится... горница, а в другой — собственно изба с русской печью»¹⁰⁸.

Интерьер крестьянского жилища. Назначение жилых помещений дома (избы и горницы) в Ишимском округе еще полнее описывает А. Худяков: «Крестьянские дома состоят по большей части из двух просторных комнат, разделенных сенями. Если семейство небольшое, то живут в одной комнате, а другая назначается для приема гостей или для приезжих. Если же семейство увеличилось женитьбой одного или двух сыновей, то запасная комната обращается в жилую для того из них, кто имеет больше детей»¹⁰⁹.

Внутреннее устройство и убранство дома нередко описывались корреспондентами Русского Географического общества. Основная жизнь крестьянской семьи протекала в избе, в ней готовили пищу, ели, отдыхали и работали. Изба была предназначена «для житья хозяевам», подтверждал также и Н. Абрамов, горница — «для приема гостей»¹¹⁰.

Много места в избе занимала русская печь. Наиболее активно в сибирской деревне переход от черных печей к белым происходил с конца XVIII в., особенно в притрактовых селениях. К середине XIX в. черных печей уже почти не встречалось. Они сохранялись еще только в глухих местностях или их ставили прибывшие из России новоселы¹¹¹. Корреспонденты Русского Географического общества отмечали распространение белых печей как в Западной, так и в Восточной Сибири. Так, например, в описании Шушенской вол. Минусинского округа указывалось, что «домов черных, так называемых изб без вывода труб, решительно нигде нет»¹¹². Строили в этот период печи своеобразной конструкции, которые можно считать переходными от «черных» к «белым», или одним из вариантов так называемых полубелых печей, известных в Европейской части страны¹¹³. Печная задвижка помещалась в верхней части трубы, на чердаке; закрыв задвижку, ее засыпали песком или прикрывали куском толстой плотной ткани, чтобы лучше удерживалось тепло. Сначала печные задвижки были деревянные, затем появились железные и чугунные. Как и раньше, преобладали глинобитные печи. А. Худяков отмечал, что «для сокращения расходов печи делают не из

кирпичей, а просто сбивают из глины»¹¹⁴. Кирпичные печи появлялись только в домах зажиточных крестьян, в казачьих поселениях¹¹⁵.

Внутренняя планировка избы повсеместно была одинаковой. При входе в избу стояла «на одной стороне печь с голбцем или деревянным из досок возвышением, служащим продолжением печи, под ним — лестница в подполье» — так начинается описание жилища Н. Абрамов¹¹⁶. Часть избы перед печью, как и в Европейской части страны, называлась «куть».

Стремление отделить чистую половину избы от хозяйственной прослеживалось у сибиряков довольно рано. В первой половине XIX в. печь и пространство перед ней отделялись от остального помещения занавеской. В работе Н. В. Семивского, относящейся к 1817 г., приводится термин «пересовец», который объясняется следующим образом: «Пересовец, — чисто выструганная жердочка с занавескою, отделяющая куть от другой половины избы или комнаты; через сею же жердочку, перекидывая или как бы пересовывая, вешают платье, полотенца и прочее»¹¹⁷. В куте, по данным первой половины XIX в., вдоль стены, возле печи, устраивался продолговатый ящик для хранения посуды, который назывался севернорусским термином «залавок». Под залавком обыкновенно помещался шесток, где держали кур в зимнее время. По стенам куты шли полки, на которых лежали сита, сельницы и другие принадлежности для стряпки. Широкая полка, шедшая от верха печи до противоположной стены, называлась «грядкой». Этот термин тоже был широко известен на севере Европейской части страны. Под грядкой помещалась жердь с занавеской. «При входе посторонних мужчин в избу, — отмечал Н. Абрамов, — женщины и девицы уходят в куть, за занавеску»¹¹⁸.

Основная часть избы была больше куты. Особенно большое внимание обращалось в ней на оформление переднего угла — самого почетного места в избе. Здесь стоял стол, величина которого, писал А. Худяков, «была соразмерна с числом жильцов»; там же смыкались массивные, врубленные лавки, «шириной 8 или 9 вершков»¹¹⁹. Над столом, на боковых и угловых полках — «божницах» — стояли иконы. В праздничные дни стол покрывали скатертью, а божницу украшали ветками хвойных деревьев, чаще всего пихтой.

Обязательным элементом избы были полаты, которые настилали над входной дверью от печи до стены на высоте 2 1/2 аршина от полу. «На полатах обыкновенно отогревается крестьянин, переябший в морозное время дальнего переезда, — писал А. Худяков, — там же спят некоторые из семейства, туда же кладут часть одежды. Входят на полаты по приступкам, сделанным подле печи»¹²⁰.

С распространением в Сибири домов с двумя или несколькими «покоями» крестьяне стали выделять парадную комнату, которая у русских повсеместно называлась горницей. Клетки, как полужи-

лое, полухозяйственное помещение, уступают место горницам; в начале XIX в. они уже почти не встречались. Название «горница», по мнению исследователей, проводивших археологические раскопки в Европейской части страны, произошло от слова «горний» — верхний¹²¹. Она всегда строилась на подклете и была верхним помещением¹²². Это подтверждают и сибирские акты и другие материалы¹²³. Горница могла стоять рядом с избой или через сени от нее. Возможно, горница развилась из клетки. Об этом свидетельствуют ее названия: горница, не имеющая печи, именовалась «холодной горницей» или «клетью»¹²⁴. В первой половине XIX в. в Сибири еще встречались холодные горницы, но чаще горница имела отдельную русскую печь. При этом если в избе заслонки были, как правило, железные, то в горнице — более ценившиеся чугунные. Так, в описи имущества крестьянина Середцова, составленной в Тюменском земском суде, указывается, что «в избе заслонка железная, ветхая, в горнице заслонка чугунная»...¹²⁵. В доме «на две стопы через сени» печь горницы топилась из сеней и чело ее заставлялось толстой чугунной заслонкой, отчего в горнице, писал Н. Абрамов, «никогда не может быть угара, а разгоряченная печь нагревается»¹²⁶. У зажиточных крестьян к середине XIX в. русскую печь заменяла голландка¹²⁷.

В середине XIX в. изба и горница по внутреннему устройству мало отличались друг от друга. Так же как и в избе, в переднем углу горницы стоял стол, над ним помещалась божница, а вдоль стен тянулись лавки. Однако полатей в горнице не делали, и ее, как парадное помещение, старались устроить и обставить как можно лучше. Еще в XVIII в. путешественники отмечали нарядное убранство горницы сибирских крестьян: «Почти у всех, кроме простой избы, есть еще изрядная горница и в ней слюдяные окна, ковром накрытый стол, чистые лавки, прекрасно убранные образа и всякая посуда, чего мы давно в крестьянском быте не находили, например, стаканы, чашки и пр.»¹²⁸.

Убранство и отделка горницы стали особенно улучшаться с начала XIX в. В них более четко заметны различия, вызванные социальным расслоением крестьян, нежели в избах, интерьер которых определялся традициями повседневного быта¹²⁹. Потолки горниц стали делать не из круглых бревен, а из плах, настланных ровно («гладкие плаховые потолки»)¹³⁰ или выложенных уступами (в Западной Сибири такой потолок называли «вразбежку»¹³¹, в Восточной Сибири — «ломовой» потолок)¹³². Стены внутри горниц обтесывали, и углы делали скругленными. Пазы между бревнами сруба для красоты промазывали белой глиной. Иногда стены оклеивали холстом, а богатые крестьяне — обоями («шпалерами»). Стол обычно окрашивали масляной краской, чаще голубой или красной, и закрывали его скатертью, а богатые жители — ковром. На божницу в горнице ставили образа в богатых окладах и ризах. В простенке между окон вешали зеркало с накинутым на него тонким холщовым («холстяным») полотном

а

б

Рис. 1. Рисунки на опечке:

а — зооморфный орнамент (с. Байкалово Тюменской губ.); б — растительный орнамент (с. Спасское, Томской губ.)

Рис. 2. Женские головные уборы — кокошники (Тобольский музей-заповедник)

цем; обильно украшенным узорным тканьем или вышивкой. Иногда в горнице помещали лубочные картинки религиозного или карикатурного содержания. В казачьих поселениях вывешивали оружие и «платье» казака. А. П. Степанов, например, так описывает в первой половине XIX в. убранство горницы: «Стены покрываются белой глиною. В переднем углу комнаты — образа, часто на холсте и в рамах; под ними — крашенный стол; по стенам — стулья с задинками и лавки приставные», а в парадных комнатах богатых крестьян — «образа в окладах; стены покрыты обоями, зеркала, диваны»¹³³. Так же как и изба, чистая половина обычно разделялась на две части холицовой или ситцевой занавеской. П. И. Небольсин, совершая в середине XIX в. поездку по Сибири, при описании убранства горницы отмечал эту деталь: «Налево — ход в горницу, очень часто оклеенную обоями, устланную коврами — самодельщиной, уставленную диванчиками, стульями, столами и чистою постелью за ситцевым пологом»¹³⁴. Иногда вместо занавески делали дощатую, окрашенную масляной краской перегородку — «казенку». Помещение за перегородкой также называлось «казенкой». Кроме кровати, там нередко помещался шкаф с посудой и сундуки. Последние в богатых домах, как и стол, накрывались петельными мохнатыми шерстяными коврами тюменской работы, которые были широко распространены по всей Сибири. Кроме ковров, обращали на себя внимание и другие, чисто местные детали убранства сибирского жилища. В северо-западных районах вместо половиков стелили «нори» — покупавшиеся у хантов искусно плетенные из травы цыновки. На Алтае дома украшали «сырмаки» — узорные войлочные коврики, спиваемые казаками из войлока, окрашенного в разные цвета. Русские покупали у казахов сырмаки разных размеров: небольшие — «насандучники», побольше — половики, а большие использовались в качестве одеял. Кроме того, на Алтае же, в районах, где разводили маралов, на стены горницы как украшения прибавляли оленьи рога.

Характерной особенностью сибирского жилища была его чистота и опрятность. Так, М. Геденштром в своих заметках о Сибири отмечал, что в чистоте и опрятности сибиряки превосходят русских европейских губерний¹³⁵. То же самое подчеркивали другие исследователи. Дважды в год, к рождеству и пасхе, белили стены¹³⁶. «Внутри домов, — писал один из корреспондентов Русского Географического общества, — чистота соблюдается до чрезмерности, например, не вымыть пола к праздничному дню есть почти преступление»¹³⁷. Даже в избе редко можно было встретить загрязненный пол, но особенно следили за чистотой горницы. Полы, столы, лавки мыли в доме каждую субботу, а перед наступлением больших праздников — с песком, а потом скоблили все лавки, столы, полаты, полки, пол, потолок и стены. Все это промывалось очень тщательно, до появления палевого оттенка. Старообрядцы Забайкалья перед каждым большим праздником мыли дома даже снаружи, сверху донизу.

Чтобы некрашеный пол в избе дольше сохранялся чистым, на него настилали зимой соломой, а летом — свежую траву или посыпали чистым мелким песком (в Восточной Сибири — каленым, по местному — «дресвой»). Прокаливали песок до буровато-красного цвета «для красоты». Полы в горнице застилали холстинами, спитыми во всю длину комнаты. Сверху богатые крестьяне стелили ковры, а чаще — половики, тканые в полоску или клетку из шерсти, окрашенной в разные цвета домашними красителями. Нередко их укладывали в два-три слоя, что было показателем трудолюбия хозяйки.

Хозяйственные постройки и усадьбы в земледельческой полосе XVIII—первой половины XIX в. С развитием хозяйственной жизни в Сибири увеличивалось количество строений на усадьбах, и сами постройки становились многообразнее. Так, амбары для зерна строили не только одноэтажные, но и двухэтажные, с галерейкой наверху. Такие двухъярусные амбары встречались и на Европейском Севере. Под зерно использовали иногда оба этажа, иногда — только нижний, а верхний служил для хранения вещей. Амбары ставили вблизи дома, так чтобы можно было видеть их из окон. Кроме того, амбары выносили на окраину, где они составляли как бы особую часть селения и служили помещениями для хлеба, сохраняемого про запас.

Погребов строили со срубом, углубленным в землю. Сверху его закрывали накатником и засыпали землей, оставляя для входа квадратное отверстие, закрывавшееся крышкой. Над погребом возводили сруб, по виду похожий на небольшой амбар («амбарушка» или «клетушко»). В яме, покрытой сверху землей, где летом лежал лед или снег, хранили квас, пиво, масло, сметану, мясо, рыбу и проч. На зиму клали туда разные огородные овощи и ставили бочки с солеными огурцами и груздями. На верху погреба складывалась разная деревянная посуда (кадки и проч.), а также мука, употребляемая летом в пищу¹³⁸. Между амбаром и погребом под одной общей крышей находился так называемый навес (или крыша), где стояли телеги, сани, сохи, бороны и проч. Сюда также складывали дрова и хозяйственные припасы.

Получила распространение в Сибири «завозня» — специальная изолированная постройка для хранения повозок, саней, сельскохозяйственного инвентаря и сруи. Ее особенностью были широкие двупольные двери.

К дому сзади пристраивали задворье — закрытое со всех сторон помещение, где держали птицу¹³⁹. Дом часто ставили в середине усадьбы, его окружали постройки чистого двора, а сзади или сбоку находился двор для скота, куда вел вход из сеней дома.

В местностях с развитым животноводством строили обширные сени сараи. Кроме того, сено складывали на плоский настил кровли помещений для скота. Постройки эти обычно были небольшие, о чем свидетельствуют их названия, включающие уменьшительные суффиксы: «хлевушко», «стайка». Строили их

из нетолстых бревен. У некоторых помещений, предназначенных для содержания молодняка или хранения ульев с пчелами в зимнее время, пазы между бревнами прокладывали мхом. Такие постройки назывались «мпанниками», или «омпанниками», как и повсюду в России. Кровлей их являлся накатник из бревен, иногда засыпанный сверху землей. На срубы «стаек» и хлевов укладывались жерди, а на них осенью убирали сено. Зимой сено сбрасывали под ноги животным через раздвинутые жерди. Все эти постройки были без окон и пола, с низкими дверями. Конюшни по размерам были больше, чем стойки, с широкими одно- или двухпольными дверями. В каком-либо венце сруба прорезывали два-три небольших оконца. Кровля чаще всего была тесовая, двускатная, на «самцах». Нередко над конюшнями, а иногда также и над «стойками» делали крытые сеновалы: «конюшня с сеновалом», «стойка с сеновалом».

Как и раньше, на усадьбах строились небольшие избушки и бани, к которым пристраивали холодное помещение перед входом — «предсенье»; оно иногда не имело кровли, а служило для размещения утвари и защиты от ветра. В конце XVIII—начале XIX в. в банях и избушках, как и в избах, появляются печи с трубами. Белая печь в бане имела своеобразное устройство; она представляла собой как бы футляр, закрывающий каменку, а в плиту были вмазаны котлы для нагревания воды. Наряду с ними были широко распространены бани, топившиеся по-черному, чему способствовала специфика природных условий Сибири. Черные бани быстрее нагреваются и дольше сохраняют тепло, что было важно при суровых зимах.

В результате длительного процесса развития с XVII в. в Сибири сложилось несколько типов планировки усадьбы. Так, в Березовском уезде Тобольской губ. «очень у редких крестьян можно найти, чтобы все нужные прислуги к дому стояли в ограде дома или близко к нему. Хлевы для рогатого и прочего скота здесь во многих селениях выстроены около селений и представляют из себя несколько складенных куч бревен, закиданных сверху сеном»¹⁴⁰. Из этого описания следует, что усадьбы были огорожены и застройка была, по-видимому, замкнутого типа, так как термин «ограда» относился к усадебному месту, огороженному забором. Какие именно постройки были характерны для усадьбы Березовского округа и как они располагались, неизвестно. Можно лишь с достаточной определенностью заключить, что в XIX в. здесь уже не была распространена слитная застройка, при которой скотный двор стоит вплотную к дому, характерная для севернорусских губерний. Это описание — единственное свидетельство об усадьбе русских Западной Сибири, живших в зоне тундры.

Значительно полнее сведения о лесной зоне, где русского населения было больше. В лесной и лесостепной полосе Тобольской губ., судя по описательным материалам, господствовала замкнутая усадьба. Различные авторы приводили более или менее

подробные их описания. Обычно указывалось, что усадьба разделялась на передний и задний дворы. На переднем дворе («чистом») размещались дом, амбар, погреб, завозня и проч.

На скотном дворе «стайки», хлевы и конюшни также стояли по краю усадьбы и соединялись бревенчатым заплотом. По передней грани усадьбы заплот прерывался воротами, возле которых были одна или две калитки. Полотна ворот и калиток крепились на столбах при помощи деревянной втулки («верей») или железными крюками. На этих же столбах сооружали над входом небольшую двускатную крышу. Ворота обычно были закрыты и запирались массивным деревянным засовом. Калитка изнутри имела небольшую железную или деревянную задвижку. К ней привязывали ремешок и через небольшое отверстие пропускали на уличную сторону. Потянув за ремешок, можно было поднять задвижку и открыть калитку. Снаружи калитки была прибита железная бляха — «жиковина» или «жуковина», а над ней укреплено железное кольцо. Этим кольцом стучали по бляхе, если ремешок от калитки не был протет наружу. «Жуковину» обычно делали фигурной (стилизованное изображение жука), а кольцо различным образом перевивали, что создавало красивое оформление входа.

На неблагоприятное время года всю усадьбу или только скотный двор сверху накрывали соломой, уложенной на решетку из жердей. Его устройство отобразил корреспондент из Кузнецкого округа Томской губ.: «Двор летом бывает не покрыт, а на зиму покрывают горизонтально жердями: ставят стояки, на них кладут слеги, а сверху слег настилают жерди. Помост сей служит у здешних жителей сenniком, ибо все сено сметывают на одну крышу, а других сenniков не имеют»¹⁴¹. Временная кровля над скотным двором позволяла домашним животным лучше перенести зимнюю стужу, а потому была более распространена в таежных местностях с суровым климатом. В этой же зоне встречались усадьбы с крытым двором, вплотную примыкающим к дому, аналогичные усадьбам северной полосы Европейской части страны. Крытые дворы вмещали в себя многие другие хозяйственные постройки, которые в виде отдельных срубов размещались внутри большого общего сруба. Пространство двора могло быть перегорожено по вертикали на два яруса, один из которых служил для хранения сена.

Сохранилось описание крестьянской усадьбы в развитом в сельскохозяйственном отношении Ишимском округе Тобольской губ.: «Домы отдельные с крыльцом на улицу и с просторным двором. Во дворах по сторонам делаются навесы, примыкающие к анбарам, кладовым и хлевам, для помещения под ними повозок и телег. Больше домов с надворными крыльцами. Крытых дворов вовсе нет или вовсе редки и только разве у поселенцев, имеющих на русский манер поставленные дворы для проходящих обозов. За двором располагается обыкновенно так называемый пригон, куда загоняют скот, овин и огород. При иных

домах, особенно которые по берегу речки или реки, огороды устроены против дома, по скату к воде. Там и баня. Вообще дома сообщаются заплотами, но все же между ними порядочные интервалы, и это на случай пожаров очень полезно»¹⁴².

В архивах встречаются планы селений с подробным изображением усадьбы, в частности, есть план с. Камышевского Тобольской губ. (вторая половина XIX в.) и несколько планов селений Томской губ. (первая половина XIX в.).

На плане застройки с. Камышевского и дер. Камышевки Тер-сюкской вол. Ялуторовского округа Тобольской губ. отображено 326 усадеб¹⁴³. Анализ плана показывает, что застройка была далеко не столь единообразна, как это представляется в описаниях¹⁴⁴. В этих селениях прослеживались три основные планировки усадеб — свободная, слитная, замкнутая¹⁴⁵ (табл. 4). Некоторые дома (13,6%) не имели при себе хозяйственных построек. В некоторых случаях видно, что отдельно стоявший дом означал создание новой усадьбы (площадь для него выделена из другой усадьбы), но в основном такие дома служили жилищем беднейшей части населения.

В известной степени положение дома определялось типом застройки усадьбы, в частности, положением скотного двора. Дом ставили чаще всего с краю усадьбы (64,2%). Большинство усадеб — замкнутые (74,5%). Из них лишь немногие (5,5%) были застроены по такому же примерно плану, как и в европейской части страны, когда все постройки располагались по периметру. Они имели преимущественно покоеобразный план: дом стоял в углу торцом к улице, а за ним, вдоль границы усадьбы, следовал сплошной ряд построек. Нередко строения составляли один ряд возле дома или два параллельных ряда вдоль боковых сторон, либо занимали две соседние стороны, изгибаясь Г-образно.

Большинство замкнутых усадеб были разделены на чистый двор и пригон. Переднюю часть усадьбы занимал чистый двор (ограда), где стоял дом. Пригон (скотный двор) помещался в дальней от улицы части усадьбы. Иногда пригон располагался сбоку от чистого двора. В таком случае делались еще одни ворота на улицу, через которые проходил скот.

На некоторых усадьбах пригон достигал таких значительных размеров, что занимал большую часть площади усадьбы. При этом в отдельных случаях он охватывал чистый двор и сбоку и сзади.

На плане с. Камышевского отражены также сведения о строительных материалах. Для кровли хозяйственных построек использовали тес и солому. Весьма наглядно распределение этих материалов в двухчастных усадьбах: в чистом дворе соломенное покрытие составляло лишь 33,3%, а в пригоне — 77,7%. Тесом в пригоне были крыты отдельные, более крупные срубы, а небольшие — крылись соломой.

По планам селений в южной части Томской губ. — в Алтайском Горном округе, составленным в первой половине XIX в.¹⁴⁶,

можно заметить своеобразие планировки усадеб (табл. 4), что объяснялось составом населения и воздействием государственной власти. Планы схематичны, на них различной заливкой обозначены дом, двор, пригон, амбар, огород и т. д.

Наиболее четкая планировка усадьбы прослеживалась в селениях казаков по Бийской казацкой линии, где войсковая администрация стремилась регулировать строительство. В частности, в 1822 г. был разослан приказ о регулярной застройке и альбом с видами типовых построек и планами. Усадьбы проектировались прямоугольной формы с домами у передней грани и небольшими хозяйственными постройками. Эти постройки располагались или возле ограды (амбары, завозни), или хозяйственный двор примыкал вплотную к дому (однорядная или двурядная связь). Бани, гумна, овины, а также огороды выносились за селение.

На одном из планов рядом с казацким поселком изображена крестьянская деревня (Большая Угренева Елисейской вол.). Интересно, что принцип застройки усадьбы здесь тот же, что и в казацком селении: дома — у передней грани, сзади, вплотную к ним, пристроены дворы, амбары — напротив дома. Однако крестьянские усадьбы по размерам значительно больше и не так четко распланированы.

В некоторых селениях южной части округа застройка усадьбы была свободной, причем хозяйственные постройки занимали мало места и по своему назначению были связаны преимущественно с полеводством. В центральной полосе, напротив, хозяйственные постройки занимали весьма большую площадь. Те из них, которые были предназначены для нужд животноводства (дворы, пригоны), примыкали вплотную к дому. Обычно за домом находился двор, а за ним пригон. При одном доме могло быть по несколько дворов или пригонов, создавались очень большие усадьбы с двумя, тремя домами и соответствующим числом построек для скота. Особо сложные конструкции развивались, по-видимому, при членении семьи. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что некоторые хозяйственные помещения являлись общими (3 дома —

Таблица 3. Распределение жилых и хозяйственных построек в с. Зеркала Алтайского округа начало (XIX в.)

Дома с одним жилым помещением		Дома с двумя жилыми помещениями		Дома с тремя жилыми помещениями	
хозяйственные постройки	число усадеб	хозяйственные постройки	число усадеб	хозяйственные постройки	число усадеб
Двор	5	Двор	1	2 двора	1
Пригон	1	Пригон	1	2 двора и 2 пригона	1
Двор и пригон	16	Двор и пригон	2		
Двор и 3 пригона	1	2 двора и пригон	3		
		2 двора и 4 пригона	1		

Таблица 4. Типы усадеб сельского населения в XIX в. (в %)

Тип застройки		Районы		
		Тобольская губ., Ялуторовский округ (вторая пол. XIX в.)	Томская губ. Алтайский Горный округ (первая пол. XIX в.)	
			крестьяне	крестьяне
Дом без хозяйственных построек	неогорожен	4,9	3,1	—
	огорожен	5,6	1,2	7,5
Свободная	неогороженная	1,0	0,9	—
	огороженная	12,3	19,2	25,5
Слитная	однорядная	0,5	36,7	18,8
	двурядная	0,2	17,2	20,8
	охватывающая	1,0	2,0	0,5
Замкнутая	нераздельная	5,5	—	—
	двухчастная	69,0	19,7	26,9
Всего хозяйства		326	319	197

2 двора или 2 дома — 1 двор) (табл. 3). Амбары, как обычно при слитной застройке, стояли напротив домов или сразу же за усадьбами, или в стороне от селения. Также за селением, вблизи водоема, стояли бани. Причем гумна с овинами и бани были далеко не в каждом хозяйстве. Так, в с. Зеркалы в 40 хозяйствах насчитывалось: домов — 45, амбаров — 50, пригонов — 33; дворов — 37, гумен — 10, бань — 18 (из них 1 — в селе).

Сопоставление имеющихся данных (см. табл. 4) показывает, что замкнутые усадьбы, распространенные в Тобольской губ., в Алтайском округе встречались значительно реже. Подобные различия в застройке, по всей вероятности, связаны как с влиянием административного регламентирования, так и с различиями в хозяйственной жизни населения.

* * *

Строительные навыки сибиряков основывались на традициях деревянного срубного зодчества лесной полосы России, с характерным устройством основного помещения — избы и соответствующим комплексом хозяйственных помещений. Традиционный тип этого жилища был сохранен в Сибири переселенцами, а особенности в его развитии определялись местными условиями, неоднородностью естественно-географической среды, контактами с соседним нерусским населением. Постоянный приток новых переселенцев сначала преимущественно из северных, а в дальнейшем и из других областей Европейской части страны, экономические, административные и бытовые связи с основной территорией расселения способствовали развитию сибирского жилища

по единому общерусскому пути, местные же особенности проявлялись или в деталях устройства, или имели узкую локализацию.

Развитие жилища в земледельческой полосе Западной и Восточной Сибири стимулировалось быстрым укреплением сельского хозяйства, определявшего уровень местной экономики, и внутренним ростом семей переселенцев. Если в начале XVII в. среди жилых помещений большинство составляли избы, то к концу XVII в. уже преобладали двух- и трехкамерные дома на подклетах, с сенями. Горницы как составной элемент жилища отмечались уже в начале XVII в., в течение XVIII в. они развились в отопляемые парадные помещения. С конца XVIII в. черные курные печи стали заменяться белыми глинобитными, а затем и кирпичными. Опрятность, чистота, просторность стали характерными чертами русского сибирского жилища. Следует думать, что эта эволюция состояния жилища происходила в земледельческой полосе Сибири более быстрыми темпами, чем в Европейской части страны.

Сельское население неземледельческой полосы Сибири находилось в более сложных условиях, что, естественно, сказалось и на темпах развития жилища и на его устройстве. Однако даже в безлесной тундре возводились традиционные срубные постройки и преобладало двухкамерное жилище. Суровый климат северных окраин заставлял в борьбе за тепло уменьшать размеры дома, проемы окон и дверей, углублять жилое помещение в землю, делать высокую завалинку, утеплять крыши землей. Помимо русской печи, учитывая опыт местных жителей, устраивали камелек, или чувал, а для освещения использовали жирники.

Специфика хозяйственной жизни сибиряков, удаленность различных угодий от основного поселения вызвали необходимость строительства временных жилых помещений (напленных и промысловых избушек, юрт и т. п.).

Основные хозяйственные постройки были традиционными для лесной полосы страны. В земледельческой зоне Сибири усадьба приобрела особо развитой план, с многообразными хозяйственными помещениями. При этом некоторые постройки, имевшие в Европейской части страны локальную известность (например, завозни, двухэтажные амбары, клуни), распространились повсеместно.

К концу XVII в. в Сибири у русских возобладала замкнутая, огороженная по периметру планировка усадьбы, дом располагался или с краю, или в середине ее. По мере развития хозяйства усадьба усложнялась, в XVII в. она разделялась на чистый и скотный двор (пригон); соотношение площади этих двух частей соответствовало направленности хозяйства. В лесостепной и степной полосе, с более интенсивным развитием животноводства, на усадьбах встречалось по два, три пригона.

Таким образом, русскому сельскому населению, переселявшемуся в Сибирь, с XVII в. были известны различные планиро-

вочные структуры жилища. Начав строительство в новых условиях с наиболее экономичной его основы — избы, русские сибиряки быстрее, чем крестьяне Европейской части страны, сумели развить уже имевшиеся традиции, создав многокомнатные дома с развитой при них усадьбой и увязав принципы народного зодчества со сложными и разнообразными условиями жизни в новом регионе. В целом же если бытование в Сибири наиболее типических черт крестьянского жилища — одно из свидетельств общности традиционной культуры русского народа, то местная специфика строительства отражает не только процесс адаптации в новых условиях, но и один из вариантов развития общерусской культуры.

- ¹ См.: *Успенская А. В.* Древнерусское крестьянское жилище по материалам селищ. — В кн.: *Славяне и Русь*. М.: Наука, 1968; *Равдоникас В. И.* Старая Ладога. — СА, 1949, № 11; *Засурцев П. И.* Усадьбы и постройки древнего Новгорода: Автореф. канд. дис. М., 1962; *Раппопорт П. А.* Древнерусское жилище. — САИ, 1975, вып. 31—32; *Рабинович М. Г.* Жилище. — В кн.: *Очерки русской культуры XIII—XV вв.* М.: Изд-во МГУ, 1969. Ч. 1; *Бломквист Е. Э.* Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов. — В кн.: *Восточнославянский этнографический сборник*. М.: Изд-во АН СССР, 1956; *Громов Г. Г.* Жилище. — В кн.: *Очерки русской культуры XVI в.* — М.: Изд-во МГУ, 1977; *Шенников А. А.* Крестьянские усадьбы XVI—XVII вв. (Верхнее Поволжье, северо-западная и северная часть Европейской России). — *Архитектурное наследие*, 1963, № 15; *Маковецкий И. В.* Памятники народного зодчества русского Севера. М.: Изд-во АН СССР, 1955.
- ² *Богословский М. М.* Земское самоуправление на русском Севере в XVII в. М., 1909, ч. 1, с. 147.
- ³ *Копанев А. И.* Крестьянство Русского Севера в XVI в. Л.: Наука, 1978, с. 142.
- ⁴ *Витов М. В.* Историко-географические очерки Заонежья XVI—XVII вв. М.: Изд-во МГУ, 1962, с. 126—128.
- ⁵ *Словцов П.* Деревня Соликамского края в XVII—XVIII вв. — В кн.: *Пермский сборник*. М., 1859, кн. 1, с. 116—121.
- ⁶ *Чагин Г. Н.* Усадьбы русского населения Северного Прикамья (XVII—начало XX в.). — СЭ, 1976, № 6.
- ⁷ *Раппопорт П. А.* Древнерусское жилище, с. 164.
- ⁸ *Витов М. В.* Вопросы этнографической систематики восточнославянского жилища. — ВМУ, 1958, № 4, с. 136.
- ⁹ *Александров В. А.* Русское население Сибири XVII—начала XVIII в. М.: Наука, 1964, с. 158—171.
- ¹⁰ *Лебедева А. А.* Массовые типы архивных источников для изучения материального быта русских крестьян Сибири (конец XVIII—начало XX в.). — В кн.: *Проблемы изучения материальной культуры русского населения Сибири*. М.: Наука, 1974, с. 229.
- ¹¹ *Маковецкий И. В.* Деревянное зодчество Среднего Приангарья (XVII—XX вв.). — В кн.: *Быт и искусство русского населения Восточной Сибири*. Новосибирск: Наука, 1971, с. 106—143; *Палашенков А. Ф.* Ляпинская крепость. — Изв. ООГО, 1963, вып. 5.
- ¹² *Лебедева А. А., Липинская В. А., Сабурова Л. М., Сафьянова А. В.* Изучение материальной культуры русского населения Сибири XVIII—XX вв. — В кн.: *Проблемы изучения материальной культуры русского населения Сибири*.
- ¹³ *Александров В. А.* Русское население Сибири. . . , с. 169—170.
- ¹⁴ *Баландин С. Н.* Оборонная архитектура Сибири в XVII в. — В кн.: *Города Сибири*. Новосибирск: Наука, 1974, с. 36—37.

- ¹⁵ *Палашенков А. Ф.* Ляпинская крепость, с. 153—155.
- ¹⁶ ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 7, л. 101—137.
- ¹⁷ Там же, л. 114 об., 133 об., 134—135.
- ¹⁸ Там же, л. 135 об.
- ¹⁹ ЦГАДА, ф. 1111, оп. 2, стб. 28, л. 5.
- ²⁰ Там же, л. 1—3.
- ²¹ Там же, стб. 111, л. 6, 7, 12, 30, 31.
- ²² Там же, оп. 1, д. 87, л. 6, 8, 69; оп. 2, стб. 389, л. 79.
- ²³ См. главу 1 настоящего сборника.
- ²⁴ ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 402, л. 10 об., 15 об., 19, 24—32, 40, 45, 48, 115 об., 143, 152 об., 155 об., 166 об., 176—178 об.; кн. 942, л. 25, 29, 37, 38 об., 56 об., 59, 62 об.
- ²⁵ ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 1390, л. 14—25, 53—63.
- ²⁶ ЦГАДА, ф. 1111, оп. 2, стб. 122, л. 45.
- ²⁷ *Александров В. А.* Русское население Сибири..., с. 164—165.
- ²⁸ ЦГАДА, ф. 1111, оп. 1, стб. 90, л. 67—69.
- ²⁹ Там же, стб. 121, л. 117, 118.
- ³⁰ ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, д. 2700, л. 1—12.
- ³¹ Там же, л. 6 об.
- ³² Там же, оп. 1, кн. 403, л. 24.
- ³³ *Бломквист Е. Э.* Крестьянские постройки..., с. 203.
- ³⁴ ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 403, л. 10 об.
- ³⁵ *Бломквист Е. Э.* Крестьянские постройки..., с. 168, 203, 209.
- ³⁶ *Александров В. А.* Русское население Сибири..., с. 169.
- ³⁷ Топографическое описание XI-ти уездов Тобольского наместничества. — АГО, ф. 55, оп. 1, д. 47, л. 52 и др.; *Русинов И.* Этнографический очерк Тобольской губ. — АГО, разр. 61, оп. 1, № 27; АГО, разр. 62, оп. 1, № 2 и др.
- ³⁸ Русская мера длины, равная 0,71 м.
- ³⁹ *Лопарев Х.* История села Самарова. — ТФ ГАТО, ф. 147, оп. 2, д. 19, л. 37.
- ⁴⁰ Русские: Историко-этнографический атлас. М.: Наука, 1967, с. 171.
- ⁴¹ ЦГАДА, ф. 1111, оп. 1, стб. 11, л. 92—95.
- ⁴² *Слоацов И.* Деревня Соликамского края..., с. 118—121; *Рабинович М. Г.* Русское жилище в XIII—XVII вв. — В кн.: Древнее жилище народов Восточной Европы. М.: Наука, 1975, с. 214—215; *Александров В. А.* Русское население Сибири..., с. 165; ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, д. 2700, л. 1—12.
- ⁴³ *Александров В. А.* Русское население Сибири..., с. 167.
- ⁴⁴ *Бломквист Е. Э.* Крестьянские постройки..., с. 97—98.
- ⁴⁵ *Александров В. А.* Русское население Сибири..., с. 167.
- ⁴⁶ ЦГАДА, ф. 1111, оп. 1, стб. 34, л. 511—513.
- ⁴⁷ ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, д. 2700, л. 1—3.
- ⁴⁸ ЦГАДА, ф. 1111, оп. 1, стб. 90, л. 65—69.
- ⁴⁹ *Маковецкий И. В.* Деревянное зодчество..., с. 111—112.
- ⁵⁰ *Александров В. А.* Русское население Сибири..., с. 167.
- ⁵¹ Сообщено А. Д. Колесниковым со ссылкой на ААН СССР, ф. 21, оп. 5, л. 39/41.
- ⁵² Сообщено А. Д. Колесниковым со ссылкой на ГАОО, ф. 1, оп. 1, л. 136, л. 6.
- ⁵³ *Александров В. А.* Начало Ирбитской ярмарки. — История СССР, 1974, № 6, с. 54.
- ⁵⁴ *Лебедева А. А.* К истории формирования русского населения Забайкалья, его хозяйственного и семейного быта (XIX—начало XX в.). — В кн.: Этнография русского населения Сибири и Средней Азии. М.: Наука, 1969, с. 187.
- ⁵⁵ Памятники Сибирской старины XVIII в. СПб., 1882, с. 362.
- ⁵⁶ *Врангель Ф. П.* Путешествие по северным берегам и по Ледовитому морю, совершенное в 1820—1824 г. М.; Л.: Главсевморпуть, 1948, с. 138.
- ⁵⁷ *Александров В. А.* Русское население Сибири..., с. 168, 169.
- ⁵⁸ *Беладский Ф.* Поездка к Ледовитому морю. М., 1881, с. 11.
- ⁵⁹ *Бломквист Е. Э.* Крестьянские постройки..., с. 159.
- ⁶⁰ *Врангель Ф. П.* Путешествие..., с. 138.

- ⁶¹ Булычев И. Путешествие по Восточной Сибири. СПб., 1856, с. 54.
- ⁶² Гюшов В. И. По западному берегу Камчатки. — Зап. РГО по общей географии, 1906, т. XXXVII, вып. 2, с. 128.
- ⁶³ Булычев И. Путешествие..., с. 153.
- ⁶⁴ Комаров В. Л. О русском населении Камчатки. — Рус. антрополог. журн., 1912, № 2/3, с. 107—108.
- ⁶⁵ Русинюв Н. Этнографический очерк... — АГО, разр. 61, оп. 1, д. 27, л. 1.
- ⁶⁶ Аедеева Е. А. Записки и замечания о Сибири. М., 1837, с. 77.
- ⁶⁷ Топографическое описание XI-ти уездов Тобольского наместничества. — АГО, ф. 55, оп. 1, д. 47.
- ⁶⁸ Там же, л. 35.
- ⁶⁹ Худяков А. Этнографические сведения о жителях Ишимского округа. — АГО, разр. 61, оп. 1, д. 12, л. 5.
- ⁷⁰ Там же, л. 5.
- ⁷¹ ТФ ГАГО, ф. 65, оп. 1, д. 107, л. 41, 1874 г.
- ⁷² Там же.
- ⁷³ Там же, д. 144, л. 1—1 об.
- ⁷⁴ Там же, д. 101, л. 283.
- ⁷⁵ Там же, л. 283.
- ⁷⁶ Худяков А. Этнографические сведения..., л. 14.
- ⁷⁷ Зырянов А. Путевые заметки о некоторых местностях Челябинского и Троицкого уездов. — АГО, разр. 26, оп. 1, д. 10, с. 1—3.
- ⁷⁸ Степанов А. П. Енисейская губерния. СПб., 1835, т. II, с. 105.
- ⁷⁹ Аедеева Е. А. Записки..., с. 144.
- ⁸⁰ Завалишин И. Описание Западной Сибири..., т. 1, с. 200.
- ⁸¹ Степанов А. П. Енисейская губерния, с. 105.
- ⁸² ТФ ГАГО, ф. 1, оп. 1, д. 1039, л. 8 об.; ф. 65, оп. 1, д. 106, л. 1; д. 104, л. 283; д. 190, л. 2.
- ⁸³ Липинская В. А., Сафьянова А. В. Жилище русского населения южной части Тюменской области (середина XIX—начало XX в.). — В кн.: Проблемы изучения материальной культуры русского населения Сибири. М.: Наука, 1974, с. 179.
- ⁸⁴ ТФ ГАГО, ф. 10, оп. 1, д. 1039, л. 8—8 об.
- ⁸⁵ Черняковский Н. Статистическое описание Ишимского округа Тобольской губернии. — АГО, разр. 61, оп. 1, д. 6, л. 25.
- ⁸⁶ Там же.
- ⁸⁷ ТФ ГАГО, ф. 65, оп. 1, д. 218, л. 101.
- ⁸⁸ Там же, ф. 10, оп. 1, д. 1039, л. 8—8 об.
- ⁸⁹ Там же, ф. 65, оп. 1, д. 106, л. 1.
- ⁹⁰ Там же, д. 101, л. 283.
- ⁹¹ В это число жилищ входят все типы домов, кроме построек, состоящих из двух жилых помещений, соединенных севлями.
- ⁹² ТФ ГАГО, ф. 65, оп. 1, д. 104, л. 283.
- ⁹³ Липинская В. А., Сафьянова А. В. Жилище русского населения..., с. 182.
- ⁹⁴ АИЭ. Материалы Тюменской экспедиции 1969.
- ⁹⁵ Некрасов А. Этнографические сведения о жителях Канского уезда Енисейской губ. — АГО, разр. 57, оп. 1, д. 17, л. 2.
- ⁹⁶ ТФ ГАГО, ф. 10, оп. 1, д. 622, 624 (1792—1799 гг.).
- ⁹⁷ Там же, д. 4383, л. 2 об.
- ⁹⁸ Там же, д. 1030, л. 4 об.
- ⁹⁹ Там же, д. 1049, л. 2.
- ¹⁰⁰ Абрамов Н. Ялutorовский округ Тобольской губ. — АГО, разр. 61, оп. 1, д. 23, л. 44.
- ¹⁰¹ Худяков А. Этнографические очерки..., л. 1.
- ¹⁰² ТФ ГАГО, ф. 65, оп. 1, д. 106, л. 86 об.
- ¹⁰³ Кирцлов П. Очерк Сибири. — ЖМВД, 1839, ч. 34, № 12, с. 431.
- ¹⁰⁴ Семенов-Тянь-Шанский П. П. Путешествие в Тянь-Шань. М.: Географгиз, 1958, с. 42.
- ¹⁰⁵ По материалам Гос. архива Алтайского края, ф. 50, оп. 4, св. 24, д. 290; св. 37, д. 628; св. 39, д. 627, 633, 637; св. 53, д. 810; оп. 3, д. 234. Из рас-

смотренных планов селений 5 планов — крестьянских селений и 4 — казачьих.

- ¹⁰⁶ Зырянов А. Путевые заметки..., с. 1—3.
- ¹⁰⁷ Серебренников И. Этнографические сведения о селе Камышеве. — АГО, разр. 62, оп. 1, д. 2, л. 1.
- ¹⁰⁸ Черняковский Н. Статистическое описание..., л. 25.
- ¹⁰⁹ Худяков А. Этнографические очерки..., л. 15.
- ¹¹⁰ АГО, разр. 61, оп. 1, д. 23, л. 44.
- ¹¹¹ Там же, разр. 55, оп. 1, д. 42, л. 11.
- ¹¹² Там же.
- ¹¹³ Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки..., с. 257.
- ¹¹⁴ Худяков А. Этнографические очерки..., л. 16.
- ¹¹⁵ Зырянов А. Путевые заметки..., л. 1—3.
- ¹¹⁶ Абрамов Н. Ялutorовский округ..., л. 42.
- ¹¹⁷ Семиский Н. В. Новейшие любопытные и достоверные повествования о Восточной Сибири, из чего многое доньше не было всем известно. СПб., 1817, с. 14.
- ¹¹⁸ Абрамов Н. Ялutorовский округ..., л. 43.
- ¹¹⁹ Худяков А. Этнографические очерки..., л. 15.
- ¹²⁰ Там же, л. 15.
- ¹²¹ Снегальский Ю. П. Жилище Северо-Западной Руси IX—XIII в. Л.: Наука, 1972, с. 132—135.
- ¹²² Рабинович М. Г. Русское жилище..., с. 221.
- ¹²³ ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, д. 2700, л. 1—12.
- ¹²⁴ ТФ ГАТО, ф. 10, оп. 1, д. 622, 624.
- ¹²⁵ ТФ ГАТО, ф. 10, оп. 1, д. 1049, л. 2.
- ¹²⁶ Абрамов Н. Ялutorовский округ..., л. 43.
- ¹²⁷ Черняковский Н. Статистическое описание..., л. 25.
- ¹²⁸ Зиннер Э. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII в. Иркутск, 1968, с. 238.
- ¹²⁹ Громико М. М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII—первая половина XIX в.). Новосибирск: Наука, 1975, с. 253.
- ¹³⁰ Сабурова Л. М. Культура и быт русского населения Приангарья (конец XIX—XX в.). Л.: Наука, 1967, с. 110.
- ¹³¹ АГО, разр. 57, оп. 1, № 16.
- ¹³² АИЭ АН СССР. Материалы Западносибирского отряда, 1968 г.
- ¹³³ Степанов А. П. Енисейская губерния, с. 105.
- ¹³⁴ Небольсин П. И. Поездка в Сибирь на золотые прииски. СПб., 1848, с. 33.
- ¹³⁵ Геденштром М. Отрывки о Сибири. СПб., 1830, с. 62.
- ¹³⁶ Черняковский Н. Статистическое описание..., л. 58.
- ¹³⁷ Бедняков И. Этнографические сведения о с. Долгоярском Тобольской губ. — АГО, разр. 61, оп. 1, д. 10, л. 1—2.
- ¹³⁸ АГО, разр. 61, оп. 1, д. 37.
- ¹³⁹ АГО, разр. 61, оп. 1, д. 23.
- ¹⁴⁰ Краткие записки о жителях Березовского уезда.
- ¹⁴¹ Корольков И. Краткий очерк жителей Томского железного завода Кузнецкого округа. — АГО, разр. 62, оп. 1, д. 4, л. 5.
- ¹⁴² Черняковский Н. Статистическое описание..., л. 24.
- ¹⁴³ ТФ ГАТО, ф. 48, оп. 1, св. 70, д. 1525.
- ¹⁴⁴ В некоторых описаниях содержатся лишь оговорки, позволяющие предполагать наличие менее распространенных построек. Так, например, Н. Черняковский писал об Ишимском округе: «крытых дворов вовсе нет или очень редко» (АГО, разр. 61, оп. 1, д. 6).
- ¹⁴⁵ Классификация усадеб проводится в соответствии с рабочей схемой, разработанной на основании полевых и литературных материалов. См. подробнее: Липинская В. А. Типы застройки усадьбы русского населения Западной Сибири. — СЭ, 1975, № 5.
- ¹⁴⁶ ГААК, ф. 50. Нами проанализированы планы 12 селений. Дата (1825 г.) указана только на одном из планов, но, судя по манере исполнения, все они были составлены в одно время.

Глава четвертая

Крестьянская одежда русского населения Сибири

Русское население прибывало в Сибирь в XVII—первой половине XIX в. из разных мест Европейской России, и элементы его материальной культуры, в данном случае — одежды, зависели как от исходных их форм, так и от последующих модификаций под влиянием различных местных факторов. Учитывая недостаточность и разнородность имеющихся данных, обобщающую характеристику одежды русских в Сибири можно дать лишь путем синтеза разнообразных и относящихся к разному времени источников. Сложность задачи усугубляется тем, что специальных работ, посвященных одежде русского населения Сибири, в дореволюционной литературе нет, а имеющиеся в ней свидетельства в силу своей отрывочности и локальности не позволяют дать обобщающую характеристику¹; публикации же советского периода по этой теме в основном относятся к XIX—началу XX в., и лишь единичные работы содержат отдельные материалы более раннего времени. Так, например, С. В. Бахрушин в небольшой, но очень интересной статье рассмотрел одежду русских промышленников Сибири XVII в.² Между тем обобщенное рассмотрение одежды русского крестьянства Сибири с XVII по XIX в. представляет существенный интерес именно потому, что на протяжении этого времени происходило формирование ее элементов, определялись ее особенности, что на отдельных этапах русского заселения отражало степень контактов разных групп переселенцев между собой, с одной стороны, и с аборигенами — с другой. В принципе в народной одежде длительно сохраняются этнические особенности национальной культуры. При компактных поселениях локальных этнических групп стойко сохраняются традиционный покрой и детали отделки одежды. В условиях феодализма в силу замкнутости быта и эпизодичности экономических связей это проявляется особенно четко. В Сибири же в силу различных исторических условий, в которых происходило заселение ее русскими, с течением времени в ряде регионов образовались этнографически сложные комплексы, обуславливавшие своеобразие в одежде, как и в других элементах материальной и духовной культуры.

Имеющиеся публикации, особенно последних лет³, архивные источники и полевые материалы позволяют преодолеть имеющиеся затруднения при обобщенном рассмотрении одежды русского населения на всей территории Сибири. Ценнейшим источником для рассматриваемой темы, прежде всего касающейся XVII в., явля-

ются документы преимущественно таможенного делопроизводства, хранящиеся в Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА) и содержащие данные об одежде и различных тканях, поступавших на сибирские рынки. Так, интересный материал дают нам документы таможенного управления Сибири XVII в., описанные Н. Н. Оглоблиным⁴. Еще более богатый материал дают списки с товарных ценовых росписей и перечневая роспись по г. Енисейску XVII в.⁵, в которой среди многочисленного перечня разных товаров в «мягкой рухляди» указаны предметы одежды — «шубы бельи, шубенки горностальи, кафтаны песцовые». Помимо того, в этой росписи одежда выделена в специальные разделы с указанием ее типа и содержится обширный перечень разных тканей.

Большой материал с перечнем элементов одежды, сортов тканей, поступавших на сибирские рынки, дают исследования таможенных книг, проведенные В. А. Александровым⁶, А. Н. Копыловым⁷, О. И. Кашик,⁸ О. Н. Вилковым⁹. В таможенных книгах, где были зафиксированы товары, поступавшие на сибирские ярмарки, содержится подробный перечень одежды и тканей со специфической терминологией того времени, а нередко — и с указанием, откуда шел тот или иной товар. К сожалению, ни таможенные книги, ни торговые росписи не дают сведений о дальнейшем продвижении поступавших в ту или иную сибирскую таможенную территорию товаров, в том числе тканей и одежды. Для того чтобы представить себе их бытование в разных регионах Сибири и реконструировать отдельные элементы одежды, там бытовавшие, необходимо, опираясь на известные исторические данные о формировании русского населения в Сибири и оседании основных потоков переселенцев на постоянное жительство, использовать разные источники, в которых содержится определенная терминология одежды, которую носили русские к моменту их поселения в Сибири. В этом плане ценным источником являются рукописи Архива географического общества СССР (АГО), содержащие конкретные этнографические сведения по многим вопросам, и в том числе — об одежде, начиная с XVIII в.¹⁰

Большой фактический материал получен нами в Государственном музее этнографии народов СССР (далее — ГМЭ). В архиве этого музея хранятся рукописные материалы известного исследователя быта и культуры русского населения Сибири А. А. Макаренко, а в фондах музея сосредоточены коллекции одежды, собранные в конце XIX в. А. А. Макаренко и другими исследователями в Енисейской, Тобольской и других губерниях Сибири. Изучены нами также коллекции русской одежды в краеведческих музеях Омска, Новосибирска, Челябинска, Тюмени, Ялуторовска и Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника.

Следует отметить интересные для нас акварели художников Е. М. Корнеева (1802 г.), И. А. Аткинсона (1803 г.), Х. Г. Гейслера и К. Буддеуса, хранящиеся в Государственном Историче-

ском музее (ГИМ), запечатлевшие различные народные бытовые сцены.

Нами использованы материалы экспедиций 1957 г. в Приангарье Института этнографии и наши полевые сборы 1959—1973 гг. в селениях Алтая, Забайкалья, бывшего Тобольского тракта и др. Эти материалы позволяют глубже проанализировать более ранние этнографические данные по одежде, полученные нами из архивов, музеев и литературных источников.

Основные типы русской одежды XVI—XVII вв. Основные черты русской народной одежды оставались неизменными в течение столетий и менялись лишь в деталях. Многие названия одежды сохранялись в крестьянской среде вплоть до XIX в., другие исчезли или утратили первоначальное значение. Названия народных одежд встречаются в описаниях царского и княжеского имущества XV—XVII вв. наряду с одеждами, носившимися только в этих кругах. Специальными указами запрещалось низшим слоям использовать те же ткани, цвета и формы одежды, которыми пользовались господствующие слои общества. Феодальная верхушка употребляла на свои одежды различные дорогие привозные ткани и украшала их жемчугом и драгоценными камнями. В крестьянском быту лишь собственное хозяйство и природа предоставляли необходимые материалы для изготовления одежды: шерсть овец, волокно льна, конопля, крапивы и других растений, а также кожи и овчины.

Обычный комплекс мужской крестьянской одежды состоял из рубахи и штанов («портов»), поверх которых надевали верхнюю одежду, соответственно сезону.

Изображения крестьянина на миниатюрах лицевого летописного свода XVI в., на некоторых иконах и в церковных рукописях более раннего времени¹¹ позволяют видеть, что крестьяне были одеты в широкие рубахи длиной до колен, с низко вырезанным воротом; носились они поверх штанов и подпоясывались поясом. Обычно рубаха имела туникообразный покрой с прямыми рукавами, пришитыми по прямой кромке. Характерным признаком древнего покроя служили вшитые в бока от рукава до подола прямые или скошенные полотнища холста. Боковые вставки делались потому, что ширина крестьянских тканей была недостаточной, чтобы из одного перегнутого полотнища получилась рубаха на взрослого мужчину. В XVII—XVIII вв. крестьянский холст шел на экспорт, и Петр I требовал изготавливать более широкие холсты, но для этого требовались другие ткацкие станы, которыми большинство крестьян-ткачей не располагали.

По сохранившимся в музеях (ГИМ и Государственная Оружейная палата — ОП) нескольким рубахам XVI—XVII вв. исследователь русской одежды М. Н. Левинсон-Нечаева установила, что вырезы ворота бывали округлые и прямоугольные и что наиболее ранним типом разреза был разрез по середине груди, но встречались и боковые¹². Ворот соединялся тесемками или специальными металлическими застежками — «схватцами», у бога-

тых — серебряными, золотыми. Затем входят в употребление бронзовые, медные, костяные пуговицы с «воздушными» петлями. Как правило, в верхней части рубах с изнанки для крепости подшивали ткань — «подоплеку», а под рукавами — «ластовицы». В течение XVIII в., судя по имеющимся изображениям (ГИМ, акварели И. А. Аткинсона), рубахи сохраняли те же характерные черты. Украшением рубахи были вышивка или обшивка подола, ворота и рукавов каймой из материи другого цвета — синего, красного. Расположение вышивки исследователи считают неслучайным¹³, так как по державшимся долгое время поверьям вышивка была магическим оберегом от зла, болезней и располагалась в одежде там, где открывался доступ к телу.

Развитие российской текстильной промышленности сделало более доступными для крестьян фабричные ткани, особенно в праздничной одежде. Иная ширина фабричных полотнищ способствовала изменению покроя рубах и характера их отделки.

Крестьянские порты шились на гашнике, неширокие, из грубого белого холста, крапешины, набойки или полосатой пестряди («синеполосые»), а для зимы — суконные. Нижнюю часть портов закрывали онучами, чулками или убирали в сапоги, как это прослеживается по ранним миниатюрам и акварелям Аткинсона. Возможно, в древности порты носили поверх обуви и нижний край их украшали вышивкой. Этот обычай Г. С. Маслова отмечает как очень давний, сохранившийся в XIX в. в Олонецкой губ.¹⁴

Мужская обувь в XVII в. была разнообразной и по материалу и по внешнему виду, о чем свидетельствуют документы таможенного управления Сибири XVII в. и другие источники, зафиксировавшие сапоги телятинные, конинные, бараньи, сафьяновые; коты телятинные, конинные; башмаки телятинные, ичетоги кожаные, ступни.

Следует полностью согласиться с Г. Г. Грозовым, что в исторической литературе устойчиво бытует неправильное представление, что основной народной обувью с глубокой древности были лапти, плетенные из лыка или бересты. Археологические раскопки дают столь явное преобладание кожаной обуви над плетеной из лыка¹⁵, что это нельзя объяснить случайностью. Кожаная обувь была основной, а лапти были рабочей обувью на пашне, покосе и при других хозяйственных работах.

Летописные источники сохранили несколько древних названий верхней одежды, употреблявшейся народом. С XIV в. упоминается «сермяга» из грубого, неокрашенного крестьянского сукна, а в XV—XVI вв. встречается название «однорядка» из сермяжного сукна. В XVII в. однорядки были мужские и женские. Шили однорядки без подкладки (в один ряд), отсюда и название. Однорядка широко бытовала в России до петровской реформы.

В перечне верхних народных одежд древнерусского комплекса прослеживается «охабень». Охабни были мужские и женские и в XVII в. имели применение у самых различных слоев населения. В крестьянском быту они делались из холста и бумажных тканей.

Эту довольно длинную, широкую распашную одежду, слегка раскошенную в подоле, с глубоким запахом, носили с опояской¹⁶. К этой же категории верхних одежд можно отнести «балахон». Балахоны шили обычно из грубого холста — «хряща», но состоятельные крестьяне имели балахоны из тонкого синего сукна¹⁷. С XVI в. известна крестьянская верхняя одежда из понитчины или холста, называемая «армяк», а из верблюжьего сукна — «азям» («озям»). Верблюжье сукно и готовые азямы привозились в Тюмень и на ярмарки с оренбургской линии.

В документах XV—XVII вв. прослеживается бытование праздничной верхней одежды «ферязь». Ферязи шили холодные — из яркого шелка, хлопчатой ткани, бархата, шерсти, сукна на подкладке — и теплые, «подбитые» мехом. Ферязь уже имела застежку.

Ферязь чаще была одеждой зажиточных слоев населения, но носилась и простым народом. В народе известны ферязи из хлопчатой ткани и сукна, предпочтительно синего или белого цвета¹⁸. В XVII в. одной из широко распространенных верхних одежд был кафтан. Кафтаны шили из овчин, мерлушки, сермяжные, крашенинные, тонкого сукна и др. Их шили прилегающими к корпусу в отличие от предыдущих широких одежд. У талии они имели сборки или клинья, расширяющие подол. В XIX в. такого покроя матерчатые кафтаны сохранились у старообрядцев в Сибири как моленная одежда.

Не менее распространенной верхней одеждой в XVII в. был зипун. Зипуны шили из сермяжного сукна, сукна из коровьей шерсти, крашенины, кумача, на утепленной подкладке или легкие. Из зимних верхних одежд, кроме овчинного кафтана, известны шубы и тулупы нагольные или крытые крашениной.

Наиболее архаичным комплексом женской крестьянской одежды была длинная туникообразная холщовая рубаха и распашная понева. Поневу носили поверх рубахи таким образом, что, укрепленная на поясе, она не сходилась концами, оставляя часть рубахи открытой спереди или сбоку. Изображения этого типа понев встречаются на некоторых рисунках XVII—XVIII вв.¹⁹ Другим комплексом женской народной одежды был сарафанный, сложившийся на рубеже XVII—XVIII вв. Термин «сарафан» впервые упоминается в XIV в., притом в применении к мужской одежде. В XVII в. сарафан встречался преимущественно среди мужских одежд, но есть сведения, что их носили и женщины: пожилые, старицы и лица духовного звания²⁰. Сарафаны того времени шились с рукавами и без них, на подкладке и на меху.

Общераспространенной женской одеждой, бытовавшей в самых различных слоях населения города и деревни, была «телогрея», которую носили поверх рубахи²¹. Телогрея была домашним и выходным платьем. Ее шили длинной, распашной, свободно охватывающей корпус, с большими косыми клиньями в подоле, с длинными рукавами. Крестьянки шили телогреи из крашенины, зеньдени (бумажная ткань), с оловянными или медными пуговицами.

Эволюция телогреи дала «глухой сарафан», который являлся наиболее ранним видом косоклинного сарафана. В течение XVIII в. сарафан, оставаясь косоклинным, изменялся главным образом в своей верхней части. Украшением сарафана служили пуговицы и нашивки спереди и вдоль подола ленты и галуны. К сарафану полагался пояс, который повязывали под грудью. Сарафан надевали на рубаху с длинными рукавами, которые собирались на руке, что считалось своего рода украшением одежды. Поверх сарафана носили «душегрею» — короткую одежду на лямках, сильно раскошенную книзу или с мягкими складками. Душегреи бывали и с рукавами. В XVIII в. известны душегреи довольно длинные, почти до колен. В Сибири и в XIX в. широко бытовали душегреи самых разных фасонов, уже не употреблявшихся в Европейской России.

Праздничной женской обувью были кожаные коты, украшенные тиснением задника и красной опушкой верха. Коты носили с вязаными или суконными чулками. В XVI—XVII вв. были известны вязаные вятские и двинские чулки, возможно, с орнаментом, но этих данных мы не имеем. Прослеживаются в документах чулки шитые «сермяжные» и чулки «суконные», которые могли быть и женскими и мужскими.

Имеющиеся в нашем распоряжении данные о женских головных уборах, поступавших в Сибирь из Европейской России в XVII—XVIII вв., позволяют сказать, что эти виды головных уборов в тот период имели бытование в Европейской России. В таможенных документах указаны кокошники, шитые золотом по атласу и камке; «подзатыльники», низанные жемчугом и шитые золотом; «убрусы» — тонкие, «шитые» (вышитые) и «брые» (с тканым узором); «подубрусники» — атласные, одякуйные (украшенные фарфоровыми бусами) и простые — крашенные, зеленные. Перечень предметов не дает, конечно, полного представления об этих уборах, но указание в отдельных случаях на характер материала и отделки позволяет говорить о праздничных или повседневных уборах. Головной убор наряду с поясом был наиболее связан с древними религиозными представлениями, играл большую роль в обрядах, поэтому украшению женских головных уборов придавали исключительное значение²².

Привозные ткани и виды одежды на сибирских рынках (XVII—начало XVIII в.). Документы таможенного управления Сибири начала XVII в. содержат сведения о товарах, поступивших из отправленных казной из Москвы для продажи и «вместо денежного жалованья служилым людям»²³. В Сибирь служилым людям «в прибавку» к жалованью отправляли кумач, киндяк, атлас, обьярь, камку, стамед. Все эти ткани до XVIII в. были «иноземные», сравнительно дорогие. Очень большой спрос в России имела хлопчатобумажная восточная гладко крашенная ткань двух названий: кумач — красная ткань — и киндяк — чаще синий, который, однако, мог быть зеленого, лимонного, кирпичного, песочного и других цветов. Самой употребительной шелковой тканью

в России XVII в. была однотонная легкая ткань — камка, поступавшая из Персии и Италии. Камка шла на сарафаны и головные уборы. Одной из излюбленных шелковых тканей ручного производства в русском быту была объярь — плотная шелковая ткань, струеобразно или узорно затканная серебряной или золоченой нитью. Употреблялась эта ткань преимущественно на мужские и женские верхние одежды. Сохранилось даже описание рисунка на объяри: «по брусничной земле травы золотые и серебряные». Атлас — шелковая гляцевитая гладкая ткань, однотонная или с узором — употреблялся на кафтаны, телогреи, ферези, головные уборы и др. В России известны были атласы кизилбашские, итальянские, немецкие разных цветов — алые, желтые, синовые, «жаркие».

Помимо этих тканей, в Сибирь попадали бархат и тафта. Так, в перечне одежды торгового человека, находившегося в XVII в. на промыслах в Сибири, указаны кафтаны рытого бархата и тафтяные порты²⁴. Бархат — шелковая ткань, ворсистая с лицевой стороны, а бархат рытый — с вытисненным узором по ворсу. Тафта — мягкая шелковая или полупелюковая (с бумажным утком) ткань.

Шелковые ткани в то время в Россию поступали больше из Персии благодаря установившейся оживленной торговле в Шемахе и Астрахани. У Персии Россия покупала и готовые изделия — платки, пояса, тесьму, а также шелк-сырец, который шел для изготовления разной мелочи — лент, шнурков. По именному указу Петра I в Москве и Петербурге были основаны в 1714 г. шелковые фабрики — «Штофная мануфактура», на которых изготовляли шелковые ленты и позументы²⁵. Владельцы мануфактур пользовались правом беспопыльной продажи своих изделий в течение 50 лет; они были освобождены от податей, от постоя и имели другие привилегии. Такие условия способствовали сравнительно быстрому развитию в России шелковых фабрик на привозном сырье. В середине XVIII в. шелк-сырец, шедший из Персии, Италии, Китая, русские, армянские и персидские купцы привозили в Москву в казну, откуда он поступал на фабрики. К этому времени только в Москве имелось не менее 20 шелковых фабрик, на которых изготовлялись бархат, штоф, тафта, ленты и платки разных цветов²⁶. Изделия московских шелковых фабрик продавались не только в Москве, но и направлялись в значительном количестве в Сибирь. Значительное число шелковых мануфактур, основанных в XVI—начале XVIII в., продолжали работать и в первой половине XIX в.²⁷ Но в XVII в. они не могли удовлетворить потребности внутреннего рынка, тем более что сырье было привозное, поступало не всегда регулярно, и изделия из него были доступны лишь состоятельным покупателям.

Простой народ в Сибири в XVII и XVIII в. употреблял «крестьянские» ткани (холст разной выработки, понитчину, сукно), которые были значительно дешевле и в XVII в. в большом количестве привозились в Сибирь из Европейской России.

Ежегодно из поморских городов торговые люди отправлялись

с товарами на «сибирскую руку» для продажи их на ярмарках в слободах, острогах и городах. В XVII в. русские переселенцы остро нуждались в привозных тканях и обуви, хотя с первых лет поселения в Сибири сеяли коноплю и держали скот. Конопля являлась основным прядильным растением русских крестьян в Сибири, так как лен не везде возделывался из-за почвенных и климатических условий.

На протяжении XVII в. много различных привозных тканей и в меньшей степени предметов одежды, обуви и украшений фиксировалось таможеней Тобольска и транзитом провозилось даже в Енисейск, Илимск и другие города. Эти товары, как указано в тобольских, ирбитских, тарских, илимских и енисейских таможенных книгах, шли из Великого Устюга, Соли-Вычегодской, Холмогор, Вятки, Ярославля, Москвы, Казани. Доставкой товаров в Тобольск занимались представители 55 городов России, что ярко свидетельствовало об экономических связях Сибири с центральной частью страны. В большом количестве доставлялись дешевые сукна отечественного производства (сермяжные, шиптуха, яренга, ярославское), льняные холсты, пеньковая пестрядь, холщовые ткани с набивным рисунком, одежда (рубахи, штаны, кафтаны), обувь и украшения. Товары отечественного производства, особенно ткани и кожи, преобладали²⁸. Лучшие сорта сукна были иностранные, разного достоинства — английские, гамбургские, голландские, польские (лятчина). Из шерстяных тканей большим спросом пользовалась косонитная шерстяная ткань — стамед, употреблявшаяся крестьянами для шитья праздничной одежды. Из Бухары поступали различные сорта хлопчатобумажных тканей — бязь, бумазья, кисея, кумач, киндяк, миткаль и сходная с миткалем подкладочная ткань однотонной окраски (лазоревая, гвоздичная, синяя). Шелковые ткани, как указывалось, большей частью были восточного происхождения — атлас, бархат, камка, объярь, тафта и др.

Тобольские таможенные книги позволяют проследить постоянных поставщиков тех или иных товаров. Так, Ярославль в XVII в. был неизменным поставщиком в Тобольск «ярославских» рубах из тонкого и среднего холста, шитых шелком; холщовых и посконных поясов, опоясок, кушаков, полукушаков, колпаков и холщовой набойки. Из с. Великого Ростовского уезда пользовался спросом «великосельский» холст, а из с. Иванова Шуйского уезда «ивановские» льняные полотенца.

В перечне одежды, которую привозили в Тобольск из Европейской России в XVII в., много аналогий в названиях с одеждой, продолжавшей бытовать в Сибири в XVIII—XIX вв. В тобольских таможенных книгах за 1639—1695 гг. значатся: кафтаны льняные, сермяжные, бумажные, шерстяные, бараньи (спитые из овчин), телятинные (из выделанных шкур телят); балахоны льняные, шелковые; зипуны сермяжные, шерстяные; порядки суконные; летники суконные; полукафтаны льняные; бумажные, сермяжные; шубы бараньи, суконные, киндячные;

Рис. 1. Традиционная одежда из фабричной ткани (Забайкалье, ГИМ)

Рис. 2. Салоп на лисьем меху с собольей опушкой (ГМЭ)

штаны холщовые, суконные; чекмени; епанчи; юбки суконные; сумканы женские; сарафаны льняные, крапешинные, сермяжные, шелковые; рубашки холщовые; пояски гарусные, шелковые, льняные рубашечные; опояски и кушаки холщовые, крапешинные, шелковые, гарусные; шапки стяженные, овчинные; колпаки; оторочки и верха шапочные киндячные, атласные, лятчинные, бархатные; подубрусники дорогильные и одякуйные; чулки вязаные и суконные; сапоги телятинные, сафьяновые; башмаки сафьяновые, телятинные; коты телятинные, конинные, бараньи; ичетоги кожаные, сафьяновые. Много поступало различных украшений; пррстяжки жемчужные, гайтаны, «подзатыльники» мишурные, кружева мишурные, золотные, венцы мишурные, бисерные²⁹. В числе товаров, пользовавшихся наибольшим спросом у населения Сибири, были мелкие отделочные нашивки, оторочки, завязки холщовые, подвязки холщовые, волосяные, суконные, пуговицы разного качества. В перечне товаров находим также пух шапочный бобровый, пух шапочный козлячий, пух шерстяной «драный» и много другой отделочной и утеплительной мелочи, которая, видимо, пользовалась большим спросом у населения Сибири.

Обстоятельный перечень мужской и женской одежды содержит также указанная выше енисейская торговая ценовая роспись товаров 1649 г. В ней указаны не только предметы одежды, но и материал, из которого она сделана, стоимость предмета, а иногда — назначение: «срядная» или «простая» — праздничная или повседневная. Так, например, в росписи названы две однорядки женские срядные из английского сукна и, судя по цене, высокого качества; «однорядка женская лятчинная» (из более дешевого польского сукна); «однорядка женская кармазиновая» из темно-красного дорогого сукна и более дешевая однорядка полукармазиновая.

Перечисляются в росписи кафтаны лятчинные, анбурского сукна, крашенинные, киндячные, сермяжные и других материй. В «росписи» указаны и многие другие виды одежды: чекмень сермяжный простой, летник камчатый, сукня анбурская без кружева, сукня анбурская с кружевом мишурным, сукня лятчинная, сукня пастратильная; перечислено до десятка «шубок» женских разного достоинства: камчатая, атласная, тафтяная, дорогильная, «киндяшная с исподом черевым бельем» (из беличьих брюшек) и кружевом мишурным срядная, зеленная простая, крашенинная срядная, кумачная с пухом.

Изделия из овчин были немногочисленны — кафтан шубный, шуба баранья «одевальная», шуба баранья «гусарская», тулуп козлинный, одеяло шубное. Среди сарафанов указаны киндяшный простой, крашенинный простой, крашенинный ветошный, дорогильный без сряды, сукманый, кумачный и балахон хрящевой.

В перечне рубах указаны, как и в тобольских таможенных книгах, женские рубахи ярославские, строченные шелком, рубахи московские, казанские, «вязаны» (вышитые) шелком. Нетрудно заметить, что праздничные женские рубахи, миткальские или тонкого холста, шиты либо шелком, либо золотом, а повседневные — хрящевые, ветошные, пестрядинные — были без украшений. Мужская рубаха указана ветошная, а штаны — хрящевые, ветчаные, пестрядинные, «среднего» холста, крашенинные, и даже кумачные. Привозились также для продажи завязки рубашечные, ни-

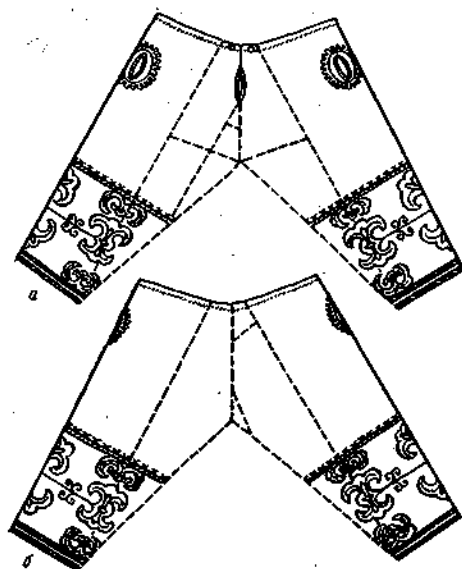

Рис. 3. Мужские штаны XIX в.:

а — вид спереди; б — вид сзади (Алтай, Омский краеведческий музей)

тяные и шелковые. Из готовых головных уборов в росписи упоминаются шапки мужские с суконным верхом, овчинные, а также детали для них — «вершки» разного сукна (лятччинные, анбурские, английские, киндяшные) и оторочки. Для женщин привозили «волосники» вязаные шелковые, кокошники, шитые золотом по атласу и по камке, «подзатыльники», низанные мелким жемчугом, шитые мишурой, золотом, и «подубрусники» атласные, камчатые, тафтяные, киндячные, кумачные, зежденные, дорогильные, крашенинные.

Среди прочих товаров перечислены обувь, чулки, стельки, рукавицы, тесьма, мишура, кружева золотные и серебряные, пуговицы, кушаки и пояса дорогильные, крапивные, бумажные, шелковые, полупшелковые, гарусные с кистями, иногда обшитые золотой и серебряной тесьмой.

По наименованиям отдельных предметов можно представить широту экономических связей, способствовавших привозу в Сибирь тех или иных товаров (кушак шелковый кизилбашский, кушак шелковый узкий турецкий, пояс вязаный литовский, пояс нитяной, кружковый ярославский, пояс пермский, покроть анбурская и др.).

Во второй половине XVII в. торговые пути прочно установились с городами Восточной Сибири, особенно с Иркутском и Нерчинском, через которые с 1690-х годов шла русско-китайская торговля. К этому же времени в Западной Сибири стала играть значительную роль Ирбитская ярмарка, которая в дальнейшем стала одной из крупнейших общероссийских ярмарок³⁰. Известно, что в конце XVII—начале XVIII в. на эту ярмарку доставляли товары купцы Поморья, Поволжья, Приуралья, Москвы и Сибири. Мелкая торговля местными сибирскими товарами производилась на ярмарке в шалашах и с саней. Из Тобольска привозили в большом количестве коты красные и белые, «чарки», башмаки, шапки овчинные, рукавицы ровдужные. Из Тюмени привозили чарки и крашенину.

Анализ ассортимента поступающих на ярмарку товаров свидетельствует о точном учете купечеством запросов сибирского рынка. Это прежде всего различные ткани, кожи, овчины, различная галантерея, в меньшей степени — обувь и готовая одежда. Местное кожевенное производство еще, видимо, не удовлетворяло потребности населения. Овчины и кожи разной выделки поступали из поволжских городов. Устюжские купцы привозили из Архангельска доставлявшиеся туда из Западной Европы английские, гамбургские, голландские, польские сукна; из них больше всего привозилось английских и польских сукон. Сукно отечественного производства было только дешевое, грубое — «сермяжное», в том числе вятское и черемисское. Пестрядь восточного производства поступала в основном из Персии (тевризская, ардевинская). Десятками и сотнями тысяч аршин поступали с поволжских рынков на Ирбит дешевые русские ткани — пестрядь, крашенина и особенно холст. Из отечественной пестряди в та-

моженных книгах чаще других упоминаются «нижегородская», «костромская», «ярославская», а крашенина — из Юрьевца-Поволжского. Вязаные чулки, вареги, кушаки и пояса поступали сотнями и тысячами (казанские, ярославские, нижегородские и др.). Таможенные книги Ирбитской ярмарки показывают, что господствовавшее в XVII в. на сибирских рынках поморское купечество на Ирбитской ярмарке было оттеснено на второй план купечеством поволжским сразу же после начала Северной войны и падения внешней торговли через Архангельск. Ирбитская ярмарка была первым после Верхотурья оптовым центром по снабжению населения Сибири различными товарами и в значительной степени одеждой.

Среди довольно немногочисленных предметов одежды и бытового убранства в таможенных книгах Ирбитской ярмарки 1699—1706 гг. можно встретить кафтаны шубные, овчинные, сермяжные; шубы бараньи, зипуны из коровьей шерсти; рубахи, штаны, скатерти, пологи, завесы, полости для саней арзамасские, войлоки коровьи, платки индийские, убрусы, одеяла овчинные, шапки овчинные; рукавицы бараньи, конинные, уресковые, вареги вязаные вятские; пояски верблюжьи, коровьи; кушаки холщовые, верблюжьи, камчатые, шелковые; чулки шитые сермяжные, вязаные вятские, польские; кожи вятские, башмаки сафьяновые уфимские, сапоги сафьяновые, телячьи; чарки тюменские, тобольские. В таможенных книгах ярмарки названо много различной мелочи, необходимой для отделки одежды, обуви, головных уборов.

Для характеристики сибирского быта весьма показательны, что на Ирбитскую ярмарку доставлялись преимущественно ткани и кожи, из которых одежда и обувь для населения изготовлялись местными ремесленниками на заказ или домашним способом.

Многочисленные материалы таможенных книг разных торговых центров Сибири XVII в. свидетельствуют, что в это время переселившееся русское население, поддерживавшее регулярные связи с крупнейшими торговыми центрами европейской части страны, прежде всего Поморья и Поволжья, снабжалось тканями отечественного, западноевропейского и восточного мануфактурного и ремесленного производства, носило традиционную одежду населения Европейского севера и Центральной России. Так как сами переселенцы в Сибирь до XVIII в. были выходцами прежде всего из поморских земель, это не могло не оказывать известного влияния на характер одежды сибиряков. К этому времени в Западной Сибири и Енисейском крае выросли свои ремесленники, обеспечивавшие потребности населения в одежде, обуви, тканях, кожах. Повседневную одежду и обувь крестьяне изготовляли сами домашним способом.

В Притоболье в середине XVII в. местные мастера выделывали конские кожи на юфть, а в конце XVII в. продукция притобольских кожевников и сапожников расходилась по многим городским и сельским рынкам Сибири. Притобольская кожевен-

ная промышленность была создана ремесленниками — переселенцами из северных и центральных районов Европейской России.

Конкретный материал о некоторых видах одежды дают находки 1940 г. на Таймыре³¹, около берегов которого в первой четверти XVII в. погибли русские промысловые суда, пробивавшиеся через полярные льды на восток. Детальное исследование остатков одежд, обуви, украшений и других предметов материальной культуры позволило утверждать, что грубое сукно серого цвета, найденное на о. Фаддея, — «сермяга», о которой постоянно упоминают источники XVII в. Верхнюю одежду из сермяги носили крестьяне и холопы. Сермяжное сукно производилось в Новгородской, Вологодской и Ярославской губерниях для продажи и в большом количестве вывозилось через Архангельский порт. Русские сукна были менее тонкими по выработке, чем иностранные, но очень прочными. Представляет также интерес перечень вещей промышленника Семена Горохова, датированный 1630 г. Проведя на соболиных промыслах на Енисее 15 лет и будучи человеком одиноким, С. Горохов возил с собой все имущество, среди которого для него безусловную ценность представляли два кафтана: один рытого бархата, другой соболий под желтой камкой, а также ферязи соболий под камкою лазоревой, т. е. одежда свободного покроя, близкая однорядке, с застежкой на пуговицы от верха до подола или с завязками³² (подобные ферязи имеются в коллекции Государственного Исторического музея).

В перечне вещей промышленника XVII в. Федора Кулакова указана муромская однорядка из лазоревго киндяка с атласным воротником³³.

Влияние одежды аборигенов на одежду русских. Переселившись в Сибирь, русские крестьяне не просто переносили свои трудовые и бытовые навыки, опыт и традиции со старых мест жительства, но и вынуждены были приспособить их к местным условиям жизни. В ряде мест природные и климатические условия заставили русских заимствовать тип одежды аборигенного населения. Это особенно проявилось в северных тундровых и таежных районах Сибири, а частично и в горных районах Южного Алтая.

В низовьях Иртыша и Оби русские поселились в соседстве с ненцами, остяками и многое в одежде заимствовали от них (в покрое, в терминологии, в материале). Были полностью заимствованы зимняя одежда и обувь из оленьего меха, которую шили жильными нитками из сухих, разрезанных вдоль оленьих жил. Зимой мужчины и женщины на тело одевали «малицу» из оленьего меха шерстью внутрь с капюшоном и рукавичками. Рукавички малицы имели горизонтальный прорез, который, когда кисть находилась в рукавице, плотно сам собою закрывался. У более зажиточных малицу заменяла «парка» из шкурок оленьих телят («неплюек»), у богатых — из «выпоротков» — еще не родившихся, убитых вместе с матерью телят. При выходе на улицу на малицу или парку одевали «сорочку» из плотной мате-

рии, чтобы предохранить мехду от снега и дождя. На ноги надевали «чижи» — чулки из мягких оленьих кож шерстью внутрь. Поверх «чижей» надевали «барловики» (из кожи степного барана) или «кысы» из оленьего меха шерстью наружу. Для прочности к кысам подшивали подошвы, вырезанные из копыт забитых оленей, называемые «щетки», или плетенные из шпагата (конопляного, льняного). В дорогу или в большие морозы сверху малицы или парки надевался «гусь». «Гуся» шили по такой же выкройке, как малицу и парку, только мехом наружу и из более грубых оленьих шкур, реже — из шкур собак. «Гусь» кроился из крупных кусков шкуры, чтобы меньше было швов. Куски шкур сшивались нитками из оленьих сухожилий, а чтобы сделать шов непроницаемым, по всей его длине вставлялись тонкие пряди волос из бороды оленя. «Гусь» шился с капюшоном, под который одевали еще шапку, спитую из оленьего меха.

«Гусь» являлся самым распространенным видом теплой одежды у русских не только в Березовском, Сургутском, но и в Тюменском, Тобольском и Туринском уездах и в XIX в. Крестьяне, занимавшиеся ямщиной, старались иметь «гуся», поскольку им приходилось выдерживать сильные морозы в пути с обозами. Теплую меховую одежду русские выменивали на ярмарке в Обдорске у ненцев. В Сургутском уезде рыбаки шили «гуся» из сукна³⁴.

Многие элементы одежды русские, поселившиеся на северо-востоке Сибири, переняли от аборигенов этих мест. Одежда и обувь русских там была хорошо приспособлена к суровому климату и делалась главным образом из оленьего меха и оленьей ровдуги (замши). Русские, поселившиеся на Колыме и в Ленском крае, заимствовали от тунгусов, якутов, юкагиров тип зимней одежды мехом внутрь — нательную глухую парку и верхнюю «камлею» из оленьей шкуры. Мужская и женская меховая одежда, как и в других полярных и приполярных районах, различалась не покроем, а использованием более мягкого меха для женской одежды.

Верхней мужской одеждой на Колыме была меховая «камлея», одеваемая поверх ровдужной рубахи. Зажиточные жители дома носили китайчатую камлею, а при выходе зимой на улицу одевали «кухлянку» — широкую одежду, спитую из двойного меха с капюшоном и рукавицами. На голову одевалась меховая высокая шапка, закрывавшая лоб и щеки; кроме того, на голову для тепла надевались «налобник», «набородник», «наносник», «наушники». Налобник обычно вышивался разноцветными шелками и золотной ниткой. При входе в дом шапка снималась, а налобник оставался некоторое время напоказ.

Интересный материал об одежде, ставшей традиционной для русского населения Колымского края, собрала экспедиция Ф. П. Врангеля и Ф. Ф. Матюшкина в первой четверти XIX в.³⁵ Авторы «Путешествия» описали разные виды одежды с указанием ее материала и покроя в разных зонах обитания. В тундре

носили сплошную, глухую одежду, в тайге пользовались открытой, разрезанной спереди. Зимняя одежда женщин отличалась от мужской только более мягкой кожей. Зимой женщины в домашних условиях поверх холщовой или ровдужной рубахи носили распашную мягкую одежду мехом внутрь. Наружная сторона ровдужной рубахи окрашивалась ольховой корой в красный цвет и опушалась по подолу и краю рукавов тонкими полосами из бобрового меха или выдры, который покупали у чукчей. На ногах женщины и девушки носили кожаные коты или «чарки» поверх мягких «чижей» (чулок) из оленины мехом внутрь. На Колыме и в Туруханском крае широко использовались вязаные чулки из собачьей и песцовой шерсти. Шерсть собак снималась весной и чулки вязали иглой, без узора; кроме того, вязали вареги для взрослых и детей. Бытовала здесь праздничная нарядная женская обувь — «калицики» или «аларчики» из юфти или черного сафьяна, расшитые разноцветными шелками, золотой нитью. Два длинных ремня, прикрепленные к каблuku, обхватывали ногу крестообразно. Праздничные «чижи» в состоятельных семьях женщины и мужчины носили покупные, однотонного яркого шелка, вышитые шелком, бисером, золотой и серебряной нитью, с вшитым внутрь меховым «подкладом» — беличьим, горностаевым, собольим. Такая обувь выполнялась мастерицами по заказу на продажу и была доступна только богатым семьям³⁶.

На Анадыре русские переняли у аборигенов края — чукчей — зимнюю нательную ровдужную рубашку и меховую одежду — «кухлянку» из шкуры молодого оленя (пыжика) и такие же штаны. В дорогу женщины и мужчины одевали поверх короткой кухлянки длинную кухлянку, называвшуюся здесь камлеей или паркой. На ноги одевались «тяжи» — чулки из пыжика мехом внутрь, а поверх них — «торбаза» или «торбасы» — сапоги из оленьих «камсов» (шкурка с голени) шерстью наружу (в Прибайкалье называемые «унты»). На голове мужчины носили чукчанскую меховую шапку, гладко облегающую голову; женщины одевали шерстяной платок под капюшон («кокуль») «камлеи» или «парки».

В XIX в. амгинского крестьянина по одежде, наречию и типу лица трудно было назвать русским: Одежда — кожаные штаны, шуба или зипун — шилась якутским покроем, на ногах — «чижи» и «торбаса» якутские и якутская шапка³⁷. На летнюю одежду русские покупали привозимую «дабу», различные сукна.

На Камчатке С. П. Крашенинников зафиксировал у промысловиков-охотников заимствованную у коренных жителей архаичную наплечную одежду, предохранявшую от засыпания снега за ворот³⁸. Эта одежда из сукна («лузан») надевалась через голову, спускалась до пояса и ремнем, продетым в оторочку нижнего края, затягивалась «под брюхо». Кроме того, промысловики надевали под кафтан овчинные нарукавники («налокотники») и овчинные опушки («наочетники»), носившиеся шерстью вверх на рукава, чтобы снег не засыпался за рукавицы.

У промысловиков Приангарья А. Макаренко зафиксировал лужан из холста, называя его «хвост». Исследователь отмечает его сходство с монашеским клобуком.

В Восточной Сибири мужчины, занимавшиеся промыслом (рыболовством, охотой, извозом), имели иногда верхнюю одежду с капюшоном — «камлейку», сшитую из рыбьих или китовых кишок и украшенную тонкими ремешками или выделанную из оленьей или лосиной кожи. «Камлейки» шили ниже колен. Они были удобной недорогой одеждой, предохраняющей от ветра и сырой погоды, которая была заимствована русскими у эвенков и бурят.

Не менее яркое проявление взаимодействия культур в среде этнически разнородного населения прослеживалось в одежде русского населения Алтая. Межэтнические контакты способствовали там не только заимствованию, но и зарождению новых и очень стойких традиций в среде старожильского русского населения. Как известно, еще в начале XVIII в. русские переселенцы стали устремляться на склоны Алтайских гор. Первые десятилетия в их одежде бытовали традиции Поморского Севера, но горные условия ведения хозяйства способствовали заимствованию русскими крестьянами у аборигенов края — казахов — более удобного покроя одежды, пригодной для верховой езды. В результате иным стал покрой мужских штанов, а в женский костюм вошли шаровары, что было несвойственно женщинам-крестьянкам Европейской России. Об алтайских амазонках, одетых в шаровары, писал Петр Паллас, восхищаясь их грациозностью и умением украсить одежду красивой вышивкой⁴⁰.

Со временем изменился и орнамент крестьянских тканей — взамен традиционной полосатой или клетчатой пестряди ткачихи выполняли восточный рисунок на холстах, из которых шили мужские штаны традиционного покроя. Вошли в моду вышивки на мужских праздничных штанах, что совсем не было свойственно в Европейской России. Техника вышивок сохранялась тамбурная, а орнамент сочетал казахские и русские мотивы (например, деревья и кони). Русская девушка в подарок жениху вышивала тамбурным швом традиционное древо, только у древа уже были вышиты кони, имевшие в жизни русских этих мест исключительно большое значение⁴¹.

Верхняя одежда изготовлялась из крестьянского сукна или понитчины (полусукна). Причем первичную обработку шерсти (промывку и разбивание) хорошо делали казашки, и обычно для этого русские отдавали им шерсть. Казашки научили также русских крестьянок катать из шерсти зимние войлочные чулки и другие изделия.

Мужская одежда русских на Алтае была очень своеобразна. Обильная вышивка белых холщовых рубах, отделка кумачом, кружевом, бисером делали их нарядными, красочными и неповторимыми. Мужчины охотно покупали восточные хлопчатобумажные, а кто имел возможность, то и шелковые халаты с бо-

Рис. 4. Мужская свадебная рубашка XIX в. (дер. Быструха Семипалатинской губ., ГМЭ): а — вид спереди; б — вид сзади

ковыми разрезами, удобные для верховой езды. В середине XIX в. халат становится традиционной одеждой жениха в свадебном обряде. Жених обязательно надевал поверх белой холщовой свадебной рубашки, сшитой и вышитой невестой, шелковый нарядный халат, нередко с тамбурной вышивкой, подпоясав его красочной шерстяной опояской. Разумеется, во всех этих районах русские крестьяне носили одежду и из традиционных для них тканей, о чем свидетельствуют приводившиеся выше материалы XVII в., но влияние аборигенного окружения способствовало созданию в одежде своеобразных этнокультурных комплек-

сов, которые можно рассматривать как результат адаптации переселенцев. Уже в конце XVIII в. в южной части Енисейского края вошли в быт восточные элементы одежды — мужские халаты из восточных тканей и верблюжьи «чекмени».

Традиционная одежда русского земледельческого населения. В таежной полосе Сибири, где было возможно земледелие и где в XVII в. осела основная масса русских переселенцев, а также в более южных лесостепных и степных местностях, которые они постепенно осваивали, особенно с XVIII в., одежда крестьян продолжала в значительной степени сохранять тот типологический традиционный облик, каким он был у них на родине, мало чем отличаясь по материалу и терминологии. Особенно стойко эти черты прослеживались в районах и селениях, отдаленных от магистральных дорог и крупных населенных пунктов. Так, в таежном Сургутском уезде видное место занимало животноводство на пойменных лугах, которое в избытке давало шерсть и кожи для бытовых надобностей.

В праздники зимой носили шубы овчинные, заячьи, беличьи, песцовые, крытые китайкой или нанкой, а кто побогаче — фабричным сукном. Были в ходу и мерлушковые шубы — «нагольные». В женских праздничных нагольных шубах украшали полосками плиса, бархата, меха («пух») подол, ворот, край рукава и верхнюю полу; верхняя пола имела еще вышитый «узорный угол». Шубы с узорным углом шили невесте к свадьбе. Голову покрывали суконными платками, чаще красного цвета. Зимней обувью были пимы покупные или своей валки, а летней — «бродни» и «чарки» («чирки») из кож домашней выделки; помимо вязаных и суконных чулок, здесь носили чулки из грубой замши — «неговани».

Летом меховые одежды заменялись кафтанами и азямами из грубого крестьянского, а праздничные — из покупного сукна.

Немного южнее по Иртышу, в долине р. Демьянки, где было основано в XVI в. русское с. Демьянское и ряд русских деревень, крестьяне выращивали лен, коноплю и изготавливали из волокна этих культур холст, который покупался жителями более северных районов. Из посконного и льняного холста шили рубахи, порты, «дубасы». Верхнюю одежду — «шабуры», «армяки» и «балахоны» — шили из более грубого холста — «изгребного». Иногда холст «синили».

В Тобольском музее-заповеднике хранятся крестьянские белые рубахи и порты из грубого домотканого холста; подобные датированные XVII в. рубахи имеются и в музеях Москвы (Государственная Оружейная палата и Государственный Исторический музей).

В XVII в. в Сибири были в повседневном употреблении у мужчин рубахи грубого холста — «хрящевые» — и праздничные, тонкого холста, шитые шелком; прослеживаются и пестрядинные. В течение XVIII в. мужские рубахи сохраняли те же характерные черты, о которых мы уже говорили в предыдущем

разделе, поскольку материал оставался тот же — крестьянский белый холст, клетчатая пестрядь и «крашенина» (окрашенный холст).

Порты шились из более грубого посковного белого холста, крашенинного или полосатой пестряди. Их шили из сложенных продольно полотнищ ткани, соединяя штанины («колоши») вставкой («огузком», или «ширинкой») в виде двух сшитых вместе удлинённых треугольников или трапеций. В XVII—XVIII вв. порты делали на гашнике — на шнурке или веревочке из пеньки или льна, продетой в опушку верхнего края. Нижнюю часть портов заправляли в «неговани», чулки, «чижи», «бродни», «бутылы» (в каждом районе бытовало свое наименование однотипной обуви).

Известно также о широком бытовании у крестьян Енисейского края одежды домашней выделки. Например, русские, поселившиеся в начале XVIII в. на р. Чуне в Енисейской губ., и в XIX в. больше носили самодельную одежду из льняных и шерстяных тканей. Из покупных тканей шили только праздничную одежду, шив которую один раз нередко носили всю жизнь⁴². Повседневную летнюю одежду, женскую и мужскую, шили из холста. Рубахи шили из белого холста, юбки и порты из холста, окрашенного растительными красителями в черный цвет. Зимние порты и юбки шили из сукна. Крестьянское сукно также сами красили в черный или коричневый цвет. Украшать одежду здесь не было принято, только передники украшали несложной вышивкой крестом и кружевом.

Обувь также употреблялась самодельная, кожаная. Мужчины носили «бродни», «бахилы» с мягкой подошвой, высоким голе-

Рис. 5. Обувь:

а — чарки (Тобольской губ., АИЭ); б — унты (Прибайкалье, ГМЭ); в, г — торбаса (Камчатка, ГМЭ)

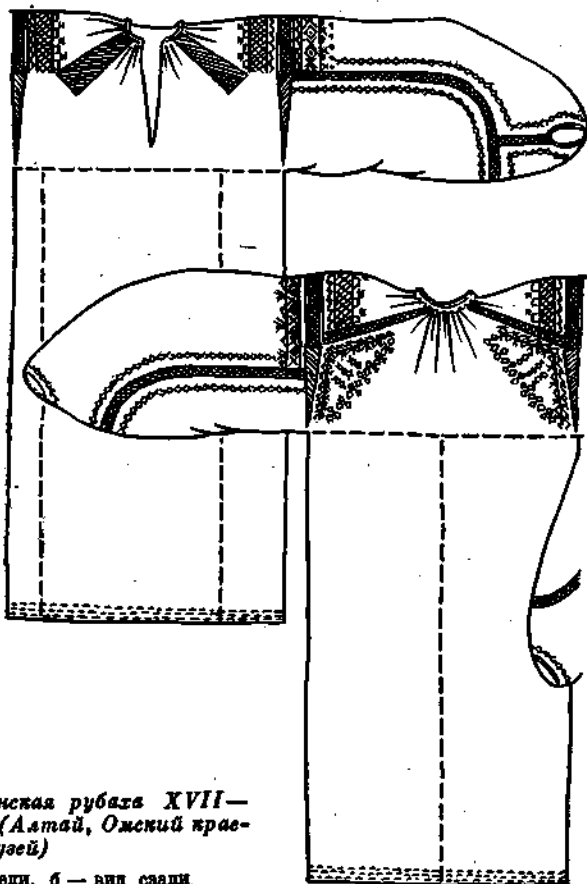

Рис. 6. Женская рубаша XVII—XVIII вв. (Алтай, Ожений краеведческий музей)

а — вид спереди, б — вид сзади.

нищем, в швы прокладывали узкие ремешки, благодаря чему шов не пропускал влагу. Женщины носили «чирки» с холщовыми чулками или вязанными из шерсти (в зависимости от погоды).

По Енисею и Ангаре в русских селениях одежда изготовлялась из белого холста или крашенного растительными красителями. Широко употреблялась также одежда из крестьянского сукна. По свидетельству енисейского губернатора А. П. Степанова, в первой половине XIX в. в быт прочно вошла повседневная одежда из дабы, а праздничная — из более дорогих покупных материй — ситца и шелка⁴³. Верхнюю зимнюю одежду — шубы — изготовляли нагольной, из овчины, из заячьих шкурок «с белыми воротниками», крытых нанкою или китайкой; состоятельные люди делали шубы из беличьих шкурок, с большими воротниками, крытые шелковой материей. В Приангарье на рабочие нагольные шубы для предохранения их от сырости

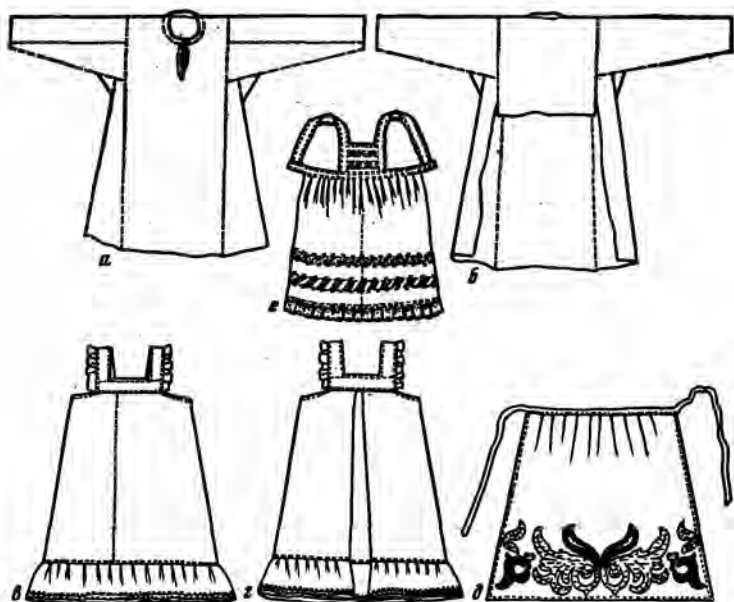

Рис. 7. Женские передники XVIII—XIX вв.:

а, б — нарукавник пестрядный (Тобольская губ.; ГМЭ); е, з — запон «малахистовый» с оборкой (Алтай, АИЭ); в — передник с тамбурной выпшкой (Алтай, Горно-Алтайский краеведческий музей); г — запон (Тобольский музей-заповедник)

мужчины и женщины надевали холщовый «халат» свободного покроя с опяской.

Бассейн Енисея в начале XVII в. начали заселять русские переселенцы из поморских уездов. Некоторые элементы одежды севернорусских крестьян прослеживались там у сибирских старожилов и в XVIII—XIX вв., а именно: «телогреи», мужские и женские рубахи с прямыми поликами, пришитыми по утку, с ластовками, а также белые «запоны» (фартуки) с нагрудкой, украшенные по подолу «браным» геометрическим узором красного цвета; «повойники» атласные, под которые еще надевали «накосник»⁴⁴, девушки носили вязаные «белевые» (из белых льняных ниток) «колпаки».

Как мы уже отмечали, женский головной убор издавна по религиозным представлениям играл большую роль в обрядах, и его оформлению уделялось большое внимание. Головной убор составлял важную и неотъемлемую часть женской одежды. В условиях феодальной русской деревни прослеживалось много локальных вариантов женских головных уборов, с локальной терминологией. Рассмотренные нами ранее документы, отразившие привоз в XVII—XVIII вв. предметов одежды в Сибирь, зафиксировали и головные уборы разного материала и разной терминологии. В документах не отмечены девичьи головные уборы, и то, что «колпак» был девичьим головным убором в Енисей-

ской губ., мы узнаем из материалов А. Макаренко⁴⁵ конца XIX в. и указанных материалов О. Пчелиной середины XX в. А. Макаренко отметил, что девичий бѣлевый колпак с синими полосками и кисточкой, датируемый 1887 г., хранится в Минусинском музее. Сходного вида колпак хранится в ГМЭ СССР из Сольвычегодского уезда Вологодской губ.; в исследовании Л. В. Тазихиной указано, что такие колпаки бытовали в Поморье и на Мезени⁴⁶. На Европейском севере просватанная девица под колпак прятала косу. По сведениям отдельных наблюдателей, в Енисейской губ. колпак надевали на голову молодой после венца, когда расплетали девичью косу на две косы; проводилось это в доме молодого после того, как снимали с головы молодой платок, обвивали ее голову заплетенными двумя косами и надевали «колпак».

Весьма возможно, что в разных уездах и волостях Енисейской губ. «колпак», принесенный из губерний Европейского севера, воспринимался по-разному, а может быть, несколько изменилось его назначение. Вполне можно согласиться с высказыванием исследователя М. Н. Костюриной, что «в каждой деревне своя мода»⁴⁷; тем более что в Тобольской губ. вязаный колпак, правда несколько другого вида, но тоже бѣлевый и с полосками, в XIX в. был женским головным убором. Следует отметить, что в Сибири у русских в силу сложных путей формирования здесь селений женские и девичьи головные уборы были весьма разнообразны по виду, материалу и особенно по своей терминологии, о чем свидетельствует наше приложение в данной книге.

В Тобольской губ. девушки в праздники надевали головной убор — «ленту», имевший вид широкой, из яркого шелка повязки на жестком каркасе; повязка украшалась золотной вышивкой, бисером, галунами, а у богатых — и жемчужной поднизью. Этот девичий головной убор сходен с девичьей «повязкой», бытовавшей в Архангельской губ. Исследователь А. Абрамов отмечает⁴⁸, что «лента» имела вид короны, завязывавшейся на затылке яркими лентами, а коса, спускавшаяся по спине, украшалась треугольным бисерным «косником». В с. Кежемском Енисейской губ. сходный головной убор являлся убором невесты и назывался «красота»⁴⁹, в с. Казачинском Енисейской же губернии при «окручивании» молодой после венца употреблялся «безумѣнт» — нарядный головной платок в сложенном виде; после свадьбы этот платок молодая покрывала только по большим праздникам⁵⁰.

Весьма разнообразны были в Сибири «кокошники». Здесь носили кокошники штофные, шитые золотом, украшенные жемчугом, стеклярусом, золотыми галунами, и без нашитых украшений — бархатные, атласные, штофные и др. В Тобольской губ. прослеживаются высокие кокошники, сходные с пермскими, и много других, более спокойных форм, дошедших до второй половины XIX в. Но в публикациях середины XIX в. и в мате-

риалах АГО нередко можно видеть знак равенства в описании кокошника, «цепца», «шашмуры». Исследователь дает лишь другое название предмета, не приводя его описания. Видимо, терминология меняется с изменением вида предмета и его материала в результате различных трансформаций в сложных соприкосновениях разных групп русского населения в Сибири.

Упомянувшись в привозе XVII—XVIII вв. вязаные «волосники» и «подбрусники» прослеживались и в середине XIX в. (в материалах АГО — в описаниях комплексов женской одежды русских селений Тобольской и Томской губерний); причем подбрусники перечислялись атласные, шитые золотом, мишурой, и ситцевые; отмечалось, что подбрусники перевязывались сложенным платком так, чтобы не закрывать шитья. Наряду с подбрусником и кокошником в Сибири XIX в. бытовали и другие названия и типы головных уборов — «кичка» с «сорокой», цепец, «рогулька», «шамшура» (шашмура), которые также перевязывались либо сложенным платком, либо специальной нарядной головной повязкой. Весьма возможно, что некоторые головные уборы были сходны по виду. Так, в Ишимском уезде шамшура с золотным или серебряным шитьем называлась цепцом, в Тюкалинском — «сещом». Цепец ишимский имел рубец в палец толщиной в теменной части, сплетенный из льняных ниток, — «рогульку», почему и убор назывался «рогулька»⁵¹. На Алтае также бытовала шамшура с жесткой вставкой в теменной части. Жесткая вставка из туго скатанного холста называлась «рубцом» или «обручок»⁵². В старообрядческих селениях Алтая были в употреблении волосники — сплетенные из суровых ниток тугие каркасы, обшитые холстом. Волосники женщины одевали на голову под кокошник. В Забайкалье такие каркасы называли «кичка».

В притрактовых селениях и в селениях, связанных с отхожими промыслами, раньше входят в моду «файшонки» — кружевные косынки, кремовые, черные и кружевные «наколки», ничем не напоминающие давние наколки, которые надевали на голову молодой после венца на Алтае и в Енисейской губ. Обилие локальной терминологии затрудняет определение головных уборов. Подобные затруднения испытывали и исследователи XIX в. Так, Н. Абрамов, рассматривая женские головные уборы Ялуторовского уезда, праздничный убор называет «цепец» или «кокошник», а о повседневных сообщает, что женщины носили повойники, похожие на цепцы, но без выпивки⁵³.

Локальные варианты традиционной одежды. В первой четверти XVIII в. преобразования Петра I в области культуры и быта коснулись и одежды. Указом от 4 января 1700 г. было запрещено ношение одежды старого покрова высшим классам общества. Вместо длиннополых тяжелых кафтанов мужчины стали носить короткие кафтаны с камзолами европейского фасона, короткие панталоны и длинные чулки. Женский костюм также изменился. Старинные сарафаны и телогреи были заменены ев-

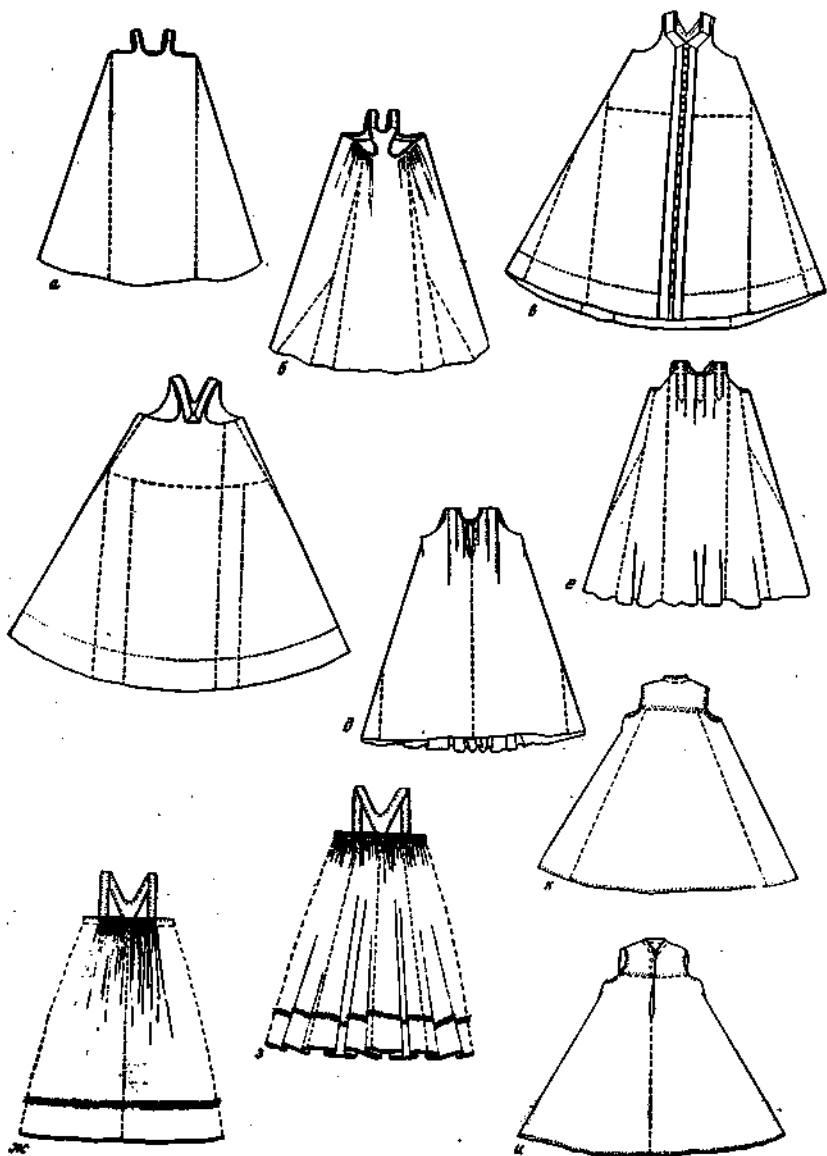

Рис. 8. Сарафаны:

а, б — клинник с цельным передним полотнищем (Алтай, ГМЭ); в, г — клинник с пуговицами по шниту передних полотнищ (Тюменский краеведческий музей); д, е — старушник с клиньями (Тобольская губ., ГМЭ); ж, з — прямой лямочник (Горно-Алтайский краеведческий музей); и, к — горбач (Алтай, АИЭ)

ропейскими костюмами — широкими юбками на фижмах и лифами с перетянутой талией. Вошли в моду пудренные парики, которые носили мужчины и женщины.

В сибирских городах указ о ношении европейского платья и обуви⁵⁴ был получен в 1701 г. Всякого звания «российским людем» было приказано носить европейское платье, причем каждому «чину» полагалась своя одежда, «чтобы всякий чин свое определение имел»⁵⁵.

По именному указу Петра I от 11 января 1715 г. всем предписывалось брить бороды и усы, а за его невыполнение бралась установленная для каждого сословия денежная пошлина. Уплативший пошлину, получал «бородовый знак».

Европеизация костюма коснулась и крестьянского класса. Если крестьянину нужно было быть в городе по торговым или другим делам, он обязан был иметь указную одежду. Указом от 1 сентября 1715 г. повелевалось не носить, не делать и не продавать обувь со скобами и гвоздями⁵⁶. Исключение допускалось только для старообрядцев, которые составляли значительную часть сибирского крестьянства; им разрешалось носить старорусский костюм. Указ от 6 апреля 1722 г. предписывал «раскольникам и бородачам, какого они звания ни были, носить указное раскольничье платье, чтоб они по тому во всех местах явны были и ни под каким предлогом нигде прикрыться и от положенных с них денег мигнуть никак не могли»⁵⁷. Раскольники из крестьян, имевшие промыслы, откупа, подряды, торговые заведения, а следовательно, бывавшие по своим делам в городах, в присутственных местах, обязаны были платить «указные пошлыны» и штраф, что составляло известную статью дохода правительства. Старообрядцы должны были носить ферязь, крашеюю однорядку с лежачим ожерельем и сермяжный зипун со стоячим клееным «козырем» * из красного сукна. В 1846 г. этот указ Петра I был подтвержден.

Указы, несомненно, способствовали сохранению известного единообразия в одежде старообрядцев, внешнего вида их костюма, но, конечно, нельзя сказать, что в деревнях старообрядцы носили одежду единого образца. Этому также способствовали трактаты и уставы, разработавшиеся руководителями различных направлений старообрядческих учений и толков. Самыми рьяными сторонниками старинной одежды выступали в XVIII в. старообрядцы поморского, новопоморского и монинского согласий. В их уставах и трактатах была указана одежда, которую не следовало носить. В трактате «О древнем обряде»⁵⁸ говорилось, что за ношение иноземного платья грозит гнев божий и гибель государства. Трактат запрещал юношам носить красные рубахи, а девушкам — красные сапоги и красные платки, запрещал девушкам приходить на моление в «золотных» повязках и др.⁵⁹

* Козырем назывался большой, четырехугольной формы воротник из твердой материи или с подложкой из картона.

В XVIII в. в разные районы Сибири (на Алтай, в Пришимье, в Енисейскую губ. — в Минусинский и Ачинский округа, в Забайкалье) переселились большие партии старообрядцев. Небольшими группами из Поморья и Поволжья (с. Керженца) они переселялись в Сибирь и в более раннее время. Длительное сохранение ранних элементов традиционной одежды особенно четко прослеживалось (вплоть до XX в.) у старообрядцев Забайкалья, Южного Алтая, Пришимья. В дневниках известного исследователя XVIII в. С. П. Крашенинникова содержится первый конкретный материал об одежде русских старообрядцев, поселившихся около Томска по р. Томи. Он отмечает, что «в деревне Енково живут раскольники, они платье таким же манером, как и у московских раскольников зделанное, носят». В других русских селениях, по наблюдениям С. П. Крашенинникова, также сохранялись интересные детали: «...еще много там есть у нас давно брошенного», у женщин — «кунтыш» с длинными рукавами, шапки рогатые вместо платка, а у мужчин русские «квтань» и борода. «Мы во всю бытность там не видали 10 женщин, которые бы по-немецки убраны были, но все или в треухах или с рогами или рукава у кунтышей по полу волочатся, а больше такой кунтыш на голову наложивши ходят. А мужчины такожде... почти все с бородами и русское платье носят»⁶⁰. Отмеченные С. П. Крашенинниковым «рогатые» железные головные уборы вполне могли принадлежать переселенцам из Рязанского края.

Переселенцы XVIII в. в Забайкалье и на Алтай были выходцами из разных губерний Европейской России; значительная их часть происходила из центральных губерний (Московской, Калужской, Ярославской, Костромской), но среди них попадались и семьи из западных и южнорусских областей (Белгородской, Воронежской, Смоленской, Новгородской губерний). Все они приносили разные бытовые навыки, особенно проявлявшиеся в элементах одежды. Эти различия первоначально прослеживались более четко, а в дальнейшем в результате взаимовлияния происходило сочетание северных и южных элементов в характере отделки одежды и в украшениях. Степень этого взаимовлияния зависела от характера расселения разных локальных групп и их взглядов. Так, в конце XVII—начале XVIII в. в горных долинах Алтая поселились старообрядцы с Камы, ревностно сохранявшие и в XIX в. строгие формы одежды без каких-либо ярких элементов и украшений, кроме поясов.

На Чикое в Забайкалье сильное влияние длительно оказывало севернопоморское старообрядческое согласие, также отстаивавшее строгую одежду, в то время как в Бичуре было больше переселенцев из южнорусских губерний — их одежда отличалась яркими тонами и многоцветными отделками («корольками», «гусиными пушкками» и др.). Такая одежда старообрядцев Забайкалья и Алтая удивляла путешественников своей красочностью, обилием украшений и вместе с тем сохранением очень раннего

покроя, что поражало исследователей быта старообрядцев этих мест и в XX в.⁶¹ Исследователь Н. П. Гринкова в своей работе подробно рассмотрела мужские рубахи, а женщины не показывали ей своих рубах, считая это великим грехом. Видимо, по этой причине в ценном исследовании Н. П. Гринковой приведено описание лишь одной женской рубахи из фабричной ткани, отнесенной автором к типичным северновеликорусским (с прямыми поликами и длинными, широкими рукавами), но уже с отложным воротником, характерным для южнорусских районов.

Приведенная на нашем рисунке женская рубаха (из коллекции Омского областного краеведческого музея) сшита из белого холста (верх — из тонкого, подстава — из более грубого) льняными нитками в обмет. Характерно, что верх рубахи сшит из поперечно положенных полотнищ. Очень экономично сделан край рукавов из двух полотнищ; верхнее полотнище длиннее, и длинный край перегнут с углов к нижнему полотнищу, с которым соединен мережкой льняными красными и синими нитками; часть перегнутого углом полотнища не зашита, а образует манжет для руки, обшитый узкой полосой красного холста. Полик с рукавом, спинкой и передом рубахи соединен ажурной полосой, выполненной холщовыми красными, синими, белыми нитками. Рукав и полик украшает вышивка настилом черным шелком и крестом — красной льняной ниткой. Перед у плеча украшен вставками красного холста, а на сборках ворота нашиты зеленые бусины. Подол рубахи украшает полоса тканого красного узора в 4 см шириной. Поперечный покрой и отделка рубахи позволяют считать ее ранним вариантом, который может быть смело отнесен к XVII в. Видимо, такие рубахи в таможенных книгах указаны как ярославские, из тонкого холста, шитые шелком и льняной пряжей, украшенные «браньем». Такая рубаха одевалась под косоклинный сарафан, ранние варианты которого имели вышивку на груди, сходную с вышивкой на рубахе. Богатые крестьяне украшали косоклинок вдоль переда двумя полосами позумента, а между ними — дутыми металлическими пуговицами.

В 1824 г. А. Мартос писал, что в забайкальской старообрядческой среде женщины ходят в «повойниках», унизанных жемчугом, покрытых фатами⁶², хорошо известных по комплексу, свойственному населению Вологодской и Новгородской губерний. По другому источнику известно, что женщины в Забайкалье в праздники надевали кокошники и шелковые душегреи⁶³.

Различные наплечные утеплительные телогреи, длинные и короткие, повседневные и праздничные прослеживаются в Енисейской губ. и в конце XIX в. как одежда женщин и девушек, причем девичьи телогреи были более короткими и назывались «нагрудка», «душегрейка». Известны здесь были женские «панечки» на меху и «сушуну». Телогреи праздничные также были на меху или с оторочкой мехом, крытые шелком, штофом, атласом или другой «блескучей» материей. В приданом богатой не-

весты первое место занимада шуба на беличьем или собольем меху, крытая штофом или атласом. Такая шуба была предметом гордости владелицы и надевалась лишь в большие праздники или когда хозяйка шла в церковь «постовать» (говеть) ⁶⁴.

В старообрядческих селениях значительно дольше употреблялась льняная, шерстяная и пониточная (полушерстяная) домашняя ткань. В ряде старообрядческих селений Сибири на протяжении XIX в. повседневная и праздничная одежда шилась из домашних тканей, только на праздничную одежду употреблялись ткани лучшей выработки. Умерших одевали также в белую хлопковую одежду. Особо старые, традиционные формы одежды дольше всего сохранялись в тех селениях, где издавна проживали старообрядцы ⁶⁵. Однако при всей консервативности быта старообрядцев они не могли быть полностью изолированы от общений с другими группами населения и от заимствования бытовых и хозяйственных навыков, как это прослеживается в Забайкалье и на Южном Алтае. Иные климатические условия, географическая среда приводили к необходимости приспособлять к новым условиям одежду, заимствовать покрой, а иногда и материал у коренного населения края. Так, в Забайкалье старообрядцы нередко отдавали шить бурятам зимнюю верхнюю одежду (шубы, дохи, тулупы), обувь и головные уборы, почему в покрое, общем силуэте и отделке этой русской одежды прослеживаются бурятские элементы. Сходные перемены можно проследить в селениях старообрядцев на Алтае, где также экономичнее было шить одежду из покупных фабричных тканей, но шили ее по давно утвердившемуся покрою, с привычными у рубах металлическими застежками в виде бляшки с петлюю; такая застежка называлась «гапель», «схватцы», «запоны». В гапели для застегивания праздничных женских рубах вставляли «искорки» — красное стекло или полудрагоценные камни. В XIX в. в женском праздничном костюме вошли в моду округлые нарядные броши («запбы»), вдеваемые в специальные петли ворота женской рубашки. Серебряные и медные «запоны» нередко украшали вставками из цветного стекла, янтара, полудрагоценных камней. Подобные запоны прослеживаются в Ялуторовском уезде Тобольской губ. ⁶⁶ Видимо, эта давняя традиция русского украшения сохранялась в старообрядческих селениях Сибири. Старообрядцы Забайкалья, сохраняя консерватизм во многих вопросах быта, тем не менее довольно широко использовали для одежды фабричные ткани. Это было вызвано тем, что климатические условия Забайкалья позволяли выращивать только коноплю, а не лен. Конопля, как известно, требует хорошо удобренной почвы, и поэтому ее выращивали лишь в небольшом количестве на усадьбных землях вблизи дома. Холст из волокна конопли использовался на полотенца, скатерти, платки, летние молевые халаты и рубахи.

Старые формы одежды сохранялись в Сибири не только у старообрядцев, но и во всей крестьянской массе. Отчасти этому способствовали привоз в XVIII в. купцами из Европейской Рос-

сии устаревших, неходововых готовых изделий. Однако прежде всего сохранение архаичных форм одежды, особенно праздничной, у русского населения Сибири отражало устойчивость традиционных форм материальной культуры.

В обобщающем этнографическом труде И. Г. Георги, написанном по материалам середины XVIII в., говорится о бытовании у русских в Сибири элементов «древнероссийской» одежды. Сообщая о костюме всех сословий русских, он касался лишь верхней мужской одежды. Русскую народную одежду он рассматривал как единый комплекс, распространенный в России повсеместно: «россияне, живущие около Новгорода, Астрахани, Архангельска, Тобольска, Якутска, не столько разнятся, сколько немцы в разных округах». О крестьянской одежде русского населения Сибири Георги писал, что «крестьяне имеют одеяние древнероссийское. Зипун из сукна сермяжного, длинный, с борями. Сукно своего изготовления, серо-белое, редко — черное. Балахоны холстяные»⁶⁷. Отдельные документы частных исков середины XVIII в. свидетельствуют, что в Западной Сибири крестьяне одевались в армяки сермяжные и китайчатые, в кафтаны, в зипуны серые, подпушные, азямы сермяжные, епанчи суконные синие, красные или катаные белые, шубы, крытые сермягой. Верхнюю одежду опоясывали «опояской», а на ноги одевали «обутки» с голенищами. Женщины носили в праздник красные сарафаны с золочеными пуговицами, а на голову надевали «чепец» с позументом; девушки повязывали на голову «перевязку» с жемчужной ряской или «ленту» золотную с красными голевыми завязками⁶⁸.

О распространенности отдельных видов одежды можно судить по делам волостных судов, решавших вопросы о передаче имущества под опеку, в частности несовершеннолетних детей после смерти родителей. Некоторые элементы одежды, перечислявшейся в описях, приложенных к таким делам, помогают определить хронологию их бытования в том или ином районе. Так, в конце XVIII в. в Гилевской волости Тюменского уезда бытовал сарафан «кумашник» на холщовом подкладе, с которым носили рубаху — «кумашные рукава» с холщовым «станом»; повседневные рубахи шили из «пачесного» холста «ленного», а подол украшали «браной» полосой. Из верхней женской одежды бытовали зипун серого сукна и шуба на заячьем меху, крытая черной китайкой. В перечне мужской одежды указан «камзол синего сукна с рукавами и зипун серого сукна»⁶⁹. В другой описи имущества крестьянина Каменской волости Тюменского округа перечислены: чекмень синего сукна, зипун серого овечьего сукна, шубы, сарафан вишневым на подкладе, пушун алый, платы «накидальные» (барсовый, красный бумажный), шапка «малахай» плисовая⁷⁰.

В литературе середины XIX в. также встречаются сообщения о том, что русские крестьяне в Сибири одевались в «древнерусскую» одежду — холстинные «балахоны», сермяжные зипуны, азямы, нагольные тулупы.

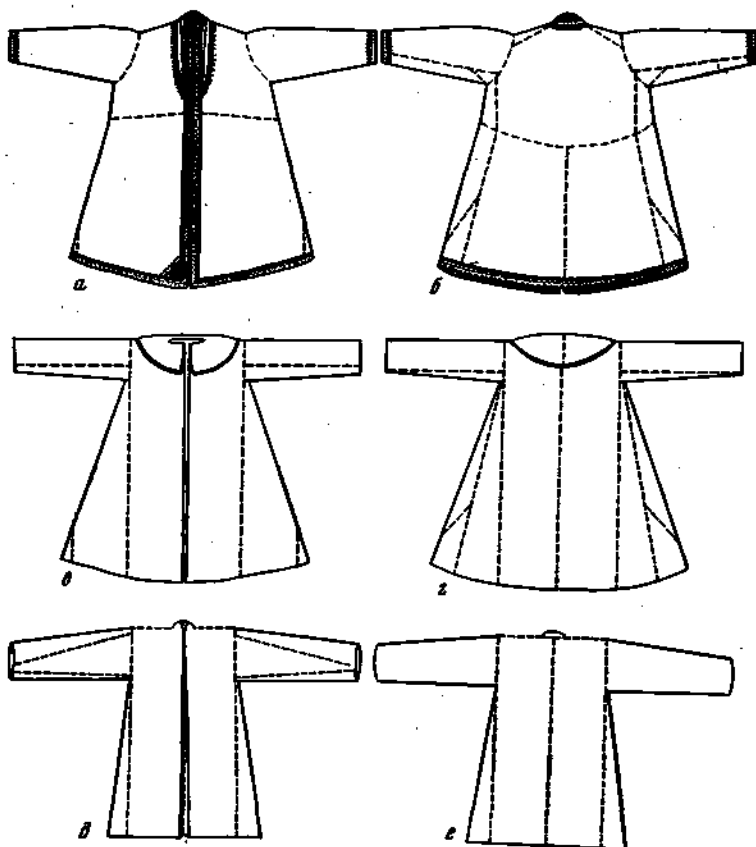

Рис. 9. Женская верхняя одежда:

а, б — тулупчик; в, г — шабур праздничный (Тобольский музей-заповедник); д, е — шабур повседневный (Омский краеведческий музей)

Своеобразным источником, содержащим данные о женской одежде и материалах, из которых она шилась, является состав приданого, особенно невест из состоятельных семей. В этом отношении интересные данные, относившиеся к концу XVIII в., приведены в книге К. А. Авдеевой, написанной в виде ее личных воспоминаний о жизни в Иркутской губ.⁷¹ Наши прабабушки, по ее словам, носили длинные пушуны, телогрейки, кофты разных фасонов, епанчи и шубы на меху, тулупчики и короткие, чуть ниже колен, шубочки. Из материалов особо отмечалась бумажная материя «даба», употреблявшаяся менее состоятельными семьями на рубашки (мужские и женские), телогрейки и как подклад для верхней одежды. Фанза (род тафты) была в употреблении у людей более состоятельных для шитья рубашек и стеганой

одежды. О рубашках из яркой желтой фаязы и пышных праздничных безрукавных телогрейках на девушках Илимска писал в своих записках А. Н. Радищев ⁷².

В ряде селений Тобольской губ., удаленных от магистральных путей, до XX в. сохранялась мода на венчалные рубахи из тонкого белого холста, украшенные по подолу широкой полосой тканого узора. Узор выполнялся белыми нитками, позднее утвердилась мода на цветной узор геометрического или растительного сюжета. Такие рубахи в начале XIX в. носили с сарафаном, причем так, чтобы был виден подол. Когда мода на сарафаны прошла, рубахи стали носить с юбкой.

В традиционном комплексе одежды, бытовавшем в Приангарье и в XIX в., отмечались севернорусский тип женской рубахи, телогрей, тепляки, сушуну и др. Бытовал старый покрой верхней одежды с клиньями ⁷³.

Сохранение старых элементов и даже комплексов одежды было связано также с традицией домашнего изготовления белого холста, пестряди, крестьянского сукна для изготовления одежды. Более длительно традиция изготовления одежды из холстов и крестьянских сукон сохранялась в селениях, удаленных от городов и больших дорог. Так, в XVIII в. в Челябинском уезде Тобольской губ. были поселены крестьяне из Серпуховского уезда Калужской губ., основавшие здесь ткацкое ремесло и сами длительно сохранявшие домотканую одежду из белого холста, пестряди и шерсти; рабочей обувью мужчин были берестяные лапти, а у женщины — ступни липовые. Неподалеку, в д. Кабанья, в XVIII в. жили переселенцы из Архангельской губ., которые и в XIX в. сохраняли северный говор, северный характер одежды с сарафаном, и большинство фамилий здесь были Устюжанины ⁷⁴.

В ряде уездов крестьянки занимались тканьем поясов, кушаков, опоясок, пестряди, ковров для рынка; например, это было развито в селениях Тюменского уезда ⁷⁵ и в ряде волостей Меньсинского округа ⁷⁶. Многоцветные гарусные и полушерстяные из конопляной крашеной пряжи опояски и пояса повсеместно употреблялись в Сибири и в начале XX в. как мужчинами, так и женщинами. Были модны пояса и опояски «со словесами» — со словами, посвящения, словами молитвы, с именем владелицы и мастерицы; если мастерица была неграмотна, она на ткацком стане выполняла на поясе или опояске просто набор букв. Пояс и опояска не менее, чем головной убор, были связаны с древними религиозными представлениями и считались неотъемлемыми элементами одежды со дня рождения человека и непременно подарком жениху от невесты.

При сохранении в широких слоях русского населения старых форм одежды, имевших в разных районах свои отличия, в этой одежде проявлялись и особенности, приобретенные собственно в Сибири. Верхняя одежда и обувь нередко были сделаны из меха или имели меховую отделку. Была распространена выходная женская одежда на меху и верхняя одежда из меха (доха,

яга и др.), меховые чулки, носки и меховая обувь разного вида («бокари», «лакомеи», «лабуты», «камчуры», «качутки», «кулемички»). Распространение получили защитные сетки от мошки, которые летом дополняли рабочий головной убор.

У крестьян, занимавшихся ямщиной, верхней одеждой обычно служила козлиная доха; кто был победнее — шил доху из разных собачьих шкур. Наиболее красивыми и дорогими считались дохи, подбиравшиеся из одноцветных черных собак. Некоторые крестьяне скупали у соседей щенков с красивой шкурой, выращивали, потом убивали и шили из них дохи для себя и для продажи ямщикам. Собачьи дохи считали наиболее теплыми. Козлиные дохи шили без подклада, а собачьи считалось неудобным носить без подклада. Доха, как и тулуп, шилась длинной до пят и с большим воротником. Воротник тулупа и дохи поднимали для тепла и подвязывали около шеи гарусным коротким шарфом. Вокруг бедер доху, тулуп и вообще всякую верхнюю одежду опоясывали «в два обмота» кушаком, завязывая его спереди и подтыкая концы около бедер. Кушаки — своедельские или покупные — были в три метра длины и в четверть ширины.

Зимней обувью были валенки, называемые в Западной Сибири «пимы», а в Восточной — «катанки». В Сибири были известны нарядные катанки кукарские (из слободы Кукарка Вятской губ.), а также шадринские, тюменские. Праздничные катанки были белые, розовые, бордовые из овечьей шерсти первой стрижки — поярковой и называли их «боярковы». Кроме того, их украшали вкатанными полосками гарусной цветной шерсти, бисером и называли в зависимости от характера узора «с мушками», «крапленые», «писаные». Простые катанки изготовляли местные мастера. Женские катанки делали до колена, мужские — длиннее, за колено.

В южных районах Западной Сибири, а более всего в Забайкалье, местные особенности наиболее ярко проявлялись в одежде. Здесь летнюю праздничную одежду мужчин составлял свободного покроя халат с подкладкой или без нее. Молодые предпочитали шелковые, кашемировые, дабовые, ситцевые халаты ярких тонов. Мужчины постарше носили халаты спокойных тонов, чаще черные дабовые, кашемировые. В Забайкалье старики в казачьих и крестьянских селениях все лето ходили в халатах, подпоясанных кушаком; застегивался халат на левом плече, как у бурят.

В Забайкалье и в Минусинском уезде Енисейской губ. мужчины носили азямы из верблюжьего сукна, украшенные («исписанные») по подолу и вороту бумажной тесьмой. На юге Тобольской губ. у молодых мужчин в XIX в. был модным белый суконный азям, вышитый цветной шерстью.

Весной и осенью в Забайкалье и на юге Тобольской губ. мужчины носили «чуту» («чугушку») и зипун из домотканого черного или серого сукна. Эта одежда длиною до пят, с клиньями, без застёжки, опоясывалась вокруг бедер кушаком. Зипун был мужской одеждой по всей Сибири.

Праздничной одеждой молодых мужчин казачьих селений Забайкалья были «куртки» длиной до колен. Шили их из покупного или своедельского сукна. Летние куртки шили без подкладки, а осенние — или «стяженные на ветоши», или (в более состоятельных семьях) на подкладке из овечьей или верблюжьей шерсти, простеганной с ситцем или сатином. Куртки застегивались на пуговицы по борту. Повседневные куртки шили из грубого сукна и одевали для работы по хозяйству мужчины и женщины.

Зимой в теплые дни здесь носили шинели из своедельского катаного серого или черного сукна, а в морозы одевали нагольные «дубленые», «дымленные» овчинные шубы прямого покроя с застежкой, длиной до колен или ниже их, с широкими полами. У крестьян оторочка шубы по борту и вороту была из мерлушки. Воротники были разных видов — круглые, с углами и пропущенные вдоль верхнего борта до пояса. У ононских, аргунских и нерчинских казаков шубы были бурятского покроя с низким воротником, плюсовой оторочкой вокруг подола, груди и обшлагов. Праздничные шубы у зажиточных были не нагольные, а крытые дабой, плюсом, тонким сукном; шубы опоясывались кушаком. Женщины носили бурятского покроя козлиные шубы — «ергачи», расшитые на груди цветным шелком.

В дорогу зимой поверх шубы одевали овчинный тулуп («ергак») с большим воротником или доху. Тулупы были нагольные из дубленых, дымленных овчин или крытые плотной материей. Доха шилась из «барловых» — осенних шкур домашних и диких коз, сохатых (оленей), тарабаганов, волков.

Зимние рабочие штаны шили из черных остриженных бараньих шкур шерстью внутрь. Пожилые мужчины носили овчинные штаны не только зимой, но и осенью, и весной. «Овчинные штаны носили с осени и пока хлеб не посеешь», — рассказывали нам старожилы из бывшего казачьего с. Мангут. Овчинные штаны носили также ямщики. Нижнее белье раньше не употреблялось крестьянами. «Две бумазейные рубахи да штаны овчинные в дорогу зимой надевали», — вспоминали старожилы⁷⁷. Более состоятельные хозяева для зимних штанов выделывали под замшу шкуры лося и изюбря. Выделка овчин и кож была очень тяжелой работой.

Зимой мужчины носили меховые шапки-ушанки, папахи бурятского фасона («чебак» и малахай). Они имели округлую или цилиндрическую форму. С правой и левой сторон пришивались «уши» с завязками из тесьмы на концах. «Уши» шапки подвязывались сзади, на затылке, или на верху шапки, или опускались вниз — смотря по погоде. Шапки-ушанки шили из беличьих шкурок, лисьих лапок с меховым подкладом. Папахи шили из мерлушки, шкурок козлят, из собачьих и волчьих шкур с подкладом из овчины.

Летом носили катаные серые и черные войлочные шляпы с полями («колпаки») или соломенные и самодельные шляпы.

На руки зимой во время работы по хозяйству одевали вареги, «вязанки» — вязанные из шерсти, либо «шубницы» — овчинные рукавицы, шерстью внутрь. В дорогу одевали «исподки», вязанные из шерсти, а поверх них — «мохнатые», «мохнашки» — овчинные рукавицы, спитые шерстью наружу. Название «шубницы» прослеживается в Архангельской губ. У рыбаков были в ходу «волосянки» — вязанные из конского волоса.

Мужская обувь в Забайкалье была сходна с женской — ичеги и унты. Ичеги были летней обувью, унты — зимней. Мужчины надевали с ичегами черные или белые «перевязки» у щиколоток, женщины носили перевязки пестрые. Ичеги шили из мягкой юфтовой кожи или из овчины, мехом внутрь, а гураньи и телячьи — мехом наружу. Бедные крестьяне носили и в праздник и повседневно «стома» — ичеги с суконным верхом (к кожаным головкам пришивались голенища из катаного сукна). Ичеги носили на чулок. Летом ходили босыми, а чтобы не наколоть ноги, смазывали ступни смолой и дегтем.

Унты шили из различного меха: овчины, дикой козы — «гуранины», из телячьих шкур. Унты шили без «подрыда» и твердого «подбора», а для прочности головки и подошвы обшивали кожей. Унты носили с шерстяным чулком. Для дальних поездок в зимнее время пользовались пимами, спитыми из собачьих шкур. Пимы одевали поверх ичегов или унтов. В некоторых местах пимами называли также войлочную обувь, обшитую кожей, которая также одевалась в дорогу поверх ичегов.

Распространение в Сибири фабричных тканей (конец XVIII — первая половина XIX в.). С XVII в. в Сибири, как уже указывалось, были известны «российские» ткани (холст, крашенина, пестрядь) ремесленного производства, а также хлопчатобумажные и шелковые восточного происхождения. С развитием русской текстильной промышленности к началу XIX в. ткани русских фабрик особенно широко сбывались в Сибирь, в Среднюю Азию, отчасти вывозились в Китай. На Ирбитской ярмарке известностью пользовались ситцы, гарусы и шерстяные изделия фабрик Щепольдина, Зубкова, Балина; даба и ситцы фабрик Коновалова, Прохорова ⁷⁸.

С середины XVIII в. крупную роль в торговых обменах с Китаем играла Кяхта. В XVIII в. основным предметом русского вывоза в Китай была пушнина, но на кяхтинском внутреннем рынке пользовался спросом холст и сермяжное сукно. В результате дешевые хлопчатобумажные фабричные материи к XIX в. получили широкое распространение в Сибири для изготовления праздничной одежды, а в ряде районов — и повседневной. С середины XIX в. некоторые московские и владимирские суконные и хлопчатобумажные фабрики работали главным образом на Кяхту. В большом количестве в Забайкалье шел черный плис с фабрик Московской губ. На кяхтинском рынке особенно ценился черный плис фабрики Скороспелова. Из ситцев большим спросом пользовались розовые и «пятиколеровые» ситцы с московских фабрик

Прохорова и Третьякова, а коленкоры — с фабрик Морозова. В селения фабричные ткани привозили на подводах купцы из Кяхты, Нерчинска и коробейники («мельчники», «мелошники», «узольники»), которые привозили много и мелких товаров — лент, позументов, тесьмы, бисера и др. С другой стороны, через Кяхту в Сибирь в значительном количестве стали поступать китайские ткани, а с начала XIX в. в результате оживления торговых сношений со среднеазиатскими ханствами в среде русского западно-сибирского населения распространяются иные восточные ткани.

Приобретать русские фабричные ткани и привозные из-за рубежа стало выгоднее, чем готовить их самим, но традиционный покрой одежды у русских Сибири сохранялся стойко. В мужской одежде в первой половине XIX в. прослеживается более широкое использование фабричных тканей на праздничную одежду. Модными стали в Сибири у молодежи рубахи из кумача и цветной однотонной шерсти, отделанные вышивкой или позументом, а также плисовые штаны. Среднеазиатские ткани в Западной Сибири стали использоваться в женских нарядах (сарафаны, парочки, платки), а у мужчин вошли в моду восточного покроя и орнамента штаны.

В женской одежде русских Забайкалья прослеживались различия в элементах между крестьянками и казачками и особенно выделялись старообрядцы — «семейские». В казачьих селениях почти не ткали своего холста, за исключением некоторых селений, расположенных в удобных долинах и позднее приписанных к казачеству. В таких поздних казачьих селениях дольше можно было встретить традиционный народный костюм и будничные рубашки из холста, имевшие верх дабовый, а подол холщовый. Девушки-крестьянки шили белые рубахи с вышивкой и «файборой» (оборкой) у ворота, с широким манжетом «в четыре перста». Поверх такой рубахи одевали «жаркой» атласный сарафан.

Традиционный женский комплекс из рубашки и сарафана в XIX в. даже у «семейских» Забайкалья шился уже из покупной ткани. Поверх праздничного сарафана надевали коротенькую, немного ниже талии, легкую, севернорусского типа душегрейку из такого же материала, удерживаемую на плечах помочами. Женщины из зажиточных семей зимой носили белизны душегрейки.

Сарафаны «семейский» и сибирский различались по покрою и внешнему виду. «Семейский» сарафан шился с широкими проймами, из трех прямых полотнищ (одно — спереди и два — сзади) и с каждого бока — по два клина с подклинками. У «семейских» было принято нашивать яркие ленты на сарафан. Сарафан «семейские» по талии опоясывали широким домотканым или покупным нарядным поясом в несколько обхватов. Сибирский сарафан шился из 4—6 прямых полотнищ, сзади сильно присборенных по пришитому по талии поясу, и в отличие от «семейского» о нем говорили — «с талей и бориками». Выше талии часть сарафана называлась «блужка». Спереди она шла общей полосой из

двух полотниц, со швом по середине переда и с застежкой, а со стороны спины блузка пришивалась отдельной частью, имевшей название «спинка»; от спинки шли выкройные ламки шириной «в два перста»⁷⁹.

И к праздничному и к повседневному сарафану полагался фартук «запон». Будничные запоны шили холщовые, дабовые, ситцевые. Праздничные запоны шили из покупного «товару» и домотканые «сукманные» — шерстяные клетчатые или с поперечными полосами белыми, черными. С сукманным запоном к сарафану полагалось по талии повязывать шерстяной пояс. Пожилые женщины шили запоны из темной материи, украшая их по подолу тесьмой или узкой полоской вышивки. Девушки и молодые женщины носили запоны с «нагрудкой», «грудинкой». Нагрудка кроилась отдельно, украшалась нашитой лентой и пришивалась на уровне талии к нижнему полотнищу. К верхней части нагрудки и по талии пришивались «вязочки» — тесьма для завязывания запона. Праздничный запон шился из двух полотниц шелка, пестрого сатина, кашемира, присборивался по талии у пояса. Подол запона украшала файбора в мелкую складочку. В «семейских» запонах было принято нашивать вдоль подола яркие разноцветные шелковые ленты.

Праздничный костюм из покупной шелковой или шерстяной ткани считался дорогим, и надевали его по большим праздникам. Мать берегла свои «наряды» дочерям, таким образом некоторые рубахи и сарафаны носились двумя-тремя поколениями. Следует отметить, что если в середине XIX в. у старообрядцев Забайкалья и Алтая (конечно, в зажиточных семьях) были в моде плотные однотонные шелковые материи типа атласа и левантина, то в конце XIX в. большим спросом пользовались более легкие материи, но с узорчатой выработкой.

В русских селениях, расположенных по трактам, вблизи городов и соприкасавшихся с приисками и рудниками, началось проникновение в крестьянскую среду одежды, характерной для города (парочка, или платье, наколки, фабричные пояса, плисовые штаны, жилеты и др.). В Тесинской волости Минусинского уезда даже пожилые женщины в начале XIX в. летом поверх холщовой рубахи носили ситцевые юбки, душегрейки, а голову повязывали бумажным или шелковым платком. Молодые женщины и девушки одевались по городской моде, а некоторые состоятельные имели даже «бурнусы», «солопы». Старики здесь в летние праздники носили рубахи и порты из тонкого белого холста, а поверх — азам из верблюжьей шерсти, подпоясанный кушаком. Молодые мужчины надевали ситцевые рубахи, плисовые или нанковые шаровары, кунгурские сапоги, кашемировый или ситцевый халат с кушаком⁸⁰.

Старые женщины в ряде уездов Тобольской (Тюменском, Ялуторовском) и Томской губерний (Каинском) и во второй половине XIX в. продолжали носить «дубасы» традиционного покроя из синего холста⁸¹, и даже переселенцы из этих мест в Ени-

сейскую губ. продолжали шить дубасы, но уже из синей фабричной ткани, на подкладе из тонкой пестряди.

Распространение фабричных тканей способствует возникновению таких форм сарафана, как «старушник» — с глубокими долевыми складками, расходящимися к подолу; «горбач», «горбуша», «горбунчик» — в старообрядческих селениях Западной Сибири. В старообрядческих селениях Забайкалья сарафан-«горбун» не прослеживается; здесь и в XX в. активно носили ляпочные сарафаны из различных фабричных тканей.

Парочка (юбка с кофтой) как праздничная одежда прежде всего вошла в состоятельные крестьянские семьи. Сшитая из одного материала, она нередко называлась «платье», а когда утвердилась мода шить кофты и юбки из разного материала, то употребительным стало название «юбка» и «кофта». Юбки шили из трех-четырех полотнищ, на сборках в кушаке, а кофты шили в талию, с «файборой» по нижнему краю или свободного покроя. Кофты носили поверх юбки. Парочки шили атласные, кашемировые, гарусные, репсовые, сатиновые — «кто какой достаток имел». При шитье парочек принимался во внимание возраст. Девушки и молодые женщины — «молодухи» — пользовались яркими цветастыми материями; пожилые женщины шили себе парочки скромных, темных расцветок. Девочкам шили одежду такого же покроя, как для взрослых, — длинные, до пят. Щеголихи шили входившие в моду длинные платья с оборкой — «капоты», «холодаи», закрывавшие ноги. Оборка (файбора) проходила по подолу в два-три ряда. На капот шло до 15 аршин материи.

* * *

На протяжении XVII—XIX вв. одежда русского сельского населения Сибири не оставалась неизменной. Различные документы XVII—XIX вв. позволили нам собрать большой перечень наименований одежды, о чем свидетельствует прилагаемый терминологический словарь. Перечень предметов одежды позволяет заметить локальные различия в терминологии предметов, в наименовании материала, из которого шилась или которым отделялась та или иная одежда; позволяет проследить многочисленные терминологические аналогии с одеждой русского населения Европейской России того же времени.

Разумеется, вряд ли возможно точно определить время возникновения тех или иных видов одежды, но несомненно, что их появление органично обусловлено целым рядом причин хозяйственного, экономического, климатического и этнического свойства, а в целом — всей историей русского населения Сибири. В его среде выработалось много своеобразных видов крестьянской одежды, неизвестных русским Европейской России (маринак, лабашак, куртик, чапан, чембары, файшонка и многое другое); вошли в обиход совершенно новые, территориально локальные типы одежд, заимствованные от коренных жителей края. Если

в XVII в. одежда русского населения Сибири была в значительной степени однотипна с одеждой русского населения Европейской России, то к XVIII в. традиционный костюм подвергся заметной трансформации. Широкое применение получили меховые изделия, а затем — восточные ткани. Изменение материала, из которого шилась одежда, влияло и на ее конструкцию.

Вполне вероятно, что именно в одежде русских в наибольшей степени по сравнению с другими элементами материальной культуры, отразились этнокультурные контакты. Существовавшее в XVIII—XIX вв. терминологическое многообразие в одежде еще требует изучения. Следует отметить, что основная масса переселенцев, особенно в земледельческой полосе Сибири, сохраняла традиционные национальные формы одежды и ее терминологию. Сочетание же разнородных элементов в одежде, восходящих к различным этнографическим общностям, сообщало одежде своеобразие и способствовало проявлению художественного вкуса народа, что особенно наглядно подтверждает одежда русских Забайкалья и еще более — одежда русских из селений Южного Алтая.

- ¹ *Лебедева А. А.* Одежда русского населения Сибири. — В кн.: Проблемы изучения материальной культуры русского населения Сибири. М.: Наука, 1974, с. 76—109.
- ² *Вакрушин С. В.* Снаряжение русских промышленников в Сибири в XVII в. — В кн.: Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII в. М.; Л.: Главсевморпуть, 1951, с. 85—92.
- ³ *Лебедева А. А.* Материальные компоненты, их характер и роль в традиционном свадебном обряде русских старожилов Тобольской губернии (XIX—начало XX в.). — В кн.: Русский народный свадебный обряд. Л.: Наука, 1978, с. 209—219; *Она же.* Мужская одежда русского населения Западной Сибири (XIX—начало XX в.). — В кн.: Проблемы изучения материальной культуры, с. 202—222; *Бардина П. Е.* Об изменениях в одежде русского населения Томской области. — В кн.: Этнокультурная история Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1978, с. 141—159; *Громов Г. Г.* Русская одежда. — В кн.: Очерки русской культуры XVI в. М.: Изд-во МГУ, 1977, ч. 1, с. 202—216.
- ⁴ *Оглоблин Н. Н.* Обзорные столбцов Сибирского приказа (1592—1768 гг.). М., 1900. Ч. 3; М., 1901. Ч. 4.
- ⁵ *Оглоблин Н. Н.* Списки с товарных ценовых росписей и перечневая выписка по городу Енисейску XVII в. (1649—1687). — ЦГАДА, ф. 214, кн. 254.
- ⁶ *Александров В. А.* Начало Ирбитской ярмарки. — История СССР, 1974, № 6, с. 36—57; *Он же.* Таможенные книги Ирбитской ярмарки как этнографический источник (конец XVII—начало XVIII в.). — СЭ, 1978, № 3, с. 131—138; *Он же.* Русское население Сибири XVII—начала XVIII в. (Енисейский край). М.: Наука, 1964, с. 291; *Он же.* Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). М.: Наука, 1969, с. 221.
- ⁷ *Копылов А. Н.* Торговые связи Енисейского рынка в XVII в. — В кн.: Экономика, управление и культура Сибири XVI—XIX в. Новосибирск: Наука, 1965, с. 94—110.
- ⁸ *Кашик О. И.* Торговля в Восточной Сибири в XVII—начале XVIII в. — В кн.: Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1967.
- ⁹ *Вилков О. Н.* Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII в. М.: Наука, 1967.

- ¹⁰ *Лебедева А. А.* Материалы по этнографии русского населения Сибири в Архиве Географического общества. — В кн.: Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Л.: Наука, 1977, с. 37—45.
- ¹¹ *Арциховский А. В.* Древнерусские миниатюры как исторический источник. М.: Изд-во МГУ, 1944; *Он же.* Одежда. — В кн.: История культуры Древней Руси. М.: Изд-во АН СССР, 1948, т. 1, с. 234.
- ¹² *Левинсон-Лещева М. Н.* Материалы к истории русской народной одежды. — В кн.: Крестьянская одежда населения Европейской России. М.: Советская Россия, 1971, с. 352.
- ¹³ *Грозов Г. Г.* Русская одежда, с. 204.
- ¹⁴ *Маслова Г. С.* Народная одежда русских, украинцев и белоруссов. — В кн.: Восточнославянский этнографический сборник. М.: Изд-во АН СССР, 1956, с. 592.
- ¹⁵ *Арциховский А. В.* Одежда, с. 285—286; *Рабинович М. Г.* О древней Москве. М.: Наука, 1964, с. 286—288.
- ¹⁶ Акты юридического быта. СПб., 1884, т. III, с. 270; ГИМ, отдел тканей, № 9875/Б2818.
- ¹⁷ *Георги И. Г.* Описание всех в России обитающих народов и их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, вероисповеданий и прочих достопримечательностей. СПб., 1789, т. IV, с. 128.
- ¹⁸ *Тереженко А.* Быт русского народа. СПб., 1843, т. 1, с. 340; Архив ЛОИА, ф. 5, д. 107, л. 36; *Семевский В. И.* Домашний быт и нравы крестьян во второй половине XVIII в. — Устон, 1882, № 1, с. 125.
- ¹⁹ Альбом Мейерберга (1661—1662). СПб., 1903, л. 24, табл. 59/9; *Рош Д.* Русские типы в незаданных гуашах (1730). — Старые годы, 1911, № VI, с. 24—25.
- ²⁰ *Забелин И.* Домашний быт русских царей XVI—XVII в. М., 1915, т. II, с. 797.
- ²¹ *Забелин И.* Домашний быт..., 1872, т. I, с. 117, 145.
- ²² *Газен-Торн Н. И.* Магическое значение волос и головного убора в свадебных обрядах Восточной Европы. — СЭ, 1953, № 5/6, с. 76—88; *Маслова Г. С.* Орнамент русской народной вышивки. М.: Наука, 1978, с. 16—17.
- ²³ *Оглобин Н. Н.* Обозрение столбцов..., ч. 3, с. 80; ч. 4, с. 74.
- ²⁴ *Бахрушин С. В.* Снаряжение русских промышленников..., с. 88.
- ²⁵ Переписные книги г. Москвы. 1737—1745. М., 1881, ч. 1, с. 28.
- ²⁶ *Чулков М. Д.* Историческое описание Российской коммерции. М., 1786, т. VI, кн. 3, с. 221, 391.
- ²⁷ *Кован И. И.* Московские шелковые фабрики первой половины XVIII в. Л.: Издание ГАИМК, 1929, с. 144.
- ²⁸ *Вилков О. Н.* Ремесло..., с. 85; *Кашин О. И.* Торговля..., с. 188; *Копылов А. Н.* Торговые связи..., с. 101—102.
- ²⁹ *Вилков О. Н.* Ремесло..., с. 86—87.
- ³⁰ *Александров В. А.* Начало Ирбитской ярмарки, с. 36—57; *Он же.* Таможенные книги..., с. 131—138; *Хитров А. К.* истории Ирбита и Ирбитской ярмарки. Ирбит, 1872, с. 12—14.
- ³¹ *Окладников А. П.* Русские полярные мореходы XVII в. у берегов Таймыра. М.; Л.: Главсевморпуть, 1948, с. 11—12; *Окладников А. П.* Археологические находки на острове Фаддея и на берегу залива Симса. — В кн.: Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII в. М.; Л.: Главсевморпуть, 1951, с. 7—40.
- ³² ЦГАДА. Приказные дела старых лет, кн. 163, д. 86, л. 122—124.
- ³³ *Бахрушин С. В.* Снаряжение русских промышленников..., с. 88.
- ³⁴ *Поляков И. С.* Письма и отчеты о путешествии в долину р. Оби. СПб., 1877, с. 91.
- ³⁵ *Врангель Ф. П.* Путешествие по северным берегам Сибири по Ледовитому морю, совершенное в 1820—1824 гг. экспедицією. СПб., 1841, т. 1, с. 237—243.
- ³⁶ *Пестов И.* Записки об Енисейской губернии Восточной Сибири. 1831. М., 1833, с. 146; *Яроцкий Я.* Некоторые замечания о Туруханском крае. — Казанский вестник, 1826, ч. XVI, с. 163.

- ³⁷ Амгинская слобода. — Газ. Сибирь, 1878, № 30, с. 5.
- ³⁸ Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. СПб., 1730—1741, т. II, с. 239—240.
- ³⁹ Архив ГМЭ, ф. 6, оп. 5, д. 22, л. 9.
- ⁴⁰ Гуляев С. И. О сибирских круговых песнях. — Отеч. зап., 1839, № 3, с. 54; Паллас П. С. Путешествие по равным местам Российского государства. СПб., 1788, т. 2, кн. 1, с. 217.
- ⁴¹ Лебедева А. А. Мужская одежда. . . , рис. 5.
- ⁴² Остафьев В. Особенности земледелия в Западной Сибири. — В кн.: Сведения о Сибири. СПб., 1897, с. 34.
- ⁴³ Степанов А. П. Енисейская губерния. СПб., 1835, т. 2, с. 103.
- ⁴⁴ АИЭ, фонд Комплексной экспедиции, Ангарский отряд, 1957 г., оп. 310, материалы О. Пчелиной, № 1167, 1254, 1327.
- ⁴⁵ Архив ГМЭ, ф. 6, оп. 1, д. 73, л. 6; Макаренко А. О красильном искусстве у русских Енисейской губернии. — Живая старина, 1895, № 3/4, с. 350.
- ⁴⁶ Таулигина Л. В. Север Европейской части РСФСР. — В кн.: Крестьянская одежда. . . , с. 155.
- ⁴⁷ Костюрина М. Н. Быт сибирской деревни Тобольской губ. — Архив ГМЭ, ф. 6, оп. 5, д. 10, л. 9.
- ⁴⁸ АГО, разр. 61, оп. 1, № 23, л. 40, 1860 г.
- ⁴⁹ Маслова Г. С. Русский народный костюм (XIX—XX вв.). — В кн.: Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Новосибирск: Наука, 1974, ч. 1, с. 156.
- ⁵⁰ Архив ГМЭ, ф. 6, оп. 1, д. 62, л. 2.
- ⁵¹ АГО, разр. 61, оп. 1, № 29, 1848 г.; АГО, разр. 62, оп. 1, № 8, 1848 г.; ГМЭ, кол. 1222—52, 1222—60, 1222—61, 1222—62.
- ⁵² Лебедева А. А. Женская одежда русского сельского населения в предгорьях Алтая. — В кн.: Итоги полевых работ Института этнографии в 1970 г. М.: Наука, 1971, с. 38—39.
- ⁵³ Абрамов Н. Этнографические сведения. — Тобольские губернские ведомости, 1864, № 26, с. 210.
- ⁵⁴ Загорский В. Из быта и нравов Сибири XVIII в. — Сибирский архив, 1912, № 6, с. 449—465.
- ⁵⁵ Посошков И. Т. Книга о скудости и богатстве. М., 1911, с. 128.
- ⁵⁶ Веллева И. С. Штраф за русское платье. М., 1899, с. 5.
- ⁵⁷ Лилеев М. И. Новые материалы для истории раскола в Ветке и в Стародубе XVII—XVIII вв. Киев, 1893, с. 127, 128; Собрание постановлений по части раскола, состоявшихся по ведомству св. Синода. СПб., 1860, кн. 1, с. 62—63, 79—80.
- ⁵⁸ Успенский М. И. Старообрядческое сочинение XVIII столетия об одежде. — Изв. ОРЯС, 1905, т. 10, кн. 2, с. 18—30.
- ⁵⁹ Лебедева А. А. Одежда одной из локальных групп русского населения Забайкалья. — В кн.: Из культурного наследия народов России. JL: Наука, 1972, т. XXVIII, с. 153—157.
- ⁶⁰ ААН СССР, разр. 1, оп. 13, д. 11, л. 21, 24; С. П. Крашенинников в Сибири: Непубликованные материалы. М.; JL: Наука, 1966, с. 54.
- ⁶¹ Гринкова Н. П. Одежда бухтарминских старообрядцев. — В кн.: Бухтарминские старообрядцы. JL: Изд-во АН СССР, 1930, с. 313—396; Лебедева А. А. Одежда русского населения Сибири. — В кн.: Проблемы изучения материальной культуры, с. 77, 205.
- ⁶² Мартос А. Письма о Восточной Сибири. М., 1827, с. 111.
- ⁶³ Розен Е. А. Записки декабриста. Лейпциг, 1870, с. 249.
- ⁶⁴ Архив ГМЭ, ф. 6, оп. 5, д. 22, л. 20—21.
- ⁶⁵ АГО, разр. XXVI, № 16, с. 506.
- ⁶⁶ Абрамов Н. Этнографические сведения, с. 210.
- ⁶⁷ Георги И. Г. Описание. . . , с. 83, 128.
- ⁶⁸ Потанин Г. Н. Материалы для истории Сибири. — ЧОНДР, 1867, кн. 1, с. 132—135.

- ⁶⁹ *Лебедева А. А.* Массовые типы архивных источников для изучения материального быта русских крестьян Сибири. — В кн.: Проблемы изучения материальной культуры, с. 232.
- ⁷⁰ ГАТО, ф. 10, оп. 1, д. 1030, 1049.
- ⁷¹ *Авдеева К. А.* Записки и замечания о Сибири. М., 1837, с. 91—94.
- ⁷² *Кашин Н.* Новый список биографии А. Н. Радищева. — ОИДР, 1912, кн. 2, с. 11—12.
- ⁷³ *Сабурова Л. М.* К вопросу о формировании культуры русского населения Приангарья. М.: Наука, 1964, с. 5—6.
- ⁷⁴ Челябинский обл. краевед. музей, отдел фондов, рукописные материалы, оп. 4, № 277, 281.
- ⁷⁵ ГАТО, ф. 10, оп. 1, д. 368; Тобольские губернские ведомости, 1862, № 22, с. 154.
- ⁷⁶ *Чудновский С.* Енисейская губерния к трехсотлетнему юбилею Сибири. Томск, 1885, с. 115—117.
- ⁷⁷ АИЭ, фонд Комплексной экспедиции, Забайкальский отряд, 1961 г., материалы А. А. Лебедевой.
- ⁷⁸ Гос. архив Пермской обл., ф. 65, оп. 4, д. 98 (1823 г.), л. 15; Памятная книжка Пермской губ. на 1863 г. Пермь, 1862, с. 6.
- ⁷⁹ *Маслова Г. С.* Русская народная одежда Забайкалья: XIX—XX вв. — В кн.: Быт и искусство..., с. 62.
- ⁸⁰ АГО, разр. 57, оп. 1, № 3, л. 5.
- ⁸¹ *Мологиллов А.* Говор русского старожильческого населения северной Барабы. — Труды/ Томское общество изучения Сибири. Томск, 1913, т. II, вып. 1, с. 141.

Пища русских сибиряков

Крестьянское земледельческое освоение Сибири началось несколько позднее промыслового и развертывалось кожнее, в удаленных от промыслов районах. Поэтому в начале русского расселения в Сибири спрос на хлеб возникал раньше его предложения, и этот период особенно важен для понимания сложившихся позже особенностей кулинарии сибиряков. До развития русского земледелия в Сибири отсутствие собственной продовольственной базы, а также трудности с доставкой продуктов из-за Урала через горы и таежные леса вызывали перебои в снабжении. Первопроходцы и первооселенцы сибирских земель нередко испытывали недостаток продовольствия. Это побуждало их активно включать в свой рацион продукты, которыми пользовалось местное население. Малочисленность в первые годы расселения в Сибири русских женщин, являющихся основными носителями традиционных навыков кулинарии, по всей вероятности, в свою очередь способствовала усвоению местных приемов обработки и приготовления продуктов. Указания на отход от традиционного питания содержатся во многих документах конца XVI—XVII вв.

В своей челобитной енисейские служилые люди в 1626 г. писали: «Чего на Руси и скотина не ест — в зимнее время, разбив муки на воде, а в летнюю пору, наваря борщу (название травы. — В. Л.) на воде, то мы едим»¹. Также и красноярские служилые люди, не получившие в походе хлеба, жаловались в челобитной: «Помирали голодною смертью и души свои оскверняли — всякую гадину и медвежатину ели»². В то же время воевода г. Мангазеи писал, что русские варят щи из травы, похожей на ревеня, которую называют «капустою»³. А одно из съедобных растений, произрастающее на берегах Енисея и других рек Восточной Сибири, получило название «борщ». Из других дикорастущих, с которыми русские встретились в Сибири, особенно ценился ревеня, имевший также и целебные свойства. Рано вошли в употребление русские дикие лук-бодун, чеснок, сарана, кипрей, колба, которые повсеместно собирались и заготавливались местными жителями⁴. Лук, сарану, кипрей заготавливали на зиму, засаливая или высушивая. Соленый лук толкли в миске и ели с маслом и хлебом. Колбу засушивали в пучках, толкли и употребляли как начинку к мучным блюдам.

Более существенную роль в питании играли продукты охоты и рыболовства. Они использовались не только служилыми людьми

в походах, но и жителями городов и деревень. Так, по Дозорной книге Верхотурского уезда первой половины XVII в. у пашенных крестьян было учтено 38 участков на реках — «езов для рыболовства», 7 «озер» и 3 «птичьих перевесья» для ловли птиц»⁵.

Продукты охоты и рыболовства шли не только для собственного пропитания, но и на рынок. В таможенных сибирских книгах XVII в. регистрировались медвежатина, оленина, зайчатина, куропатки, гуси (в частности, соленые), разная рыба (щуки сухие, караси соленые, осетры соленые, стерляди сушеные, икра осетровая и стерляжья)⁶.

В Сибири получило распространение сушение, или вяление рыбы, сравнительно мало применяемое в европейской части страны. От местных народов были восприняты и основные способы заготовки сушеной рыбы и названия ее: юкола — вяленая рыба с костями (цельную рыбу распластывали и вялили на солнце), юрок — рыба вяленая, без костей, порса — сушеная мелкая рыба (сушили кусками вместе с икрой), употреблявшаяся в постные дни, как снетки в европейской части страны. Однако основным способом заготовки рыбы впрок являлась засолка. Рыбу на месте промысла потрошили и, не снимая чешуи, пластали, отдельно солили икру. Мангазейской таможеней в 1631 г. было зарегистрировано 3200 пудов соленой рыбы и 871 беремя юколы, в Туруханском зимовье в том же году только в мае-июне поступило на продажу 1628 пудов рыбы и 1106 беремей юколы⁷.

Восприняли русские также кушанье, употреблявшееся у всех северных народностей Сибири, — «варку». Она представляла собой брюшки белой рыбы, сильно разваренные в котле с рыбьим жиром, до образования коричневой хрустящей массы, которую можно было долго хранить в оленьих пузырях. Возможно, что уже в то время рыбу не только солили, но и, по примеру аборигенов, закладывая в ямы, квасили без соли, так как потребности населения в соли в XVII в. обеспечивались далеко не повсеместно. Квашеная рыба шла только на внутрисемейное потребление.

На Крайнем Севере рыба составляла основу питания, временами заменяя хлеб. Рыбий жир, почти не употреблявшийся русскими в европейской части страны, в Сибири получил широкое распространение и даже вывозился на ярмарки. Готовили его, перетапливая в котлах с малым содержанием воды куски рыбы. По более поздним данным известно, что русские женщины считали жир ливней особенно хорошим при выпечке пирогов.

С самого начала расселения русских в Сибири они стремились восстановить здесь традиционную хлебно-мучную основу питания. Продукты собирательства, охоты и рыболовства рассматривались русским населением лишь как подспорье или временная замена привычных продуктов.

Первое время хлеб доставлялся в Сибирь из европейской части страны, главным образом из поморских уездов, и русские переселенцы сильно страдали от его недостатка. По мере разви-

тия сибирского полеводства основным продуктом питания становился ржаной хлеб. В XVII в. посевы ржи в Сибири преобладали. Хлеб пекли из кислого теста, которое в специальной деревянной посуде — «деже» — заквашивали дрожжами, пивной или квасной гущей, а чаще всего — остатками теста от предыдущей выпечки. Пекли хлеб на чисто выметенном поду русской печи, в виде небольших круглых коврижек. При недостаточности в ржаную муку подмешивали различные примеси, в частности дикую гречиху («кындык»); в северных местностях, где были распространены рыбные промыслы, русские стали выпекать лепешки из толченой сухой рыбы и икры.

Кроме ржи, яровой и озимой, в Сибири с XVII в. выращивали и другие хлебные культуры: ячмень, овес, поемному пшеницу и, в частности, ее древнюю разновидность — полбу, а также гречу и горох. Ячмень, овес, горох, а частично и гречу, так же как рожь и пшеницу, перемалывали на муку. Из ржи и ячменя делали солод, прорастив зерна до размола⁸. Мука в соответствии с приемами традиционной кулинарии использовалась для приготовления различных повседневных блюд. Из муки готовили жидкие блюда — болтушки и затирки, употреблявшиеся как похлебки, — и густые (кваша, саломату, кулагу), запаривая их в русской печи. Особенно полюбилась в Сибири саломата, ставшая блюдом праздничного стола. В XVI—XVII вв. повсюду в России в большом употреблении было толокно, приготовленное из овсяной муки с водою. Очень любим был овсяный кисель, для приготовления которого заквашивали овсяную муку, разбавленную водой. Из гороховой муки делали кисель, не требовавший длительной закваски. В некоторых местностях в пищу употребляли жидкое ржаное тесто. В Восточной Сибири из него делали горячий кисель, называвшийся «бурдук»⁹.

Русские принесли в Сибирь большое разнообразие хлебных изделий. Из кислого теста пекли блины, являвшиеся излюбленным блюдом для приема гостей, ямщиков и проезжающих на станах¹⁰. Их выпекали на специальных двойных или строенных блинных сковородах. Как и в севернорусских губерниях, в Сибири часто готовили шанеги — круглые лепешки, на которые сверху клали начинку из другого теста, обычно ячменного. Пироги, как и вообще у русских, были двух видов: из кислого теста, выпекавшиеся на поду русской печи и называвшиеся «подовые», и жареные — «пряженые» на жире, из кислого или пресного теста. Обычно пироги начиняли различным мясом, овощами и ягодами, творогом, яйцами и пр. Особенной любовью пользовались пироги с рыбой, запеченной целиком (как на Европейском севере), а также пироги с черемухой, которую высушивали и толкли или мололи в муку.

Из цельных или дробленых зерен хлебных культур варили традиционные русские каши. В первые годы расселения русских, когда у них еще не было налажено хозяйство, каши могли являться заменой хлебной пищи. Так, например, в Енисейском

уезде в 1628 г. было всего четыре мельницы, отчего население испытывало затруднения при помоле муки. В связи с этим из г. Енисейска сообщалось, что «многие служилые люди и пашенные крестьяне рожь варят кутьею и едят»¹¹. Наиболее популярна была ячменная крупа, из которой не только готовили каши, но и, как в севернорусских губерниях, варили густые — «толстые» или более жидкие — «тонкие шти». Из хлебного «жита» делали распространённые у русских напитки — квас и пиво, реже — брагу. Житный квас готовили из ячменя или ржаного солода. Пиво делали из ячменя, овса, ржи и пшеницы с использованием хмеля и дрожжей. Приготовление хмельных напитков составляло монополию правительства. Частным лицам разрешалось варить питье для себя, по семейным и религиозным праздникам, на «помочи» и пр. Весьма популярны, особенно в южной зоне, были мёды ставленные, для приготовления которых мёд разводили водой, заквашивали дрожжами и хмелем и давали выстояться до крепости. Для придания аромата воду, которой разводили мёд, предварительно настаивали на различных ягодах (смородине и др.).

Сибиряки рано познакомились с чаем, который позднее стал одним из самых распространённых напитков. Не пили чай лишь старообрядцы, считавшие это грехом. По-видимому, чай и способ его заварки были восприняты русскими от различных соседних народов. С середины XVII в. чай поставлялся в незначительном количестве бухарскими купцами в Западную Сибирь через Среднюю Азию¹². После заключения Нерчинского договора 1689 г. стали устанавливаться систематические торговые связи непосредственно с Китаем. Наряду с чаем там закупался и употреблялся в лечебных целях бадан (или бадьян — горное растение с сильным тонизирующим и вяжущим свойством)¹³. В XVII в. рыночная цена чая и бадана была очень высока и широким массам населения они были недоступны¹⁴.

Очень скудны сведения относительно употребления овощных культур, хотя огородничество несомненно началось сразу же при расселении русских в Сибирь. Выращивали огородные культуры: лук, чеснок, редьку, морковь и полевые — капусту и репу, которые до распространения картофеля были у русских основными овощами¹⁵.

На рубеже XVIII в. в Енисейске была составлена Переписная книга постоялых дворов, в которой указывалось, в частности, чем кормили хозяева своих постояльцев. В качестве «харчевых припасов» везде указаны крупа, капуста, квас, соль¹⁶. Судя по этим записям, можно думать, что основу питания в XVIII в. в земледельческой зоне составляли традиционные продукты и блюда.

Таким образом, в XVII в. недостаток продуктов у русского населения пополнялся за счёт местной фауны и флоры, путем охоты, рыболовства и собирательства, часть продуктов и скот покупались у местных народов. Вследствие этого в питании русского населения активно шёл процесс адаптации к местным ус-

ловиям. Вместе с тем русские стремились восстановить свою традиционную пищу, что можно было осуществить в процессе развития в первую очередь полеводства. Эта задача была успешно выполнена в XVIII в. в зоне старого расселения.

Восстановление традиционной кулинарии в земледельческой полосе. С началом русского расселения в южных черноземных степях Западной Сибири увеличивались посевы пшеницы¹⁷. В старозаселенных районах Тобольской и Томской губерний хлеба было достаточно не только для собственного потребления, но и для снабжения северной, неземледельческой полосы Западной Сибири и вывоза в Восточную Сибирь.

С успехами зерноводства развивалось мукомольное дело. К 1780 г. только в средней полосе Западной Сибири насчитывалось около полутора тысяч мельниц¹⁸. В лесной полосе, как и раньше, строили водяные мельницы (колесчатые и «мутовки» на «малой воде»), а в степных районах — также и ветряные. Так, в Ишимском лесостепном уезде было 248 водяных и 154 ветряные мельницы, в степном Курганском уезде — соответственно 132 и 192¹⁹. На рынках продавались мука ржаная и пшеничная, овсяная и ячменная, а также ржаной солод и различное зерно. Из круп, как и раньше, основной оставалась ячменная. Традиционная для русских хлебная пища занимала в земледельческой полосе главное место. Успехи полеводства и воссоздание здесь больших семей способствовали утверждению обычая ежедневной выпечки хлебов.

Развитие зернового хозяйства благоприятствовало восстановлению традиционной обрядовой кулинарии. Проезжавший в 1730 г. через Сибирь участник 2-й Камчатской экспедиции С. П. Крашенинников был в Томской губ. в рождественские праздники. Он обратил внимание на то, что жители выпекали из теста фигурки животных: коров, собак, зайцев и других, называя их «козыльками»²⁰. Такие обрядовые печенья характерны для севернорусских губерний.

Значительно развивалось в XVIII в. огородничество. По-прежнему особенно большое значение имела репа, которую запасали на весь год как основную овощную пищу.

По свидетельству «Топографического описания 11 уездов Тобольского наместничества»²¹ (1784 г.), на огородах выращивались репа, морковь, брюква, свекла, редька, капуста, горох, бобы, огурцы, в южных уездах, кроме того, — тыква, а вблизи некоторых городов (Тобольск, Ишим, Туринск) — пряности: мак, мята, шалфей, анис. В некоторых уездах (Тобольский, Тарский, Тюменский, Томский) в огородах разводили даже бахчевые культуры. В более северных уездах довольствовались горохом, бобами, капустой, свеклой и луком. Особо следует указать на появившиеся посевы картофеля. Считалось, что картофель в Сибири начали сажать только в XIX в.²² Однако в «Топографическом описании...» указывалось, что картофель выращивали в Тобольском уезде уже в конце XVIII в.²³

Продолжалось освоение местной флоры, за счет которой также расширялась продовольственная база. Некоторые растения, употреблявшиеся в пищу, были общими для Сибири и европейской части страны: грибы, ягоды, травы. Ягоды (смородина, малина, клубника, черемуха и др.) ели свежими, добавляли в мучные блюда, засушивали впрок. Особенно полюбилась сибирякам черемуха. Высушив и перемолов ягоды черемухи в муку, их использовали для начинки широков или, заварив кипятком, делали кисель. Грибы отваривали, солили, жарили²⁴. В лесостепях Прииртышья русские поселенцы познакомились с новой ягодной культурой — облепихой, стали использовать «калмыцкие орехи» — плоды бобовника, пригодные для выбивания из них масла и для выгонки водки. Кустарник гороховник, заросли которого часто встречались в приречных поймах, заготавливали для корма скоту, а в случае нужды его длинные, сочные листья употребляли в пищу и люди²⁵.

В XVIII в. значительные успехи сделало животноводство, в частности, в результате усилившейся на юге Сибири торговли с кочевниками, у которых закупался скот. На этой основе складывалась местная пищевая промышленность. Томские мясники, например, не только снабжали мясом население уезда, но вывозили его в другие города. В северной полосе (Ляпинская волость, Сургут, Березов) развивалось оленеводство²⁶.

Академик Гмелин, проезжавший Сибирь в 40-х годах XVIII в., отмечал, что «съестные припасы очень дешевы, рыба превосходна, мясо и дичь — в изобилии»²⁷. Если в XVII в. в таможенных документах из мясных продуктов регистрировалась обычно лишь говядина, то в XVIII в. указывались уже баранина, свинина, козлятина, в том числе и мясо, заготовленное впрок: соленое и вяленое. Однако основным мясным продуктом по-прежнему оставалась говядина, стоимость которой была наименьшая; более других ценилась свинина²⁸. Меньше сведений о домашней птице, но все-таки упоминаются куры и утки²⁹.

Основными животными жирами, как и в XVII в., продолжали оставаться говяжье топленое сало и коровье масло, в северной полосе — рыбий жир.

Зверошროмысел в целях пропитания в Западной Сибири в XVIII в. уступил место рыбному промыслу. Особенное развитие он получил в Тарском, Тюменском, Сургутском, Томском округах³⁰. Рыбу заготавливали не только для себя, но вывозили даже в Восточную Сибирь. Академик И. Г. Гмелин писал о рынке Тобольска: «Зерно очень дешево, а также быки и свиньи. Река богата рыбой. Осетры жирны, так что в котлах, где их варят, стоит жир в палец толщиной. Дичь: лоси, олени, козули, зайцы и т. д., из птиц — фазаны, куропатки, лебеди, дикие гуси, аксты — все это стоит дешевле говядины»³¹.

В Восточной Сибири развитие продовольственной базы шло в основном теми же путями, что и в Западной Сибири. Успехи полеводства способствовали тому, что традиционная для русских

хлебная пицца утверждалась в земледельческой полосе как основная и необходимая, даже во время промыслов. Академик И. Г. Гмелин, наблюдая быт промысловиков слюды, писал: «Как бы далеко они ни отправились, они не берут с собой хлеба. Они выпекают время от времени свежий, отчего они еще имеют то преимущество, что всегда могут сделать себе квас»³². О том же писал С. П. Крашенинников. По его наблюдениям, отправляясь зимой за соболями, промысловики брали на человека до 30 пудов ржаной и по 1 пуду пшеничной муки, а квашню или несли с собой или делали на месте. В специальном берестяном сосуде — «бурде» — хранили закваску, которую очень берегли, «потому что весь их харч в хлебе и в квасе состоит. А если накваска и гуща переведется, то многие занемогают и умирают, понеже пресные хлебы есть принуждены бывают»³³.

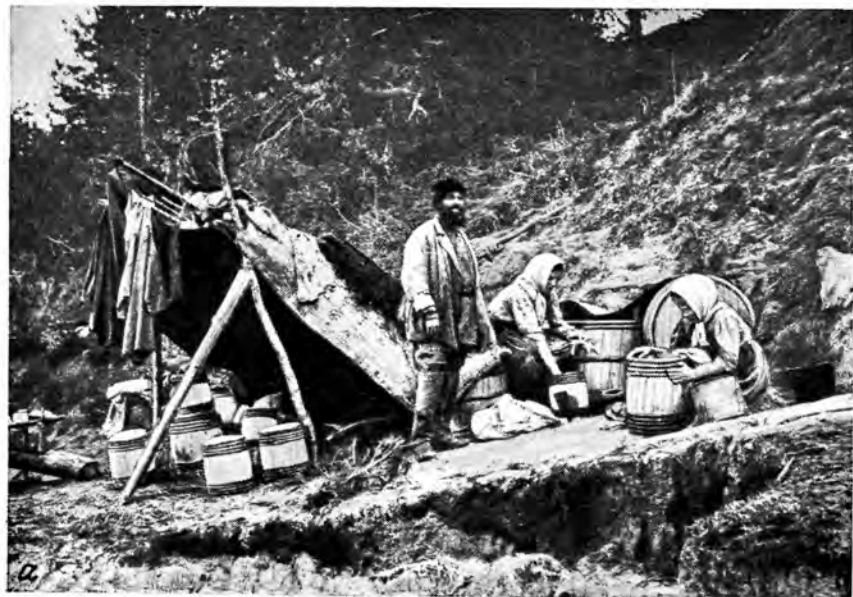
В Восточной Сибири огородничество обеспечивало главным образом нужды своего хозяйства. Посевы конопли, хотя и были малоурожайны, поставляли семена для выбивания масла. Конопляное масло, как и в Западной Сибири, являлось основным растительным жиром; кроме того, масло отжимали из кедровых орехов.

В конце XVIII в. делались попытки земледелия в южной части Камчатки, где климат мягче, но они были малоуспешны: ячмень вырастал, но не давал семян, капуста шла в лист, не завязывая кочан. Недостаток овощей пополняли здесь собирательством. В пищу шли все произраставшие там съедобные ягоды: голубика, клюква, морошка, брусника, земляника и др. Их заготавливали впрок, землянику сушили; бруснику, клюкву, смородину замораживали. Ягоды использовались как приправа к мясным и рыбным блюдам, как это было принято в кулинарии местных народов. На Камчатке русские познакомились со сладкой

Рис. 1. Хранение продуктов:

а — в подполье дома; б — в погребе на усадьбе (ЛИЭ)

*Рис. 2. Подготовительные моменты в питании населения XIX в.:
а — засолка рыбы на займке; б — свеживание туши;*

6 — приготовление обеда на рыбном промысле; 2 — доставка обеда в поле во время страды (Фототека ГМЭ, ед. хр. 1838—1; 263—10; 5573—30; 1148—62)

травой, которую употребляли в качестве сахара или сиропа, из нее даже гнали водку.

Различные источники позволяют составить на конец XVIII в. общую сводку основных продовольственных ресурсов в Западной и Восточной Сибири (табл. 1). Они существенно различались в зависимости от места и времени расселения русских. Естественно, что лучше была обеспечена продовольствием земледельческая полоса. Разница в обеспеченности местными продуктами в некоторой степени устранялась внутренним их перераспределением. Так, из южных уездов Тобольской губ. (Тюменский, Ялуторовский, Курганский, Ишимский) вывозился хлеб в северные уезды, а частично — и в Восточную Сибирь; из Иркутского уезда хлеб вывозили в Якутский, Охотский и Камчатский уезды. Продукция рыбных промыслов, напротив, из северных уездов перевозилась в южные; из Березовского и Тобольского уездов — на Ирбитскую ярмарку, осетры из Тобольска везлись в Иркутск, а байкальские омули — во все города Сибири³⁴. Если ввоз из-за Урала постепенно уменьшался по мере развития собственной хозяйственной базы в Сибири, то торговые отношения с соседними народами, напротив, расширялись. Основу этой торговли по всей южной границе составлял скот, а в торговле с Китаем — чай различных сортов и сладости (сахар, леденцы, засахаренные ягоды).

Закупленный в Китае чай в XVIII в. не только транспортировался в европейскую часть страны, но и распространялся повсюду в Сибири. Он стал для населения повседневным напитком настолько, что местами вытеснял любимый русский квас. Так, С. П. Крашенинников, «переехавши море» (Байкал), обнаружил, что «жители редкие квас держат, но пьют чай, который в больших котлах варят»³⁵. В Сибири крестьяне обычно пользовались наиболее дешевым сортом чая — так называемым кирпичным (по форме упаковки), или карымским. В Восточной Сибири из дешевого кирпичного чая варили очень питательные напитки: «затуран» (с добавлением соли и молока и муки, поджаренной в каком-либо масле), «хурчу» (с добавлением высушенных толченых зерен пшеницы или ярицы), на севере — «пережар» (с мукой, обжаренной на рыбьем жире). На границе с Китаем покупали особого сорта крупнолистный, даже с веточками, чай, который назывался «шар». Крепкий отвар его пили, иногда с добавлением молока. Все эти разнообразные способы употребления чая отражали влияние местных народов.

Становление хозяйства и развитие собственной продовольственной базы в Сибири обусловили уже к XVIII в. существенные различия между северными — промысловыми — и южными — земледельческими — уездами, которые лишь частично сглаживались внутренним перераспределением продуктов и пополнением их за счет привозных товаров. В XVIII в. более определенно проявились два процесса, определяющие особенности кулинарии сибиряков, а именно восстановление традиционного питания, осно-

Таблица 1. Обеспечение продовольствием в конце XVIII в.*

Губерния, уезд	Хлеб	Скот	Дичь	Рыба	Овощи
<i>Тобольская губерния</i>					
Верхотурский	покупной	местный	местная	местная	Не известно
Березовский,	»	»	»	местная	Капуста, морковь,
Сургутский				(вывозят)	редька, свекла, лук, горох, огурцы
Туринский	местный	»	»	не из- вестно	То же и бобы, чес- нок, мак, мята, шалфей, горчица, лен
Тобольский	»	»	»	местная	Развитое овоще- и привоз- водство
Тюменский	местный	»	»	местная	То же
Ялуторовский	(вывозят) То же	»	»	не из- вестно	»
Курганский	»	местный (перепро- данка скота)	»	местная	»
Ишимский	»	То же	»	местная	
Шадринский	»	»	»	местная	Огородничество и бахчеводство
Тарский	»	»	не из- вестно	местная	То же
<i>Томская губерния</i>					
Томский	местный (вывозят)	местный (главное занятие)	не из- вестно	местная	Огородничество и бахчеводство
Красноярский	»	»	»	местная	Огородничество
Енисейский	»	»	местная	местная	Не известно и привоз- ная
Туруханский	покупной	не из- вестно	»	местная	Нет
Карымский	местный	То же	»	»	»
Кузнецкий	»	местный	»	»	Огородничество
Вийский	»	»	»	»	Развито, есть сбор кедров
<i>Иркутская губерния</i>					
Иркутский	местный (вывозят)	»	»	местная	Развито и привоз- ная
Нижнеудинский	местный	»	»	местная	Не известно
Верхнеудин- ский	»	»	не из- вестно	»	»
Нерчинский	»	»	То же	»	»
Киренский	»	»	»	»	»
Якутский	»	»	местная	»	»
Охотский	покупной	»	»	»	Нет
Нижнекамчат- ский	»	»	»	»	Слабое

* Таблица составлена по материалам АГО, ф. 55—89.

ванного на развитии полеводства и овощеводства; пополнение рациона за счет местных продовольственных ресурсов и кулинарии сибирских народов.

Повседневный пищевой рацион сельского населения и его областные особенности в XIX в. В XIX в. общесибирские черты русской кулинарии и ее региональные особенности, развившиеся на основе локальных различий, возникших еще в XVII—XVIII вв., четко прослеживаются по ответам на анкету 1840-х годов, составленную и распространенную Русским Географическим обществом.

В мучной пище наиболее существенное изменение произошло в связи с расширением посевов пшеницы на южных черноземах. В Алтайском округе Западной Сибири и в Минусинском округе Восточной Сибири она постепенно становилась основной культурой. Примерно с середины XIX в. пшеничный хлеб стал вытеснять там ржаной³⁶. В других местностях пшеница шла главным образом на праздничные калачи и пироги.

Успехи полеводства позволяли не только восстановить, но распространить и развить лучшие достижения народной кулинарии. Из пресного теста повсеместно пекли лепешки, сочни, оладьи. В русской кулинарии было известно сочетание теста из различных сортов муки. Так, в севернорусских губерниях по праздникам пекли крутые шанеги вроде ватрушек, где на лепешку из ржаного теста клали в луочку тесто из ячменной муки. В Сибири шанеги, которые стали делать с разной начинкой, приобрели особую любовь и популярность; кроме того, пекли пирог «мучник» из двух слоев различного теста³⁷. Праздничным блюдом, подававшимся обычно на масленичной неделе, были «стружени», или «хворост», — перевитые полоски теста, проваренные в масле. Излюбленным праздничным печением в Сибири стали также вафли — полоски теста, подсушенные в русской печи в специальных чугунных вафельницах. В европейской части страны они делались крайне редко и в XIX в. считались скорее городским лакомством.

Значительные успехи сделало овощеводство, которое сильно продвинулось на север. Полевыми культурами, как и раньше, являлись репа и капуста³⁸. Репу добавляли в каши, начиняли ею пироги, пареную и печеную ели с суслом. Капусту на зиму солили или квасили, порубив ее сечками в деревянных корытцах или мелко нашинковав. Наиболее распространенные огородные культуры: лук, огурцы, морковь, свекла, тыква, брюква, хрен, чеснок, укроп, горчица и др. — для потребностей семьи выращивались в земледельческой зоне повсюду³⁹.

Местами, где позволял климат (в Каинском, Красноярском и Алтайском округах), занимались бахчеводством⁴⁰. Дыни ели свежими, а арбузы, кроме того, солили⁴¹. Садоводство появлялось только в городах Западной Сибири⁴².

Большое значение имело распространение картофеля. В начале 40-х годов XIX в. правительство стало административным

путем внедрять эту культуру. Насильственные приемы вызвали сопротивление крестьян, особенно старообрядцев, называвших картофель «чертовым яблоком». Даже в Тобольской губ., где уже в конце XVIII в. производились посадки картофеля, в 1842 г. в Ирбитском уезде разразился по этому поводу бунт, охвативший многие деревни⁴³. Однако постепенно, хотя и с трудом, картофель входил в быт. В пищу, как и повсюду у русских, картофель употреблялся обычно в отварном виде, как добавка в щи (крушные и овощные) или как приправа к другим блюдам. Иногда картофель пекли и очень редко жарили с маслом или салом.

Продукты полеводства и огородничества пополнялись собирательностью. Травы, корнеплоды и луковичные растения настолько вошли в быт населения, что их приравнивали к овощам. Из Кузнецкого округа корреспонденты РГО сообщали, что весной и летом основной пищей служат хлеб и дикий лук — колба, в Иркутской губ. варили кашу из луковиц сараны⁴⁴. Осенью в Восточной, а местами и в Западной Сибири в таежной полосе собирали и запасали на всю зиму кедровые орехи (неизменное угощение на вечерках, посиделках). Из них отжимали кедровое масло. Однако основными растительными маслами, как и в европейской части страны, были добываемые из культурных растений — льна и в особенности из конопли — льняное и конопляное масло.

На растительной пище был основан так называемый постный стол. В Сибири с ее огромными просторами церковь не могла установить жесткого контроля, тем не менее основные посты соблюдались, и со всей строгостью выполняли их старообрядцы. Обычными блюдами постного стола являлись мучное, похлебки и щи без мяса, каши (ячменная, просяная, гречневая), различным образом приготовленные овощи. Щи в Сибири варили преимущественно из ячменной крупы, соответственно традициям севернорусской кулинарии⁴⁵. Похлебки готовили из гороха и овощей. Традиционная постная трапеза господствовала повсюду в земледельческой зоне⁴⁶.

По праздникам постный стол разнообразился вареными и печеными блюдами, мучными и рыбными. Особенно любим был рыбный пирог, без которого не обходился ни один праздник. Рыба считалась пищей полупостной, поэтому ее ели в нестрогие посты. Особенно ценились лосось, стерлядь, осетр, горбуша, байкальский омуль, хариус. Хорошую рыбу запасали впрок: солили и вялили, мелкую сушили, из жирных вытапливали в котлах жир. Из свежей рыбы варили «щербу» (уху), жарили ее, делали тельное (в виде котлет). Зимой эта пища пополнялась соленьями, мочеными ягодами, отварными или вареными в сусле (клюква, черная смородина, клубника)⁴⁷.

Пища животного происхождения (скромная) называлась в Сибири «молосная». Молоко употребляли чаще сквашенным, из которого, оттопив его в печи и откинув на решето, делали творог. В Иркутской губ. умели готовить большие сыры в твораках или сырниках, для чего в творог добавляли несколько сырых

яиц и выдерживали его под гнетом⁴⁸. Кроме того, приготавливали сухие сырники, мало известные русским европейской части страны. Приготовление сушеного сыра было широко распространено у местных тюркских народов, у алтайцев, и, по-видимому, было воспринято от них русскими. Молочные блюда стали традиционным угощением на рождественские праздники, в частности, мороженное в круглых формах молоко, которое также называли «сырчик»⁴⁹. Замораживание молока являлось местным способом его консервации, удобным при сибирских морозах. Иногда перед замораживанием молоко смешивали с яйцами. Такой концентрат удобно было хранить, брать с собой в дорогу. Из молока, как и повсюду, получали сливки, сметану, а из нее — русское масло. Маслом заправляли похлебки и каши, с ним жарили и тушили.

Основным мясным продуктом была по-прежнему говядина. Говяжье сало шло в пищу вместе с мясом при его отваривании и тушении, а также заготавливалось впрок путем перетапливания.

Свинина, баранина, козлятина употреблялись меньше. Старообрядцы вообще не разводили свиней из-за их всеядности. Домашнюю птицу содержали в хозяйствах понемногу. С наступлением морозов лишнюю птицу забивали. В Иркутской губ., вычистив тушки, давали им заледенеть, а затем складывали в кадки и засыпали снегом⁵⁰. Мясные продукты в Сибири были дешевле, чем в европейской части страны⁵¹, и употреблялись относительно больше. Это было связано, с одной стороны, с развитостью скотоводства и слабостью овощной базы, а с другой стороны, — с меньшей приверженностью сибиряков (кроме старообрядцев) религиозным догматам, запрещавшим употребление скоромной пищи по определенным дням. Мясо в пищу шло свежее — «свежина» — или соленое — «солонина» или вяленое — «провислое». Кроме мяса домашних животных — «скотского», употребляли продукты охоты — «зверину» и «дичину». Мясо отваривали, тушили, жарили. С ним готовили щи, похлебки, из него делали паштеты, холодное. Из рубленого сырого мяса жарили тельное, делали пельмени. Мясной фарш для пельменей завертывали в тесто в виде маленьких полукруглых пирожков и отваривали в воде. Если это блюдо, вынув из воды, с уксусом или сметаной. Такой способ приготовления был известен многим народам Сибири и Приуралья. Считается, что слово «пельмени» произошло от пермязского «пельнянь» и из Приуралья распространилось у русских Сибири⁵². Зимой пельмени заготавливали в больших количествах и хранили замороженными.

Многие блюда постного и скоромного стола ели, заливая их или запивая традиционным русским напитком — квасом. Хлебный квас повсюду сопутствовал русскому земледелию. С ним ели тертую редьку, заливали им пареные овощи, протертые ягоды, полевой и огородный подсоленный лук, студень. Наряду с квасом все больше входил в употребление чай, особенно по южной границе Томской, Иркутской, Енисейской губерний⁵³.

Праздничный стол во время мясоедов был очень богат и осно-

ван целиком на русской традиционной кулинарии: холодное из овечьих, свиных, говяжьих ног, из языков коровьих, из говяжьих и овечьих ушей и губ, свиные копченые окорока. Похлебки с мясом, с пшеничными сочниками, мясные щи с капустным крошечком; жаркое из мяса, яичница, сырники. Каша и картошка, жаренные на сковороде, пирожки жареные и печеные, блины, оладьи, каравай. К столу подавались масло, сметана, молоко с ягодами, а в зимнее время — соленые огурцы, капуста, грибы⁵⁴.

Праздничный стол накрывали скатертью. В Томской губ., где развился ковровый промысел, под скатерть стелили ковер⁵⁵. Блюда подносили по порядку: сначала ставили холодное, потом — похлебки, затем — жаркое, под конец — различные печеня из теста. В большие праздники в богатых домах на столе сменялось 12—20 перемен блюд⁵⁶.

Напитками праздничного стола были пиво (хмельное и постное, настоенное на смородинном листе, душистых травах) и вино. После обеда женщины угощали пряниками, орехами, изюмом и ягодами, вареными в сладком сусле⁵⁷.

По мере развития хозяйства питание крестьянского населения становилось все более разнообразным. Пища в земледельческой полосе стала весьма сходной с пищей русского населения средней полосы России, а в некоторых местностях — и более обильной⁵⁸. Анализируя рацион сибирских крестьян, М. М. Громыко отметила сложившееся в нем равновесие между мучными, крупяными и овощными блюдами — с одной стороны и мясомолочными — с другой⁵⁹. Следует уточнить эту формулировку, оговорив, что в земледельческой полосе установилось традиционное соотношение между пищей, основанной на продуктах полеводства и на продуктах животноводства, поскольку в питании восточнославянского населения растительная пища традиционно преобладает⁶⁰. Однако в северной полосе Сибири это привычное соотношение русским установить не удалось в связи с особо трудными климатическими условиями. Чем дальше на север, тем больше ощущался недостаток растительной пищи. Особенно страдали жители от нехватки хлеба. Тем не менее путешествовавший по северу Восточной Сибири И. Бульчев писал: «Русские сохранили свой обыкновенный образ жизни. Они только по необходимости применились к местным обычаям. Например, они приучили себя обходиться без хлеба, но в этом случае жертвуют последним, чтобы купить муки»⁶¹. Повсюду, где было возможно, стремились выращивать овощи. Чем меньше было культурных растений, тем большее значение приобретало собирательство.

Растительная пища служила лишь подспорьем и приправой, а главную роль в питании играли продукты животного происхождения (мясо и рыба). Домашний скот (коровы, овцы, свиньи) понежнго держали практически везде. Существенную роль оказывало воспринятое русскими оленеводство, распространившееся по всей северной полосе⁶². Мясо оленей запасали впрок

проявлянием; лакомством считались в Восточной Сибири копченые олени языки и губы⁶³. На Крайнем Севере, в местностях с суровыми зимами, русские восприняли от корейского населения эффективные способы пополнения энергетических ресурсов организма, добавляя в пищу сырые мясные и жировые продукты. Так, в Анадырском округе вяленое мясо оленей ели сырым, а также — сырой мозг из головы, берцовых костей и голени⁶⁴.

В северной зоне нередко основная часть продовольствия добывалась промыслами; жители большую часть времени проводили вдали от дома, запасая в сушеном и квашеном виде рыбу, мясо зверей и дикой птицы (гусей, уток, куропаток, тетеревов и др.)⁶⁵. Множество дикой птицы отлавливали сетями, сачками или поражали легкой острогой⁶⁶. Собранные яйца диких птиц во избежание их порчи хранили в рыбьем жире⁶⁷. Для северной полосы Сибири, где растительная пища заняла последнее место в рационе, определяющим стало соотношение в пище мяса и рыбы, которое изменялось по временам года. В европейской части страны жители Поморья также пополняли недостаток других продуктов рыбой, но нигде ее значение не было так велико, как на севере Сибири и особенно в ее Восточной части. Поскольку рыба являлась основным продуктом питания, было выработано много способов ее приготовления и заготовки впрок, при этом использовались приемы, известные русским в европейской части страны и воспринятые от местного населения. Употребляли в пищу рыбу свежую, мороженую, соленую, квашеную, сушеную.

Еда сырой свежемороженой рыбы была усвоена русскими от местных жителей. С нее наскабливали ножом тонкие стружки и ели, не давая им времени оттаять⁶⁸. Распространено было квашение рыбы с малым количеством соли или без нее⁶⁹. Оно было известно русским и в европейской части страны⁷⁰, а в Сибири оно стало наряду с вялением главным способом заготовки впрок. Квасили рыбу в ямах, куда закладывали ее слоями, без добавления соли. Ямы сверху закрывали хворостом или мхом и засыпали землей. За лето в процессе брожения ткани размягчались, а зимой все смерзалось в одну массу; для еды ее оттаивали и отваривали, а головки ели сырыми, считая это лакомством⁷¹. Часть рыбы квасили в кадках. В условиях Севера остро ощущался недостаток витаминов. Пополнить их могла в значительной степени рыба-икра; ее ели помногу, и было разработано много блюд с икрой. Из толченой икры с мукой пекли лепешки, на Камчатке икру запекали с сараной, жарили «икрянник» — икру с мукой, делали «избитень» — толченую икру.

Более, чем соленье и квашение, было распространено вяление рыбы (юкола, юрок). Понемногу производилось и копчение, для чего ценную рыбу — осетра и нельму, а в Туруханском крае — и ряпушку⁷² — распластывали, отдельно обрабатывая «пупки» (брюшко) и «балык» (спинку). В пищу употребляли также и морских животных. Из выброшенного на берег Кита

выбирали жир, язык и лапы; мясо и жир нерпы считались самым вкусным кушаньем. В Анадырском крае в одном котле готовили одновременно и рыбу и мясо⁷³. С рыбными блюдами подавали как приправу различные ягоды. Растертые с перпичьим жиром ягоды употребляли и в зимнее время («толкушка»); на Камчатке ягоды толкли вместе с рыбой («инчупка»)⁷⁴.

В Северо-Восточной Сибири, где русские из-за недостатка хлебных продуктов не могли варить кваса, чай стал насущной потребностью. В Анадырском и в Охотском краях чай пили все по 5—6 раз в сутки, часто без сахара, но с маслом или жиром; как и повсюду в Сибири, варили «затуран», добавляя к чаю поджаренную муку⁷⁵.

Итак, в питании русского населения разных районов Сибири вследствие приспособления к местным условиям жизни произошли серьезные изменения. В XVII—начале XVIII в. русские начали активно осваивать местные продовольственные ресурсы и кулинарные навыки различных народов Сибири. Русское население восприняло практику замораживания продуктов (мясных, молочных, рыбных) и блюд (пельменей, сырчиков, строганины); в значительно больших размерах, чем в европейской части страны, применялось вяление (мяса, рыбы) и квашение (рыбы). В обиход вошли многие местные дикорастущие, в пищу стали употреблять мясо оленей, морских животных, жир рыбы.

Успехи полеводства в земледельческой зоне в XVIII—начале XIX в. позволили воссоздать традиционную основу русской народной кулинарии с привычным соотношением растительных и животных продуктов, хотя мясные продукты были в Сибири дешевле и доступнее и доля их в питании населения — выше. В кулинарии северной полосы Сибири преобладающее место в питании русского населения заняли блюда не традиционные (сушеная и квашеная рыба, приготовление рыбы вместе с мясом, блюда из рыбы с ягодами, блюда из икры). Заимствования из кулинарии местных народов в Сибири были весьма значительны. Они существенно обогатили русскую кулинарию. Некоторые новые продукты и блюда со временем распространились по всей стране.

¹ *Оглоблин Н. Н.* Описание столбцов Сибирского приказа (1592—1768 гг.). М., ч. 3, с. 120; ЦГАДА, ф. 214, стб. 12, д. 139, л. 504.

² *Оглоблин Н. Н.* Описание столбцов..., ч. 3, с. 119; ЦГАДА, ф. 214, стб. 12, л. 107.

³ *Оглоблин Н. Н.* Описание столбцов..., ч. 3, с. 82.

⁴ Памятники сибирской истории XVIII в. СПб., 1885, с. 445.

⁵ ЦГАДА, ф. 1111, оп. 4, д. 4, 1620—1642 гг., л. 4—69 об.

⁶ ЦГАДА, ф. 214, кн. 254, л. 1—69; кн. 1429, л. 304 и след.

⁷ *Александров В. А.* Русское население Сибири XVII—начала XVIII в. (Енисейский край). М.: Наука, 1964, с. 222.

⁸ ЦГАДА, ф. 214, кн. 254, л. 1—69.

⁹ *Семивский Н. В.* Новейшие любопытные и достоверные повествования о Восточной Сибири, из чего многое доныне не было известно. СПб., 1817, с. 16.

- ¹⁰ Александров В. А. Таможенные книги Ирбитской ярмарки как этнографический источник (конца XVII—начала XVIII в.). — СЭ, 1978, № 3, с. 134.
- ¹¹ ЦГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 12, л. 8; *Оглоблин Н. Н.* Описание столбцов..., ч. 3, с. 236.
- ¹² *Вилков О. Н.* Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII в. М.: Наука, 1967, с. 177.
- ¹³ Известия иностранцев о России. — Рус. вестн., 1841, т. III, с. 571.
- ¹⁴ Александров В. А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). М.: Наука, 1969, с. 226; *Он же.* Русско-китайская торговля и нерчинский торг в конце XVII в. — В кн.: О первоначальном накоплении в России (XVII—XVIII вв.). М.: Наука, 1958, с. 450—455.
- ¹⁵ ЦГАДА, ф. 214, кн. 1240, л. 1; кн. 1159, л. 170—171; *Палагина В. В.* Материалы для исторического словаря Томского говора (первая половина XVII в.). — Учен. зап. Томского ун-та, 1975, № 92, с. 46.
- ¹⁶ *Оглоблин Н. Н.* Опись столбцов..., ч. 1, с. 80; ЦГАДА, ф. 214, кн. 1390, л. 28.
- ¹⁷ *Кондрашенко А. А.* Сельское хозяйство Урала в XVIII в. — Учен. зап., посвященные 300-летию основания Кургана и Шадринска. Курган, 1962, вып. 4, с. 79.
- ¹⁸ АГО, разр. 55, д. 47, л. 31—46.
- ¹⁹ Там же, л. 31—46.
- ²⁰ С. П. Крашенинников в Сибири. Неопубликованные материалы. М.; Л.: Наука, 1966, с. 57.
- ²¹ АГО, разр. 55, д. 47.
- ²² Сибирская советская энциклопедия. М.; Л., 1928, т. 2, с. 569—570; *Полов Н. С.* Хозяйственное описание Пермской губернии. СПб., 1819, с. 169.
- ²³ АГО, разр. 55, д. 47, л. 4—17.
- ²⁴ Известия иностранцев о России..., с. 571—595.
- ²⁵ *Бажаревич М. Н.* Статистическое обозрение Сибири. СПб., 1810, с. 45—46.
- ²⁶ Памятники Сибирской истории XVIII в., с. 46.
- ²⁷ *Зиннер Э. П.* Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII в. Иркутск: Восточносиб. кн. изд-во, 1968, с. 210.
- ²⁸ ЦГАДА, ф. 7, оп. 1, д. 37, л. 525, 538.
- ²⁹ Там же, л. 539—539 об.
- ³⁰ АГО, разр. 55, д. 47, л. 4—123.
- ³¹ *Зиннер Э. П.* Сибирь в известиях..., с. 120.
- ³² Там же, с. 172.
- ³³ С. П. Крашенинников в Сибири..., с. 159.
- ³⁴ Памятная книжка Тобольской губернии..., с. 243.
- ³⁵ С. П. Крашенинников в Сибири..., с. 72.
- ³⁶ *Лейсен Г.* Минусинский округ Енисейской губернии в сельскохозяйственном отношении. — ЗСОРГО, 1858, кн. 5, с. 147.
- ³⁷ *Семинский Н. В.* Новейшие повествования о Восточной Сибири... Алфавитный список слов.
- ³⁸ АГО, разр. 55, оп. 1, д. 49, л. 232.
- ³⁹ Там же, д. 11, л. 3; *Пестов И.* Записки об Енисейской губернии Восточной Сибири. М., 1833, с. 245.
- ⁴⁰ Записки и замечания о Сибири..., с. 11.
- ⁴¹ *Пестов И.* Записки об Енисейской губ. Восточной Сибири. М., 1833, с. 245.
- ⁴² АГО, разр. 61, оп. 1, д. 5, л. 10.
- ⁴³ Сибирская советская энциклопедия, т. 2, с. 269—570.
- ⁴⁴ АГО, разр. 62, оп. 1, д. 4, л. 5—6.
- ⁴⁵ Там же, л. 6, д. 2, л. 1 об.; разр. 57, оп. 1, д. 16, л. 3; д. 17, л. 4.
- ⁴⁶ Там же, разр. 61, оп. 1, д. 39, л. 5; д. 47, л. 6—7; разр. 62, оп. 1, д. 4, л. 6 об.; д. 8, л. 11—12; разр. 57, оп. 1, д. 17, л. 4; д. 18, л. 3.
- ⁴⁷ Там же, разр. 61, оп. 1, д. 39, л. 5; разр. 62, оп. 1, д. 2, л. 1 об.; д. 22, л. 5 об.; д. 8, л. 12; разр. 59, оп. 1, д. 17.
- ⁴⁸ Там же, разр. 55, оп. 1, д. 49, л. 240.

- ⁴⁹ Там же, разр. 59, оп. 1, д. 17, л. 71—72.
- ⁵⁰ *Аедеева Е. А.* Записки и замечания о Сибири. . ., с. 23.
- ⁵¹ *Зиннер Э. П.* Сибирь в известиях. . ., с. 120.
- ⁵² *Маслова Г. С., Станюкович Т. С.* Материальная культура русского сельского и заводского населения Приуралья (XIX—начало XX в.). — В кн.: Материалы и исследования по этнографии русского населения Европейской части СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1960, с. 147.
- ⁵³ *Катанавв Г.* Прииртышские казаки и киргизы Семипалатинского уезда в их домашней и хозяйственной обстановке. — ЗСОРГО, 1893, кн. XV, вып. 2, с. 19; *Степанов А. П.* Енисейская губерния. СПб., 1835, т. 1, с. 109; АГО, разр. 59, оп. 1, д. 15, л. 420; разр. 57, оп. 1, д. 16, л. 2; разр. 61, оп. 1, д. 10, л. 3; д. 12, л. 3 об.; д. 8, л. 20.
- ⁵⁴ АГО, разр. 62, оп. 1, д. 8, л. 12 об.; разр. 57, оп. 1, д. 2.
- ⁵⁵ Там же, разр. 61, оп. 1, д. 23, л. 49.
- ⁵⁶ Там же, д. 12, л. 18.
- ⁵⁷ Там же, д. 23, л. 49.
- ⁵⁸ Очерки общей этнографии: Европейская часть СССР. М.: Наука, 1968, с. 120—124.
- ⁵⁹ *Громыко М. М.* Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII—первая половина XIX в.). Новосибирск: Наука, 1975, с. 271.
- ⁶⁰ Современные этнические процессы в СССР. М.: Наука, 1977, с. 244.
- ⁶¹ Путешествие по Восточной Сибири И. Булычева. СПб., 1856, ч. 1, с. 84.
- ⁶² *Миненко Н. А.* Березов и Сургут в XVIII—первой половине XIX в. — В кн.: Города Сибири. Новосибирск: Наука, 1974, с. 102; Путешествие Миллера из Иркутска в Нерчинск в 1811 г. — Дух журналов, 1816, № 13, с. 48.
- ⁶³ АГО, разр. 59, оп. 1, д. 15, т. II, л. 36.
- ⁶⁴ *Олсуфьев А. В.* Общий очерк Анадырской округи, ее экономического состояния и быта населения. СПб., 1816, т. 2, вып. 1, с. 41—42.
- ⁶⁵ АГО, разр. 57, оп. 1, д. 5, л. 56; разр. 59, оп. 1, д. 15, т. II, л. 56.
- ⁶⁶ *Олсуфьев А. В.* Общий очерк. . ., с. 42; Путешествие Миллера. . ., с. 48; Путешествие по Восточной Сибири И. Булычева, с. 168.
- ⁶⁷ АГО, разр. 55, оп. 1, д. 49, л. 278.
- ⁶⁸ *Щапов П. С.* Собр. соч., т. III, с. 107.
- ⁶⁹ Недостаток соли заставлял жителей Охотского уезда и Камчатки добывать ее из морских растений или непосредственно путем выпаривания морской воды (*Словцов П. А.* Историческое обозрение Сибири. СПб., 1886, кн. 2, с. 84).
- ⁷⁰ *Мартьянов С. В.* Печорский край. СПб., 1905, с. 37.
- ⁷¹ *Олсуфьев А. В.* Общий очерк. . ., с. 41; *Тюшов В. Н.* По западному берегу Камчатки. — Зап. РГО, 1906, т. 37, вып. 2, с. 227—228.
- ⁷² Сибирская советская энциклопедия, т. 2, с. 945.
- ⁷³ *Олсуфьев А. В.* Общий очерк. . ., с. 42.
- ⁷⁴ Путешествие по Восточной Сибири И. Булычева, ч. 1, с. 163; Словарь русского камчатского наречия. Хабаровск: Изд-во Хабаровского пед. ин-та, 1977, с. 68.
- ⁷⁵ *Олсуфьев А. В.* Общий очерк. . ., с. 43; Путешествие по Восточной Сибири, с. 211; Словарь русского камчатского наречия, с. 65.

Особенности формирования и функционирования систем земледелия в условиях Зауралья

Н. И. Вавилов справедливо указывал, что «культура полей неотделима от общей культуры населения»¹. Исследователями неоднократно отмечалась устойчивость, взаимная связанность и обусловленность явлений, свойственных земледельческому промыслу, его известный консерватизм, порождающий параллельное сосуществование стадияльно различных типов и структур сельскохозяйственного производства². Объяснение причин, порождающих эти «состояния», — одна из актуальных задач в изучении аграрной истории и культурно-бытовых особенностей населения.

Важное место в раскрытии этой проблемы должно сыграть исследование влияния демографической ситуации на образование определенных режимов землепользования, влияния плотности земледельческого населения на характер использования территории хозяйственного освоения. Их взаимодействие в формировании структуры производительных сил сельского хозяйства носит более универсальный характер, нежели другие компоненты окружающей среды (климат, почвенные условия, формы и сорто типы культурных растений).

При наличии известного стабильного соотношения между численностью земледельцев и территорией хозяйственного освоения создается определенная устойчивость в элементах культуры, которая позволяет предсказывать их появление и развитие.

Исследователями был построен по степени интенсивности землепользования эволюционный ряд развития систем земледелия. Схема эта довольно известна: переложная (подсечная) — трехполье — многополье (плодопеременная) и промышленная³. При известной «неподвижности» систем земледелия в условиях феодализма⁴ функционирование этого эволюционного ряда зависит от конкретных условий сельскохозяйственного освоения территории, обстоятельств ее заселения, что хорошо прослеживается на материалах, характеризующих становление и развитие русского земледелия в Сибири, начиная с XVII в.

Проблема выбора систем земледелия в условиях Зауралья. Переход русского земледельца за Урал создал новые территориальные возможности для ведения хозяйства, которые в свою очередь определяли известную свободу выбора режима землепользования. Она обуславливалась двумя факторами: новой демографической ситуацией и практикой ведения хозяйства на местах выселения, т. е. набором тех традиционных средств, стереотипов

мышления, которые были порождены прежней системой. В арсенале русского землепашца к XVII в. был опыт использования сельскохозяйственных угодий как в режиме трехполья, так и в режиме перелога, а также практика перехода от одной системы к другой, в частности от трехполья к перелому. С начала освоения Сибири проявилась тенденция создавать на наиболее удобных местах «пашни наездом», а затем уже определенно стало складываться экстенсивное землепользование. Как было отмечено В. А. Александровым, «русский земледелец воспользовался огромными земельными запасами и повсеместно обратился к исторически более ранним... системам землепользования»⁵. Такая практика хозяйствования находилась в известном противоречии с официальным представлением о «правильном» земледелии. Это противоречие проявилось в довольно расхожей формулировке сибирской администрации XVII в. о том, что крестьяне пахут «не против» (несогласно) «русского обычая»⁶.

Нам представляется, что «выбор» подсеки или перелога не всегда был сопряжен с выбором в собственном смысле этого слова. Переселение земледельцев в Сибирь началось в основном из землеобеспеченных районов, главным образом из Поморья. Немаловажную роль в этом движении играли демографическая ситуация и отмеченный уже нами консерватизм систем земледелия. Стремление сохранить ранее сложившиеся традиции в землепользовании и сопряженные с ними средства производства заставляло крестьян, разумеется, стихийно искать соответствующих территориальных условий. В этом случае по существу имел место простой перенос элементов сельскохозяйственной культуры.

Именно благодаря этому обстоятельству социальная, хозяйственная и бытовая жизнь Зауралья приобрела сходную с ним окраску. В деталях этот вопрос исследован в работах В. А. Александрова, А. А. Преображенского и наиболее подробно — И. В. Власовой⁷. Адаптированность систем земледелия Поморья к сибирской действительности приводила к качественному преобладанию навыков культуры, принесенных из Поморья, над другими, приносимыми из иных регионов. Переход же от одной системы земледелия к другой в прямом понимании этого процесса был, видимо, несмотря на имевшийся опыт, не так прост независимо от того, шла ли интенсификация землепользования или наоборот. В. А. Александровым приводится документ Сибирского приказа первой половины XVII в., в котором констатировалось, что хлеб на земле «родитца плох» там, где на выпашанную землю «навоз положат больше»⁸. Из этого заключить должно, что крестьяне не сразу, а постепенно отказывались от практики трехполья. Об этом же свидетельствуют и документы значительно более позднего времени. Из отчета заведующего переселенческим участком Акмолинской области 1912 г. явствует, что «вначале недостаток скота для последовательной, из года в год, распашки надела, а затем... земельный простор (курсив мой. — В. С.) создали залежную систему полеводства, требующую наименьшего

труда и других сложных усилий. Крестьяне, знавшие на родине трехполье и даже четырехполье, 7—8 лет сеют на одном и том же месте, идут плугом в одном направлении, не применяя даже поперечной вспашки, больше того, часто обходятся при последующих посевах одной боронкой, не проходя площади плугом. Только когда сама земля скажет «довольно» и начинает родить одну сорную траву, хищник (в представлении автора отчета. — В. С.) бросает ее и переходит на другую площадь»⁹. Приведенные свидетельства говорят о том, что переход от более интенсивной системы землепользования к менее интенсивной был сопряжен с некоторыми трудностями. В этой связи возникает вопрос: в каких случаях переход в Зауралье сопровождался изменениями в режиме землепользования, а в каких нет? Состояние трехпольного хозяйства, с которым шел переселенец в Сибирь, могло быть различным. В одних случаях это была нормально функционирующая система, к которой следует отнести трехполье с развитым животноводством и пастбищно-луговым хозяйством. Было бы естественно предположить, что земледелец, переходя Уральский хребет, организовывал хозяйство по тому типу, которое имел у себя на родине. У него не могло возникнуть потребности в изменении прежнего режима землепользования. Но возможен был и другой вариант — трехполье, базирующееся на принудительных севооборотах, «с изнуряющей скот парениной»¹⁰. Забота о жизнеспособности каждого двора в этих условиях заставляла общину прибегать к крайним мерам, сковывающим инициативу каждого отдельного владельца земли. Разумеется, такого рода «интенсификация» землепользования отражала критическую ситуацию и в условиях достаточных земельных просторов порождала отказ от прежних форм землепользования и связанных с ними элементов производственной культуры. Однако сложившиеся традиции и представления оказывались иногда сильнее действительных хозяйственных потребностей. Об этом, в частности, свидетельствуют факты общинного трехполья, сохранившиеся вплоть до середины XIX в. в некоторых местах северо-восточной части Тобольской губ.¹¹

В Поморье, откуда направлялся основной поток переселенцев в Сибирь, по данным даже второй половины XVIII в. прослеживались самые разнообразные соотношения между пашней и покосами (от почти 200 дес. на 100 га пашни до 16,9)¹². Можно заключить, что трехполье с мест выселения должно было пережить самые различные судьбы в смысле перспектив своего дальнейшего существования. Однако аргументированное мнение П. А. Колесникова «о сложившейся» в Поморье «питательной среде для животноводства»¹³ заставляет склоняться к тому, что на начальном этапе освоения Сибири крестьянин шел туда со сложившимися представлениями о «безкризисном» существовании трехполья. Таким образом, вероятнее всего, установление устойчивого трехполья в Зауралье своим происхождением было связано с северо-восточным регионом Европейской России. «Пере-

нос» его в Зауралье был осуществлен в основном до первой половины XVIII в., т. е. до того периода, когда под влиянием правительственных акций началось резкое земельное утеснение северных общин.

Условия существования трехполья в северных районах Западной Сибири. В условиях Зауралья для функционирования системы трехпольного земледелия создавались благоприятные условия. Отмеченное В. И. Шунковым стремление к уже «освоенной старой культуре» находило необходимую обстановку. С этим, видимо, был сопряжен поиск «еланных мест» в северной таежной полосе Сибири, где начиналось пахенное русское земледелие¹⁴. Если бы земледелец был ориентирован только на организацию подсеки, то он, очевидно, проявлял бы исключительную заинтересованность «в пахенном лесе». Между тем о стремлении первых переселенцев в Сибири сохранить не только подсечную систему земледелия, но и трехпольку реминисцентно свидетельствуют и более поздние явления. В частности, некоторые различия в организации «росчистей» у отдельных групп населения урманной полосы Тобольских губ. Даже в начале XIX в. вятские крестьяне сначала пилили деловой и дровяной лес, затем складывали сучья и «выкопанные, легко сидящие пни», и все это сжигалось на месте. Пахота проводилась на следующий год. Примерно таким же способом проводили обработку и витебские поселенцы. Этот способ требовал гораздо меньше трудовых затрат, чем сплошное корчевание, но задерживал введение в хозяйственный оборот земельных участков в более интенсивном, трехпольном режиме использования. Несомненно, что указанный выше способ подготовки пашни по своему происхождению был связан с подсечным земледелием.

Значительно более трудоемким был процесс высвобождения пашни из-под леса у некоторых групп сибирских старожилов — он носил всеобщий характер. Корни больших деревьев подрубались и вытаскивались вместе со стволами. Характерна последовательность, в которой производилась эта работа. Бралась в первую очередь за естественно обозначившийся лесной редник (что, видимо, соответствовало понятию «елани» в XVI—XVII вв.) и лишь затем двигались дальше, в глубь урманов. Старожилами даже не применялся такой удобный способ борьбы с растительностью, как «подсочка» (т. е. кольцевание ствола)¹⁵. Таким образом, в первом варианте меры были направлены на то, чтобы использовать остатки леса для повышения плодородия почвы, во втором — имело место игнорирование этого обстоятельства. Плодородие здесь, видимо, сразу создавалось за счет навозного удобрения. Это сопоставление может служить свидетельством сложившейся традиции у части старожильского населения использования в хозяйственной практике трехполья. В этой связи важно выяснить, какие обстоятельства способствовали сохранению режима трехполья, порожденного демографической ситуацией, не свойственной Сибири. К ним можно отнести: многочисленность

еланей, стремление государства насадить трехполье на барщинной, «государевой» пашне, что, как увидим ниже, могло иметь и обратные следствия. Но перечисленные явления в лучшем случае могли сыграть роль первоначального толчка. Главным, решающим было наличие «больших», «обычно широких» и хорошо организованных для разного вида животных кормовых угодий, покотин. По современным полевым наблюдениям и рассказам старожилов, покотина в деревнях Тюмено-Тобольского тракта делилась на следующие категории: «большая» — для крупного скота и нагульных лошадей, чистая, «чашой», — для мелких животных и, наконец, «рабочая», «переменная», формируемая для удобства использования лошадей во время страды. Первые два типа покотин обычно находились на значительном расстоянии от селения¹⁶.

Достаточно велики были и покосы, в том числе лесные. Об их наличии свидетельствуют как источники XVIII в., так и показания, относящиеся к более позднему времени. Известную роль играла также и аренда сенокосов у татар¹⁷. Если исходить из того, что соотношение между пашней и лугом 1:1,5 обеспечивало нормальное функционирование трехполья, то можно считать, что это условие в изучаемом регионе соблюдалось. Даже значительное расширение запашек после отмены государственной десятины в 1760-х годах, доказанное в трудах М. М. Громыко и А. А. Кондрашенкова¹⁸, не породило потребности в ликвидации покотинных земель, а следовательно, и обширного пастбищно-лугового хозяйства. Таким образом, почти два столетия сохранялись условия для бескризисного существования трехполья.

Из «Топографического описания тобольского наместничества» XVIII в. явствует, что крестьяне северных уездов «здабривали назмом» большую часть пашни «по способности» животноводства¹⁹. Нам представляется, что терминологически «по способности» может означать не только связь пашни с лугом, но и обильное нерегламентированное удобрение. Имея достаточное количество удобрений, землепашец не был вынужден во имя сохранения целостности системы прибегать к принудительным севооборотам. Его инициатива в использовании разнообразных культур и приемов агротехники не была жестко ограничена. Это обстоятельство являлось одним из важнейших отличий сибирской деревни от поморской, где правительственными акциями, основывающимися на социально-демографическом давлении внутри общины, с XVIII в. были введены начала «навязывающей» интенсификации крестьянского земледелия²⁰.

Интересны сведения о почти двухсотлетнем «нормальном» функционировании трехпольной системы земледелия в одном из «изолятов» Сибири — Кетской волости, содержащиеся в отчете о поездке в Нарымский край в августе 1897 г. томского агронома И. К. Окулича²¹. Стажировавшийся вместе с Д. Н. Прянишниковым и П. С. Косовичем в Швейцарии у крупного агрохимика Э. Шульце²², И. К. Окулич, видимо, оценивал сельскохозяй-

ственное производство сквозь призму западноевропейского опыта. Поэтому наблюдаемые им факты и их восприятие представляют особый интерес. Им было установлено, что «прочно осевшее» со времен «строительства Кетского острога» население имеет «совершенно правильное трехполье с развитым навозным удобрением» и с характерным для него севооборотом: озимая рожь—яровое—пар. Любопытен был состав ярового клева: овес—ячмень—конопля (изредка — пшеница—лен). Ввод в яровой клин конопли, традиционно засеваемой на хорошо унавоженных «удворных» землях, свидетельствует об обильном удобрении пашни. Об этом говорит и обеспеченность скотом местного населения: по мнению Окулича, волостные данные о наличии в среднем на двор восьми лошадей, десяти коров и восьми овец соответствовали действительности. Таким образом, на узкой полосе пашен деревень, протянувшихся по левому берегу р. Кети, применялось классическое трехполье. Оно давало возможность, фактически не увеличивая размеры пашни, вести «хорошее» земледелие²³. Этот «идеальный» тип был характерен и для других местностей северной части Западной Сибири. А. А. Кауфман установил зону трехполья в Приобском земледельческом районе (северная часть Тюменского, Тобольского и Туринского уездов)²⁴, где существовало чередование полей с «неизобильной, но часто повторяемой вывозкой навоза»²⁵. Об этом говорят и собранные нами полевые материалы по Абалакской, Байкаловской и другим волостям северной части бывшей Тобольской губ. Местные старожилы, свидетельствуя о том, что имело место и частое и обильное унавоживание полей²⁶, вносят необходимую корректировку в определение Кауфмана. В этой связи представляется несостоятельным утверждение Э. Э. Гешеле, что «московская трехполька» не была обеспечена в Сибири удобрениями²⁷.

Итак, есть веские основания считать, что система трехполья поддерживалась обширным пастбищно-луговым хозяйством. Его развитость придавала режиму трехполья в Сибири гораздо большую устойчивость, чего не было в Поморье, где из-за ограниченности сельскохозяйственных угодий и по мере роста населения появилась тенденция к введению «пануряющей паренины».

Проблемы идентификации систем земледелия в условиях лесостепной полосы Западной Сибири. Сложнее обстоит дело с определением системы земледелия в степных и лесостепных регионах. Многие исследователи склонны отрицать качественную определенность существовавших там систем, в особенности трехполья²⁸. Они приходят к выводу о том, что эта система в Сибири не отличалась достаточной четкостью и законченностью²⁹. В какой-то мере такой подход к решению вопроса был навеян дореволюционными исследователями, которые не стремились искать трехполье за Уралом, поскольку факт его наличия там находился в некоторой дисгармонии с их представлениями о неразвитости местного земледелия³⁰. Основа подобных заблуждений, по нашему мнению, объяснялась известной абсолютизацией

классической схемы развития систем земледелия, выработанной на основании европейского опыта, по которой предполагалось, что трехполью должны соответствовать два обязательных компонента — озимый клин и навозное удобрение³¹. Х. М. Моор и Х. М. Лиги «некоторое унавоживание» признавали первым показателем появления трехпольного режима эксплуатации земли³². Исследователь Курганского округа Н. О. Осипов писал, что, хотя в нем и введено тройное чередование полей с паром, «настоящего трехполья» «нет и быть не может по отсутствию навозного удобрения и озими»³³. М. М. Громько и Л. М. Русакова в качестве определяющего фактора также предлагают наличие равного озимого клина и даже «некоторое преобладание» озимой ржи в трехпольном севообороте³⁴. Подобные определения можно встретить и в других исследованиях. Они в значительной мере приемлемы в отношении стран и местностей с мягкими зимами и подзолистыми почвами. Для зауральского земледелия лесостепной и степной полосы они не могут быть приняты по двум естественным природным причинам: 1) температурные условия исключали здесь возможность повсеместного использования озимых культур; 2) применение навоза при наличии длинного периода высоких летних температур и чернозема, доходящего «до полутора аршин»³⁵, являлось на первоначальных этапах функционирования трехполья ненужным. Однако для того, чтобы сделать этот тезис безусловно доказуемым, надо поставить и решить вопрос о том, насколько крестьянское хозяйство тех мест было обеспечено навозным удобрением и насколько было заинтересовано в его применении. Его количество и качество может быть определено через уровень развития животноводства и состояние его кормовой базы. Данные Л. М. Русаковой по Тюменскому уезду на 1824 г. показывают высокую обеспеченность сибирского крестьянина скотом³⁶. Достаточно приходилось в среднем на крестьянский двор и покосов. Обширнейшие сенокосные угодья в XIX в. были отмечены особенно в волостях, расположенных по р. Тобол, в Курганском округе, Н. О. Осиповым. Об обеспеченности покосами свидетельствует и то, что земледельцы даже к середине XIX в. неохотно приступали к их расчистке — $\frac{1}{3}$ их находилась в кустарниках³⁷. Есть данные, свидетельствующие о том, что такая ситуация была свойственна и другим регионам юга Зауралья. Травостой Сибири отличался высокими качествами. «О достоинстве здешних кормов, — писал один из наблюдателей первой половины XIX в., — можно судить по тому, что на сенкосных местах растет белый и красный клевер, — вместе с тимофеевкой — белый и желтый донник, кормовой синий и желтый горошек (видимо, люцерна, буркун — *midicago falcata*. — В. С.), который у нас сеют нарочно». Он также отмечал, что траву всю не выкашивают³⁸. Следовательно, животноводство должно было давать не только обильное, но и, судя по упомянутому составу луговых трав, качественное удобрение. А между тем крестьяне воспринимали навоз не как благо, а как

зло, ведущее к засорению полей и заставлявшее покидать даже собственные деревни, так как они «больно заназьмились»³⁹.

П. Паллас, делаясь впечатлениями о хозяйственной жизни в Исетской провинции, отмечал, что земля после парения давала хороший хлеб и удобрения не требовала⁴⁰. В описании Шадринского уезда отмечается, что хозяйство здесь ведется с незапамятных времен четырехпольное, с паром, и в перелогах здесь не чувствуется заметной нужды. По данным современного этнографического обследования, на крайнем юге бывшей Тобольской губ. (дер. Темляки, села Утятское, Гледянское, Чернавское)⁴¹ навоз применялся крайне редко, в основном — под конопляники. В виде исключения удобрялся картофель. Но и конопля и картофель в то время не являлись полевыми культурами и поэтому существенного влияния на характер севооборота оказать не могли. В соответствии с этим определялось и отношение к этому виду удобрений: его обычно сваливали около деревни (с. Чернавское), «за огородами» (с. Утятское)⁴².

Отсутствие какого-либо стремления к унавоживанию было связано с тем обстоятельством, что истощение черноземных почв при эксплуатации их в режиме трехполья наступает отнюдь не сразу, а по истечении 100—150 лет. Это довольно значительный срок, чтобы им можно было пренебречь в плане исторического исследования. Так, если исходить из того, что освоение юга Западной Сибири было закончено в XVIII в., то здесь в подавляющем большинстве поселений условия для функционирования безнавозного трехполья могли существовать по крайней мере до второй половины XIX в. Поэтому представляется более правильным в лесостепной и степной части Зауралья допустить функционирование трехполья без «обязательного» компонента — искусственного внесения удобрений. Проблема восстановления плодородия решалась паровой обработкой третьего поля, которая давала вполне удовлетворительные результаты. «Земледельческая газета» в 1843 г., описывая в несколько обобщенном виде опыт сибирского крестьянства, указывала: «На яровой посев пашня подготавливается здесь с лета *наподобие пара* (курсив мой. — В. С.) и пашется два раза»⁴³.

«Парование» как средство восстановления плодородия являлось неотъемлемой частью цикла сельскохозяйственных работ в лесостепных и степных районах Сибири. Оно являлось базисным фактором, обеспечивающим правильное функционирование трехпольной системы в этих местах. В наиболее зрелых формах процесс этот, как и следовало ожидать, проявился в южных регионах, где температурный режим летнего сезона и качество почвы позволяли получать наибольший эффект. Именно здесь проявляется тенденция к «троению» пара. Обработка парового поля в режиме тройной пахоты и тройного боронования с постепенным заглублением, как идеальная для сельскохозяйственной практики, была описана в вышедшем в конце XVIII в. первом сибирском учебнике по агрономии⁴⁴. В описании Шадринского

уезда первой половины XIX в. отмечается разница между «двойным» и «тройным» паром. В первом случае после пшеницы или ядрицы шел овес и на этом ротация заканчивалась; после тройной обработки «пар» позволял после пшеницы пропустить или, по образному выражению крестьян, «скинуть» на так называемых подпарках еще овес и горох⁴⁵. Довольно полное описание обработки поля с характерной качественно-хронологической последовательностью сделано Н. О. Осиповым⁴⁶.

Таким образом, трехполье существовало на территории Западной Сибири в двух основных формах: с применением навоза (северные регионы) и на основе использования естественного плодородия почвы (степные, южные округа). В то же время в некоторых географических зонах мы не наблюдаем отчетливо выраженных признаков этих форм. Число вспашек в лесостепных зонах (например, в Тюменском уезде), как правило, было меньшим, чем в районах Исетска и Кургана. По «Топографическому описанию XVIII в.», здесь пахали и бороновали два раза, а «Экономические примечания» — документ, несомненно, более подробно характеризующий действительность, — дают пеструю картину. Оказывается, что в большинстве волостей боронили и пахали по одному разу; в Городовой, Крестьянской и Липчинской — пахали два раза и боронили только после посева зерна. И лишь в пяти волостях боронование повторялось троекратно. Трудно предположить, что это было связано с тем, что в одних местах жили только богатые, а в других — только маломощные крестьяне. Следует допустить, что приведенные факты свидетельствуют об известном упрощении обработки «пара» в Тюменском уезде как зоны с переходными по качеству почвами. В одних случаях земля для восстановления требовала многократных обработок, в других — нет. В северных районах, как показали материалы этнографических исследований, троекратная обработка пашни хотя и применялась, но преследовала другую цель — запахивание удобрения.

Рядом авторов — Л. М. Русаковой, Т. П. Прудниковой — как доказательство несовершенства трехполья приводится факт нерегулярности внесения удобрения⁴⁷. Такая оценка, видимо, была порождена тем опосредствованием действительности, которое имело место в источниках того времени. Так, например, Н. С. Попов, автор хозяйственного описания Пермской губ. начала XIX в., основу частых недородов на юге Зауралья, где опасность неурожая довлела над хлебопашцем, видел не в климате, а в «неискусстве» и невнимании к удобрению полей⁴⁸. Представляется, что вопрос об «искусстве» удобрения, его регулярности должен решаться так же, как и вопрос о его полезности в целом, в зависимости от характера почв, от их естественного состояния и от степени их выпаханности. В последнем отношении показателей Тюменский уезд. «Топографическое описание XVIII в.» свидетельствовало, что здесь «черноземные» земли никогда не удобряли, а там, где земля была «пищаная», «то оную под каждый продукт

сдабривают возкою из жительство с навозом и то малой частью»⁴⁹. Та же ситуация с использованием навоза примерно в этих же местах была наблюдаема и владельцем имения «Черная речка» в 1889 г. Он указывал, что недалеко от Тюмени наблюдаются «пестрота» и «бессистемность» в удобрении полей⁵⁰. Та же «пестрота» в применении удобрения отражена и в описании систем земледелия 1893 г. ряда деревень Тарского уезда. Практику трехполья с внесением удобрения мы наблюдаем в селениях около пос. Щелкановского, где имелись «серые глины на белковой почве», в остальных же, где был чернозем, использовалось трехполье без навоза или так называемое трехполье с залежью⁵¹.

Практику удобрения «по обстоятельствам» мы обнаруживаем и в описаниях 1909 г. сел Мостовщицкого и Кошкарского Успенской волости. В них отмечается, что почвы «глинистые, песковатые», удобряются в «самом незначительном количестве»⁵². Такая практика согласуется с той, которая существовала примерно в этих же местах и в XVIII в. Аналогичная ситуация проявлялась и в сходных по почвенно-климатическим условиям северо-западных волостях Курганского уезда. Из сведений, относящихся к концу XIX в., явствует, что крестьяне здесь только начинали вносить удобрения, а земля не принимала их, хлеб родился хуже, поскольку его душил «жабрей»⁵³. Почти идентичная картина отображена источниками XVIII в. по Пермской губ., в местах, сопредельных северо-западной части Курганского уезда. Характерной чертой параллельного сосуществования здесь двух форм возобновления плодородия являлось то, что унавоживание, хотя и применялось, и иногда даже в значительных масштабах, все же проводилось не так квалифицированно, как в селениях Тобольского уезда или в Кетской волости, где поддержание производительности пашни было тесно связано с правильностью организации самого процесса вывозки и заделки навоза. На юге высокоплодородные земли и их слабая выпашанность определяли иное отношение крестьянина. Не было налаженности дела, не сложилось традиции — проведения «навозницы» «сообща». Вывозка проводилась, как правило, каждым крестьянином индивидуально. Ее сроки не были строго приурочены к определенному и лучшему, с точки зрения агротехники, времени. Навоз отправлялся на поля и в «междупарицу» (июль—август), и осенью, и зимой⁵⁴. Показательно, что даже в настоящее время старожилы из селений, расположенных южнее Тюмени, вспоминая практику начала XX в., отмечали полезность улучшенного хранения, оптимальных сроков вывозки удобрения («в междупарицу») и способов его заделки в поселениях, расположенных по р. Кормак, неподалеку от Тюмени, увязывали это с фактом существования там малоплодородных почв. Некоторая тенденция вывозить навоз в «междупарицу» обнаруживается и в ряде других селений со «слабыми» землями (село Сласское, Першино, дер. Белоногово)⁵⁵. На материалах современных этнографических экспедиций особенно явно прорисовывается определенная географическая закономер-

ность ухудшения организации удобрения полей с севера на юг и обратная по своему смыслу тенденция уменьшения количества обработок «пара» с юга до лесостепной полосы.

Присутствие озимых культур в ротации севооборота как элемента, определяющего факт существования трехпольной системы, также не имеет решающего значения. Вспашка под первую яровую культуру уподоблялась земледельцами подготовке паши под озимые. Об этом свидетельствует ответ из с. Каргопольского Шадринского уезда на анкету Московского общества сельского хозяйства: «Землю вообще не удобряют, удобряют только для конопли... Земли в этой окрестности черны, готовятся для посева ржи и пшеницы так, что пахут два раза в лето, а также и боронят два раза. Рожь сеют осенью, а пшеницу с 1 мая; по снятии пшеницы и ржи эта земля называется подпарок, на какую сеют овес, лен, горох и просы сеют по малости»⁵⁶. Документ интересен тем, что, несмотря на позднее происхождение (составлен в 1895 г.), отражает начальную стадию адаптации переселенца к новым условиям. Об этом свидетельствует срок высева с 1 мая — старожилы делали это, как правило, значительно позже. Но уже на этой стадии допускается известная альтернатива в выборе основной культуры — или пшеница, или озимая рожь. Это дает основание усматривать прямую генетическую связь между трехполем с озимой и трехполем с яровой культурой. Следовательно, общий порядок чередования полей, уровень продуктивности единицы земельной площади, находящейся в хозяйственном обороте, сам принцип организации дела, свойства трехполья, не изменились⁵⁷.

Таким образом, на протяжении длительного времени (с XVIII—до середины XIX в.) в сходных почвенно-климатических условиях приблизительно в одних и тех же местах мы сталкиваемся с одними и теми же вариантами восстановления плодородия почвы. Трехполье в Западной Сибири существовало и с навозным удобрением — в северных регионах, и без него — в южных, а также и в переходной зоне, где «называли по пашне». Не приводило к изменению режима эксплуатации земли и отсутствие озимых культур. В то же время протяженность существования трехполья «во времени» во всех формах была велика. С достаточной степенью уверенности можно сказать, что та или иная форма восстановления плодородия почвы была присуща всем типам хозяйства местности, обозначаемой источниками. Сказанное дает основание считать, что главной причиной возникновения, существования и консервации трехполья являлась демографическая ситуация у той или иной территориальной общности земледельцев.

Переложные системы земледелия степной и лесостепной полосы. Приведенные соображения об устойчивом состоянии трехполья вовсе не отрицают, а скорее предполагают факт его существования с залежной системой земледелия. Об этом имеется довольно много свидетельств в работах В. И. Шункова; З. Я. Бо-

яршиновой, М. М. Громыко, Л. М. Русаковой, А. А. Кондрашенкова, а за более позднее время — Л. М. Горюшкина, В. А. Степынина, И. А. Асалханова и др. Наиболее полно распространение залежной системы в XVIII—первой половине XIX в. в Сибири проследила М. М. Громыко. По ее мнению, «по мере включения в процесс освоения новых лесостепных и степных территорий в XVIII—первой половине XIX в. и расселения хлебопашцев на огромном пространстве абсолютное преобладание получает залежно-паровая система с тенденцией к правильной, или регулируемой, залежи»⁵⁸. Эта практика, по данным М. М. Громыко, имела место в Тюменском уезде, Ишимском, Омском, Тарском, Каинском, Колыванском, Енисейском, Ачинском, Минусинском, Красноярском и Нерчинском округах⁵⁹. Так, в ряде волостей Колыванской губ. в XVIII в. пять-шесть лет подряд земля использовалась, а затем, когда «забывалась сорняками», «забрасывалась в залежь», и, «лежа в пусте», «не менее чем через двадцать лет восстанавливалась»⁶⁰. Тот же тип эксплуатации природных ресурсов можно усмотреть из описания земледелия Томского уезда, где указывалось, что после шести-семи или четырех-пяти лет земля забрасывалась, а земледельцы переходили на другую, лучшую; в Ялуторовском уезде, где пашня лежала не менее 25 лет без использования⁶¹.

О более общем распространении перелога дает представление «Топографическое описание сибирского наместничества»⁶². Хозяйственный взгляд, соответствующий этому типу землепользования, существовал, видимо, и у крестьян Яровской волости: в прошениях от 1807 г. они указывали, что пашенных земель и сенокосов у них недостаточно, а земли в пашне такие, что «хлеб не родитца»⁶³. Указания на такой же режим землепользования в первой половине XIX в. дает «Земледельческая газета». Отмечалось, что для Сибири характерно многогодичное использование земель: хороших — «по четыре года», тучных — «по 10 и более лет». Залежная система в некоторых районах Западной Сибири сохранилась вплоть до начала XX в. Ареал ее наибольшего распространения в это время передвигается в восточные районы Зауралья. Но в ряде мест происходит процесс ее преобразования в трехпольную систему. Черты этого явления можно реконструировать по некоторым бытовым особенностям более позднего времени. Общей чертой землеустройства почти для всех земледельческих сообществ Западной Сибири было существование поскотины. Однако особенности ее функций различались в зависимости от особенностей формирования режимов землепользования. В районах трехполья с использованием удобрений животные были изолированы от пашни «горотьбой» и «за пастухом не ходили»⁶⁴. Это отображало известное стремление общества сохранить стабильным пашенный фонд земли на близком расстоянии от мест вывоза навоза. В районах с трехпольем без навозного удобрения огораживался не скот, а пашня. Выпас животных производился обычно вне поскотины и с пастухами. Есть основания считать,

что это определялось стремлением к поиску новых земель за покотиной после того, как будут истощены земли в самом селе⁶⁵. Таким образом, при ведении типичного трехпольного хозяйства просматриваются некоторые формы землеустройства, свойственные залежному. Это является свидетельством одного из путей возникновения трехполья как результата эволюции местной, более экстенсивной системы земледелия. Мы обнаруживаем известную «вневременность» существования систем земледелия, порождаемую разряженностью населения в некоторых земельных общинах Сибири.

Дискретность систем земледелия. Если абстрагироваться от малозначимых в практической жизни явлений, следует признать параллельное, «дискретное», а не смешанное сосуществование на территории Сибири таких систем земледелия, как перелог и трехполье. Русский земледелец пришел в Зауралье со знанием этих форм землепользования, которые за длительное время были закреплены традициями⁶⁶. Их сохранению способствовали территориальные возможности края. Земельные сообщества имели достаточный простор для миграции с целью консервации сложившихся режимов использования сельскохозяйственных угодий. В исследованиях по аграрной истории очень часто «смешанные» системы земледелия воспринимаются как самостоятельные. Допускается возможность их длительного существования во времени. Эти мнения вряд ли можно считать достаточно обоснованными. Почвы Севера исключали возможность существования как трехпольного севооборота без удобрения, так и таких «систем», как «пестрополье»⁶⁷, потому что подзол без применения удобрения не может давать урожай уже на второй год после введения трехполья. С точки зрения агрохимии эта мысль аксиоматична.

Положение, что подсека должна существовать как «дополнение» к полевой пашне⁶⁸, также вызывает серьезное возражение. Такая ситуация возможна лишь как эпизод, но отнюдь не как постоянно действующая хозяйственная практика. По системе земледелия складывается определенный состав растений, пахотных орудий, наконец, стереотип мышления хлебопашца, который может меняться только в определенной демографической ситуации, которая исключает возможность эксплуатации земли в прежней форме⁶⁹. Поэтому отсутствие в ряде «сообщений», содержащих обобщенную информацию, и, в частности, в «Экономических примечаниях» XVIII в. указаний на существование краткосрочных залежей вовсе не означает искажения реальной жизни⁷⁰. Скорее всего, продолжительность составления «Примечаний к генеральным межеваниям» заставляла их авторов отказываться от фиксации явлений случайного характера. Не убеждает и сделанный Л. М. Русаковой вывод о том, что обозначенный в этом источнике факт распахивания «из дубровных и борových мест» земли и использование ее в течение трех лет при ротации — озимь — яровое — пар с последующей сменой участка свидетельствуют об элементах подсеки⁷¹. Скорее всего, здесь мы имеем лишь первую ро-

тацию трехпольного севооборота, где естественное плодородие почвы всего лишь на один год заменяет навозное удобрение.

В условиях Сибири перелог и трехполье в вышепересмотренных вариантах являлись формами землепользования, которые в целом решали задачу восстановления плодородия почвы и тем самым не являлись препятствием для развития производительных сил земледелия. Приходившим в Зауралье крестьянам представителями центральной власти с XVII в. навязывалось традиционное для центральных районов трехполье в качестве единственно возможного способа ведения хозяйства на государевой папше. Это должно было ограничить передвижения крестьянства, которые порождались новым пространственным вариантом ведения земледелия, и тем самым закрепить его на определенной территории. В этой связи администрацией вводилась мелочная регламентация, навязывались рецептурные способы ведения хозяйства. Эта тенденция мешала выработке таких приемов хозяйства, которые соответствовали бы местным условиям. Так, в 1758 г. в южный регион (Тюмень, Тара, Ялуторовский и Краснослободской дистрикты) были высланы обер-офицеры с целью добиться увеличения вдвое норм высева на государевой папше (с одной до двух четвертей), установить такое положение, чтобы одна половина папши засеивалась озимыми, а вторая — яровыми. Совсем не трудно догадаться, что эти меры находились в самом прямом противоречии с теми оптимальными формами землепользования, которыми должна была определяться земледельческая деятельность сибирского крестьянина. Это являлось одной из основных причин, по которым он стремился отказаться от казенной барщины, сдавать вместо нее «приполовный хлеб»⁷². Приводимые исследователями данные о неизмеримо больших размерах по отношению к казенной «собинной» папши⁷³ являются показателем того, что рецепты, по которым администрация «строила» хозяйство, были неприемлемы для местного крестьянства. Любопытно отметить, что инициаторами выступлений против десятинной папши были крестьяне тех населенных мест (Курганская, Утятская, Усть-Сурская и другие слободы)⁷⁴, в которых в силу преобладания переложной системы правительственные рекомендации были особенно негодными.

Даже много позже попытки отдельных так называемых культурных хозяев вести иное, более интенсивное хозяйство успехом не увенчались. В гораздо больших масштабах экспериментирование с многопольем проводилось в соседних — Уфимской и Оренбургской — губерниях. Но и здесь результаты оказались теми же.

Интенсификация земледелия и уровень сельскохозяйственного производства в условиях Зауралья. Признание факта раздельного существования трехполья и перелога имеет важное методическое и методологическое значение. Прежде всего это связано с общей оценкой уровня развития земледелия. «Сгущение» народонаселения давно рассматривалось в качестве одного из ведущих факто-

ров интенсификации землепользования, что само по себе не может вызывать возражений. Но значение этого фактора нельзя абсолютизировать и рассматривать его в качестве основного показателя прогрессивности и уровня развития сельского хозяйства⁷⁵. А. С. Ермолов, противопоставляя залежную систему трехполью, называл ее примитивной и отмечал, что она «парит за Уралом», «в степных областях и на всем юге Сибири»⁷⁶. Видные буржуазные ученые А. А. Кауфман, Н. Н. Огановский и др., исходя из своих политических и социальных взглядов, искажали действительные успехи развития земледелия Сибири. Они стремились создать иллюзию, что только под влиянием «культурного» помещика, дающего работу крестьянину, вынужденному прилагать свой труд на крайне малом клочке земли, возможен истинный земледельческий прогресс. Прямым следствием такого хода рассуждений был вывод о том, что необходимо направить средства не на «искание новых мест», «а на коренное улучшение крестьянского хозяйства» на parcelных участках центра России. Эта мысль лежала и в основе попыток А. А. Кауфмана признать умственный уровень сибирского крестьянина по сравнению с западноевропейским⁷⁷.

Современный исследователь Л. Г. Сухотина также сочла возможным утверждать, что техника сибирского земледелия была ниже, чем в Европе, но в чем проявлялось преимущество западноевропейской техники, автор не говорит⁷⁸. О. Н. Вилковым существование перелога почему-то рассматривается как прямое следствие хозяйственной несостоятельности земледельца Зауралья⁷⁹. Противоречива позиция и И. А. Асалханова. С одной стороны, им признается тщательность в обработке полей, а с другой — без оснований используются характеристики «о хищничестве» сибирского земледельца⁸⁰.

Подобные примеры, а их легко увеличить, свидетельствуют, что оценка явлений, свойственных той или иной сельскохозяйственной практике, проводилась без учета той системы земледелия, в рамках которой они существовали, и без учета того, насколько они были здесь значимы, без попыток определить наличие или отсутствие условий, необходимых для нормального функционирования той или иной формы эксплуатации земли. Более верно подошла к этой проблеме М. М. Громыко, полагая, что залежно-паровая система господствовала в Сибири в XVIII—первой половине XIX в., потому что была наиболее целесообразной для крестьян в данных социальных и естественно-географических условиях⁸¹.

Рассматривая комплекс агротехнических мероприятий, направленных на поддержание плодородия почвы, следует учитывать не только естественнонаучный, но и общественный аспект проблемы. Однако прямое отождествление режима землепользования с такими категориями, как общественно-экономическая формация, товарно-денежные отношения, уровень натуральности хозяйства⁸², страдает известным упрощением. Оно не дает воз-

возможности рассмотреть сложность явлений, связанных с процессом изменения интенсивности землепользования под влиянием демографической ситуации и функционирования общественных отношений. Только расчлененное изучение каждого из названных явлений с последующим выяснением их взаимной связи позволяет установить действительные успехи и недостатки сельскохозяйственного производства. В разрешении этой задачи весьма существенны исследования ученых-естественников, особенно агрохимиков. Именно на стыке естественных и общественных наук открываются «новые возможности для плодотворных исследований как общетеоретического, фундаментального, так и прикладного характера»⁸³. Еще А. С. Ермоловым было выдвинуто положение о том, что «каждая система может совершенствоваться сама по себе, не переходя для этого в другую, не переставая существовать»⁸⁴. В экспериментальных исследованиях П. А. Костычева и Н. Л. Скалзубова⁸⁵ было установлено, что при соблюдении необходимых сроков запуска залежная система вполне обеспечивает нормальное функционирование сельскохозяйственного производства. Труды Д. Н. Прянишникова убедительно показали, что полное восстановление плодородия почвы принципиально возможно при любой системе земледелия, в условиях, обеспечивающих ее функционирование.

В настоящее время в сибиреведении определяется иной подход к решению вопросов о прогрессивности той или иной системы земледелия на тех или иных этапах освоения Сибири⁸⁶. В частности, поставлена под сомнение оценка залежной системы как хищнической вне зависимости от условий ее существования⁸⁷.

Влияние систем земледелия на формирование бытовых и хозяйственных особенностей. Демографическая «разряженность», с одной стороны, создала бытовые особенности земледельческих сообществ, а с другой — на этой основе были созданы благоприятные условия для переоценки средств труда, перестройки издавна сложившихся, но не всегда практически оправданных представлений о месте и роли отдельных элементов культуры в системе сельскохозяйственного производства. Земледельцу представилась возможность как бы вновь проиграть определенную стадию развития земледелия в новых условиях. Пространственные возможности создали необходимые предпосылки для развития технической оснащенности земледелия. Исследователями был отмечен более высокий уровень механизации сибирской деревни в конце XIX—начале XX в. по сравнению с деревней Европейской части страны⁸⁸. Это явление нельзя рассматривать вне связи с историей сельскохозяйственных орудий в сибирской деревне в предшествующие века. В регионах, где сохранялась залежная система земледелия или безнавозное трехполье, развитие получили главным образом колесные орудия. Еще Палласом были отмечены сохи-колеснянки, однотипные для всего юга Сибири⁸⁹. Их использование позволяло в широких масштабах применять тягловую силу домашних животных — впрягать сразу несколько

лошадей или волов. Именно в этих районах проявилась тенденция использовать для вспашки «двух-трехлопастки»⁹⁰, т. е. такие орудия, которые работали относительно быстро, но с известным ущербом качеству. В системе орудий, связанных с уборкой хлебов, в этих регионах проявлялась такая же закономерность. Они были ориентированы на то, чтобы решить задачу уборки хлебов в максимально короткий срок, даже если это было связано с некоторой утратой урожая. Считалось оправданным не тянуться к каждому колоску, а что у хлеба «должны быть и крохи»; если отцы сначала «серпом ладили», то последующее поколение «косу с грабельками изобрело»⁹¹. Следовательно, тенденция ускорения уборки была явлением вторичным в жизни села.

Эти особенности земледелия степной и лесостепной зоны находились в известном противопоставлении бытовым особенностям земледелия регионов, где господствовала трехполка с устоявшейся системой удобрений. Там мы находим маневренные оглобельные сохи, позволяющие хорошо обрабатывать землю⁹², более пригодные для перевозки и заделывания навоза орудия. Эти обстоятельства являлись этнодифференцирующими различиями среди земледельческих сообществ Зауралья. Проявлялись они также и в других элементах культуры.

Наличие земельных просторов, породившее возможность устойчивого существования различных режимов землепользования, создало определенную специфику землеустройства. Для Сибири в большей мере, чем где-либо, была характерна заимочная форма землеустройства, создававшая объективные предпосылки для организации сельскохозяйственного производства на основе частной инициативы⁹³.

Характерные особенности в развитии земледельческой культуры порождали и особую восприимчивость земледельца к нововведениям. Она была отмечена многими наблюдателями⁹⁴. Но вместе с тем это же обстоятельство породило и другую бытовую особенность — консервацию отдельных элементов культуры, стадияльно соответствующих ранней системе земледелия. Еще А. Н. Радищевым было отмечено, что в Сибири «существуют многие древние обычаи, которые во многих местах уже истребились»⁹⁵.

Особенности хозяйствования в новых условиях отразились и в сферах материальной и духовной жизни крестьянина, прямо с земледельческим производством не связанных, например, в масштабности жилищного строительства, развитой системе хозяйственных застроек⁹⁶, в «собственном» языке крестьянина, в котором запечатлелось и его отношение к различным режимам землепользования⁹⁷.

- ¹ *Василов Н. И.* Избранные труды: В 5-ти т. М.: Изд-во АН СССР, 1960, т. II, с. 186.
- ² *Суринов В. М.* Вопросы истории систем земледелия в творчестве Д. Н. Прянишникова. — В кн.: Из исторического опыта сельского хозяйства СССР: Материалы по истории сельского хозяйства СССР. М.: Наука, 1968, вып. VII, с. 324.
- ³ *Шишкин А. Н.* Исторический ход развития форм в сельском хозяйстве. — Изв. Петровской земледельческой академии, 1873, вып. III, с. 294; *Ермолов А. С.* Организация полевого хозяйства: Системы земледелия и севообороты. СПб., 1891, с. 80—79; *Суринов В. М.* Вопросы истории..., с. 324 и др.
- ⁴ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 270; т. 4, с. 103.
- ⁵ *Александров В. А.* Особенности феодального порядка в Сибири (XVII в.). — ВИ, 1973, № 8, с. 52.
- ⁶ *Шунков В. И.* Очерки по истории земледелия Сибири. XVI в. М.: Изд-во АН СССР, 1956, с. 260—261, 263, 265 и др.
- ⁷ *Александров В. А.* Особенности феодального порядка...; *Власова И. В.* Землепользование в Поморье и Сибири XVII—XVIII в. (традиции и практика). — В кн.: Хозяйство и быт западно-сибирского крестьянства. М.: Наука, с. 6—62; *Преображенский А. А.* Урал и Западная Сибирь в конце XVI—начале XVIII в. М.: Наука, 1972.
- ⁸ *Александров В. А.* Особенности феодального порядка..., с. 83.
- ⁹ ЦГИА, ф. 391, оп. 1, д. 435, л. 28.
- ¹⁰ *Иконников В. С.* Граф Н. С. Мордвинов. СПб., 1873, с. 510.
- ¹¹ *Кауфман А. А.* Обзор способов полеводства и севооборотов в Западной Сибири. — Сельское хозяйство и лесоводство, 1893, № 6, с. 156—157.
- ¹² *Власова И. В.* Землепользование в Поморье..., с. 33.
- ¹³ *Колесников П. А.* Северная деревня в XV—первой половине XIX в. Вологда: Северо-западное кн. изд-во, 1976, с. 293—294.
- ¹⁴ *Шунков В. И.* Очерки..., с. 268—269.
- ¹⁵ ЦГИА, ф. 391, оп. 5, д. 396, л. 122, 137—139.
- ¹⁶ АИЭ, дневники Западносибирской экспедиции. Сельское хозяйство (далее — Дневники...), 1971, № 1, л. 14, 26, об. 31, об. 38, 41, 44, 56.
- ¹⁷ *Кондрашенков А. А.* Крестьяне Зауралья в XVII—XVIII вв. Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 1969, ч. 2, с. 103—104; Дневники..., 1972, № 2, л. 6, 1971, № 1, л. 6, 14, 29 об., 31, 42, 44, 51 об., 59, 60.
- ¹⁸ *Громыко М. М.* Западная Сибирь в XVIII в. Новосибирск: Наука, 1965, с. 342—348; *Кондрашенков А. А.* Крестьяне Зауралья..., с. 72—75.
- ¹⁹ *Русанова Л. М.* Сельское хозяйство Среднего Зауралья на рубеже XVIII—XIX вв. Новосибирск: Наука, 1976, с. 53.
- ²⁰ *Александров В. А.* Особенности феодального порядка..., с. 52; *Власова И. В.* Землепользование..., с. 24, 51—52.
- ²¹ ЦГИА, ф. 398, оп. 57, д. 402, л. 275—278.
- ²² *Прянишников Д. Н.* Жизнь и деятельность. М.: Наука, 1972, с. 226.
- ²³ ЦГИА, ф. 398, оп. 57, д. 402, л. 276.
- ²⁴ *Кауфман А. А.* Обзор способов полеводства и севооборотов в Западной Сибири, с. 10—20.
- ²⁵ *Кауфман А. А.* Община, переселение, статистика. М., 1915, с. 140.
- ²⁶ *Суринов В. М.* Производительные силы сельского хозяйства Западной Сибири (по материалам историко-этнографических экспедиций). — В кн.: Проблемы научения материальной культуры русского населения Сибири. М.: Наука, 1974, с. 114—153.
- ²⁷ *Гешеле Э. Э.* Очерки развития сибирского земледелия. Омск: Областное кн. изд-во, 1957, с. 39.
- ²⁸ *Шерстобов В. Н.* Илимская пашня. Иркутск: Иркутское обл. гос. изд-во, 1949, т. 1, с. 289; *Сухотина Л. Г.* Системы земледелия в крестьянском хозяйстве Томской губернии второй половины XIX в. — В кн.: Экономическое и общественно-политическое развитие Сибири в 1861—1917 гг. Новосибирск: Наука, 1965, с. 70—71; *Кондрашенков А. А.* Крестьяне Зауралья..., с. 70—71; *Асалханов И. П.* Сельское хозяйство Сибири конца XIX—начала XX в. Новосибирск: Наука, 1975, с. 134—135.

- ²⁹ Громыко М. М. Западная Сибирь..., с. 150—152; Русакова Л. М. Сельское хозяйство..., с. 52.
- ³⁰ А. А. Кауфман, например, считал типичной для Сибири формой хозяйства «залежное хозяйство» «в так называемой залежно-паровой форме» (Кауфман А. А. Земельный вопрос и переселение: Сибирь, ее современное состояние, ее нужды. СПб., 1908, с. 108—109).
- ³¹ Ермолов А. С. Организация..., с. 64.
- ³² Моор Х. М., Лиши Х. М. К истории сельского хозяйства в Прибалтике. — В кн.: Ежегодник по аграрной истории стран Восточной Европы. Рига, 1963, с. 81.
- ³³ Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. СПб., 1890, вып. VIII, с. 24.
- ³⁴ Громыко М. М. Западная Сибирь..., с. 153; Русакова Л. М. Сельское хозяйство..., с. 54.
- ³⁵ Статистика Российской империи: Волости и населенные места. СПб., 1894, вып. 10. Тобольская губ., с. 4.
- ³⁶ Русакова Л. М. Сельское хозяйство..., с. 68.
- ³⁷ Материалы..., вып. VIII, с. 204, 206.
- ³⁸ Сельскохозяйственные замечания. — Земледельческая газ., 1843, 28 авг.
- ³⁹ Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. СПб., 1891, с. 242.
- ⁴⁰ Паллас П. Путешествия по разным местам Российского государства. СПб., 1783, т. II, ч. 1, с. 7—8.
- ⁴¹ Дневники..., 1972, № 2, л. 39, 43, 46, 50, 64, 79 об. и др.
- ⁴² Там же, л. 32, 34, 79.
- ⁴³ Сельскохозяйственные замечания. — Земледельческая газ., 1843, 28 авг.
- ⁴⁴ Шукшин Н. Н. Нужнейшие экономические записки для крестьян, содержащие в себе подробные наставления о производстве хлебопашества. Тобольск, 1794, с. 45.
- ⁴⁵ Кондрашенков А. А. Крестьяне Зауралья..., с. 82.
- ⁴⁶ Материалы..., вып. VIII, с. 454, 463—464.
- ⁴⁷ Прудникова Т. П. Системы земледелия в Тобольской губернии в пореформенный период (80—90-е годы XIX в.). — В кн.: Материалы научной конференции, посвященной столетию Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника. Свердловск: Среднеуральское кн. изд-во, 1975, с. 109; Русакова Л. М. Сельское хозяйство...
- ⁴⁸ Попов Н. С. Хозяйственное описание Пермской губернии. СПб., 1804, ч. 1, с. 241—242.
- ⁴⁹ Русакова Л. М. Сельское хозяйство..., с. 53—54; Громыко М. М. Западная Сибирь..., с. 152.
- ⁵⁰ Левитов И. С. Одно из частновладельческих хозяйств в Западной Сибири: Имение «Черная речка» в Тобольской губернии. — Сельское хозяйство и лесоводство, 1893, № 4, с. 308—309.
- ⁵¹ ЦГА, ф. 391, оп. 154, д. 22, л. 265—365.
- ⁵² ЦГА, ф. 419, оп. 1, д. 2812, л. 226, 296.
- ⁵³ Материалы..., вып. VIII, с. 453.
- ⁵⁴ Суринов В. М. Вопросы истории..., с. 122—124; Дневники..., 1972, № 1, л. 3, 47; № 2, л. 82 об.
- ⁵⁵ АИЭ, отчет о результатах работы Курганского отряда Западносибирской экспедиции, раздел «Сельское хозяйство», л. 5—6; Дневники..., 1972, № 1, л. 3; л. 21 об., 83 об.
- ⁵⁶ ЦГАМ, ф. 419, оп. 1, д. 214, л. 93.
- ⁵⁷ Материалы..., вып. VIII, с. 454, 463—464; Кондрашенков А. А. Крестьяне Зауралья..., с. 90.
- ⁵⁸ Громыко М. М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII—первая половина XIX в.). Новосибирск: Наука, 1975, с. 43.
- ⁵⁹ Там же, с. 43—52.
- ⁶⁰ Громыко М. М. Западная Сибирь..., с. 150.
- ⁶¹ Русакова Л. М. Сельское хозяйство..., с. 56—58.
- ⁶² Кондрашенков А. А. Крестьяне Зауралья..., с. 79.
- ⁶³ ГАТО, ф. 10 (Тюменский нижний земский суд), оп. 1, д. 4071, л. 2.
- ⁶⁴ Дневники..., 1971, № 1, л. 6, 14, 29, 31 об., 38 об., 42, 44, 46, 51, 56, 59, 60.

- ⁶⁵ АИЭ, Западносибирская экспедиция, отчет Т. А. Ворониной, 1972, л. 9, 14; *Миддендорф А. Ф.* Бараба. — Зап. АИ, 1971, т. 19, Прил., с. 81.
- ⁶⁶ *Красное С. А.* Некоторые итоги и задачи изучения истории земледелия в советской археологии. — КСИА, 1968, № 118, с. 67.
- ⁶⁷ *Шапиро А. Л.* О подсечном земледелии на Руси в XIV—XV вв. — В кн.: Ежегодник по аграрной истории...
- ⁶⁸ *Кочин Г. Е.* Сельское хозяйство в период образования Русского централизованного государства: конец XIII—начало XVI в. М.; Л.: Наука, 1965, с. 141.
- ⁶⁹ *Пранцишников Д. Н.* Избранные сочинения. М.: Изд-во АН СССР, 1963, с. 166—167; *Блок М.* Характерные черты французской аграрной истории. М.: ИЛ, 1957, с. 278.
- ⁷⁰ *Громыко М. М.* Западная Сибирь..., с. 149; *Русакова Л. М.* Сельское хозяйство..., с. 53, 54, 56.
- ⁷¹ *Русакова Л. М.* Сельское хозяйство..., с. 53.
- ⁷² *Шенукова Н. М.* К вопросу об отмене десятинной пашни в Западной Сибири. — В кн.: Экономика, управление и культура Сибири XVI—XIX вв. Новосибирск: Наука, 1969, с. 180.
- ⁷³ *Кашин И. И.* К вопросу о положении пашенных крестьян Восточной Сибири (XVII—начало XVIII в.). — В кн.: Освоение Сибири в эпоху феодализма (XVII—XIX вв.). Новосибирск: Наука, 1968, с. 127.
- ⁷⁴ *Шенукова Н. М.* К вопросу..., с. 180—181.
- ⁷⁵ *Шишкин А. Н.* Исторический ход развития..., с. 289.
- ⁷⁶ *Ермолов А. С.* Организация..., с. 65.
- ⁷⁷ *Кауфман А. А.* Переселение и колонизация. СПб., 1905, с. 5, 165; *Он же.* Земля и культура. М., 1906, с. 21; *Он же.* Новые места и вольные земли. Пг., 1917, с. 20—21; *Материалы...* вып. VIII, с. 203—204.
- ⁷⁸ *Сухотина Л. Г.* Системы земледелия..., с. 71.
- ⁷⁹ *Вилков О. Н.* Тобольский посад XVII. — В кн.: Освоение Сибири в эпоху феодализма (XVII—XIX вв.). Новосибирск: Наука, 1968, с. 47.
- ⁸⁰ *Асалханов И. А.* Сельское хозяйство..., с. 156, 169.
- ⁸¹ *Громыко М. М.* Трудовые традиции..., с. 53.
- ⁸² *Сабурова Л. М., Горюх М. Д.* Системы земледелия в сельскохозяйственных культурах у русских крестьян в середине XIX—начале XX в. — В кн.: Историко-этнографический атлас. М.: Наука, 1967, с. 17.
- ⁸³ *Материалы XXV съезда КПСС.* М.: Политиздат, 1976, с. 72.
- ⁸⁴ *Ермолов А. С.* Организация..., с. 64.
- ⁸⁵ *Скаловузов Н. Л.* О растительности шутьмов. — В кн.: Сборник Пермского земства. Пермь, 1893, вып. 1, с. 78—82; *Косычев П. А.* Переложные системы земледелия с краткосрочными залежами. — Сельское хозяйство и лесоводство, 1889, № 6, с. 337—352.
- ⁸⁶ *Суриков В. М.* Система земледелия как объект и элемент научно-исторического исследования. — В кн.: Ежегодник аграрной истории..., с. 288—298.
- ⁸⁷ *Громыко М. М.* Западная Сибирь..., с. 450—451; *Она же.* Трудовые традиции..., с. 42—58.
- ⁸⁸ *Сухотина Л. Г.* Системы земледелия..., с. 67—68; *Горюшкин Л. М.* Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900—1917 гг.). Новосибирск: Наука, 1976, с. 240; *Асалханов И. А.* Сельское хозяйство..., с. 156—160, 173.
- ⁸⁹ *Паллас П.* Путешествия..., с. 7—8.
- ⁹⁰ *Дневники...* 1972, № 1, л. 1, 4, 5, 8, 16, 25, 38, 43, 67, 58 об., 87; № 2, л. 21, 30, 53, 83 и др.
- ⁹¹ *Дневники...* 1972, № 2, л. 79, 84.
- ⁹² *Асалханов И. А.* Сельское хозяйство..., с. 156—157.
- ⁹³ *Колесников А. Д.* Миграция русского населения в Западной Сибири в XVIII—начале XIX в. — В кн.: Сборник статей памяти члена-корреспондента АН СССР Виктора Ивановича Шункова: Русское население Поморья и Сибири (периода феодализма). М.: Наука, 1973, с. 243, 247; *Липинская В. А.* Занятки Западной Сибири конца XIX в. как сезонные

- поселения. — В кн.: Хозяйство и быт западносибирского крестьянства..., с. 160—161; Громыко М. М. Трудовые традиции..., с. 82.
- ⁹⁴ Копылов А. Н. Декабристы о Сибири и перспективах ее развития. — В кн.: Декабристы и Сибирь. Новосибирск: Наука, 1977, с. 38.
- ⁹⁵ Татаринцев А. Б. Сибирские впечатления и творческие замыслы А. Н. Радищева. — В кн.: Очерки литературы и критики Сибири XVI—XX в. Новосибирск: Наука, 1976, с. 77.
- ⁹⁶ Громыко М. М. Трудовые традиции..., с. 238; Дилинская В. А., Сафьянова А. В. Жилище русского населения восточных районов Алтайского края (конец XIX—начало XX в.). — В кн.: Хозяйство и быт западносибирского крестьянства..., с. 198.
- ⁹⁷ Эгерлей Е. Н., Кузнецова О. Д. Неизвестное в известном (рассказы о словах). Л.: Наука, 1979, с. 25, 67.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение I.

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ ЭЛЕМЕНТОВ ОДЕЖДЫ РУССКИХ СЕВЕРИ XVII—XIX вв.

А. ВЕРХНЯЯ ОДЕЖДА

Таблица I. Одежда из ткани

Наименование	Материал	Назначение		Примечание легкость	Территория распространения	Первое упоминание в литературе (век)
		повсед-прият-ельная	печная			
Азия	Сухо белое верблюжье	-	+	м	Енисейская, Забайкалье, Тобольская	XVII
азия	полусухо крестьянское	+	-	м	Енисейская, Тобольская	XVII
армяк, ермяк	сухо крестьянское	+	-	м	Алтай, Енисейская, Иркутская, Тобольская	XVII
армяк	сухо белое верблюжье	-	+	м	Тобольская	XVII
архалук	сухо крестьянское	+	-	м	Тобольская	XVII
балухон	хрящевой льняной	+	-	м	Енисейская, Тобольская	XVII
балухон	тонкое сукно, шёлк	-	+	м	Вся Сибирь	XVII
бешапа	шаво, сукно	-	+	м	Вся Сибирь	XVII
бешапка	шерсть крестьянской и фабричной выработки	+	+	ж	Енисейская, Иркутская, Тобольская, Забайкалье	XIX
бешмет	сухо	-	+	м	Тобольская, Томская	XIX
борзатка	вавка, катайка, шерсть	-	+	м	Забайкалье, Тобольская, Томская	начало XIX

Таблица I (продолжение)

Наименование	Материал	Назначение		Принадлежность		Территория распространения	Первое упоминание в литературе (год)
		повсед- невная	парад- ничная	мужская, женская	женская		
бурнус верхник гусь гостева дипломат душегрейка епаветка епаветка ергач жакетка плюсовая жилет	драп фабричный холст сукно холст драп, сукно крест, сукно, нанка, шелк; стальные ветošью плис, шерсть сукно сукно плис стальной нанка, плис, шерсть	+	-	ж		Тобольская	середина XIX
		+	-	ж		Тобольская	начало XIX
		+	+	м		Тобольская (ангосье Оби)	XIX
		-	+	м		Енисейская	XIX
		+	+	м		Томская	середина XIX
		+	+	ж		Енисейская, Забайкалье, Иркутская, Тобольская	начало XIX
		-	+	ж		Енисейская, Иркутская, Тобольская	XVIII
		-	+	м		Енисейская, Тобольская, Томская	XVII
		+	+	м		Иркутская	XIX
		-	+	ж		Енисейская	середина XIX
взгун взгун взгунничко кюблтка казакин камарник камзон камлен капот	сукно крестьянское сукно фабричное сукно крестьянское холст крапчатый сукно фабричное холст крапчатый плис нанка, сукно сукно фабричное, шелк	+	+	м		Тобольская	XVII
		+	+	м		Вся Сибирь	XVII
		+	+	м		Вся Сибирь	XIX
		+	+	ж		Тобольская	XIX
		+	+	ж		Енисейская	XIX
		+	+	м		Енисейская, Тобольская (Приангарье)	XIX
		+	+	м		Енисейская	XVIII
		+	+	ж		Ангарь, Колыма	XIX
		+	+	м		Енисейская, Иркутская, Тобольская	начало XIX
		-	+	м		Енисейская	XIX
капотля кафтан, кафтан кафталчик	сукно крестьянское сукно, фабри- чное сукно, нанка, рытый бар- хат, холст кашемир, сукно крестьянское	+	+	м		Вся Сибирь	XIX
		-	+	ж		Тобольская	XVII
		-	+	ж		Тобольская	XIX

капашейка, кудашейка	и фабричное шпик, шелк, стяженный ветошью	—	+	ж	Алтай, Забайкалье, То- больская	XIX
коровик	сукно крестьянское	+	—	м	Забайкалье	XIX
корсетка	сукно крестьянское	+	—	м	Томская	XIX
козга	«понигочина» (полу-сукно кре- стьянское), китайка, стяже- ная ветошью	+	—	ж	Тобольская	XIX
кутыш	сукно	+	—	ж	Тобольская	XVIII
курма	повиточина, китайка, шпик, штоф стяжен. ветошью	+	+	ж	Забайкалье, Енисейская	начало XIX
курмушка	повиточина, штоф стяжен. вербл. шерстью	+	+	ж	Забайкалье, Енисейская	начало XIX
куртачок	сукно на холст. подкладке	+	—	м	Енисейская	XIX
куртик	сукно крестьянское, шпик	+	+	м	Забайкалье, Иркутская	XIX
куртка	шпик на подкладке	—	+	м	Енисейская, Иркутская,	XVII
лабашак	повиточина, сукно вербл.	—	+	м	Тобольская	XVII
летник	сукно крестьянское (верблю- жье, овечьё), камка	—	+	ж	Тобольская	середина XIX
луван	сукно крестьянское	+	—	ж	Тобольская, Томская	середина XIX
маринад, маринак, ма- ринадка	стяженое на кудели	—	+	ж	Тобольская	XIX
монгон	сукно фабричное	—	+	ж	Енисейская	XIX
нагрудка	ванка, китайка, шелк	+	—	ж	Енисейская	XIX
надевалка	сукно крестьянское	+	—	ж	Тобольская	XIX
назевалка	пестрядь	+	—	ж	Енисейская (Приангарье)	XIX
одевалка	холст	+	—	ж	Алтай	XIX
одежка	повиточина, стяженная на вербл. шерсти	+	+	ж	Вся Сибирь	XVII
однорядка	сукно крестьянское и фабрич- ное, шерсть	+	—	ж	Енисейская	середина XIX
осям	сукно крестьянское	+	—	ж	Тобольская	XVII
ошабень	камлот, сукно крестьянское	+	+	ж	Вся Сибирь	XVII
пальто	драп фабричный, сукно крестьянское	—	+	ж	Забайкалье, Тобольская, Томская	XVII
пензак, пиджак, сивьяк	сукно крестьянское	—	+	ж	Тобольская	XVII

Таблица 1 (продолжение)

Наименование	Материал	Назначение		Применяемость	Территория распространения	Первое упоминание в литературе (век)
		повсед-празд-ная бытовая	женская			
плащ	сукно фабричное	+	+	м	Енисейская, Тобольская	середина XIX
пиджачка	нанка, плас, сукно	-	-	м	Енисейская, Иркутская, Тобольская, Томская	середина XIX
подоложка	плас	-	-	м	Тобольская, Томская	начало XIX
пальма	китайка, сукно крестьянское, холст	+	-	ж	Иркутская	XVIII
плотушка	шерсть крестьянская, стязенный понточица	+	-	м	Вся Сибирь	XVII
полуальтан	понточица стязенная	-	+	ж	Тобольская	начало XIX
поясок	шерсть фабричная (камлот), на войладе, стязенном верблюжьей шерстью	+	+	ж	Енисейская, Томская	XVII
сак	атлас, канфа стязенные	-	-	ж	Тобольская, Томская	середина XIX
салоп	сукно крестьянское, катаное	-	+	ж	Енисейская, Иркутская, Тобольская	начало XIX
сарап	сукно крестьянское, катаное	+	-	м	Тобольская	середина XIX
сермяга	сукно крестьянское, катаное	+	-	м	Вся Сибирь	XVIII
сермяжка	понточица катаная	+	-	ж	Тобольская, Томская	XVIII
сибирка	две верхние одежды, одеваемые вместе	-	+	м	Тобольская, Томская	XVIII
синька	сукно крестьянское, фабричное	+	-	ж	Тобольская (ангарье Обл)	XIX
сорочка	сукно крестьянское, катаное	+	-	ж	Тобольская	начало XIX
сузьминна	сукно фабричное	-	+	м	Тобольская	середина XIX
сюртук	фабричная шерсть (камлот)	-	+	ж	Тобольская	середина XIX
талья	стязен. на верблюжьей шерсти	-	-	ж	Тобольская	середина XIX
таляма	сукно	+	+	м	Енисейская (Прингарье)	XIX
тедигрейна, телогрей, телогрейка	нанка; шелк, штоф на войладе, стязенном войлоку, верблюжьей шерстью	-	+	ж	Енисейская	XVIII
тепляк	шерсть крестьянская, стязенная	+	-	ж	Енисейская	начало XIX

теплушка	ная ветошью	+	м	Сибирь (казахья селения)	XVIII
тужурка	нанка, крестьянская шерсть, стуженая ветошью	+	м	Енисейская	XIX
тэряшк	суkho фабричное	-	м	Забайкалье, Иркутская	XIX
фэрезь, фэрязь	катанка, нанка, стуженая шерстью	-	м	Вся Сибирь	XVII
хабат	шерсть	+	м	Енисейская	начало XIX
халат	холст крашеный	-	м	Забайкалье	начало XIX
халат	плис, шелк	+	м	Енисейская	начало XIX
халат	холст	-	м	Енисейская, Забайкалье, Иркутская, Тобольская	начало XIX
халат	кашмир, нанка, шелк, сукно, сатын	+	ж	Алтай	XIX
холщеник	сукно крестьянское	+	ж	Енисейская (Примангаре)	XIX
чашан, чэпан	сукно крестьянское, катаное	+	ж	Тобольская, Томская	середина XIX
чэмень	верблюжье сукно, сермяга (грубое овечье сукно), нанка, фабричное сукно	+	м	Енисейская, Тобольская	XVII
чуга	сукно крестьянское	+	м	Забайкалье, Тобольская	XIX
шабур	пониточина, сукно крестьянское; холст-хряш (грубый)	+	м	Вся Сибирь	середина XIX
шамель, шмиел, глшелка, шпелель	сукно крестьянское, катаное	-	м	Енисейская, Забайкалье	середина XIX
шоданк, шойдавик, шойдовик, шойдник	сукно крестьянское, катаное, обшит холстом	+	ж	Енисейская, Иркутская	начало XIX
шуба	сукно крестьянское, катаное, стуженая ветошью	-	ж	Енисейская	середина XIX
шубка	атлас, вензель, крапешина, сукно, тафта, стуженая	+	ж	Вся Сибирь	XVII
шугай, шугайчик	сукно крестьянское	+	ж	Енисейская, Забайкалье, Тобольская	середина XIX
шунун, шунун	сатын, сукно, холст, штоф	+	ж	Иркутская,	XVIII
шугун	сукно фабричное	+	ж	Тобольская	начало XIX
японча	плис	-	ж	Иркутская	XIX

Таблица 2. Одежда из овецны

Наименование	Материал	Назначение		Принадлежность	Территория распространения	Первое упоминание в литературе (век)
		повсед-нейшая	правд-ничная			
Березовая шуба	Нагольная	+	+	м	Иркутская	начало XIX
бешмет	крыт сукном	+	+	м	Тобольская	середина XIX
дипломат	нагольный	+	+	м	Томская	середина XIX
дыгмы	нагольный	+	+	м	Забайкалье	середина XIX
кафтан	нагольный	+	+	м	Вся Сибирь	XVII
корсет	нагольный	+	+	ж	Томская	XIX
кошуля	крыта холстом	+	+	ж	Тобольская	середина XIX
полушубок	крыт дабой, холстом	+	+	ж	Енисейская, Тобольская	середина XIX
сак	мерлушка, крыта сукном	+	+	ж	Забайкалье	начало XIX
тулуп	нагольный	+	+	м	Вся Сибирь	XVII
тулуп	крыт дабой, крашеинной	+	+	м	Вся Сибирь	XVII
тулуп	крыт фабричным сукном	+	+	м	Тобольская	начало XIX
тулупчик	нагольный	+	+	ж	Тобольская	XVIII
шуба «борзатка»	нагольная, крытая	+	+	ж	Вся Сибирь	XVII
шубейка	нагольная, крытая	+	+	ж	Западная Сибирь	XIX
		+	+	ж	Тобольская	начало XIX

Таблица 3. Одежда из разнокозю меха

Безрукавка	Грелный мех, крыт штофом	+	+	ж	Енисейская	середина XIX
гусь	олений мех, шкуры собак	+	+	м	Тобольская	начало XIX
доха	шкуры собак, диких коз	+	+	м	Вся Сибирь	XVIII
дошка	шкуры диких коз, собак	+	+	ж	Енисейская	XIX
душегрейка	белчий мех, крыт штофом	+	+	ж	Енисейская	середина XIX
епанча, епанечка	белчий мех, крыт шелком	+	+	ж	Енисейская, Тобольская	XVII
камлей	олений мех	+	+	м	Анадырь, Камчатка, Колыма	XVIII
камлейка	олений мех	+	+	ж	Тобольская (ивовые Обя)	XVIII

камлейка	китовые кашки, оленья кожа	промыслов			Север Восточной Сибири	XVIII
мафган	шкура телачья	+			Восточная Сибирь	XVII
кварейка	олень мех, крат сунгом	-			Вся Сибирь	XVIII
кожан	шкура телачья	+			Тобольская	середина XIX
козлик, козляк	шкура козуля крытая	+			Алтай	начало XIX
кумыш	олений мех	-			Забайкалье	середина XIX
курма	белчий мех, крыт шёлком	+			Тобольская (Нижовье Оби)	начало XIX
кульянка	олений мех	+			Енисейская	начало XIX
коряжжа	олений мех	+			Анадарь, Колама	начало XIX
мелница	олений мех	+			Обдорск	начало XIX
панница	олений мех	+			Тобольская (Нижовье Оби)	середина XIX
парка	олений мех	+			Тобольская (Нижовье Оби)	середина XIX
тедотрес	мех белчий, горностаевый,	-			Анадарь, Тобольская (Нижовье Оби)	середина XIX
	лисий, собольи				Енисейская	
тепьяк	мех белчий, заячий, крат	-			Енисейская	середина XIX
	шёлком					
шуба	белчий, заячий мех, крат	-			Вся Сибирь	XVII
шуба «Гуретанка»	шёлком	-			Иркутская	XVIII
	белчий, лисий мех, крат					
шубка	шёлком	-			Вся Сибирь	XVII
	белчий, заячий мех, крат					
пушпуз	шёлком, штофом	-			Иркутская	XVIII
	белчий, бурушлучий мех, крат					
эпачта	шёлком	-			Енисейская	начало XIX
	белчий мех, крат шёлком,					
ята	штофом	+			Вся Сибирь	начало XIX
ягушка	козуляй, олений мех	-			Тобольская	середина XIX
	пух гагачий, олений мех					

Б. ОБУВЬ

Таблица 1. Обувь кожаная

Алачики, аларчики	Мягкие сапоги с вышивкой	-			Енисейская, Колама	середина XIX
аракуам	заканя	+			Амурские казаки	конец XIX
башмаки	козловые	-			Вся Сибирь	XIX
башмаки	сафьяновые	+			Вся Сибирь	XVII

Таблица 1 (продолжение)

Наименование	Материал	Назначение		Принад- лежность	Территория распространения	Первое упомя- нутое в литера- туре (год)
		повсе-прав- овая	начная			
башмаки	телятские	+	-	м	Вся Сибирь	XVII
башмаки	мягкие сапоги	+	+	м	Енисейская, Томская, То- больская	начало XIX
башмаки	короткая обувь	-	+	ж	Забайкалье	середина XIX
ботинки	грубые сапоги	+	+	ж	Томская	середина XIX
ботинки	короткая обувь	+	+	ж	Енисейская	середина XIX
бродни, бродки	мягкие сапоги	+	+	ж	Енисейская, Томская, То- больская, Иркутская	начало XIX
бутылы	грубые сапоги	+	-	ж	Томская, Иркутская	начало XIX
вальверетки	короткая обувь	+	+	ж	Енисейская	XIX
вешетки, вешки, вешки	мягкие сапоги, кожа, сафьян	+	+	ж	Вся Сибирь	XVII
калпачники, калпачки	сапоги сафьяновые, юфтовые	+	+	ж	Енисейская	начало XIX
калпачки	с вышивкой	-	-	ж	Енисейская, Колыма	XIX
калпачки	короткая юфтовая обувь, вы- шитая	-	+	ж	Ангарь	середина XIX
калпачки	юфтовые	-	+	ж	Алтай	середина XIX
калпачки	юфтовые	-	+	ж	Тобольская	XIX
коты	юфтовые	+	+	ж	Вся Сибирь	XVII
коты	кожаные, теллятные	+	+	ж	Вся Сибирь	XIX
лакомы	замша, лосенная	+	+	ж	Енисейская	середина XIX
лакомы	мягкие сапоги оленьей кожи	+	+	ж	Енисейская	середина XIX
лакомы	сапоги замшевые	+	+	ж	Тобольская (Ниловье Обл)	середина XIX
лакомы	сапоги замшевые	+	+	ж	Тобольская (Обдорск)	середина XIX
лакомы	короткая обувь	+	+	ж	Тобольская, Томская	середина XIX
лакомы	мягкие сапоги	+	+	ж	Тобольская, Томская	начало XIX
лакомы	короткие мягкие	+	+	ж	Западная Сибирь	середина XIX
лакомы	сапоги	+	+	ж	Забайкалье	XIX
лакомы	сапоги	+	+	ж	Алтай	XIX
лакомы	короткая обувь	+	+	ж	Вся Сибирь	конец XIX
лакомы	мягкие сапоги	+	+	ж	Енисейская	середина XIX
лакомы	хромовые	+	+	ж	Вся Сибирь	XVII

сапоги	сафьяновые	+	+	ж	Вся Сибирь	XVII
сапоги	тепличные	+	+	ж	Вся Сибирь	XVII
сапоги на высоких подборах	хромовые на каблуках	-	-	м	Тобольская	начало XIX
сапоги лаковые	хром	+	+	м	Тобольская	XIX
сапоги стариковские	хромовые с низким каблуком	+	+	м	Тобольская	XVII
сапоги «дзговы»	вофты	+	+	м	Тобольская	XIX
саури	кожа оленя	+	+	м	Анадырь	XIX
саури	замша с утращеннем	+	+	м	Анадырь	XIX
саури	сапоги с толстыми голшпк.	+	+	ж	Енисейская, Томская	XIX
стома	сапоги с суковными голшпк.	+	+	ж	Забайкалье	XVII
стухи	коротк. обувь	+	+	ж	Вся Сибирь	XIX
сыраки	сыромятная кожа	+	+	ж	Тобольская	начало XIX
уледи	мягк. сапоги для хоянд. на лыжах	+	+	ж	Вся Сибирь	XIX
черевки	коротк. с каблуком	+	+	ж	Тобольская	середина XIX
чабрыки	коротк. мягкая	+	+	ж	Енисейская	середина XIX
чабрыки	коротк. мягкая	+	+	ж	Иркутская	середина XIX
чарки, чарки, чарки	вофтовая коротк. обувь	+	+	ж	Енисейская, Забайкалье, Тобольская	XVII
чуни	сапоги мягкие	+	+	ж	Тобольская, Томская	XIX
шактерки	короткая грубая	+	+	ж	Томская	середина XIX

Таблица 2. Обувь летовая

Алчуры	сапоги козачкой, легкой шкур, подошва — кожа	+	+	ж	Иркутская	середина XIX
баранники	сапоги оленьего меха, подошва — кожа	+	+	ж	Тобольская	середина XIX
бикара, бикара	мягкие сапоги из оленьих капысов с кожаной подошвой	+	+	ж	Енисейская	середина XIX
волосняки	короткие, из конск. волоса	+	+	ж	Енисейская	середина XIX
дуктуи	короткие собач. мех	+	+	ж	Иркутская	середина XIX
дышья	длинные (до локтя) козачий мех	+	+	ж	Енисейская	середина XIX
камсы	сапоги из оленьих, гурашних камысов	+	+	ж	Енисейская, Иркутская	середина XIX
камчур, камчур	короткие сапоги из оленьих камысов	+	+	ж	Енисейская (Приангарье)	XIX

Таблица 2 (продолжение)

Наименование	Материал	Назначение		Принадлежность	Территория распространения	Первое упоминание в литературе (век)
		повсед-правд-левая	начная			
капуры	сапоги из оленьих камысов	промысловые		м ж	Енисейская (Приангарье)	XIX
качутки, кичита	из лосиных, козьих, оленьих камысов	промысловые		м ж	Енисейская (Приангарье)	XIX
боты	бараний, козудий мех, короткие	+	+	м ж	Вся Сибирь	XVII
кысы	из оленьих камысов	домашняя		м ж	Енисейская	XIX
пшмы	оленьи мех	домашняя		м ж	Енисейская, Иркутская	XIX
побубокари	сапоги до колена	+	—	м	Енисейская	XIX
торбасы, торбасы	мягкие сапоги из оленьих камысов, украшены вышивкой	домашняя		м	Енисейская, Анадыр	начало XIX
ушты	сапоги из оленьих, козудий камысов, собачьих шкур	+	+	м	Восточная Сибирь	начало XIX
чужки	сапоги с шелковым вышитым верхом	—	+	м ж	Енисейская	начало XIX

Таблица 3. Обувь казанка, палатенка, сазанка

Боярковы пшмы	овечья шерсть	+	+	м	Западная Сибирь	XIX
валышки	овечья шерсть	—	+	м ж	Енисейская	XIX
выходки	сапоги овеч. шерсти с украинским шением	+	+	м ж	Томская	середина XIX
качанки	овечья шерсть	+	—	м ж	Восточная Сибирь	XIX
кысы	овечья шерсть	+	—	м ж	Томская	середина XIX
копюнные	чулки овечья ш.	+	—	м ж	Вся Сибирь	XIX
красленные пшмы	овеч. шерсть	—	+	м ж	Томская	XIX
кукарские пшмы	овеч. шерсть	+	+	м ж	Вся Сибирь	XIX
пшмы	овеч. шерсть	+	+	м ж	Западная Сибирь	XIX
ушты	овеч. ш. обшиты сукном	+	—	м	Тобольская	XIX
лапти	липов., берест.	—	летняя,	м	Тобольская (Ишим)	XIX

ступни	липовые	летняя, летняя, летняя	ж	Челябинская	XIX
чулки	из конопляных веревок, ко- роткие	летняя, летняя, летняя	м ж	Челябинская (Орловские переселенцы)	XIX

В. ЧУЛКИ

Таблица 1. Чулки вязаные, шитые

Бакраи	Суконные чулки	промысловые	м	Енисейская	XIX
вязанки	воски, шерсть	+	м	Енисейская	XIX
голяшки	чулки холстые	+	ж	Енисейская	XIX
карцетки	поски деньковые	+	м	Енисейская	XIX
носки	конск. волос	—	м	Енисейская	XIX
шаголенки, поголенки	холст	промысловые	ж	Енисейская, Тобольская	XIX
тряпотики	чулки вязаные	+	м	Енисейская	XIX
чулки	вязаные вятские, двинские, польские	+	м ж	Вся Сибирь	XVII
чулки	сермяжные	+	м ж	Вся Сибирь	XVII
чулки «русские»	суконные	+	м ж	Вся Сибирь	XVII
чулки «пряжные»	вязанные из конопляных ниток	+	ж ж	Забайкалье	XIX
чулки «журные»	вязанные из льняной пряжи	+	ж ж	Тобольская	XIX

Таблица 2. Чулки меховые

арамузы	мех (зимние), зампа (летние)	промысловые	м	Амурские казаки	XIX
букули	носки собачьей шкура	домашние	м ж	Енисейская (Приангарье)	XIX
кулемешки	собачья шкура	домашние	м ж	Енисейская (Приангарье)	XIX
лосенки	лосняные	промысловые	м ж	Енисейская (Приангарье)	XIX
накошутки	носки (собачий мех, овчина)	+	м ж	Енисейская (Приангарье)	XIX
неговани	олений мех	+	м ж	Тобольская (Низовье Оби)	начало XIX
ноговицы	олений мех	+	м ж	Колыма	начало XIX
ноголенники	ровдуга	+	м ж	Колыма	начало XIX
пшмы	олений мех	+	м ж	Тобольская (Сургут)	XIX
пуцпуре	теляч., овец. шкура	+	м ж	Енисейская (Приангарье)	XIX
танки	оленьи	+	м ж	Анадырь, Колыма	начало XIX
ушты	козья шкура	+	м ж	Амурские казаки	начало XIX
чежи	олений мех (в пшмы)	+	м ж	Тобольская (Сургут, Бе- резов)	начало XIX

Г. ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ

Таблица 1. Головные уборы девицы и женщины

Наименование	Материал	Назначение		Принадлежность	Территория распространения	Первое упоминание в литературе (век)
		повсем. права-венная	личная			
Атлас	Шаль шелковая сложный платок сетел, шерстяная ткань мшпура, оксер на каркасе платок вязав. шелков. платок платок платок полоса шелковая шелковый на меху шелк на каркасе твердая пластина, вставл. в платок твердый каркас из холста шелковый платок шейный ситцевая косынка вышитая капюшон меховой атлас, камка с золотым шитьем вязанный из льняных шток вязанный вязанный шелк, ситец полоса шелка на каркасе, ук- рашена позументом, бисером ситец, шелк	-	+	ж	Забайкалье	XIX
Обруччик		-	+	ж	Енисейская	начало XIX
венец		-	+	ж	Томская	XIX
власник		-	+	д	Тобольская	XVII
волосник		-	+	ж	Тобольская	начало XIX
вокшич		-	+	ж	Алтай	XVII
золотный		-	+	ж	Тобольская (Сургут)	середина XIX
калмычка		-	+	ж	Тобольская	XVII
кавказ		-	+	ж	Забайкалье	XIX
капор		-	+	д	Иркутская	XVIII
кардонка		-	+	ж	Енисейская	XVIII
кардонка		-	+	д	Тобольская	середина XIX
кардонка		-	+	ж	Тобольская	XIX
китка, китка		-	+	ж	Алтай, Амурская, Забай- калье	XVIII
кокетка	-	+	ж	Енисейская	XVIII	
кокетка	-	+	д	Енисейская	XIX	
кокуль	-	+	д	Анадарь	XIX	
кокошник	-	+	ж	Вся Сибирь	XVII	
кошпак «Белый»	-	+	д	Енисейская	XVII	
кошпак	-	+	ж	Забайкалье, Колыма, То- больская	XVII	
косник	-	+	д	Енисейская	середина XIX	
косынка	-	+	д	Енисейская	середина XIX	
красота	обрадовал (свадебная)	-	д	Енисейская, Тобольская	середина XIX	
крутиши	-	+	ж	Енисейская (Прлангарь)	XIX	

дешта	полоса шелка шита золотом, с жемчужной подшивкой	+	д	Забайкалье, Тобольская	XVIII
дешты	пучок из 20—30 разноцветных лент	—	д	Енисейская	XIX
малахай	шапка меховая	+	д	Енисейская	XIX
накидка	шелк, ситец	+	д	Иркутская	XVIII
наголовник	ситец, шелк	+	ж	Томская	XIX
навойник	ситец, шелк	+	ж	Томская	XIX
наколпа, наколк	шелк на каркасе, украшен	+	ж	Алтай, Енисейская	XIX
накосник	ситец, шелк	+	ж	Енисейская	XIX
накосник	ситец, шелк с украшением	+	ж	Енисейская	XIX
наметка, наметка	полотно	+	ж	Томская	XVII
нашлейка	ситец, шелк	+	ж	Томская	XIX
ошле	полоса шелка с уклад.	+	д	Тобольская (Курган)	XIX
паушка	ситец	+	д	Тобольская (Ишим)	XIX
перевязка	полоса шелка с жемчужной расой	—	д	Западная Сибирь	XIX
платок	холст, ситец, шелк	+	д	Вся Сибирь	XVII
платок барсовый	шелк пестрый	+	ж	Забайкалье	XIX
пояска	полоса ткани на каркасе, уклад. бисером	—	д	Вся Сибирь	середина XIX
повойник	ситец, шелк	+	ж	Вся Сибирь	XVII
подбородник	плоток, сложенный полосой	+	ж	Забайкалье	XIX
«подвазыльник», поза- тыльник, назатыльник	шит золотом, ниван жемчугом	+	ж	Вся Сибирь	XIX
подволосник	ситец, шелк	+	ж	Томская	XIX
подвязальник	плоток, сложен полосой	+	ж	Енисейская, Забайкалье	XIX
подвязальник	ситцевая полоса в роспуск	+	ж	Тобольская	XIX
подвязь	желобчатая часть тол. уб., укладена жемчугом, бисером	—	д	Забайкалье	XVIII
подобрусник, подбрус- ник	рашена жемчугом, бисером	+	ж	Вся Сибирь	XVII
подшолок	холст, ситец, атлас, шелк, укладен одякуем	+	ж	Вся Сибирь	XIX
полукошпник	персть гарусная	—	ж	Вся Сибирь	середина XIX
полушалье, полушало	шелк, парча	—	ж	Тобольская	начало XIX
побска	персть гарусная	—	ж	Енисейская, Иркутская	XIX
редка	холст, шелк	—	ж	Томская	XIX
рогулька	редко вязанная шаль	—	д	Забайкалье	XIX
	ситец, шелк	+	ж	Тобольская (Ишим)	начало XIX

Таблица 1 (продолжение)

Наименование	Материал	Назначение		Примечательность	Территория распространения	Первое упоминание в литературе (век)
		повсед-невная	художественная			
рубец	ситец, шелк	+	+	ж	Тобольская, Томская	начало XIX
рушник	ситцевый платок	+	+	д	Енисейская (Принангарье)	XIX
самшюра, самшюра	ситец, шелк	+	+	ж	Западная Сибирь	начало XIX
сборник	холст, ситец, шелк	+	+	ж	Енисейская	XVIII
сетка	вязаная из цветных ниток	-	+	д	Енисейская	середина XIX
сетка	ковровский волос	от мошки		д	Томская	XVIII
сорочка	холст, ситец, шелк	+	+	ж	Забайкалье, Тобольская	XVII
сорочник	ситец	+	+	ж	Тобольская	XIX
схляма	ситец, шелк	-	-	ж	Тобольская (Исетск)	XVIII
уборы	шелк, украш. золотой вышивкой	-	+	ж	Алтай	XVIII
убрус	полотно, украш. вышивкой или тканым узором	-	+	ж	Енисейская	XVII
уваль (вуаль)	багет, кисей с цветами вышивкой	-	+	д	Вся Сибирь	XVII
фата	ситец, шелк	-	+	ж	Западная Сибирь	XIX
файшонка, фальшонка, фальшонка, шелфонка	вязаная косынка	-	+	ж	Иркутская, Тобольская (Иурган)	начало XIX
целец, сепец, чепец	шелк	-	+	ж	Енисейская, Тобольская	середина XIX
чепак	шелк с золотым шитьем, по-зументом, бисером	-	+	ж	Тобольская	начало XIX
чехлик, чехол, челлушка	шапочка парчовая на меху	+	+	ж	Енисейская, Тобольская	XVIII
шьль	крашенина, ситец	+	-	ж	Тобольская	середина XIX
швапка	ситец, шелк, шерсть	+	+	ж	Вся Сибирь	XVII
швапенка	холст, ситец, шерсть	+	+	ж	Иркутская	XIX
шьль шейный	холст, ситец, шерсть	+	+	ж	Енисейская	XIX
шамшюра, шамшюра	шерсть	-	+	ж	Енисейская	XVIII
шайка	ситец, шелк, блис атласная, подбита пухом	+	+	ж	Тобольская, Томская	XVIII
		-	-	ж	Вся Сибирь	XVII

шляпа	шелковая, шляпа золотом, с боб- ровой опушкой	-	+	ж	Вся Сибирь	XVII
шляпка	холст, ситец	+	-	д	Тобольская	XIX

Таблица 2. Головные уборы мужские

Наименование	Материал	Назначение: повседневная, парадная, промысловая	Территория распространения	Первое упоминание в литературе
Араччишка	навка, шлис	+	Тобольская	середина XIX
Баркова	мех	+	Енисейская	XVIII
Бобровая	сукно, мех	+	Енисейская	XVIII
Бурк	листья шляка	+	Тобольская	XVIII
волосьянка, волоочинка	катаная шерсть овечья, каровья	-	Иркутская	начало XIX
Грешевик, грешевик	катаная	+	Западная Сибирь	XVIII
Гаркуляка	мерлушка	+	Тобольская	середина XIX
каргуз	сукно	+	Енисейская	середина XIX
Катаушка	шляпа перстля.	+	Енисейская	XVIII
Колшак	вазальи, катаный	+	Енисейская, Забайкалье	начало XIX
Колпак	мех олений	+	Енисейская	начало XIX
Коволяннка	холст	+	Томская	начало XIX
Крегла	кашплов, сукно	+	Тобольская	середина XIX
Кремка	сукно, мех	+	Томская	XIX
Курашка	сукно	-	Забайкалье	середина XIX
лесовяца, лесовушка	катаная шерсть	+	Енисейская	середина XIX
личинка	холст, конский волос	от мошки	Енисейская	начало XIX
Малыай	сукно, мех	+	Воя Сибирь	XVIII
«монголь-скан»	мех	+	Енисейская, Забайкалье	XIX
накухарница	катаная, хлопковая лопасть свади	промысловая	Енисейская	начало XIX
ошейник, напейник	мех — хвосты белиты, заячьи, со- бачьи	промысловый	Енисейская, Тобольская	XVIII
шапах	мех	-	Енисейская	XIX
пуговка	шляпа поярковой шерсти	-	Алтай	XIX
самокатка	шляпа катаная	+	Алтай, Енисейская	XVIII
сетовшик, сетка	холст, конский волос	от мошки	Енисейская	XIX

Таблица 2 (продолжение)

Наименование	Материал	Назначение: поселенная, праздничная, промысловая	Территория распространения	Первое упоминание в литературе
тагарка	4-х ялыка ткаевая, подбита овчиной, мехом	+	Енисейская	XIX
торсык	катаный, с козырьком, наушниками и украшен	-	Иркутская	начало XIX
треух	сухно	+	Енисейская, Тобольская	XIX
треух	олсний мех	+	Тобольская (Сургут)	XIX
фуражка с кондырем	сухонная с козырьком	-	Тобольская	середина XIX
чобак	сухно, плис, подбит овчиной, мехом, с меховой опушкой	вослия до XIX в.	Вся Сибирь	XVII
чобан	сухно, меховая опушка	+	Енисейская	XIX
шапка «верверетовая»	плис, подбит мехом	+	Вся Сибирь	XVII
шапка	овчинная	+	Вся Сибирь	XVII
шапка	сухно, опушена мехом	-	Вся Сибирь	XVII
шапка «горлатная»	из меха от шеи бобра, лисы, крытого сухном	+	Западная Сибирь	XVII
шапка «копомная»	шерсть катаная	-	Вся Сибирь	XVII
шапка «крутлая»	сухно катаное, подбита и опушена мехом	+	Вся Сибирь	XVIII
шапка «стяжная»	сухно, подбитое шерстью, ветошью	-	Вся Сибирь	XVII
шапка «с теплым околом»	сухно, подбита мехом	+	Енисейская	XIX
шапка «черевья»	из меха бобра, лисы, взятого с живота; крытая сухном, плисом	-	Вся Сибирь	XVII
шапка «четвероугольная»	сухно катаное	-	Вся Сибирь	XVII
шляпа	шерсть катаная	+	Алтай, Забайкалье	XVIII
шляпа «поярковая»	шерсть мягкая катаная	+	Тобольская	XIX
шляпа	соломенная плетеная	+	Забайкалье	XIX

Д. РУКАВИЦЫ, ПЕРЧАТКИ

Наименование	Материал	Территория распространения	Первое упоминание в литературе (век)
Вареги, вареги	из шерсти, вязаные	Забайкалье, Иркутская, Тобольская	XVIII
варежка	из шерсти, вязаные	Западная Сибирь	XIX
верхники	из шерсти, вязаные	Енисейская, Томская	XIX
верхоушки	баранья, лосиные, изюбрь, собач. шкура шерстью наружу	Енисейская, Иркутская	начало XIX
волосянки	конский волос	Енисейская, Томская	начало XIX
выялки	из шерсти, вязаные	Енисейская, Томская	XVII
выстопки	из шерсти, вязаные	Енисейская (Ачинск)	XIX
голицы	кожаные	Енисейская	XVII
исподки	вязанные из шерсти, одевались под кожанки	Енисейская, Томская	начало XIX
кожанки	кожа	Тобольская	XIX
коколды, кокольды	мехом внутри	Енисейская, Томская	XIX
лосинки	кожа лосиная	Западная Сибирь	XVIII
лохматки, мохнатки	зверин. шкура, овчина мехом наружу	Енисейская, Тобольская, Томская	XIX
мохвалки	ковский волос	Енисейская, Томская	XIX
перчатки, перчатки	вязанные из пряжи льняной, хлопчатой, шерстяной	Енисейская	XIX
пеньковые рукавицы	шитые из холста	Тобольская	середина XIX
рукавица баранья	мехом внутри	Вся Сибирь	XVII
рукавицы ватские	из шерсти, вязаные	Вся Сибирь	XVII
рукавицы голицы	кожа конская	Вся Сибирь	XVII
рукавицы дубленые	кожа	Вся Сибирь	XVII
рукавицы ковинные	кожа	Вся Сибирь	XVII
рукавицы уресковые	ватские кожаные	Вся Сибирь	XVII
шубники, шубины, шубницы, шубенки	овчинные мехом внутри	Иркутская, Тобольская, Томская	начало XIX

Архивные и литературные источники, на основании которых составлены данные таблицы

АГО, разр. 26, оп. 1, № 16 (1856 г.); АГО, разр. 55, оп. 1, № 15 (1849 г.), л. 204, 243; 420; АГО, разр. 55, оп. 1, № 47 (1784 г.), л. 96; № 49 (1819 г.), л. 202; АГО, разр. 57, оп. 1, № 2 (1847 г.), л. 4-5; № 3 (1848 г.), л. 4-5; № 8 (1849 г.), л. 4-5; № 9 (1850 г.), л. 7-8; № 16 (1848 г.), л. 2-3; № 17 (1849 г.), л. 3; АГО, разр. 59, оп. 1, № 13 (1848 г.); № 15 (1849 г.), л. 242-249; АГО, разр. 61, оп. 1, № 10 (1848 г.), л. 2; № 11, л. 19; № 12 (1849 г.), л. 17; № 21, л. 9, 17; № 23 (1860 г.), л. 39-40; № 29, л. 22; АГО, разр. 62, оп. 1, № 2, л. 1; № 8, л. 8-9; № 19 (1849 г.), л. 28.

- ДАН СССР (Ленинград), равр. 1, оп. 13, № 11 (1734—1736 гг.), л. 22.
- Архив ИЭ ФКВ, Забайкальский отряд 1959 г., оп. 319. Материалы А. А. Лебедева; Приангарский отряд 1957 г., оп. 310. Материалы О. Пчелиной; Забайкальско-сибирская экспедиция 1973 г., Курганский отряд. Материалы А. А. Лебедева; *Адрианов В. П.* Русские крестьяне Тюменской губ., Ишимский уезда. Курсовая работа студента Тюменского гос. пед. ин-та (1970 г.); *Зегребнев Л. В.* Русские крестьяне с. Троица Тюменской губ.: Курсовая работа студента Тюменского гос. пед. ин-та (1970 г.).
- Архив ГМФ, ф. 6, оп. 1, д. 62, л. 4—6; д. 73, л. 6—13; оп. 2, д. 450, л. 74; д. 465; оп. 5, д. 10, 22; ф. 2, оп. 1, д. 924; Фонды, Колл. 1000-13, 1079-46, 1079-47 (собр. А. А. Макаренко, 1906 г.).
- ГАТО, ф. 65, оп. 1, д. 117, 625; ф. 10, оп. 1, д. 363, 368, 369.
- Омский обл. архив, ф. 20377, оп. 1, д. 2.
- ЦГА Вулаятской АССР, ф. 21, д. 488, л. 1—6.
- ЦГА СССР, ф. 1390, оп. 11, д. 667.
- Абрамов Н. Вераевский край. — Тюбольские губернские ведомости, 1857, с. 450. (Далее: ГТВ); *Он же.* Слобода Цареве городище с окрестностями. — ГТВ, 1860, № 6, с. 55—56; *Он же.* Город Ялуторовск и его окрестности. — ГТВ, 1864, с. 210.
- Александров В. А. Начало Ирбитской ярмарки. — История СССР, 1974, № 6, с. 36—57; *Он же.* Таможенные нанги Ирбитской ярмарки как этнографический источник (конец XVII—начало XVIII в.). — СЭ, 1978, № 3, с. 131—138.
- Барулева В. О русском языке в Обдорском крае. — Живая старина, 1894, кн. 4, вып. 1, с. 127.
- Блазучин С. В. Снаряжение русских промышленников в Сибирь в XVII в. — В кн.: Исторический памятник русского арктического мореплавателя XVII в. М.; Л.: Главсевморпуть, 1954, с. 85—92.
- Боробичина М. Очерки по изучению Прибайкалья. Баргузинский край. Иркутск, 1926, с. 25.
- Вудачев И. Путешествие по Восточной Сибири. СПб., 1856, ч. 1, с. 67.
- Вилков О. Н. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII в. М.: Наука, 1967.
- Воробьев Н. И. Материалы по быту старожилов населения Восточной Сибири (население Причуйского края Енисейской губ.). —
- Ива. о-ва археологии, истории и этнографии Кавказского гос. ун-та, 1926, т. 33, вып. 2—3, с. 84—85.
- Вронгелл Ф. П. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенное в 1820—1824 г. экспедиц. СПб., 1841, ч. 1, с. 241—243.
- Герасимов Е. В долине Бутармы. — Зап. Семипалатинского подотдела ЗОРГО, 1911, вып. 5, с. 22—24.
- Гринкова Н. Л. Одежда бухтармынских старообрядцев. — В кн.: Бухтармынские старообрядцы. Л.: Изд-во АН СССР, 1930, с. 346—356.
- Гудлев С. И. Этнографические очерки Южной Сибири. — Визлитога для чтения, 1843, т. 90, отд. 3, с. 45—46.
- Землячки Д. К. Описание рукописей АРГО. Пг., 1916, вып. 3, с. 1137.
- Зеленый Д. К. У оренбургских казаков. — Этнографическое обозрение, 1905, № 4, с. 66.
- Заблон Ф. Взгляд на Даурию и в особенности на нерчинские горные заводы. — Сиб. вестн., 1823, ч. 1, с. 34—35.
- Зобнин Ф. Усть-Няинская слобода Тюменского уезда Тобольской губ. — Живая старина, 1898, кн. 8, вып. 2, с. 140—150.
- Иванова Ф. П. Названия одежды и обуви в горах старожиловских районов Томской области, расположенных по реке Оби и ее притокам. — Учен. зап. Том. гос. ун-та, 1958, № 30, с. 127—142.
- Карлов А. Б. Сборник слов, синонимов и выражений, употребляемых Уральскими казаками. Уральск, 1909, с. 2, 4, 9, 47.
- Катмалева Г. Е. Причуйские казаки и киргизы Семипалатинского уезда в их домашней и хозяйственной обстановке. — Зап. ЗСОРГО, 1893, кн. 15, вып. 2, с. 13—14.
- Кашка О. И. Торговля в Восточной Сибири в XVII—начале XVIII в. — В кн.: Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1961, с. 187—198.
- Кольцов А. Н. Торговые связи Енисейского рынка в XVII в. — В кн.: Экономика, управление и культура Сибири XVI—XIX вв. Новосибирск: Наука, 1965, с. 94—110.
- Лебедев А. А. Одежда одной из локальных групп русского населения Забайкалья. — В кн.: Из культурного наследия народов России. Л.: Наука, 1972, с. 150—153.
- Лебедев А. А. Мужская одежда русского населения Западной Сибири (XIX—начало XX в.). — В кн.: Проблемы изучения материальной

Работе И. Подлиные страны Сибири. — В кн.: Сибирский сборник. СПб., 1887.

Сабурова Л. М. Одежда русского населения Сибири. — В кн.: Из культуры русского населения России. Л.: Наука, 1972, с. 121—134.

Сабурова Л. М. Куштура и быт русского населения Приангарья. Л.: Наука, 1967, с. 142—144.

Савельев И. Описание старинных русских утварей, одежд, оружия, разных доспехов и косяного прибора, в асбучном порядке расположено. СПб., 1898, с. 15, 65, 75, 88, 135, 139.

Салышев А. М. Забайкальские старообрядцы (семейские). Иркутск, 1920, с. 7—8.

Самойлович А. П. Анадырский край. — Землеведение, М., 1897, т. IV, кн. 1, с. 133.

Сибиряков А. Н. Очерки из забайкальской жизни. СПб., 1878, с. 11, 25—58.

Смирнов В. Н. Приангарский край в этнографическом отношении. — В кн.: Сибирский наблюдатель. Томск, 1901, кн. 1, с. 3.

Смирновский А. М. Записки о прибайкальском населении. — Зап. ВСОРГО, 1912, № 7, с. 107.

Степанов А. П. Енисейская губерния. СПб., 1831, с. 107—108.

Тельце-Гриневич Ю. А. Семейские (старообрядцы) в Забайкалье. — Протокол тридцатого восточного отделения Приамурского ОРГО, 1894, № 2, с. 28.

Торусская М. Г. Коллекция расписной утвари и одежды семейского населения. — В кн.: Быт и искусство..., ч. II, с. 71—79.

Терещенко А. Быт русского народа. СПб., 1848, ч. 1, с. 335, 339—344, 357—372.

Удальцов Н. К. Изучению одежды русских туземцев. — В кн.: Сибирская живая старина. Иркутск, 1926, вып. 2, с. 208—210.

Черемисинов И. М. Описание Оренбургской г. в хозяйственно-статистическом этнографическом и промышленном отношении. Уфа, 1895, с. 222—224.

Шелев С. Очерки Струтинского края. — Зап. ЗОРГО, 1888, кн. 10, с. 66—68.

Щурин Н. Быт крестьян Восточной Сибири. — ЖМВД, 1859, ч. 34, кн. 2, с. 36, 139—139.

Яблочников Н. М. Поездка по Западной Сибири и в Горно-Алтайский округ. — Зап. ЗОРГО, 1880, кн. 2, с. 89.

Якунина Л. И. Русское шитье якутском. М.: Искусство, 1955, с. 135.

культуры русского населения Сибири. М.: Наука, 1974, с. 210—219.

Лосицкий К. Д. О быте казаков восточного Забайкалья. — Живая старина, 1902, кн. 12, вып. 2, с. 193.

Мазуренко А. По народной технологии русских Енисейской г., Ачинского у. — Живая старина, 1895, кн. 5, вып. 3—4, с. 350—351.

Маслов Г. С. Русский народный костюм (XIX—начало XX в.). — В кн.: Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Новосибирск: Наука, 1971, ч. I, с. 168—177; 1975, ч. II, с. 52—63.

Молчанов А. Говор русского старокалужского населения северной Барыш. — Труды Том. о-ва изучения Сибири, 1918, т. II, вып. 1, с. 189, 215.

Осолобин Н. Н. Обозрение столбов Сибирского приказа (1592—1769). М., 1895, ч. 1; 1900, ч. 3; 1901, ч. 4; Он же. Служба с товарищескими новыми просвещенными и перенесенными выписки по городу Енисейску XVII в. (1649—1687). — ЦГАДА, фонд Сибирского приказа, кн. 254.

Осифьев А. В. Общий очерк Анадырской округи, ее экономическое состояние и быта населения. СПб., 1896, с. 38—40, 64—65.

Описание фотографических карточек и альбома простонародной одежды по военным округам. СПб., 1897, с. 33—35.

Полтавский С. По Демьянке. — Зап. ЗСОРГО, 1894, кн. 16, вып. 2—3, с. 13.

Пейзан Г. Этнографические очерки Манусуйского и Канского округов Енисейской г.: Из путевого журнала 1857 г. — Живая старина, 1903, кн. 13, вып. 3, с. 315—316.

Пестов И. Записки об Енисейской губернии Восточной Сибири. М. 1833.

Полковник И. С. Письма и отчеты о путешествии в долину р. Оби по поручению Академии наук. СПб., 1877, с. 91.

Полов А. А. Затрудненные крестьяне (русские на р. Пясины). Путевые впечатления. — СЗ, 1934, № 3, с. 85—86.

Полов А. М. Семейские (Забайкальские старообрядцы). Вергленуевск, 1928, с. 9—11.

Потанин Г. Н. Материалы для истории Сибири. М., 1887, с. 132—140.

Росинский П. А. Сообщение о поездке по Ангаре и Ляве. — Изв. ЗОРГО, 1871, т. II, № 3, с. 23, 58—57.

Рубинин Н. Рассказы о Западной Сибири. М., 1898, с. 61.

Приложение 2
МЕТОДИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ
ДЛЯ СБОРА ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ТЕМАМ

1. ПОСЕЛЕНИЯ

(бланк)

Официальное название населенного пункта _____
 Область, расстояние до областного центра _____
 Район, расстояние до райцентра _____
 Волость (до 1917 г.), расстояние до волостного села _____
 Народное название _____
 Число хозяйств _____ Жителей муж. _____ Жен. _____ Всего _____

Элементы характеристики	Характеристика населенного пункта		
	середине XIX в.	начала XX в.	современная
<p><i>I. Тип поселения:</i></p> <p>1 слобода 2 деревня 3 село 4 станица 5 поселок 6 выселок 7 хутор 8 односелье 9 заимка</p> <p><i>II. Расположено:</i></p> <p>1 у реки 2 у озера 3 у тракта 4 у моря 5 на острове 6 в лесу</p> <p><i>III. Источники водоснабжения:</i></p> <p>A. Естественные</p> <p>1 река 2 озеро 3 ручей 4 ключ 5 болото</p> <p>B. Искусственные</p> <p>1 колодец с журавлем 2 колодец с воротом 3 ируд 4 водоразборная башня 5 водопровод</p>			

Элементы характеристики	Характеристика населенного пункта		
	середина XIX в.	начала XX в.	современная
<i>IV. Планировка поселения:</i>			
A. Ориентировка домов			
1 на солнце			
2 на воду			
3 на дорогу			
4 по направлению ветра			
B. Застройка			
1 кварталами			
2 улицами			
3 рядами			
4 разбросанно			
B. Форма			
1 группами			
2 линейно			
3 круговая			
4 радиальная			
5 вилочная			
6 другие			
<i>V. Поскотина:</i>			
1 нет			
2 тесовый забор			
3 изгородь из горизонтальных жердей			
4 изгородь из косых жердей			
5 ров			
6 вал			
<i>VI. Ворота поскотины:</i>			
1 дощатые			
2 решетчатые			
3 заслон из жердей			
<i>VII. Занятия населения:</i>			
A. Основное:			
1 полеводство			
2 животноводство			
3 речное рыболовство			
4 морское рыболовство			
5 промысел морского зверя			
6 пушной промысел			
7 заводские работы			
8 работы на рудниках			
9 работы на приисках			
10 извоз			
11 годеба			
12 сплавы			
13 обслуживание железной дороги			

Элементы характеристики	Характеристика населенного пункта		
	середина XIX в.	начала XX в.	современная
<p>Б. Подсобное: мужчин женщин</p> <p><i>VIII. Состав населения:</i> А. Этнографические группы русских: Б. Другие национальности:</p> <p><i>IX. Как поселение основано и заселялось:</i> А. Русскими: 1 крестьянами 2 казаками 3 рабочими 4 беглыми с заводов 5 промышленниками 6 ссылками 7 помещиками 8 монастырями</p> <p>Б. Нерусскими (указать кем)</p> <p><i>X. Отселялись ли</i> жители данного населенного пункта на выселок, поселок, хутор, заимку? (указать их название, время отселения, расстояние от данного селения)</p> <p><i>XI. Имелись и имеются ли в селении</i> (если да, то с какого времени, если нет, то указать расстояние от ближайшего селения, где они имеются)</p> <p><i>до 1917 г.</i> 1 волостное правление 2 церковь 3 ярмарка 4 магазин, лавка 5 больница 6 промышленное предприятие</p> <p><i>после 1917 г.</i> 1 районный центр 2 правление колхоза или совхоза 3 сельский Совет 4 рынок 5 магазин, лавка 6 клуб 7 больница 8 школа 9 промышленное предприятие</p>			

Элементы характеристики	Характеристики населенного пункта		
	середины XIX в.	начала XX в.	современная
<p><i>XII. Предания о возникновении поселения и его названия</i></p> <p><i>XIII. Названия отдельных частей поселения («концов», «краев») и их объяснения</i></p> <p><i>XIV. Сезонные поселения, относящиеся к населенному пункту (указать название, расстояние от основного поселения)</i></p> <p><i>А. Современные:</i></p> <p>1 полевые станы 2 фермы 3 лагеря 4 другие</p> <p><i>Б. Начала XX в.:</i></p> <p>5 заимки 6 мельницы 7 пасеки 8 промысловые пубушки 9 другие</p> <p><i>XV. Местные названия окрестностей:</i></p> <p><i>А. Названия угодий:</i></p> <p>вашиги сенокосы выпасы водоемы, участки берега леса, опушки, поляны</p> <p><i>Б. Названия урочищ:</i></p> <p>(заимки, пасеки, промысловые урочища)</p> <p><i>XVI. Схематический план поселения</i></p>			
планка	кадр	19... г.	Собиратель

2. СЕЛЬСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ (РУКОВОДСТВО ДЛЯ СБОРА МАТЕРИАЛОВ)

Сведения о поселениях получают путем личных наблюдений, расспросов краеведов и старожилов, из местных учреждений (сельских Советов, правлений колхозов и совхозов, отделов архитектуры и культуры райисполкомов). Проводить наблюдения желательно в группе селений, состав-

ляющих исторически сложившееся единство, или расположенных как бы гнездом. Группировку поселения можно выявить по подробной карте района.

Заполнение поселенного бланка. Каждый бланк заполняется на один населенный пункт. В начале бланка поставлены вопросы об официальном названии, административном подчинении населенного пункта, времени основания и народном его названии.

Далее слева (в первой графе) указаны основные элементы характеристики поселений (пронумерованные римскими цифрами) (I — тип поселения, II — расположение, III — источники водоснабжения, IV — планировка и т. д.) и для каждого из них — возможные варианты ответов, обозначенные арабскими цифрами (тип поселения: 1 — слобода, 2 — деревня, 3 — село, 4 — станица, 5 — поселок, 6 — выселок, 7 — хутор, 8 — односелье, 9 — заимка). Справа должны быть вписаны сведения о населенном пункте по трем периодам: середина XIX в., начало XX в., современное состояние. Для этого в бланке выделены три графы (2, 3, 4), в каждой из которых должны быть записаны, по всем элементам характеристики, соответствующие варианты ответов и их цифровые индексы.

Заполнение бланка начинается с точного указания современного *официального названия населенного пункта, района и области*, к которым он относится в настоящее время, и *волости*, в которую он входил до 1917 г. Указывается *расстояние до административных центров* (областного города, райцентра, волостного села), число хозяйств и жителей.

ВРЕМЯ ОСНОВАНИЯ СЕЛЕНИЯ может быть выяснено по документам сельских Советов; если точные сведения об этом получить трудно, можно, основываясь на данных информаторов, указать примерное время.

НАРОДНОЕ НАЗВАНИЕ, употребляемое населением в быту, нередко отличается от официального и может иметь несколько вариантов. Все они должны быть отмечены. Следует выяснить происхождение каждого названия, время и причину замены его современным или отметить их сосуществование.

I. ТИП ПОСЕЛЕНИЯ. На бланке указаны наиболее распространенные типы поселений. Если в прошлом населенный пункт принадлежал к иному типу (например, ранее — слобода, а сейчас — село), то следует выяснить у населения причину этого изменения.

II. РАСПОЛОЖЕНИЕ СЕЛЕНИЙ НА МЕСТНОСТИ. Отмечая поселения, расположенные вблизи водоемов или трактов, надо указать их название и расстояние до них; отметить собственные наименования трактов и их направление (конечный пункт). Если происходили изменения в расположении селений, то отметить это на бланке, выяснить у населения время и причину изменений и записать в полевую тетрадь.

III. ИСТОЧНИКИ ВОДОСНАБЖЕНИЯ. Необходимо указать в бланке названия водоемов, служивших для получения питьевой воды, и на каком расстоянии от селения они находятся. В полевой тетради записать, каково качество воды, когда они стали заменяться искусственными. Искусственные источники водоснабжения (колодцы различного типа и др.) описать, сфотографировать или зарисовать отметить их местные названия.

IV. ПЛАНИРОВКА ПОСЕЛЕНИЯ. Основным планировочным элементом являются дом и усадьба, а их расположение определяет планировку

селений. Необходимо установить: А — ориентировку домов, Б — их взаиморасположение (застройку) и В — общую форму селения.

А. Ориентировка домов выясняется из бесед со строителями или старожилыми. Надо установить, существовали ли обычаи постановки дома определенным образом: по направлению господствующего ветра, фасадом на солнце, на водоем, на дорогу (улицу) или к тому и другому одновременно. Отмечаются все встречающиеся варианты и особо указывается, какой из них преобладает.

Б. Застройка

1. *Кварталами.* В крупных населенных пунктах расположение домов правильными четырехугольниками.

2. *Улицами.* Расположение домов вдоль дороги (улицы), окнами на проезжую часть.

3. *Рядами.* Усадьбы расположены параллельно какому-нибудь ориентиру (дороге, берегу реки или озера, оврагу), повернуты в сторону солнца и т. п. Дома могут стоять в один или несколько рядов. Фасады обращены в одну сторону так, что окна второго ряда смотрят на дворы первого.

4. *Разбросанно.* Усадьбы расположены без видимого порядка.

В. Форма

1. *Дома и усадьбы* могут располагаться *обособленными группами.* Выяснить у старожилков и записать в полевую тетрадь, вследствие каких причин возникла групповая застройка: особенностей рельефа или расселения жителей, подселения новых и т. п.

2. *Линейная.* Поселение вытянуто в длину.

3. *Круговая.* Постройки размещаются вокруг какого-либо ориентира, выгона, пашни, озера, церкви, базарной площади и т. п. (не обязательно строго по окружности).

4. *Радиальная.* Улицы неправильными радиусами расходятся от центра (базарной площади, церкви и пр.).

5. *Вилочная.* Улицы раздваиваются обычно вдоль дорог, идущих к соседним населенным пунктам.

6. Возможные другие варианты также вписать в бланк.

Нередко в одном населенном пункте наблюдается несколько вариантов застройки (разбросанная и уличная, рядовая и уличная и пр.). В бланке нужно указать все бытующие формы. Застройку и форму лучше всего определять по планам, которые обычно имеются в сельском Совете, в правлении колхоза или совхоза. Планы скопировать и приложить к бланку; если это сделать затруднительно, то зарисовать на бланке схематически. Дополнительно к бланку желательно выяснить расселение представителей различных социальных слоев населения. В какой части села жили богатые крестьяне, бедняки? Выделялся ли центр села, как он был организован? Где располагались здания общественного назначения: административные, культовые и др.? Эти сведения записать в полевую тетрадь.

В. ПОСКОТИНА. Ограда около селения, окружавшая выгон для скота, земельные владения.

В полевой тетради описать устройство поскотины (систему крепления), примерную длину ограды, площадь огороженного участка; выяснить,

кто следил за сохранностью изгороди? Сооружалась ли поскотина для молодняка?

VI. ВОРОТА ПОСКОТИНЫ перекрывали дороги, чтобы скот не выходил на поля.

В полевой тетради нужно записать, выделялись ли специальные люди, следившие за воротами (на каких условиях), кто открывал и закрывал их.

VII. ЗАНЯТИЯ НАСЕЛЕНИЯ выясняются у специалистов сельского хозяйства и старожилов. При фиксации подсобных источников доходов отметить в бланке, какие занятия имели *мужчины* (например, промыслы: бондарный, углежжение, гончарство, отходничество, извоз) и *женщины* (например, ткачество, плетение, вязание, гончарство и т. п.), а также дворничество (сдача помещения постояльцам) и др.

VIII. Состав населения указать для середины XIX—начала XX в. и современный.

А. Тщательное выявление *этнографических групп русских* имеет чрезвычайно большое значение для истории культуры сельского населения. В прошлом существовали две основные группы русских Сибири, определявшиеся по времени расселения: *старожилы* и *переселенцы* — после реформы 1861 г. (их называли «новоселы», «российские», «переселенцы»). Каждая из этих основных групп разделялась на более мелкие, сложившиеся вследствие различий в вероисповедании, сословных градаций и проч. Так, среди старожилов различались православные и старообрядцы, ссыльные старообрядцы «поляки» (на Алтае) и «семейские» (в Забайкалье), казаки (служилое сословие), бывшие заводские мастеровые.

Путем расспроса старожилов выяснить, из каких этнографических групп в прошлом состояло население; вписать эти сведения в бланк.

Б. Другие национальности перечислить в бланке.

Дополнительно узнать и записать в полевую тетрадь, составляли ли отдельные группы населения замкнутые коллективы или поддерживали дружеские отношения и рождались с другими.

IX. КЕМ ПОСЕЛЕНИЕ ОСНОВЫВАЛОСЬ И ЗАСЕЛЯЛОСЬ. В графе 1 (кем основано поселение) элементы характеристики подчеркнуть. В графах 2, 3, 4 записать, кем заселялось в соответствующие периоды времени (до середины XIX в., от середины XIX в. до начала XX в., от начала XX в. до настоящего времени).

Если поселение было основано *нерусскими*, выяснить дополнительно и записать в полевую тетрадь, когда появились русские, где и как расселялись (среди местного населения или обособленно), когда русские составили большинство.

X—XI. По этим пунктам надо дать краткий текстовый ответ.

XII. ПРЕДАНИЯ об основании поселения, о возникновении его названия следует выяснить у старожилов, записывая их в полевую тетрадь, а наиболее полный вариант — в бланк. Поселения необходимо изучать в их историческом развитии, поэтому нужно собирать сведения не только об основании поселения, но также и о всех происходивших в дальнейшем изменениях. Важно выяснить, как проходило развитие *поселения*. Росло ли оно в сторону удобных в природном отношении мест, вдоль трактов (указать направление).

XIII. ЧАСТИ ПОСЕЛЕНИЯ И ОТДЕЛЬНЫЕ УЧАСТКИ (концы, края),

не всегда выделяющиеся в плане села, могут иметь особые названия. Нужно записать эти названия и их объяснение; выяснить, почему население выделяет эти участки.

XIV. СЕЗОННЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ, относящиеся к данному населенному пункту.

Вокруг селения, на различном расстоянии от него, могут находиться сезонные поселения с жилыми и хозяйственными постройками, куда жители переселялись на период напряженных полевых работ, для выпаса скота, охоты, рыбной ловли и пр. Указать их название, расстояние от селения. В полевой тетради записать, какие там имеются (или имелись) постройки, когда и как долго проживают (проживали) там люди.

XV. НАЗВАНИЯ УРОЧИЩ

А. Современные

У специалистов сельского хозяйства (агрономов, бригадиров, пастухов, лесничих) и старожилов выяснить современные названия пашен, сенокосов, выпасов, водоемов (рек, ручьев, стариц, протоков, прудов, болот, озер, ключей), лесов, рощ, групп или даже отдельных деревьев. Желательно указать, как далеко от села они расположены, когда было дано название. Сведения об основных урочищах можно выписать из «Шнуровой книги земельных угодий», хранящейся у агронома.

Б. Другие урочища начала XX в.

Узнать у старожилов, какие были вокруг селения займки, пасеки, промысловые угодья (охотничьи, рыболовные, кедровники и пр.), записать их названия, расстояния от селения.

СХЕМАТИЧЕСКИЙ ПЛАН ПОСЕЛЕНИЯ. Наносится в том случае, если нет возможности приложить к бланку один из экземпляров подлинного плана (из фондов сельского Совета, правления колхоза или совхоза) или его копию. На плане-схеме должен быть четко обозначен характер расположения построек (обособленными усадьбами, рядами, улицами, кварталами) и отражена форма поселения. При этом нужно обозначать существующие ряды строений (жирной линией), прилегающие усадебные огороды (волнистой линией) и основные топографические ориентиры (река, озеро, тракт и т. п.).

Заканчивая заполнение бланка, нужно поставить дату и указать фамилию собирателя, если производились фотосъемки — номер пленки и кадра.

СБОР СВЕДЕНИЙ, ДОПОЛНЯЮЩИХ БЛАНК. Беседы с населением записываются в полевую тетрадь. В ней на первой странице должны быть указаны: название экспедиции или отряда (если собиратель работает в составе экспедиции или отряда), год, фамилия собирателя.

Перед записью беседы нужно отметить в тетради: дату, название населенного пункта, район, область (край), фамилию, имя и отчество информатора, его возраст и род занятий.

По рассказам населения нужно выяснить производственные, культурно-бытовые, торговые, родственные и соседские взаимосвязи жителей данного селения и других населенных пунктов в прошлом (до установления Советской власти) и в настоящее время.

Производственные взаимосвязи. Какие селения в прошлом составляли одно земельное общество? Если имелось в селении промышленное пред-

приятие, работали ли на нем крестьяне окрестных поселений (как далеко расположенных)? Уходили ли жители на промыслы и дополнительные работы и куда?

Какие селения в настоящее время объединены в колхоз, совхоз? Указать его название. На каком расстоянии от центральной усадьбы они находятся?

Культурно-бытовые взаимосвязи. Где в прошлом лечили больных, учили детей? Какие здания отводили для школы, больницы?

Какие учреждения по культурно-бытовому обслуживанию населения имеются в настоящее время? Обращаются ли жители в соответствующие учреждения других населенных пунктов (как далеко расположенных)?

Торговые взаимосвязи. Куда в прошлом вывозили жители продукцию и выезжали за покупками? Имелись ли в селении торжок, ярмарка? Как они были устроены? В какие дни и сколько раз в году открывались?

Какие магазины имеются сейчас? Открываются ли дополнительные торговые точки в различные сезоны (когда, какие)? Куда выезжают жители за покупками?

Культовые. Имелись ли в прошлом церковь, часовня, модельня? Перечислить селения прихода. Ходили ли жители в другие селения в дни религиозных праздников? Куда?

Родственные взаимосвязи. Определить круг селений, где расселены однофамильцы-родственники. Узнать у старожил, как проходило расселение однофамильцев, когда и по каким причинам.

Из каких окрестных селений чаще всего брали жен? Почему предпочитали выбирать невесту в своем селе? Сохраняется ли такая же избирательность в настоящее время?

Попытаться выяснить, с какими родственниками, живущими в других селениях, отношения поддерживаются в большей степени, по мужской линии (братья, сыновья) или по женской (сестры, дочери)?

Возможны оригинальные черты устройства населенных пунктов, не учтенные в настоящем руководстве. Они должны быть отмечены исследователем и записаны.

Желательно отображать путем фотографирования или зарисовок внешний вид населенного пункта, частей его, зданий административных и общественно-культурного назначения, а также фиксировать документы местных архивов, отражающие изменения в типологии, планировке поселений, численности и составе населения.

3. ЖИЛИЩЕ

(бланк)

Область _____

Район _____

Населенный пункт _____

Фамилия, И. О. владельца дома _____

Его национальность _____

Дата постройки дома _____

Первый хозяин дома, его социальное положение и занятие _____

Строители:

- 1 хозяйва _____
2 хозяйва, обращающиеся к помощи _____
3 наемные рабочие (указать откуда) _____
4 колхозные или совхозные бригады _____

Характеристика строения времени возведения	Местные названия	Перестройка (указать год)
<p><i>Тип дома:</i></p> <ul style="list-style-type: none">1 изба+сени2 изба+сени3 изба-двойня4 пятистенок с сенями вдоль широкой стены5 пятистенок с сенями вдоль узкой стены6 пятистенок с сенями, занимающими часть стены при входе7 дом «крюком»8 изба+сени+изба9 изба+сени+клеть10 связь с коридором11 связь крестовая12 крестовик <p><i>Наличие:</i></p> <ul style="list-style-type: none">1 прируб2 внутренних перегородок <p><i>Материал стен:</i></p> <ul style="list-style-type: none">1 бревна2 брусля3 глиносоломенная смесь4 плетень5 дерн6 камень7 кирпич8 шлакобетон <p><i>Техника строительства:</i></p> <ul style="list-style-type: none">I Срубная<ul style="list-style-type: none">1 в угол2 в лапу3 другиеII Столбовая<ul style="list-style-type: none">1 горизонтальная закладка2 вертикальная закладкаIII Глинобитная<ul style="list-style-type: none">1 литая2 вальцовая3 саманнаяIV Кладка<ul style="list-style-type: none">1 сплошная2 ленточнаяV Каркасная <p><i>Завалинка:</i></p> <ul style="list-style-type: none">1 нет2 есть		

Характеристика строения времени возведения	Местные названия	Перестройка (указать год)
<p>Фундамент:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1 нет 2 столбы 3 сваи 4 камни под углами 5 камни по периметру стен 6 кирпич (столбами) 7 кирпич по периметру стен 8 глинобитный (из смеси глины с соломой) 9 бутово-цементный (камни, залитые цементом) <p>Подклеть:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1 есть 2 жилье в подклети <p>Чердак:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1 есть 2 жилье на чердаке <p>Конструкция крыши:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1 самцовая 2 стропильная на венцах 3 стропильная на связях 4 стропильная на столбах <p>Количество скатов и форма крыши:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1 скат 2 ската 3 ската 4 ската 5 крыша с «козырьком» <p>Материал покрытия:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1 тес 2 долгая дрань 3 дранна (голт) 4 камыш 5 солома 6 дерн 7 толь 8 черепица 9 шифер 10 железо <p>Способы укладки соломы и камыша:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1 внаутруску 2 на спишниках 3 снопами (снопами) комлем вверх 4 снопами (снопами) комлем вниз <p>Материцы:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1 параллельно входу 2 перпендикулярно входу <p>Потолочное перекрытие:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1 бревна 2 полубревна 3 тес поверх матицы 		

Характеристика строения времени возведения	Местные названия	Перестройка (указать год)
<p>4 тес врублен в матицу</p> <p>5 тес подшит к матице</p> <p>6 потолком служит кровля</p> <p>7 каркас обмазаный глиной</p> <p>8 наличие засыпки потолка</p> <p><i>Пол:</i></p> <p>1 земляной</p> <p>2 глинобитный</p> <p>3 тесовый в части дома</p> <p>4 тесовый во всем доме</p> <p><i>Окна:</i></p> <p>1 волоковые</p> <p>2 косячатые</p> <p>3 двойные</p> <p><i>Размеры окон:</i></p> <p>шрина</p> <p>высота</p> <p><i>Вход в дом расположен:</i></p> <p>1 с уличной стороны</p> <p>2 с боковой стороны</p> <p>3 с задней стороны</p> <p><i>Крыльцо:</i></p> <p>1 открытая площадка</p> <p>2 с крышей</p> <p>3 глухое</p> <p>4 веранда</p> <p>5 заслон от ветра</p>		

Народные украшения дома

Украшения Архи- тектурные детали	Резьба				Побелка	Окраска маслом	Роспись
	скульп- турная	долбе- ная	пропиль- ная	наклад- ная			
1 конок							
2 причелина							
3 полотенец							
4 помочи							
5 курица							
6 карниз							
7 наличники							
8 ставки							
9 обшивка углов							
10 балокон							
11 галерея							

Отделка стен дома

наружная	внутренняя
1 нет 2 обмазка глиной пазов 3 обмазка глиной стен 4 побелка 5 окраска 6 роспись 7 штукатурка 8 обшивка тесом 9 фигурная кладка 10 изкрустация <i>Печи:</i> 1 Русская печь с прямым дымоходом 2 Русская печь с дымоходом, изогнутым коленом 3 Русская печь курная 4 Печь с дымарем 5 Голландка 6 Летняя печь во дворе 7 Летняя кухня <i>Материал печи:</i> 1 глинобитная 2 сыровые кирпичи 3 обожженные кирпичи <i>Наличие у русской печи:</i> 1 плиты 2 лежанки 3 вымазанного котла 4 подвешеного котла 5 камелька	1 нет 2 обмазка глиной пазов 3 обмазка глиной стен 4 побелка 5 окраска 6 роспись 7 штукатурка

Положение русской печи:

Место печи	Чело обращено		
	кo входу	к стене против входа	к боковой стене
1 в центре дома 2 у стены возле входной двери 3 у стены против входной двери 4 у боковой стены <i>Размеры русской печи:</i> ширина длина <i>Запечь:</i> 1 нет 2 есть 3 комната <i>Вход в нижнее помещение:</i> А. Из избы: 1 ящик у печи			

Место печи	Чело обращено		
	ко входу	к стене против входа	к боковой стене
<p>2 шкаф у печи 3 люк в полу 4 подъемная половица</p> <p>Б. Другие варианты 5 на сестей 6 с улицы 7 на крытого двора</p> <p><i>Названия углов:</i> А. Угол по диагонали от печи: 1 чистый 2 красный 3 передний 4 святой Б. Угол против печи: 1 кутный 2 покуть 3 куть 4 сутки В. Другие углы</p> <p><i>Мебель неподвижная:</i> 1 подати 2 воровец 3 грядки 4 верхний голбец 5 нары 6 полки встроенные 7 лавки встроенные</p> <p><i>Мебель подвижная (основная):</i> 1 стол высокий 2 стулья 3 табурет 4 лавки 5 кровать 6 диван 7 шкаф</p> <p><i>Положение стола в комнате, с русской печью:</i> 1 в углу по диагонали от печи 2 против устья печи 3 между окон параллельно стене 4 между окон перпендикулярно стене 5 в центре</p> <p><i>Положение дома относительно улицы:</i> А. Выходит на улицу: 1 узкой стороной 2 широкой стороной 3 углам Б. Стоит в глубине усадьбы, к улице 1 узкой стороной</p>			

Место печи	Чело обращено		
	к входу	к стене против входа	к боковой стене
<p>2 широкой стороной</p> <p>3 углом</p> <p><i>Дом ориентирован по направлению:</i></p> <p>1 улицы</p> <p>2 солнца</p> <p>3 воды</p> <p>4 ветра</p> <p><i>Ограда усадьбы:</i></p> <p>0 нет</p> <p>1 тесовый забор</p> <p>2 бревенчатый забор</p> <p>3 изгородь из горизонтальных жердей</p> <p>4 изгородь из косых жердей</p> <p>5 частокол</p> <p>6 плетень вертикальный</p> <p>7 плетень горизонтальный</p> <p>8 глинобитная</p> <p>9 камень</p> <p><i>Размеры, длина усадебного двора (с домом и хозяйственными постройками):</i></p> <p>Ширина</p> <p><i>Застройка усадьбы:</i></p> <p>1 крытый двор, вплотную примыкающий к дому</p> <p>2 постройки расположены по периметру усадьбы</p> <p>3 постройки свободно расположены на усадьбе</p> <p><i>Название всех жилых и хозяйственных построек, находящихся на усадьбе:</i></p> <p><i>Названия всех жилых и хозяйственных построек, находящихся вне усадьбы:</i></p> <p><i>План усадьбы с обозначением названий всех построек</i></p>			
<p><i>План дома (с указанием названий помещений)</i></p>	<p><i>Вертикальный разрез дома</i></p>		

Размеры дома:
длина
ширина
толщина стены

высота I эт.
высота II эт.
высота до пола
высота стены
высота крыши

пленка

кадр

дата

Собиратель

4. ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПОСТРОЙКИ

(бланк заполняется на каждую хозяйственную постройку, перечисленную в бланке по жилищу)

№ бланка	Область	Район	Населенный пункт	№ бланка жилищу
		Дата возведения	Фамилия	
Название постройки				

Характеристика строения времени возведения	Местные названия	Перестройка (указать год)
<p><i>Строители:</i></p> <p>1 хозяева 2 хозяева и помощники 3 наемные рабочие (указать откуда) 4 колхозные или совхозные бригады</p> <p><i>Материал:</i></p> <p>1 бревна 2 брусля 3 полубревна 4 глино-соломенная смесь 5 плетень с глиняной обмазкой 6 дерн 7 камни 8 кирпич 9 шлак</p> <p><i>Техника строительства:</i></p> <p>1 срубная (венцом) 2 столбовая 3 летая 4 вальковая 5 саманная 6 кирпичная, сплошная 7 кирпичная с засыпкой</p> <p><i>Техника рубки:</i></p> <p>1 в угол 2 в крюк 3 в лапу 4 в охряпку 5 в погон 6 в яглу 7 в замок 8 в столб с вертикальной закладной 9 в столб с горизонтальной закладной</p> <p><i>Фундамент:</i></p> <p>1 нет 2 камни 3 столбы 4 бутово-цементная смесь</p> <p><i>Крыша:</i></p> <p>1 постоянная 2 кроется на зпму</p>		

Характеристика строения времени возведения	Местные названия	Перестройка (указать год)
<p><i>Количество скатов, конструкция крыши:</i></p> <ol style="list-style-type: none"> 1 стропильная 2 самцовая 3 на сохах 4 на слегах 5 на жердях <p><i>Материал покрытия:</i></p> <ol style="list-style-type: none"> 1 тес 2 долгая дрань 3 дранка (голт) 4 береста 5 камыш 6 солома 7 солома с глиной 8 дерн 9 земля 10 толь 11 черепица 12 шифер 13 железо <p><i>Способы укладки соломы и камыша:</i></p> <ol style="list-style-type: none"> 1 внаутруску 2 на шпильках 3 шпильками, комлем вверх 4 шпильками, комлем вниз <p><i>Наружная отделка стен:</i></p> <ol style="list-style-type: none"> 1 нет 2 обшивка тесом 3 обмазка глиной пазов 4 обмазка глиной стен 5 побелка по стеновому материалу 6 побелка по обмазке <p><i>Внутренняя отделка стен:</i></p> <ol style="list-style-type: none"> 1 нет 2 обшивка тесом 3 обмазка глиной пазов 4 обмазка глиной стен 5 побелка по стеновому материалу 6 побелка по обмазке <p><i>Наличие:</i></p> <ol style="list-style-type: none"> 1 пола 2 потолка <p><i>Окна:</i></p> <ol style="list-style-type: none"> 1 нет 2 волоковые 3 косячатые <p><i>Печь:</i></p> <ol style="list-style-type: none"> 1 нет 2 открытый очаг 3 каменная 4 курная русская 		

Характеристика строения времени возведения	Местные названия	Перестройка (указать год)
5 русская печь с дымоходом 6 другие печи (указать) <i>Устройство входа:</i> 1 столбы 2 площадка перед дверью 3 крыльцо 4 галерея		

План постройки (с обозначением отдельных помещений)

Вертикальный разрез

пленка

кадр

дата

Собиратель

5. СЕЛЬСКОЕ ЖИЛИЩЕ И ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПОСТРОЙКИ

(руководство по сбору материалов)

«Бланк по жилищу» отображает устройства дома и усадьбы в целом, «Бланк по хозяйственным постройкам» — каждого помещения на усадьбе, имеющего хозяйственное значение. Так как приемы строительства дома и хозяйственных помещений сходны, предлагаемое руководство служит пособием при заполнении обоих бланков.

Все бланки, заполненные в одном населенном пункте, должны иметь последовательную нумерацию. Бланки, относящиеся к одной усадьбе, должны быть сложены вместе и помечены одним номером.

В соответствии с задачами сбора материала нужно особо обратить внимание на сельские постройки середины XIX—начала XX в. в тех населенных пунктах, где народные традиции сохранились в большей степени.

Заполнение бланка по жилищу нужно начинать с указания *названия населенного пункта, района и области, а также — волости, уезда (округа), губернии по дореволюционному административному делению. Записываются фамилия, имя, отчество и национальность теперешнего владельца дома. Желательно выяснить социальное положение и занятия первого хозяина (ямщик, вахиточный крестьянин, батрак и т. п.).*

Очень важно определить время возведения постройки. Если год неизвестен, то необходимо установить период: середина XIX в. (1840—1880 гг.), конец XIX в. (1881—1900 гг.), начало XX в. (1900—1920 гг.). О времени возведения постройки могут сообщить хозяин, соседи, старейшие жители селения. На возраст строения указывают и некоторые косвенные признаки. Например, тесовая крыша стоит обычно 30—40 лет, и каждый хозяин знает, сколько раз ее перекрывали.

Для определения местных традиций строительства важно выяснить, кто возводил постройку (хозяин и члены его семьи; хозяева, обращавшиеся к «помочи» — привлечению родственников и соседей; наемные рабочие, откуда они — местные (из каких деревень) или пришлые, из каких губерний, уездов, волостей).

Прежде всего внимание нужно уделить восстановлению первоначального облика постройки непосредственно после ее возведения, а также отображению последующих изменений. Для этого в бланке выделены две графы.

В первой графе перечислены основные характеристики постройки и наиболее распространенные их варианты. Здесь отмечается первоначальное устройство дома или хозяйственного помещения. Соответствующий вариант подчеркивается. Рядом дается местная терминология (народные названия постройки и ее частей, деталей конструкции).

Во второй графе также по каждому пункту бланка отмечаются перестройки (перекрыта крыша, дом перекатан, поставлены внутренние перегородки, изменился вход в подполье и т. д.).

Тип дома

При определении типа дома по его планировке принимаются во внимание только капитальные стены. Все дополнительные легкие перегородки не учитываются. В руководстве приводятся наиболее распространенные типы дома и обычные их названия. Возможны местные варианты. Поэтому необходимо указывать наименования как дома в целом (изба — «одноклонок», «дом на одну стопу» и др.), так и отдельных помещений (комнаты в «крестовике» могут называться — «сени», «изба», «прихожка», «горница» и др.). Эти названия следует проставить на плане.

1. *Изба+сени*. Однокомнатное жилище с сенями, которые могут быть расположены вдоль всей стены жилого помещения.

2. Сени занимают только часть стены.

3. *Две избы с общими сенями*. Сени пристроены к двум рядом стоящим срубам.

4—6. *Пятистенок* — жилое помещение, разделенное капитальной стеной на две комнаты.

7. *Дом крюком*. Жилые помещения расположены «коленом».

8. *Изба+сени+изба* или *изба+сени+горница*. Два жилых отапливаемых помещения, разделенные неотапливаемым помещением (сени, коридор и др.).

9. *Изба+сени+клеть*. Одно помещение жилое, а другое — подсобное, обычно неотапливаемое (клеть, камора, возможны и другие названия).

10. *Связь с коридором*. К связанному дому (изба+сени+изба) пристроен по широкой стороне дополнительно коридор (местные названия его могут быть различны).

11. *Связь крестовая*. Два пятистенка соединены общими сенями.

12. *Крестовик* — дом, разделенный на четыре комнаты двумя пересекающимися капитальными стенами.

Возможны другие типы домов, нужно указать их название и зарисовать схему планировки.

Наличие

1) *прируба* — дополнительного жилого помещения, пристроенного

позже, чем поставлен дом. Его можно встретить при любом типе дома;

2) *легких внутренних перегородок*. Указать, что они отделяют (помещение перед печью, место сна и т. д.) и как называется перегородка и отделяемое помещение.

Материал стен

Указать — местный или привозной.

1. *Бревна* — записать породу дерева; 2. *Брусья* — обтесанные бревна; 3. *Глино-соломенная смесь*; 4. *Плетень* — основу стен составляет плетеный каркас; 5. *Дерн* — основу стен составляют вырезанные пласти травы и стого слоя почвы; 6. *Камни* — пригодные для строительства породы — песчаник, плитняк (известняк) и др.; 7. *Кирпич*. Указать, обожженный он или высушенный на воздухе (сырец); 8. *Саман* — высушенный на воздухе кирпич из глино-соломенной смеси, изготовленный в специальном станке (описать станок), указать размеры; 9. *Шлакобетон* — угольный шлак, скрепленный цементом, используют в виде кирпичей или для сплошной заливки стен.

Техника строительства

Определяется материалом и различными способами возведения стен из одного и того же материала.

1. *Срубная*

Сооружение построек из горизонтально положенных четырехугольников из бревен (венцов), связанных в углах вырубкой.

Наиболее распространенные виды вырубок

В угол («в обло»). Рубка с остатком, концы бревен выступают за стены сруба. В бревне на некотором расстоянии от конца укладывается другое бревно под прямым углом к первому.

В лапу. Рубка без остатка, в чистый угол. Бревна соединяются концами, затесанными с обеих сторон.

В крюк, с остатком. Внешне похожа на рубку в угол, но для соединения в бревне выбирается не полукруг, а четверть круга.

В озряпку. Применяется при строительстве из мелкого, плохого леса, или из толстых досок (пластин, брусков). В каждом бревне, на некотором расстоянии от конца, выбирается углубление сверху и снизу.

Без остатка. Применяется при строительстве из пластин, брусков:

в простой замок,

в немецкий замок (ласточкин хвост),

в иглу,

в погон,

в зуб (в шпунт).

2. *Столбовая*

Основу стен составляют столбы, врытые в землю на равном расстоянии друг от друга, промежутки между которыми забираются бревнами. *Горизонтальная закладка* — бревна, брусья, горбыли, доски закрепляются в вертикально выдолбленных пазах столбов. *Вертикальная закладка* — пространство между столбами забирается жердями или досками в «торчь», торчком.

3. *Глинобитная*

Возведение стен из смеси глины с соломой или другими примесями. *Литая* — глинобитные стены возводятся сразу по всему периметру, путем

уплотнения смеси во временно сооружаемом, подвижном каркасе. *Вальковая* — валеk — скатанный руками ком глины цилиндрической или плоской формы. Используется как кирпич. *Саманная*.

4. Кладка

Возведение стен из природных материалов или кирпича.

Сплошная. Леночная — с полым промежутком или прокладкой из какого-либо материала (заполнение землей, опилками и др.).

5. Каркасная

Основу стен составляет деревянный каркас, заполненный различными материалами (плетень, камыш, солома). Обычно обмазывается глиной. Указать материал и способ заполнения.

Завалинка

При ее наличии указать — постоянная она или делается только на зиму.

Подклеть

Пространство под жилым помещением. Указать наличие, высоту, использование в хозяйственных целях (каких?) или под жильем. Дома с жильем, занимающим также часть подклети или чердака, отмечаются как одноэтажные.

Конструкция крыши

1. *Самцовая*. Самцы — бревна, составляющие фронтоны и являющиеся продолжением передней и задней стен сруба, постепенно укорачиваются к коньку крыши. На концы самцов укладываются тонкие бревна — слези, служащие опорой кровли.

2. *Стропильная на венцах*. Стропила врубаются непосредственно в верхние бревна (венцы) сруба.

3. *Стропильная на связях*. Для крепления стропил устанавливается на стенах опора из толстых бревен — связей (переводин, подстропильников).

4. *Стропильная на столбах (сохах)*. Верхняя, коньковая слеза крыши кладется на столбы (иногда заканчивающиеся развилкой), врытые в землю или поставленные на стены.

Могут встретиться другие конструкции (плоские крыши или с небольшим уклоном в одну или в две стороны). Описать их устройство.

Количество скатов и форма крыши

Крыша может иметь 1, 2, 3, 4 ската.

Крыша с залобком. У четырехскатной крыши длинные боковые скаты — гладкие, а поперечные состоят из небольшого полуфронтонна наверху и большого ската (залобка) — внизу.

Крыша с козырьком. Боковые длинные скаты четырехскатной крыши — гладкие, а поперечные имеют небольшой скат (козырек) наверху и большой полуфронтон внизу.

Двойная крыша. Состоит как бы из двух частей: верхней и нижней. Возможны и другие формы, описать их.

Материал покрытия крыши

Подчеркнуть в бланке соответственный вариант. Не путать: *долгую дрань* — наколотые (надранные) дощечки 2-х и более метров длиной, 9—18 см шириной, и *дранку* (гонт) — щепя, лучинка.

Способы укладки соломы и камыша на крыше

1. *Внатруску* — толстый слой соломы прижимается жердями, скрепленными попарно верхними концами.

2. *На спишниках* или под жердь — солома кладется на жерди с торчащими вверх спицами (спишниками) и прижимается горизонтальными жердями, наложенными на спишники.

3. *Снопиками* (снопами) *комлем вверх* — солома связывается снопиками, которые укладываются комлем (корневой частью) вверх.

4. *Снопиками* (снопами) *комлем вниз* — солома связывается снопиками, которые укладываются комлем вниз.

Возможны и другие варианты. Указать их.

Указать, гладкая ли поверхность соломенной крыши или имеются гребень — выступ по верхнему ребру и острижки — ступенеобразные выступы по всей плоскости крыши или по ее углам.

Матица

Толстое бревно или отесанный с четырех сторон брус, служащий опорой для потолка. Отмечается положение по отношению ко входу в жилище (параллельно или перпендикулярно) и число матиц.

Потолочное перекрытие

Отметить материал перекрытия (бревна, полубревна, тес), способы его крепления на матице (сверху, врублены, подшиты снизу) и материал засыпки потолка (например, промазка глиной, земля на 30 см).

Пол

Указать материал и технику устройства.

Окна

1. *Волоковые* — небольшие окна без рамы, вырезанные в одном или двух смежных бревнах.

2. *Косицатые* — окна, имеющие косяки и раму.

3. *Сдвоенные* — окна, расположенные вплотную друг к другу. Ширина и высота окна измеряются без косяков.

Вход в дом

Положение входа в дом отмечается относительно улицы.

Крыльцо

1. *Открытая площадка*, обычно с 2—3 ступеньками. При открытом крыльце, с одной его стороны, может быть устроен щит, закрывающий вход от ветра. В таком случае нужно отметить его наличие.

2. *Крытое*: крыльцо — площадка под навесом.

3. *Глузое* — в виде тамбура, рубленое или с зашитыми тесом стенами.

4. *Веранда* — остекленное крыльцо.

Наружные украшения жилища

В таблице перечислены (по горизонтали) различные приемы отделки жилища.

Резьба *скульптурная* передает объемное изображение какого-либо предмета, *долбленая* — представляет собой чередование желобков и выступов, образующих рисунок на плоскости, *пропильная* — составляет кружевной рисунок на доске, в которой вырезаны сквозные отверстия, *накладная* — состоит из двух элементов: плоской основы и укрепленного на ней узора.

Архитектурные детали

1. *Конек* — верхнее ребро покрытия крыши. Передний конец его нередко имеет скульптурное украшение.

2. *Причелины* — доски, прикрывающие передний торцовый скат крыши.
3. *Пологеньца* — доски, прикрывающие стыки кровли у верхнего ребра и на концах скатов.

4. *Помочи* (повалы, выпуски) — выступающие концы продольных бревен, поддерживающих двускатную крышу.

5. *Курицы* — деревянные крюки, которые служат для поддержания водосточных желобов. Концы крюков могут иметь скульптурную обработку (обычно в виде головы птицы).

6. *Карниз* — тесовая обшивка верхней части стены и выступающих концов связей (переводин), на которых крепятся стропила крыши.

10. *Балкон* — выступающая на верхнем этаже или на фронтоне здания площадка с перилами.

11. *Галерея* — длинный балкон вдоль здания.

Украшения

Резьба

Скульптурная — обработка выступающих деталей (конька, куриц) в виде скульптурного изображения. *Долбленая* — выемочная, несквозная. *Профильная* — со сквозным узором, выполненным лобзиком, пилкою. *Накладная* — нашивка выпиленного узора. *Побелка*. Желательно указать материал. *Окраска стен масляной краской*. Однотонная или нескольких тонов (каких?).

Роспись. Указать характер орнамента: геометрический, растительный, с изображениями животных или людей.

Все украшения следует сфотографировать или зарисовать.

Желательно также указать исполнителя (хозяева, местные или приходящие мастера).

Отделка стен (наружная и внутренняя)

1. *Нет*.

2—3. *Обмазка глиной пазов и стен*. Указать состав обмазки, берется ли глина из особых месторождений.

4. *Побелка*. Указать состав.

5—6. *Окраска и роспись*. Указать характер орнамента, цвет.

7. *Штукатурка*. Указать, на какую она кладется основу.

8. *Обшивка тесом*. Может быть вертикальная, горизонтальная или фигурная. Отметить ее вид.

9. *Фигурная кладка*. Узоры и рельефы, выполненные при возведении кирпичных стен.

10. *Инкрустация*. Украшения из какого-либо материала (битое стекло, галечник), включенного в основной материал стен (обычно глину).

Роспись, фигурную кладку, обшивку и инкрустацию зарисовать или сфотографировать.

Печи

1—2. *Русская печь с дымоходом* (прямым или изогнутым коленом), выведенным через потолок избы.

3. *Русская печь курная* — без дымохода, топившаяся по-черному. Отметить в бланке, где находилось отверстие для выхода дыма (в потолке над печью или посередине, или в стене).

4. *Печь с дымарем* (переходный тип). Печь не имеет дымохода, выведенного через потолок избы. Дымарь (украинское название трубы) из ка-

кого-либо материала (дерева, плетня, камыша и пр.), обмазанного глиной, может находиться в доме над шестком (площадка перед устьем печи), подвешиваться в сенях или стоять в сенях на полу (в последнем случае в дымаре иногда устраивают кладовку или ставят маленькую печку). Указать материал и положение дымаря.

5. *Голландка* — служит только для обогрева помещения, имеет различные формы и названия (указать то и другое). Например, вертикальная четырехгранная — «голанка», круглая железная — «контрамарка» или «механка», в виде теремка — «теремок» и т. д.

6. *Летняя печь во дворе* (открытая). Очень разнообразны: от небольшой плиты до настоящей русской печи, иногда под навесом.

7. *Летняя кухня* — особое, отдельное помещение с русской печью для приготовления пищи.

Материал русской печи

В том случае, если отдельные части печи сложены из разных материалов, указать это на бланке.

Наличие у русской печи

1. *Плиты с конфорками*. Вписать в бланк, где расположена: перед устьем или у боковой стенки.

2. *Лежанки* — длинного выступа у печи для лежания.

3. *Вмазанного котла*

4. *Подвешенного котла* | перед устьем печи.

5. *Камелька* — очага с открытой топкой.

Внутренняя планировка жилища

определяется положением русской печи и направлением ее устья.

Если между стеной и печью имеется пространство, указать его название и расстояние от стены до печи.

Вход в нижнее помещение

Находится обычно возле русской печи.

1. *Ящик у печи* — невысокая деревянная пристройка у боковой стены печи в виде ящика с задвижной или подъемной крышкой (народные названия: рундук, голбец, нижний голбец).

2. *Шкаф у печи* — деревянная пристройка у боковой стены печи, высотой более метра, с дверцей на передней стене. Отметить, с какой стороны находится — за печью (между печью и стеной), сбоку (ко входу), а также народные названия (голбец и др.).

3. *Люк* — подъемная крышка в полу (народное название — «западня» или др.).

4. *Подъемная половица*.

Помимо входа в подполье, из дома может быть еще вход:

5. Из сеней,

6. С улицы,

7. Из крытого двора.

Отметить оба вида входа.

Название углов в помещении с русской печью

Подчеркнуть в бланке и обозначить на плане.

Мебель неподвижная (встроенная)

Обстановка дома, которая строилась вместе с ним:

1. *Полати* — помост для сна, который устраивался у входа, под потолком, между печью и противоположной стеной.

2. *Воронец* — широкий брус, тянущийся от печного столба к противоположной стене. (народные названия: воронец, брус, полка, грядка).

3. *Грядка* — перекладина у печи под потолком в виде жерди или тонкого бруса.

4. *Верхний голбец* — деревянная пристройка, увеличивающая площадь для сна, у русской печи.

5. *Нары* (или «пол», «пил») — невысокий помост для сна, который устраивался между печью и боковой стеной.

6, 7. Полки и лавки — врублены в стены, не передвигаются.

Мебель подвижная — переносная

плотницкой или кустарной работы, выполненная в народных традициях.

Положение дома относительно улицы

Указать, где и как стоит дом — по красной линии улицы, в глубине усадьбы, какой стороной повернут к улице (узкой, широкой, углом).

Выяснить у хозяина, как ориентировали дом при его постройке — по странам света, по ветру, окнами на улицу, на солнце, на воду.

Ограда усадьбы

Не следует путать — *изгородь из горизонтальных жердей* (укрепленных на опорных столбах) и *изгородь из косо поставленных жердей* (укрепленных на горизонтальных опорах), *частокол* (забор из вкопанных вплотную друг к другу кольев), а также плетень: вертикальный (высокая плотная изгородь из вертикально стоящих прутьев, переплетающих горизонтальные опорные жерди) и горизонтальный (невысокая ограда; опорные колья переплетены гибкими, горизонтально лежащими прутьями, которые могут быть сплетены в узоры).

Размер усадьбы

Измеряется длина и ширина усадебного места, занятого постройками.

Застройка усадьбы

Типов и вариантов застройки усадьбы очень много. В руководстве перечислены основные. В Сибири могут встретиться своеобразные формы, поэтому особое значение имеет составление подробного плана-схемы усадьбы в ее первоначальном виде (восстановить по расспросам). Записать в бланке, составить план по расспросам или по личным наблюдениям. На плане указать положение и местные названия каждой постройки.

1. Крытый двор, вплотную примыкающий к дому. Указать его положение относительно дома: сзади (под одной с домом или отдельной крышей); сбоку (под общей или отдельной крышей); сбоку и сзади («глаголем»), образует с домом Т-образную фигуру; тройные дома (три ряда срубных построек, поставленных вплотную друг к другу).

2. Постройки расположены по периметру усадьбы, при этом дом может стоять к улице длинной или короткой стороной.

3. Постройки свободно (несвязанно) расположены на усадьбе, огороженной или не имеющей ограды.

Указать названия отдельно, вне усадьбы стоящих построек.

План дома представляет собой горизонтальную проекцию на плоскость. На нем должны быть показаны комнаты, крыльцо, балкон, галерея

(назвать каждую из этих секций), положение окон, дверей, печи и направление ее устья. Нужно нарисовать по два плана для двухэтажных домов и домов с жильем в подклети.

Вертикальный разрез дома отображает развитие жилища в высоту — соотношение вертикальных секций: подполья, жилой части, чердака. Разрез проводится через печь так, чтобы показать дымоход (прямой или с изгибом).

Условные обозначения при выполнении плана:

Капитальная стена: —

Внутренняя перегородка: ---

Обозначить окна и двери штрихами;

печь в виде четырехугольника; устье — полукругом; передний угол перечеркивается кривой линией; полаты, нары — обозначены точкой с тире; голбец — в виде прямоугольника; люк в полу — квадрат.

Размеры дома:

длина, ширина измеряется в метрах, толщина стен — в сантиметрах, высота — в метрах или венцах (рядах) бревен, высота крыши (если возможно, привести линейные размеры) в метрах.

Каждую постройку нужно сфотографировать, указать номер пленки и кадра.

В конце бланка поставить дату его заполнения и подпись собирателя.

* * *

Бланки дают возможность собрать массовый статистический материал, который отразит существовавшие в прошлом типы жилища.

По некоторым вопросам, путем беседы с населением, должны быть получены более детальные сведения, которые нужно записать в полевую тетрадь. В полевой тетради перед началом беседы с информатором нужно отметить дату, название области, района, населенного пункта, фамилию, имя, отчество информатора, его возраст и занятие.

Подробно и последовательно записать все технические приемы строительства, начиная от расчистки места и закладки фундамента и кончая возведением кровли, устройством ограды и художественным оформлением построек.

Нужно описывать каждый из вариантов строительных приемов, указывая наряду с широко распространенными явлениями в данной местности, редко и даже единично встречающиеся.

При описании той или иной конструкции или способа устройства не забывать показывать времени: когда употреблялся тот или иной способ крепления, когда он был сменил, какой способ является более старым.

Важно указывать причину смены одного строительного приема другим, отчего это происходило, по мнению информатора.

Опрос ведется по следующей программе

Где, когда и кем заготавливался строительный материал? Описать способы его заготовки и инструменты.

Как выбирали место для усадьбы и дома, какие существовали на этот счет поверья? (Например, нельзя было ставить дом на месте, где раньше пролегал дорога, это, по поверью, приводило к несчастью.) Какие бы-

вали обряды, связанные с постройкой дома: с его закладкой, отдельными моментами строительства (поднятие матицы, устройство кровли и пр.), с переходом в новый дом? Обычай класть при закладке дома в углы окладного венца деньги, устраивать угощение плотникам («окладное», «матожное» и т. д.); не полагалось начинать постройку в «тяжелые дни» — понедельник, среду, пятницу и в эти же дни переходить в новый дом, при переселении из старой избы; чтобы было теплее, захватывали с собой горшок с углями, звали с собой домового и пр.).

Указывать, в каких случаях хозяева обращались к помощи («помочи») родственников и соседей (при заготовке строительного материала, при сборке сруба, при сбивании печи и др.). Указать местное название такой помощи и подробно записать, как она проходила (от приглашения участников до ее окончания).

Описать устройство фундамента.

Как сращивали бревна? Если дом не бревенчатый, то как возводили стены из другого материала?

Как крепили половицы и потолочины? Желательно привести схемы всех употреблявшихся в данной местности способов крепления.

Как устраивали крышу? Описать приемы крепления и технику работы при покрытиях.

Выяснить устройство окон, дверей, крылец, балконов и галерей.

Какие употреблялись приемы, инструменты, шаблоны при художественном оформлении постройки, с наружной и внутренней ее стороны?

Зафиксировать обычную обстановку каждой комнаты крестьянского дома: традиционную расстановку неподвижной и подвижной мебели в каждой комнате (желательно привести план), настенные украшения (ковры, полотенца), занавески, половики, столешницы, насундучницы и пр. Образцы тканья и вышивок зарисовать или сфотографировать с описанием приемов выполнения, швов и названия узоров. Выяснить, чем праздничное убранство дома отличается от повседневного. Как убрали помещения (белили стены, мыли полы и пр.)?

Записать приемы и последовательность возведения печи от фундамента до трубы, указать народные названия ее отдельных частей.

Местную терминологию необходимо давать по всем отдельным моментам строительных работ; фиксировать, кто делал, из каких материалов и с помощью каких инструментов.

Основные приемы народной строительной техники желательно выяснить у мастеров, работавших в дореволюционное время, или у тех жителей, которые помнят способы возведения народных построек.

Список сокращений

ААН	— Архив Академии наук СССР
АГО	— Архив Географического общества
АИЭ	— Архив Института этнографии
АРГО	— Архив Русского географического общества
ВМУ	— Вестник Московского университета
ВОРГО	— Восточносибирский отдел Русского географического общества
ГААК	— Государственный архив Алтайского края
ГАИМК	— Государственная академия истории материальной культуры
ГАОО	— Государственный архив Омской области
ГАПО	— Государственный архив Пермской области
ГАТО	— Государственный архив Тюменской области
ГИМ	— Государственный Исторический музей
ГМЭ	— Государственный музей этнографии народов СССР
ГО	— Географическое общество
ЖМВД	— Журнал Министерства внутренних дел
ЗОРГО	— Западносибирский отдел Русского географического общества
ЗСОРГО	— Записки Сибирского отдела Русского географического общества
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии. М.
ЛЮИА	— Ленинградское отделение Института археологии
МГУ	— Московский государственный университет
ООА	— Омский областной архив
ООГО	— Омский отдел Географического общества
ОП	— Оружейная палата
ОРЯС	— Отделение русского языка и словесности Академии наук
СА	— Советская археология
САИ	— Свод археологических источников
СЭ	— Советская этнография
ТГУ	— Томский государственный университет
ТФ ГАТО	— Тобольский филиал Государственного архива Тюменской области
ФКЭ	— Фонд комплексной экспедиции
ЦГАДА	— Центральный государственный архив древних актов
ЦГИАЛ	— Центральный государственный исторический архив Ленинграда
ЦГИМ	— Центральный государственный исторический архив г. Москвы
ЧОИДР	— Чтения Общества истории и древностей российских при Московском университете. М.

Оглавление

Введение

3

Глава первая

Семья и семейный быт
сибирского крестьянства

9

Глава вторая

Русские сельские поселения Сибири

57

Глава третья

Жилище и хозяйственные постройки
русского крестьянства Сибири

102

Глава четвертая

Крестьянская одежда
русского населения Сибири

142

Глава пятая

Пища русских сибиряков

183

Глава шестая

Особенности формирования
и функционирования систем земледелия
в условиях Зауралья

202

Приложения

223

Список сокращений

269

**Этнография
русского
крестьянства
Сибири**

XVII — середина XIX в.

*Утверждено к печати
Институтом этнографии
им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР*

**Редактор издательства С. Н. Романова
Художник Э. А. Дорохова
Художественный редактор Н. А. Фильчагина
Технические редакторы Э. Б. Павлюк, М. Н. Фролова
Корректоры Л. Р. Мануильская, Г. Г. Петропавловская**

ИБ № 22189

**Сдано в набор 07.08.81.
Подписано к печати 13.11.81.
Т-27546. Формат 60×90^{1/4}.
Бумага книжно-журнальная
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 17,125. Усл. кр. отт. 17,1
Уч.-изд. л. 21,2. Тираж 2200 экз. Тип. вак. 654
Цена 2 р. 30 к.**

**Издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12**

В издательстве «Наука»

в 1982 г.

выйдут в свет:

*Жилище народов Средней Азии
и Казахстана*

20 л., 2 р. 30 к.

В книге освещается история городов и сельских поселений в XVIII—XIX вв., рассматриваются типы и планировка сельских и городских поселений, архитектура жилищ, традиционные способы отопления, хозяйственные постройки. Работа богато иллюстрирована.

Кобычев В. П.

*Поселения и жилище
народов Северного Кавказа*

25 л., 2 р. 90 к.

В книге освещаются традиционные типы и формы поселений черкесов, адыгейцев, кабардинцев, карачаевцев, осетин, чеченцев, ингушей (планировка, усадьба и двор, ограда, ворота), а также типы и планировка жилищ, их фундамент, стеновой материал и строительная техника, форма крыши, материал покрытия, пол, потолок, пристройки — терраса, галерея, веранда, крыльцо, архитектурные украшения. Разбираются типы и формы хозяйственных построек, башен, склепов, святилищ. Книга богато иллюстрирована.